КАЗАЧЕСТВО

Мысли современниковъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ казачества

ИЗДАНІЕ „КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА“
VILLA CHAUVELOT, PARIS (XVe)
1928

КАЗАЧЕСТВО

Мысли современниковъ
о прошломъ, настоящемъ и будущемъ
казачества

ИЗДАНІЕ „КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА“
VILLA CHAUVELOT, PARIS (XV°), FRANCE
1928

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Бурное, необычное время. Великая война, въ которой активное участіе приняли около 300.000 казаковъ, война гражданская, захлестнувшая всѣ Казачьи Войска и втянувшая нѣсколько милліоновъ казачьяго населенія, включая стариковъ, дѣтей и женщинъ; многолѣтнія скитанія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ казаковъ на чужбинѣ. Позади — море крови, несчастья, страданія, разореніе. Много яркихъ подвиговъ, военной доблести и гражданскаго мужества, высокихъ взлетовъ и низкихъ паденій; упоеніе побѣдами и горечь пораженій; глубокая вѣра у однихъ и переоцѣнка всѣхъ цѣнностей у другихъ.

Казачество обезкровлено, разорено. Многія Казачьи Войска потеряли свыше 50 процентовъ своего мужского населенія (Донъ, Уралъ и др.) — и эта убыль «восполнена» переселеніемъ въ казачьи края неказачьяго населенія. Уже имѣвшій мѣсто до войны въ нѣкоторыхъ Войскахъ перевѣсъ «иногородняго» населенія надъ казачьимъ, теперь, благодаря «наплыву», принялъ совсѣмъ тревожный характеръ.

Погибли лучшіе излюбленные люди. Нѣтъ А. М. Каледина, А. М. Назарова, М. П. Богаевскаго, М. А. Караулова, А. И. Дутова, М. Ф. Мартынова, Н. М. Успенскаго и многихъ-многихъ другихъ.

Въ то же время тамъ, на родинѣ, отпразднованъ уже десятилѣтній юбилей совѣтской власти, принципіально отрицающей казачество и весь его многовѣковой укладъ и стремящейся къ полному его упраздненію.

Что же впереди? Что дальше?..

Крѣпкую и тяжелую думу думаетъ казакъ — и на чужбинѣ, и на родинѣ. И для того, чтобы помочь ему самостоятельно разобратъся въ сложной обстановкѣ, чтобы освѣтить положеніе, чтобы — хотя слегка — посильно приподнять завѣсу, скрывающую будущее, чтобы теперь же намѣтить вопросы, которые не-

избѣжно встанутъ во весь ростъ въ дальнѣйшемъ передъ казачествомъ, выборные Войсковые Атаманы и Правленіе Казачьяго Союза задумали произвести анкету о казачествѣ, и Донской Атаманъ разослалъ около 200 приглашеній. Приглашенія высказаться были посланы казакамъ и неказакамъ; въ составленный для этой цѣли списокъ вошли военачальники и духовныя лица, ученые и писатели, общественные и политическіе дѣятели — съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было получить отзывы — въ интересахъ безпристрастія — отъ крайне-праваго Маркова II до В. Чернова. Откликнулось около половины. Отозвалось нѣсколько лицъ и по ихъ собственной иниціативѣ, безъ предварительнаго ихъ запроса. Такимъ же путемъ прислала свое мнѣніе и одна изъ многочисленныхъ зарубежныхъ станицъ. Организаціи вообще запрошены не были, такъ какъ это не входило въ поставленную задачу, печатается же нами все, что прислано.

Не наша вина, если печатаемый матеріалъ окажется не вполнѣ исчерпывающимъ тему.

Мы надѣемся, что предлагаемый читателю коллективный трудъ поможетъ неказаку ближе познакомиться съ казачествомъ и, быть можетъ, побудитъ читателя углубиться — по другимъ источникамъ — въ изученіе этого большого явленія, казаку же дастъ возможность еще разъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія подойти къ обсужденію вопросовъ, всегда его интересовавшихъ.

Мы хотѣли бы также, чтобы казачья учащаяся молодежь, идущая намъ на смѣну, нашла въ этой книгѣ новый толчекъ къ тому, чтобы еще серьезнѣе заняться изученіемъ казачьяго вопроса во всей его широтѣ, ибо многіе изъ тѣхъ, кто откликнулся на анкету, ставятъ на очередь жизненные вопросы, властно требующіе своего разрѣшенія.

Хотѣлось бы думать, что и будущій историкъ найдетъ много интереснаго и цѣннаго въ отзывахъ современниковъ.

***

Въ распредѣленіи матеріала нами принята такая система: въ первую очередь выдѣлены отзывы Войсковыхъ Атамановъ, зарубежныхъ Митрополитовъ и бывшихъ Главнокомандующихъ, подъ главнымъ командованіемъ которыхъ казаки на Югѣ Россіи вели борьбу съ большевиками; затѣмъ идутъ отзывы неказаковъ и иностранцевъ и, наконецъ, отвѣты казаковъ, причемъ и тѣ и другіе размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы сами не указываютъ своего прежняго или нынѣшняго положенія, мы, имѣя въ виду рядового читателя, особенно простого казака, иногда не знающаго, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, помѣщаемъ объ авторѣ краткія свѣдѣнія.

АНКЕТА О КАЗАКАХЪ

Прошло десять лѣтъ, какъ существуетъ сов. власть, а въ февралѣ 1928 года Зарубежное Казачество будетъ въ десятый разъ служить панихиду по выборнымъ Атаманамъ Калединѣ, Назаровѣ, Карауловѣ, Дутовѣ, Успенскомъ, Бирюковѣ, Помощникѣ Атамана Богаевскомъ, Предсѣдателяхъ Войскового Круга Волошиновѣ и Губаревѣ, полк. Мартыновѣ и многимъ-многимъ другимъ казакамъ, погибшимъ за честь и свободу Россіи и родныхъ своихъ краевъ.

Въ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь на родинѣ и на чужбинѣ, десять лѣтъ — срокъ большой, и на рубежѣ его мысль казаковъ углубляется въ прошлое, — отдаваясь не только воспоминаніямъ, но и продумывая все до конца, пытаясь осмыслить минувшее и сдѣлать изъ него правильные выводы, — старается пытливо заглянуть въ будущее, угадать, сохранится ли въ будущей Новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь, въ какихъ формахъ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ.

Какъ расцѣнивается казаками и ихъ соотечественниками не-казаками прошлое казачества — и старѣйшаго Юго-Восточнаго — «вольнаго», три вѣка назадъ осуществлявшаго въ своей казачьей жизни широкія начала народоправства, братства и равенства и вернувшагося къ этимъ порядкамъ послѣ февральской революціи — и тѣхъ казачьихъ Войскъ, служилыхъ, которыя были образованы въ XIX столѣтіи?

Въ чемъ были сильныя и въ чемъ слабыя стороны казачества? Какова его будущность?

Всѣ эти и многіе другіе вопросы заставили задуматься казаковъ.

Зная это, Войсковые Атаманы Дона, Кубани и Терека и Правленіе Казачьяго Союза рѣшили обратиться къ виднѣйшимъ представителямъ эмиграціи — военачальникамъ, историкамъ, писателямъ и политическимъ дѣятелямъ всѣхъ существующихъ въ эми-

граціи теченій — съ покорной просьбой не отказать подѣлиться своими мыслями — съ полной искренностью, какъ бы, можетъ быть, ни было горько то или иное сужденіе — по указанному выше вопросу во всей его широтѣ или въ какой-либо отдѣльной его части, по вашему выбору. При затруднительности этого — сказать хотя бы нѣсколько словъ о вашемъ отношеніи къ казачеству, къ его быту и т. д.

Отвѣты просимъ вложить въ прилагаемый конвертъ съ надписаннымъ адресомъ и отправить **не позже 15 января**

(Union des Cosaques 1, villa Chauvelot, Paris (XVe). France).

А. П. БОГАЕВСКІЙ,
Донской Атаманъ, ген. шт. генералъ-лейтенантъ.

Приношу глубокую благодарность всѣмъ, кто нашелъ въ себѣ желаніе такъ или иначе отвѣтить на предложенные въ моемъ письмѣ вопросы о казачествѣ.

Почти половина тѣхъ, къ кому была обращена просьба, прислали свои отвѣты, — кто краткіе, кто подробные, но всѣ высказали свое доброжелательноо отношеніе къ казачеству.

Другая половина — отвѣта не дала: часть — по причинамъ личнаго характера, частью, вѣроятно, просто не собралась...

Мы, казаки, можемъ только отъ души пожалѣть, что ихъ не заинтересовала наша мысль...

Участники настоящаго сборника — люди болѣе замѣтные въ эмиграціи, — самыхъ разнообразныхъ положеній, разной степени близости къ казачеству. Среди нихъ не мало казаковъ различныхъ Войскъ. Ихъ нерѣдко восторженные отзывы о казачествѣ — естественны и понятны: каждый казакъ горячо любитъ свой родной край и все, что связано съ нимъ, и мы смѣемъ думать, что, дѣйствительно, если бы всѣ русскіе люди такъ же искренно любили Родину, какъ казаки, и готовы были бы всѣмъ жертвовать ради нея, — то не пришлось бы намъ странствовать десятый годъ по бѣлу свѣту, и красный хамъ не царствовалъ бы теперь на Руси! А одно казачество, съ горстью доблестныхъ добровольцевъ, — не въ силахъ было побѣдить въ страшной борьбѣ неизмѣримо болѣе сильнаго числомъ врага.

***

Приношу искреннюю признательность за ихъ отвѣты и двумъ иностранцамъ, друзьямъ казачества, — аббату Кенэ и писателю Грондису. Оба знаютъ Россію и казаковъ, что такъ рѣдко встрѣчается среди иностранцевъ.

***

Здѣсь я не буду разбирать мнѣній о казачествѣ, выраженныхъ въ отвѣтахъ на мое письмо. Настоящій сборникъ въ этомъ отношеніи дастъ богатый матеріалъ и для историка и просто для человѣка, интересующагося жизнью значительной бытовой группы обширной Россіи, игравшей такую крупную историческую роль въ ея судьбахъ.

Лично я, природный донской казакъ, съ гордостью вспоминаю о славномъ историческомъ прошломъ родного мнѣ казачества и бодро, со свѣтлой надеждой, думаю о его будущемъ.

Явленіе исключительно русской исторической жизни, какого не было ни въ одномъ государствѣ міра, — казачество изъ буйной вольницы, смѣло боровшейся съ воинственными сосѣдями, постепенно превращается въ неотдѣлимую часть государства Россійскаго, но съ особымъ укладомъ своей жизни и своими обычаями, и становится вѣрнымъ рыцаремъ Россіи.

Конечно, не все въ его прошломъ было хорошо. Были времена, когда Донцы, Уральцы и др. казаки не мало хлопотъ и непріятностей доставляли русскому правительству.

Стенька Разинъ, Булавинъ, Пугачевъ — вошли въ исторію, какъ исключительное явленіе борьбы уже прочно осѣвшаго въ своемъ краю донского казачества съ русской властью, которая своими мѣропріятіями возмущала казаковъ.

Все это давно уже отошло въ вѣчность, и свыше 150-ти лѣтъ казачество вѣрой и правдой служитъ Россіи. Эта поголовная служба — на свой счетъ — тяжкимъ бременемъ ложилась на казака. Его тяжесть не окупалась нѣкоторыми преимуществами, въ видѣ большаго, чѣмъ у крестьянина, количества земли во владѣніи казака. Но и оно съ увеличеніемъ населенія постепенно уменьшалось. И не даромъ казачьи депутаты въ 1-ой Государственной Думѣ подни-

мали вопросъ о сравненіи казака по службѣ со всѣмъ населеніемъ Россіи.

Однако, все это не мѣшало казакамъ въ тяжкіе дни жизни Россіи отдавать на ея защиту всѣ свои силы.

Яркіе примѣры этого — поголовное (съ 17-ти лѣтъ) участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года Донского Войска, выставившаго свыше 50.000 бойцовъ, изъ которыхъ погибло до 20-ти тысячъ; въ Крымскую войну — 82.000; въ Великую войну — до 300.000 чел., причемъ напряженіе казачьихъ Войскъ въ эту войну было такъ велико, что, напр., Кубань уже въ 1916 году была болѣе не въ силахъ выставить еще казаковъ въ строй.

Участіе казачества въ гражданской войнѣ достаточно всѣмъ извѣстно. Сбитые вначалѣ съ толку новыми революціонными вѣяніями, казаки скоро опомнились и повели упорную борьбу съ большевиками. Тысячи казачьихъ могилъ усѣиваютъ наши родныя степи. Значительная часть боровшихся ушла заграницу. Оставшіеся вынуждены подчиниться коммунистической власти. Тяжело живется и тѣмъ и другимъ, но они глубоко вѣрятъ, что большевики не вѣчны, возродится Россія, а съ ней и казачество!

**
*

Какова бы ни была будущая власть на Руси — казачьи Войска будутъ существовать. Здравый смыслъ подсказываетъ, что государству нужно такое здоровое, бодрое, привыкшее къ порядку населеніе. Казачество подчинится всякой новой власти, которая дастъ порядокъ и возможность спокойно трудиться. Оно вовсе не собирается отдѣляться отъ Россіи и образовывать свои фантастическія казачьи республики, какъ объ этомъ мечтаютъ нѣкоторые наши «самостійники». Казаки хорошо понимаютъ, что, помимо нравственныхъ основаній, — такое отдѣленіе вызоветъ безконечное количество всякихъ осложненій не только въ сношеніяхъ съ Россіей, которую казаки не могутъ считать какой-то чужой державой, но и внутри Войска, когда придется расчитывать только на свои силы.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовое служить Россіи, какъ неотдѣлимая часть ея, казачество имѣетъ право на внутреннее самоуправленіе и на освобожденіе его отъ той исключительной опеки, какая проявлялась до революціи въ та-

кихъ, иногда, странныхъ формахъ, какъ напр., закрытіе казачьихъ учебныхъ заведеній въ 80-хъ годахъ.

Со своимъ выборнымъ Кругомъ и выборнымъ изъ своихъ казаковъ Атамановъ, каждое Войско быстро достигнетъ полнаго порядка и благосостоянія и залѣчитъ раны, нанесенныя большевизмомъ.

**
*

Пусть же настоящая книга, сборникъ мыслей о казачествѣ, въ которомъ приняли участіе до 90 авторовъ, — заинтересуетъ русское общество, а, можетъ быть, и иностранцевъ.

Насъ, казаковъ, вообще мало знаютъ, и чаще думаютъ о насъ хуже, чѣмъ мы этого достойны.

Мнѣнія о казакѣ, какъ о ловкомъ вѣстовомъ, хорошемъ наѣздникѣ, смышленомъ маломъ, умѣющемъ гдѣ нужно «потрафлять», а подчасъ и стянуть что плохо лежитъ, жестокомъ «нагаечникѣ» при разныхъ «усмиреніяхъ», — это мнѣніе почти не измѣнилось. Немногимъ лучше въ русскомъ обществѣ было отношеніе къ казачьему офицеру, вообще къ интеллигентному казаку. «Плохо воспитанный, грубоватый, мало интересный человѣкъ». Отношеніе къ Войску въ цѣломъ — недовѣрчивое: съ одной стороны царскія грамоты съ добрымъ словомъ о службѣ казачьей, а съ другой — много десятковъ лѣтъ Войсковые Атаманы — не казаки (какъ будто среди казачества не было достойныхъ для этого поста людей), недовѣріе къ мѣстнымъ силамъ, централизація, — управленіе Войсками изъ Петербурга.

А многіе ли русскіе люди интересовались и знали укладъ казачьей жизни, горячую любовь казака къ родному краю, его радушіе и гостепріимство, добрую, жизнерадостную казачку, — прекрасную жену и мать, — уваженіе казака къ старшимъ, его привычку къ порядку, давшую возможность Войсковымъ Атаманамъ такъ быстро наладить жизнь въ своихъ краяхъ, какъ только удалось вооруженною рукою выгнать хоть на время большевиковъ изъ области. . .

Что грѣха таить! Отношеніе къ казаку со стороны многихъ русскихъ людей было снисходительно-покровительственное, какъ къ низшему, во всякомъ случаѣ — не-

равному, а со стороны простого люда, когда-либо отвѣдавшаго нагайки казачьей — и опредѣленно враждебное.

А стряслась бѣда — пришла революція и развалъ всего многовѣковаго уклада жизни Россіи — вѣдь, только у казаковъ сохранился государственный порядокъ, и не даромъ казакъ Корниловъ вмѣстѣ съ ген. Алексѣевымъ пришли на Донъ и положили здѣсь начало Добровольческой Арміи, въ которую вошло немало и казаковъ.

Многіе русскіе люди, спасаясь отъ гибели, пришли къ казакамъ и нашли здѣсь пріютъ.

Безслѣдно изчезло Временное Правительство, устами г. Керенскаго объявившее Корнилова и Атамана Каледина измѣнниками, оставивъ печальную по себѣ память своей бездарностью и слабостью. Волей судьбы казачьимъ областямъ пришлось на время стать независимыми государственными образованіями типа республики со своимъ парламентомъ (Кругомъ, Радою) и президентомъ (Войсковымъ Атаманомъ).

Два года существовали эти маленькія государства, борясь вмѣстѣ съ добровольцами съ общимъ врагомъ.

Господь не судилъ намъ побѣды...

Но мы, казаки, глубоко вѣримъ, что недалекъ уже конецъ ужасному царству коммунистовъ-большевиковъ. И, можетъ быть, правъ былъ А. М. Калединъ, говоря, что Россія возстановится по частямъ. Если это сбудется — казаки первыми возстановятъ государственный порядокъ въ своихъ краяхъ и помогутъ сдѣлать тоже во всей Россіи.

Дай Богъ скорѣе дождаться этихъ свѣтлыхъ дней!

В. Г. НАУМЕНКО,
Кубанскій Войсковой Атаманъ,
генер. штаба ген.-маіоръ.

Прошлое казачества и его заслуги передъ Родиной всѣмъ извѣстны и оцѣнены. Естественнымъ путемъ зародилось оно и искусственно его не уничтожить. Вся исторія казачества доказываетъ, что не было у Россіи болѣе вѣрныхъ сыновъ, чѣмъ казаки.

Естественный отборъ сдѣлалъ то, что казачество за-

няло особое положеніе въ средѣ русскаго народа и сохранило свой бытъ и особенности до настоящаго времени.

Настоящее казачества расцѣнивается различно, а о будущемъ можно говорить лишь предположительно, учитывая обстановку какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея. На Родинѣ большевики всѣми мѣрами стремятся уничтожить казачество. Раздробили они земли казачьи на мелкія административныя единицы, несвязанныя другъ съ другомъ; часть земель казачьихъ отдали инородцамъ, поставили ихъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ казаками. Въ казачьи края переселили милліоны населенія не-казачьяго и, наоборотъ, наиболѣе активный элементъ изъ казаковъ разселили въ отдаленныя части государства. Сотни тысячъ казаковъ уничтожили.

Обездолили казака въ земельномъ отношеніи, отобравъ отъ него и отдавъ всѣмъ желающимъ землю, кровью казаковъ пріобрѣтенную; разорили казачьи хозяйства, разрушили школу. Распылили молодыхъ казаковъ, уничтоживъ казачьи части и пославъ ихъ служить въ разныя части своей арміи. Но казачество въ Россіи живетъ. Во многихъ станицахъ, гдѣ казаки составляютъ меньшинство, въ станичные совѣты проходятъ, главнымъ образомъ, казаки, а въ предсѣдатели ихъ — бывшіе станичные атаманы.

Во многихъ станицахъ, несмотря на давленіе власти, до сего времени нарѣзывается земля для казаковъ, ушедшихъ за границу. Большинство, изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ, стариковъ пользуется авторитетомъ и уваженіемъ среди коренного населенія, и къ нимъ идетъ оно за совѣтомъ, въ нихъ ищетъ моральную поддержку. Это обстоятельство безпокоитъ большевиковъ, — они стремятся уничтожить руководителей казачества.

Такъ, напр., на 7-мъ году своего пребыванія въ одной изъ кубанскихъ станицъ былъ убитъ ими генералъ Г. Я. Костиновъ и съ нимъ группа казаковъ, опасныхъ для большевиковъ. Но на смѣну убитымъ появляются новые и новые руководители.

Дома, въ родныхъ нашихъ краяхъ, казачество переноситъ большія страданія, но оно живетъ и воспитываетъ дѣтей своихъ въ любви къ Родинѣ и казачеству. Живо казачество и за границею, несмотря на тяжелыя условія, какъ моральныя, такъ и матеріальныя; казакъ живетъ вѣрой въ конечную побѣду, и оно едино. Еще въ 1921-мъ году Донъ,

Кубань и Терекъ, въ лицѣ своихъ Атамановъ и Правительствъ, объединились, и союзъ ихъ нынѣ такъ же проченъ, какъ и въ первый годъ своего бытія.

Съ теченіемъ времени среди казаковъ появились политическія теченія: есть среди насъ лица, желающія видѣть Новую Россію монархіей, другія мечтаютъ о республикѣ, третьи стремятся организовать казачье государство и т. д., но большинство не задается вопросами будущаго политическаго устройства, а живетъ надеждой на возрожденіе Родины и стремится ей въ этомъ помочь.

Въ подавляющемъ большинствѣ, казаки считаютъ себя неотдѣлимыми отъ русскаго народа, а казачьи земли — отъ Россіи.

Будущее казачества неизвѣстно, но надо полагать, что оно, доказавшее всей своей исторіей и доказывающее теперь вѣрность и любовь къ своей Родинѣ, займетъ въ Новой Россіи надлежащее мѣсто. Освободившись отъ элемента, нанесеннаго революціей и большевизмомъ, оно вольетъ въ свою среду коренное населеніе и, выполняя обязанности передъ Родиной, получитъ возможность самимъ разрѣшить свои внутренніе вопросы.

Г. А. ВДОВЕНКО,
Терскій Войсковой Атаманъ,
ген.-лейтенантъ.

Ни одинъ народъ не выдѣлилъ изъ себя общинъ, подобныхъ казачеству, ни въ эпоху сложенія своей государственности, ни въ эпоху послѣдующей своей жизни. Казачество — явленіе русской жизни, и развитіе казачьихъ Войскъ находилось въ тѣсной связи съ жизнью русскаго государства. Многовѣковое существованіе казачества можно раздѣлить на два періода. Въ первомъ періодѣ казачьи Войска возникаютъ изъ выходцевъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ, и развиваются самостоятельно, — во второмъ — образованіе казачьихъ Войскъ происходитъ исключительно по усмотрѣнію правительства, которое, убѣдившись въ пользѣ казачьихъ общинъ въ борьбѣ съ азіатскими народами, впослѣдствіи, во вновь занятыхъ земляхъ,

стало водворять поселенцевъ, образуя новыя казачьи Войска. Когда появились казаки на Руси — точно неизвѣстно, но уже во второй половинѣ 14-го вѣка казаки упоминаются въ составѣ вооруженныхъ силъ русскихъ князей, Литвы и Польши. Въ 16-мъ вѣкѣ уже упоминаются на югѣ: Малороссійское и Запорожское Войска; на юго-востокѣ: Донское, Гребенское, Терское, Волжское и Яицкое (Уральское) Войска, земли которыхъ, соприкасаясь другъ съ другомъ, охватываютъ кольцомъ границу Московскаго государства. Я говорю «упоминаются», но, несомнѣнно, что казачество въ этихъ мѣстахъ появилось гораздо раньше: уже одно присутствіе въ Терскомъ Войскѣ знаменъ съ эмблемой Вольнаго Новгорода — «медвѣдь съ кресломъ», — и Рязанскаго княжества — указываетъ, въ какую эпоху они осѣли на Терекѣ. Также и въ отношеніи появленія казаковъ на Дону, ибо при образѣ Гребневской Божіей Матери на Лубянкѣ, въ Москвѣ, на камнѣ высѣчено, что князь Дмитрій Донской, послѣ Куликовской битвы, принялъ этотъ образъ въ даръ отъ казаковъ, поселенныхъ въ верховьяхъ Дона, и что казаковъ этихъ великій князь всегда жаловалъ за ихъ великую храбрость. Надпись эта заимствована изъ древней лѣтописи. Оффиціальное же старшинство Терское Войско ведетъ съ 1577 года, когда на Терекѣ появился воевода Новосильцевъ, посланный царемъ Иваномъ Грознымъ по просьбѣ Кабардинскихъ князей. Тогда же на Терекѣ, при впаденіи въ него р. Сунжи, этотъ воевода и заложилъ городокъ, который назвался «Усть-Сунжей». Всѣ эти казачьи общины устраивались на началахъ полнаго равенства. Не было никакихъ сословныхъ перегородокъ. Древнее русское «вѣче» вылилось въ Войсковой Кругъ или Раду (въ Малороссійскомъ казачествѣ), членами которыхъ состояли всѣ взрослые казаки, которые и выбирали себѣ главу, — Войскового Атамана въ Юго-Восточномъ казачествѣ, Кошевого Атамана въ Запорожскомъ и Гетмана въ Малороссійскомъ казачествѣ. Войсковой Кругъ или Рада являлись высшимъ государственнымъ органомъ управленія и постановленія ихъ являлись для всѣхъ закономъ.

Такъ какъ эти общины селились въ мѣстностяхъ, занятыхъ азіатскими народами, въ борьбѣ съ которыми приходилось постоянно отстаивать свое бытіе, то каждый казакъ долженъ быть умѣть владѣть оружіемъ, быть хорошимъ воиномъ, чтобы постоять и за себя, и за свою общину. Ло-

зунгъ: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного — спаялъ казачество въ особое братство, подобно прежнимъ рыцарскимъ орденамъ. Поэтому-то слово «казакъ» и слѣдуетъ разцѣнивать, прежде всего, какъ синонимъ свободы, равенства и братства, и потомъ уже, какъ синонимъ удальства и молодечества.

Московскіе князья и Московскіе цари, сплачивая вокругъ Москвы остальныя княжества, смотрѣли на казачество любовно: они ясно видѣли пользу казачьихъ общинъ, стоящихъ на стражѣ Московскаго Государства, способствующихъ собиранію Руси и расширяющихъ ея предѣлы. Да и сами казачьи общины, хотя и были совершенно самостоятельны и никому не подчинены, тяготѣли къ Москвѣ и посылали къ Московскимъ князьямъ и царямъ свои посольства. Посольства эти назывались: зимовой и легкой станицей. Зимовая станица — это посольство, въ которомъ участвовалъ и самъ Войсковой Атаманъ; легкой — одни выборные. Московскіе князья и цари принимали эти посольства торжественно, отдавая имъ соотвѣтствующія почести, и охотно шли навстрѣчу их нуждамъ. Эти казачьи общины не жили замкнуто; связь между ними была полная и, несмотря на большія разстоянія, отдѣлявшія одно Войско отъ другого, часто одно Войско шло на пмощь другому. До насъ дошли грамоты, указывающія на это. Соловьевъ приводитъ одну изъ такихъ грамотъ, посылаемую Донскимъ Войскомъ. Грамота начинается такими словами: «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ, господамъ Атаманамъ и казакамъ и всему великому войску»... Чѣмъ тяжелѣе была жизнь въ государствѣ, тѣмъ большій былъ притокъ въ казачьи общины. Въ началѣ 17-го вѣка казачество достигаетъ полнаго своего развитія; но со вступленіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича московское правительство, чувствуя себя достаточно сильнымъ, начинаетъ мѣнять свое отношеніе къ казачеству, подготовляя мѣры къ подчиненію его центральной власти, а съ Императора Петра I-го начинается полное подчиненіе казачества. Попытки этого подчиненія вызвали недовольство, которое на Дону вылилось въ возстаніе Булавина. Возстаніе было жестоко подавлено. Много казачьихъ городковъ было разорено до основанія. Часть донскихъ казачьихъ земель на западѣ, сѣверѣ и сѣверо-востокѣ была присоединена къ сосѣднимъ губерніямъ.

Некрасовъ съ частью казаковъ ушелъ на Кубань, а затѣмъ въ Турцію. Если до Петра I-го казачество жило своею жизнью, выбирая атамановъ, устраивая свои общественныя дѣла независимо, то съ Петра это стало невозможнымъ. Правительство, назначая и утверждая Атамановъ, стало ограничивать ихъ власть и вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла, взявъ въ свои руки устройство управленій, расширеніе и уменьшеніе казачьихъ Войскъ и организацію казачьихъ частей. Выборныя учрежденія утрачиваются. Здѣсь я долженъ оговорить, что Гребенское Войско утратило свое право выбора Атамана только съ прибытіемъ ген. Ермолова на Кавказъ, и въ 1832 году въ первый разъ былъ назначенъ Наказной Атаманъ. Атаманы стали независимы отъ народной воли; около нихъ начала группироваться партія изъ старшинъ и болѣе зажиточныхъ людей, которая начинаетъ постепенно вырождаться въ чиновничество, въ помѣстное дворянство и начинаетъ утрачивать связь съ простымъ казакомъ. Между старшинами и простымъ рядовымъ казачествомъ возникаютъ споры и идетъ борьба двухъ партій. Неоднократно правительство посылало довѣренныхъ лицъ для разбора этихъ дѣлъ на мѣстѣ, что порождало новыя недоразумѣнія. Это-то и нанесло ударъ казачьему единству. Назначеніе Наказныхъ Атамановъ, людей не знакомыхъ ни съ казачествомъ, ни съ его жизнью и укладомъ, часто пріѣзжающихъ только для того, чтобы отбыть нужный служебный цензъ и двигаться дальше по служебной лѣстницѣ; — построеніе учрежденій въ общій тонъ со всей Россіей (областныя правленія), въ которыхъ сидѣли чиновниками, даже на отвѣтственныхъ должностяхъ, часто не казаки; — подчиненіе войсковыхъ капиталовъ строгому контролю центра, — начинаетъ убивать въ казачествѣ всякую самодѣятельность. Получается застой всей жизни. Казачество обратилось только въ служилое военное сословіе и съ этой стороны имъ только и интересуются. Все усиліе обратилось на исправный выходъ казака на службу, что съ каждымъ годомъ становится труднѣе. Задолженность казаковъ въ станичныя суммы съ каждымъ годомъ увеличивается и нѣтъ возможности ее погашать, ибо уже не всякому казаку становится подъ силу снаряжать своихъ сыновей за свой счетъ. Казачество начинаетъ бѣднѣть. Я боюсь, что русскіе люди при этомъ улыбнутся и скажутъ, что это преувеличеніе, что никому такъ хорошо не жилось, какъ каза-

ку, имѣвшему свободныя земли; но это все обманъ, ибо и земель-то свободныхъ не было и казачій надѣлъ во многихъ станицахъ дошелъ уже до нормы крестьянской. Если въ Россіи основанныя земства, хотя и ограниченныя въ своихъ дѣйствіяхъ, все-же творили работу въ областяхъ мѣстной жизни и двигали эту жизнь впередъ, то въ казачьихъ краяхъ и этого не было: земство и образованіе почитались правительствомъ, какъ упадокъ военныхъ способностей казачества.

Казачья общественность видѣла, что казачество идетъ къ упадку, и напрягала всѣ усилія къ возврату самоуправленія и привлеченія къ работѣ всѣхъ силъ народныхъ, чтобы поднять его народно-хозяйственную жизнь. Находились и Наказные Атаманы, которые видѣли тяжелое положеніе казаковъ и, идя навстрѣчу ихъ нуждамъ, писали въ центръ необходимые доклады, но такіе причислялись къ разряду «безпокойныхъ», и по прежнему все оставалось въ величавомъ покоѣ. Послѣ первой революціи, когда появилось народное представительство въ лицѣ Государственной Думы, въ которую входили и казачьи представители, казачество всю свою надежду, о возвратѣ своихъ древнихъ основъ, возлагало на Государственную Думу, но и эти надежды не оправдались, ибо правительство, опасаясь вообще всякихъ преобразованій, вело постоянно борьбу съ прогрессивными теченіями общественной мысли.

Въ 1914 году разразилась небывалая по размѣрамъ великая европейская война. Казачество на эту войну отдало все, по дослѣдняго напряженія. Оно честно выполнило свой долгъ передъ Родиной. Казачьи полки заслужили похвалу даже отъ непріятеля, и во время развала ушли съ фронта послѣдними. Въ 1917 г. наступаетъ революція. Весь русскій народъ, въ томъ числѣ и казачество, привѣтствуетъ ее, какъ новую зорю къ свободной жизни. Государственная власть въ Россіи переходитъ къ временному правительству, которое возвращаетъ казачеству самоуправленіе. Казачество начинаетъ устраивать свою жизнь по своимъ древнимъ формамъ, которыя выковывались столѣтіями его самостоятельной жизни. Итакъ, какъ ни старалось правительство задушить казачью свободу, какъ бродило для основной массы русскаго народа, и навязывать ему формы управленія совершенно чуждыя, — въ казачествѣ жили народныя силы, сохранявшія прежній укладъ, любовь къ свободѣ и

старинѣ и съ основамъ древнихъ формъ жизни, какъ къ основамъ казачьяго единства. Убивъ въ казачествѣ самодѣятельность, правительство достигло только одного, — оно задержало развитіе всей народно-хозяйственной жизни и довело ее до упадка.

Съ 1917 года казачество снова начинаетъ творить свою жизнь по своему разуму, безъ всякой опеки центральной власти. Но оно не опьянилось этимъ кубкомъ свободы, какъ основная масса русскаго народа; ибо самобытныя начала жизни сумѣли воспитать въ казачествѣ и чувство долга передъ Родиной и пониманіе отвѣтственности за общее дѣло, и въ дни государственнаго развала и распада казачество оказало организованное сопротивленіе анархіи. Казачество не приняло коммунистическаго Октября и вступило въ борьбу съ насиліемъ большевизма за свое право, за право русскаго народа, во имя свободы Родины. И съ тѣхъ поръ, и до сего дня оно борется за этотъ символъ свободы народа и единства Россіи. Начальный періодъ этой борьбы, къ глубокому прискорбію, не являлъ собою полнаго казачьяго единства. Казачья фронтовая молодежь, приходя съ фронта, расходилась по домамъ и въ оцѣнкѣ текущихъ событій не соглашалась со своими отцами. Пропаганда, ведущаяся на фронтѣ о «трудовомъ казачествѣ», противопоставляемомъ «буржуямъ», оставила свой слѣдъ, и молодежь хотѣла видѣть въ большевизмѣ народное движеніе, противъ котораго не считала возможнымъ идти. Поэтому первые выборные вожди казачества остались безъ достаточной военной силы, способной остановить большевицкое движеніе, которое и захватываетъ казачьи края. Атаманъ Дона, Алексѣй Максимовичъ Калединъ, не переживъ позора захвата его края, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Атаманъ Терека Михаилъ Александровичъ Карауловъ звѣрски разстрѣливается на станціи Прохладная разнузданной солдатской чернью. Атаманъ Кубани Филимоновъ оставляетъ центръ войсковой жизни, гор. Екатеринодаръ, и уходитъ въ глубь своего Войска. Въ этомъ я вижу временный упадокъ казачества, не сумѣвшаго во-время поддержать своихъ выборныхъ вождей. При наличіи всей казачьей силы, борьба съ большевизмомъ имѣла бы другія послѣдствія. Но за то этотъ упадокъ продолжается недолго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ казачество берется за оружіе, освобождаетъ свои края отъ большевизма и, неразрывно связанное съ добровольческимъ

движеніемъ, направляется къ сердцу Россіи, Москвѣ. Борьба кончается неудачей. Я не буду останавливаться на причинахъ неудачи: это дѣло историковъ. Я хочу только остановиться на одномъ коренномъ расхожденіи между казачествомъ, вождями добровольческаго движенія и русской общественностью, примыкавшей къ этому движенію. Это расхожденіе заключалось въ томъ, что Юго-восточное казачество Дона, Кубани и Терека не признавало вождей добровольческаго движенія за носителей государственной власти, сохраняя свое государственное бытіе и полную независимость. Это и послужило причиной обвиненія «въ сепаратизмѣ», въ отдѣленіи отъ Россіи, что подчасъ осложняло отношенія, когда требовалось всѣ силы направлять только на одно — борьбу съ коммунизмомъ. Слово «самостійникъ», какъ врагъ единства Россіи, и до сихъ поръ бросается упрекомъ по адресу казаковъ. Въ этомъ необходимо разобраться. Государственная власть въ лицѣ «временнаго правительства» пала; власть въ государствѣ захватили большевики. Казачество не признало ихъ за носителей государственной власти и начало съ ними борьбу. Другой государственной власти не было. Казачеству необходимо было строить въ своихъ краяхъ государственность. Единственная форма, пріемлемая казачеству до времени, когда русскій народъ навсегда сброситъ съ себя цѣпи коммунизма, т. е. до времени общепризнанной народомъ власти, — оставалось самостоятельное государственное бытіе. Но развѣ это означаетъ, что казачество отдѣляется отъ Россіи, что образуются самостоятельныя государства или республики Дона, Кубани и Терека? Мечты о полномъ государственномъ отдѣленіи у казачества никогда не было. Въ этомъ можно убѣдиться, если почитать постановленія Круговъ и Рады, въ которыхъ не разъ говорилось, что казачество есть неотдѣлимая часть единой, великой, свободной Россіи. Если-бы въ это время на территоріи Государства Россійскаго побольше-бы возникло государственныхъ территоріальныхъ образованій съ національнымъ самосознаніемъ, освобождающихся отъ большевицкаго засилья, то большевики не захватили-бы всю Россію и возрожденіе ея было-бы давно фактомъ. Для Россіи, сильной національнымъ сознаніемъ, національно сознательныя ея части — желанные союзники, а не враги. Это было-бы опасно только Россіи, отравляемой ядомъ интернаціонализма и над-націонализма. Поэтому я и считаю, что го-

сударственная форма, принятая казачествомъ, не являлась болѣзненнымъ уклономъ, — нѣтъ, это единственная форма, при которой и можно было успѣшно вести борьбу съ большевизмомъ, тѣмъ болѣе, что эта борьба требовала громаднаго напряженія и подвига. Ставка на единовластіе диктатора, котораго такъ старалась приподнять русская общественность, — оказалась гибельной, ибо идея диктатуры можетъ имѣть успѣхъ только тогда, если она создается сама собою, по мѣрѣ роста вліянія и укрѣпленія авторитета одного лица, и тогда общее преклоненіе замѣняетъ оффиціальное признаніе. Когда-же идея диктатуры выдвигается небольшою группою населенія, а имя диктатора не укрѣпилось, тогда оно не можетъ имѣть успѣха. Нужно только сожалѣть объ одномъ, что казачество Юго-Востока, — Дона, Кубани и Терека, — въ родныхъ краяхъ не было объединено въ союзъ. Союзныя обязательства и объединенная воля казачества еще болѣе спаяли-бы казачество въ одно цѣлое и не было бы тѣхъ нежелательныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто, особенно на Кубани. Попытки къ этому объединенію были, но онѣ не осуществились. И только въ изгнаніи, на чужбинѣ, казачество, понявшее свои ошибки въ прошломъ, объединилось въ одно цѣлое, выдѣливъ высшій органъ управленія: Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека. Со стороны разныхъ лицъ и группъ, въ которыхъ, къ глубокой скорби, участвовали и казаки, много было попытокъ нарушить это объединеніе, обвиняя его въ сепаратизмѣ и даже въ измѣнѣ. А Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, являясь выразителемъ истинныхъ думъ всего подлиннаго казачества, работаетъ спокойно, не обращая вниманія на клевету и нападки. Я хочу спросить: какія дѣйствія Объединеннаго Совѣта Д. К. и Т. способны оправдать подобную враждебность? Становится до боли обидно. Неужели же казачество не заслуживаетъ къ себѣ другого отношенія? Неужели же ненависть, клевета и злоба такъ могучи, что люди не хотятъ отдавать ни доли уваженія казачеству, если уже совсѣмъ не способны на благодарность? Мнѣ, какъ казаку, трудно говорить о заслугахъ казачества. Я только хочу привести выписку изъ одного документа, какъ оцѣниваетъ казачество часть русской общественности:

а) историческія заслуги казачества въ дѣлѣ собиранія Руси весьма велики;

б) въ настоящей гражданской войнѣ и борьбѣ съ боль-

шевиками казачество занимаетъ первое мѣсто, какъ въ дѣлѣ защиты своего края, такъ и для возстановленія единства и былой мощи Россіи;

в) эти великія заслуги казачества, а также особенности его быта и исторически сложившихся сословныхъ преимуществъ, даютъ ему право на самостоятельное устройство всей внутренней жизни и отводитъ ему почетное мѣсто при разрѣшеніи вопросовъ объ окончательномъ устройствѣ Русскаго государства.

Можетъ быть, хоть немного устыдятся другіе, злобствующіе на казачество, прочтя эту оцѣнку. Прошло семь лѣтъ изгнанія, куда ушла часть казачества со своими Атаманами и учрежденіями. Казачество разсѣялось по разнымъ государствамъ, добывая себѣ средства къ жизни тяжелымъ трудомъ, и живетъ, гдѣ можно, вполнѣ организованно, опираясь на идеологію, построенную еще въ родныхъ краяхъ самимъ народомъ. Осуществляя эту идеологію въ изгнаніи, оно и выполняетъ задачу общенаціональнаго самосознанія. А тамъ, въ родныхъ краяхъ, казачество, задушенное насиліемъ коммунизма, живетъ, сохраняя въ своей душѣ тѣ же завѣты, которыми оно всегда жило. Настанетъ мигъ сліянія, я въ это вѣрю, ибо на Родинѣ русскій народъ борется съ этимъ насиліемъ и, въ концѣ концовъ, сброситъ ненавистную власть. И эта общая побѣда надъ этимъ насиліемъ — будетъ свѣтлымъ Праздникомъ всей Россіи.

Всѣ мы, любящіе Мать - Россію, хотимъ ее видѣть въ будущемъ сильной, великой и мощной. Это желаніе можетъ осуществиться лишь тогда, когда Россія будетъ сильна не внѣшнимъ насиліемъ, а внутренней организованностью, что и создастся тогда, когда весь народъ будетъ привлеченъ къ самодѣятельности, къ самоуправленію, къ тѣмъ основамъ народоправства, безъ которыхъ не можетъ развиваться ни одно государство. Казачество, являясь однимъ изъ наиболѣее сознательныхъ и вѣрныхъ сыновъ Родины, только и стремится къ осуществленію этого народоправства и своихъ завѣтовъ, — въ нихъ все его будущее.

Въ это будущее мы вѣримъ, этимъ будущимъ живемъ, за это будущее мы боремся. И когда я углубляюсь въ десятилѣтнее скорбное прошлое — трехлѣтнюю борьбу съ насильниками Родины и семилѣтнее изгнаніе, — то передо мною проходитъ длинный рядъ могилъ, теряющихся вда-

ли. Святы для насъ эти могилы, укрывшія отъ насъ столько дорогихъ намъ надеждъ и вѣрованій. Цѣлый потокъ воспоминаній проносится передо мною и въ этихъ воспоминаніяхъ особенно ярко обрисовываются облики отдѣльныхъ лицъ и совершенные ими жизненные подвиги. Всѣ они заплатили кровью долгъ любви къ Россіи и родному краю. Болѣе, чѣмъ когда либо, нынѣ, во имя этихъ жертвъ, мы отвергаемъ чувство мести къ народу. Долгъ памяти ихъ мы отдадимъ работой для народа, во имя котораго они погибли. Пусть же эти образы явятся символомъ просвѣтленія Россіи, просвѣтленія насъ самихъ и вѣрой въ то, что у насъ, имѣвшихъ великое прошлое, будетъ столь-же великое будущее.

Митрополитъ ЕВЛОГІЙ.

Казачество — оригинальное, своеобразное явленіе русской исторической и бытовой жизни. Не напрасно оно именуется «вольнымъ». Въ историческомъ прошломъ въ него отслоились именно вольные, свободолюбивые элементы русскаго народа, не мирившіеся съ обычными, дѣйствительно, очень тяжелыми условіями жизни осѣдлаго крестьянскаго населенія, особенно послѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и наступленія барщины. На далекихъ окраинахъ, среди безбрежныхъ степей, казацкая вольница не чувствовала надъ собою тягла ни государственнаго, ни барскаго, помѣщичьяго. Отсутствіе крѣпкихъ сдерживающихъ началъ, конечно, очень затрудняло организацію среди казачества правильнаго порядка жизни общественной, а тѣмъ болѣе государственной. Слабые начатки государственности часто заглушались буйными, чисто стихійными, движеніями казацкой воли, выражавшимися въ разныхъ бунтахъ и мятежахъ. Исторія знаетъ много грѣховъ казачества въ этомъ отношеніи... Но эти грѣхи казачества искупаются его крѣпкимъ, здоровымъ національнымъ чувствомъ и глубокою преданностію святой Православной Церкви. Душа казачья всегда была, есть и останется русскою и православною. Это ея родная, основная стихія, которую никогда и ничѣмъ нельзя искоренить. Долгое время некрасовцы жили въ Турціи, но до

послѣдняго времени остались такими-же, какими переселились туда. Я даже склоненъ думать, что русскій національный типъ въ казакахъ сохранился чище и выраженъ ярче, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго народа.

(Я разумѣю казаковъ европейской Россіи; сибирскихъ казаковъ я почти не знаю, и не берусь о нихъ судить).

Что касается вѣры православной, то казакъ вѣритъ просто, не углубляясь въ тайны вѣры, консервативно, по-старинѣ, — среди казаковъ много «староверовъ» - старообрядцевъ, — но вѣритъ крѣпко, любитъ свою Церковь всей душой и ни за что ей не измѣнитъ. Всѣ эти безконечныя войны казаковъ съ турками, татарами, поляками, всѣ онѣ велись подъ знакомъ защиты вѣры православной и своего родного народа. Собственно говоря, казаки сохранили православіе и національную самобытную культуру въ юго-западной Малороссіи, или, какъ теперь говорятъ, Украины, отъ вѣковыхъ натисковъ воинствующаго польскаго католичества. Изъ всѣхъ своихъ походовъ казакъ привозилъ какой либо даръ своей станичной Церкви; нѣкоторые казацкіе Храмы, (Старочеркасскій соборъ, Межигорье), до сихъ поръ хранятъ у себя драгоцѣннѣйшіе предметы церковной старины — памятники благочестиваго усердія казаковъ къ своимъ роднымъ святынямъ.

Эти два начала — религіозное-православное и національное-русское, глубоко заложенныя въ душу казачью, всегда крѣпко связывали казачество съ Россіей, роднили, объединяли его со всѣмъ русскимъ народомъ, котораго оно является порожденіемъ, дѣтищемъ, плотью отъ плоти и костью отъ кости его. Эти именно свойства и сдѣлали то, что казаки, бѣжавшіе въ свое время отъ русской государственности, потомъ уступили свои новыя, окраинныя земли этому же русскому государству и на югѣ Россіи, и въ Сибири (Ермакъ Тимоѳеевичъ) и стали оплотомъ его на этихъ окраинахъ. И государство широко использовало казачество для обороны своихъ владѣній, — особенно на ихъ границахъ и во вновь присоединяемыхъ областяхъ.

Современное казачество, до послѣдней политической катастрофы, было очень цѣнною военною силою въ государствѣ. Военная доблесть казаковъ извѣстна всѣмъ. Замѣчательно, что у нашихъ непріятелей ни объ одной части русской арміи не было столь грозныхъ, устрашающихъ представленій, какъ о казакахъ, — одно слово казакъ

наводило панику. Во время моего интернированія въ Галиціи одинъ гимназистъ серьезно увѣрялъ меня, что въ ихъ деревнѣ многіе были (въ томъ числѣ и онъ самъ) убѣждены, что казаки рѣжутъ и ѣдятъ дѣтей; это дикое представленіе у бѣднаго мальчика разсѣялось только тогда, когда онъ лично увидалъ, что казаки, войдя въ ихъ деревню, не только этого не дѣлали, но брали на руки и ласкали маленькихъ дѣтей, вспоминая, вѣроятно, свои оставленныя дома семьи...

Отношеніе русскаго народа (въ массѣ) къ казакамъ обвѣяно не только добродушіемъ и благожелательностью, но и чувствомъ нѣкотораго восхищенія передъ лихою удалью, отвагой, молодечествомъ, ради которыхъ имъ извиняются и нѣкоторые ихъ недостатки. Я живо помню, какъ одинъ старый священникъ изъ западной губерніи съ добродушной улыбкой разсказывалъ мнѣ, какъ ѣхалъ отрядъ казаковъ по лугу, на которомъ стояли копны скошеннаго сѣна; кони у казаковъ не были кормлены; остановки на лугу не было, а сѣна на лугу по проѣздѣ казаковъ не оказалось. Въ этомъ разсказѣ не слышалось и тѣни осужденія этого не совсѣмъ чистаго въ моральномъ отношеніи поступка, а, напротивъ, подчеркивалась удивительная ловкость казаковъ и ихъ трогательная заботливость о своихъ коняхъ. Такихъ разсказовъ и анекдотовъ о казакахъ въ народѣ множество, — и они очень характерны для показанія симпатій русскаго народа къ казачеству.

Часто мнѣ приходилось слышать, что напрасно правительство употребляло казаковъ для полицейской службы, для усмиренія безпорядковъ, что это деморализовало казаковъ. Я думаю, что для этихъ цѣлей государство, въ случаѣ необходимости, могло бы пользоваться услугами казаковъ не больше, чѣмъ и другихъ воинскихъ частей, — чтобы у нихъ не было этой одіозной привиллегіи.

Въ культурно-хозяйственномъ отношеніи казачество стояло, во всякомъ случаѣ, не ниже, а, можетъ быть, и выше другихъ областей русскаго государства; достаточно вспомнить, какую богатѣйшую житницу Россіи составляли плодоносныя и прекрасно воздѣланныя казацкія земли на Дону и Кубани, какимъ бойкимъ промышленнымъ центромъ являлся Донецкій бассейнъ и проч.

Я глубоко убѣжденъ, что и въ будущемъ казачество обрѣтетъ свое благополучіе въ тѣсномъ государственномъ

объединеніи съ Россіей; что вѣра православная и крѣпкое, здоровое русское сознаніе навсегда останутся незыблемыми основами этого единенія, что оно по прежнему вѣрой и правдой будетъ служить обновленному и возрожденному государству россійскому, а государство не только не будетъ посягать на «вольности» казачества, закрѣпленныя его исторіей, не только не будетъ искусственно или насильственно стирать самобытныя особенности общественной жизни казачества, но дастъ ему широкое самоуправленіе и пойдетъ навстрѣчу свободному развитію духовныхъ и матеріальныхъ силъ его. Разумное и серьезно продуманное построеніе взаимныхъ отношеній между казачествомъ и русскимъ государствомъ, мнѣ кажется, предохранитъ казачество какъ отъ вреднаго обезличиванія, «расказачиванія», такъ и узкаго, нездороваго сепаратизма. Отъ этихъ двухъ крайностей, отъ этихъ двухъ тягостныхъ и пагубныхъ соблазновъ и искушеній да сохранитъ Господь наше славное казачество. Да будетъ вольный казакъ свободнымъ, любимымъ сыномъ единой любящей Матери-Родины — Свободной Россіи!

Митрополитъ АНТОНІЙ.

Я всегда мысленно ставилъ казацкое войско выше всѣхъ прочихъ видовъ оружія Русской Арміи вслѣдствіе отличительной черты казацкой организаціи, какъ организаціи строго національной русской, т. е. 1) религіозной, 2) православно-церковной, 3) сохранившей болѣе крѣпкую связь съ древне русскимъ укладомъ (до Петровскимъ), 4) болѣе другихъ родовъ оружія сохранившей семейный бытъ, 5) болѣе другихъ частей Русской Арміи сблизившей военную службу съ семейной жизнью. Я знаю, что въ глазахъ простого народа воинъ идеальный, воинъ по преимуществу — мыслимъ всегда, какъ казакъ. Такъ было въ глазахъ великороссовъ, такъ и малороссовъ. Нѣмецкое вліяніе на строй и наши понятія всего менѣе отразились на нравахъ казачества. Въ началѣ еще 20-го вѣка, когда я спрашивалъ одного юнкера Константиновскаго училища, участвуютъ ли юнкера казаки въ ихъ ночныхъ похожденіяхъ, онъ отвѣчалъ: «Не безъ то-

го, но казаки никогда не хвалятся другъ передъ другомъ своимъ распутствомъ и никогда не кощунствуютъ».

Какъ я смотрю на потуги части казачества, въ верхахъ его и въ низахъ, къ политическому сепаратизму? Я отвѣчаю: какъ на такое же одурманеніе, каково оно во всей прочей интеллигенціи и полуинтеллигенціи, какъ на оппозиціонный духъ, привитый евреями и другого рода нигилистами. Желаніе нѣкоторыхъ казацкихъ частей выдѣлиться изъ православной Руси, которую они же спасли въ 1613 году, указавъ на излюбленнаго царя Михаила, есть образчикъ моральнаго и политическаго помѣшательства, которое убило Россію черезъ евреевъ и всякаго рода нигилистовъ. Достоевскій въ 1873 году писалъ Наслѣднику Престола, что появившіеся тогда на Руси террористы (родные отцы большевиковъ), суть родные сыны такихъ писателей, какъ Грановскій, Бѣлинскій и лѣвые журналисты, которые ненавидятъ не какой-либо порядокъ въ Россіи, но самую Россію, свое отечество, злорадствуютъ ей въ бѣдахъ и печальны бываютъ при ея благополучіи. Какъ грустно, что среди подобныхъ типовъ находятся теперь и нѣкоторые представители казачества. Стряхнутъ ли они съ себя этотъ бѣсовскій кошмаръ?

21 декабря 1927 г.

А. И. ДЕНИКИНЪ,
б. Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, генер. штаба ген.-лейтенантъ.

1). Въ старину казачество являлось надежнымъ оплотомъ россійскихъ государственныхъ границъ на Дикомъ полѣ, въ Кавказскихъ тѣснинахъ, въ Сибирскихъ просторахъ и проводникомъ тамъ русской власти. Казачья вольница доставляла не мало хлопотъ «Москвѣ» (центральному правительству) и даже вступала съ нею въ вооруженныя столкновенія. Но эта внутренняя междуусобица, вызванная, кромѣ причинъ соціально-экономическихъ, неумѣренной централизаціей сверху и неумѣреннымъ, подчасъ, свободолюбіемъ снизу, не умаляетъ, однако, той важной исторической

роли, которую сыграло казачество въ сложенiи Россiйскаго государства.

2). Въ позднѣйшую исторiю Россiи казачество входитъ уже осѣвшимъ, устоявшимся. Оно живетъ на земляхъ замиренныхъ, вдали отъ театровъ войнъ, въ условiяхъ отличнаго отъ прочаго населенiя быта, прочно сложившагося хозяйственнаго уклада и извѣстнаго благосостоянiя. Эти обстоятельства дѣлали казачество менѣе воспрiимчивымъ къ революцiоннымъ идеямъ. Вѣдь и въ старину подымались больше голутвенные, а не домовитые казаки. И казачество несло честно, не зная дезертирства, поголовную военную службу, участвуя во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россiей. А во внутренней жизни ея являлось не «слѣпымъ орудiемъ въ рукахъ правительства», какъ полагала радикальная общественность, а сознательнымъ государственно-охранительнымъ началомъ.

3). Съ началомъ революцiи казачество растерялось. «Идти противъ народа» оно не хотѣло, а народъ «обезумѣлъ». Отсюда — колебанiя, переходы, паденiя... Вскорѣ, однако, стало яснымъ, что отъ революцiи улучшенiя судьбы казачьей не ждать; наоборотъ, она угрожала смести укладъ казачества и его благосостоянiе. Такъ, Временное правительство, по самому важному вопросу — земельному, подтверждая «неприкосновенность правъ казачьихъ», недвусмысленно разъясняло, что казакамъ придется «потѣсниться»... А совѣтская власть занесла руку на самое бытiе казачества, лишая его земли, отымая всякiя вольности, вводя такую безпощадную централизацiю, какой никогда не видали отъ «Москвы», грабя и обездоливая.

И казаки возстали. Падая и подымаясь, то заблуждаясь, то прозрѣвая — по побужденiямъ идейнымъ и по соображенiямъ практическимъ — боролись они за свой казачiй укладъ, за земли свои и добро, за края свои и Россiю, за миръ и порядокъ. И принесли они въ жертву борьбѣ и свое достоянiе, и несчетное число жизней.

Участiе казачества въ борьбѣ Вооруженныхъ силъ Юга было значительно и славно.

4). Въ эти смутные годы казачья масса никогда и нигдѣ не проявляла стремленiя къ отрыву отъ Россiи. Казачья старшина не ладила съ обще-русскими элементами — это правда. Обѣ стороны — одна въ отстаиванiи государственныхъ интересовъ, другая — казачьихъ вольностей, перехо-

дили не разъ границы необходимаго. Но самостійностью болѣла лишь часть казачьихъ верховъ — одни по заблужденію, другіе — по своекорыстію. Такія идеи, какъ «Кубанцы — это самостоятельная вѣтвь славянскаго племени»... или о «самостоятельной казачьей націи» рождались у людей скорбноголовыхъ или съ продажной совѣстью и не имѣли, не могутъ имѣть отклика въ казачьей массѣ, сознающей себя по крови и до костей русскою.

5). Будущее казачества представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Государство освободитъ казаковъ отъ несенія чрезмѣрныхъ тяготъ, которыя они несли въ прежнее время, но и не надѣлитъ ихъ особыми привиллегіями противъ прочихъ своихъ сыновъ. Это послѣднее обстоятельство не страшно казачеству, такъ какъ будущее устройство Россійскаго государства мыслится, какъ областное, на началахъ разсредоточенія власти и широкихъ мѣстныхъ автономій. Если по культурно-хозяйственнымъ условіямъ предѣлы автономій будутъ различны, то казачества, населяющіе сплошныя территоріи, имѣютъ право на наиболѣе благопріятныя условія самоуправленія. Въ предѣлахъ его, безъ сомнѣнія, казачество вольно будетъ сохранить тѣ формы власти, управленія, хозяйства и быта, которыя освящены исторической традиціей и ему любы.

Баронъ П. Н. ВРАНГЕЛЬ,
б. Главнокомандующій Русской Арміей, ген.-лейтенантъ.

Исторія казачества — часть исторіи величія Россіи. Въ теченіе послѣднихъ столѣтій бранные подвиги казаковъ вплетали лавры въ вѣнокъ Россійской славы.

Казачьи земли явились колыбелью «бѣлыхъ» армій, поднявшихся въ дни смуты на защиту чести и свободы Отечества.

Въ борьбѣ съ поработителями Родины казачья кровь обильно полила степи Дона и Волги, горы Кавказа, безпредѣльныя шири Сибири.

Десятки тысячъ казаковъ предпочли скитанія на чужбинѣ, страданія и лишенія — красному игу.

Вся прошлая славная исторія казачества и тѣ неисчислимыя жертвы, которыя принесли казаки во имя любви къ Матушкѣ Россіи, — обезпечиваютъ казачеству почетное мѣсто въ грядущей судьбѣ нашего Отечества.

«17/30» декабря 1927 г. Брюссель.

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВЪ,
б. Министръ Времен. Правительства и
Членъ Уфимской Директоріи.

Въ Россіи личныхъ наблюденій надъ жизнью казачества я не имѣлъ. Пробѣлъ въ этомъ направленіи восполнили лишь годы эмиграціи. Здѣсь пришлось наблюдать казачество въ двухъ аспектахъ: и вообще, какъ часть эмиграціи, и въ частности — какъ «кліентовъ» Земельной Комиссіи при Земгорѣ, помогающей русскимъ бѣженцамъ устраиваться во Франціи на землѣ.

Дать сколько нибудь полную сводку этихъ своихъ наблюденій въ данный моментъ не могу. Укажу лишь на главное и основное, что характеризуетъ, по моему мнѣнію, большинство.

Привязанность къ формамъ своего общественнаго быта, своего самоуправленія — результатъ привычки къ самоуправленію и умѣніе цѣнить и использовать его. Влеченіе къ самоорганизаціи. Трудоспособность, настойчивость, находчивость и умѣніе приспособиться къ новымъ условіямъ, не отказываясь, однако, при этомъ отъ своего индивидуальнаго или національнаго. Наконецъ, большая, нутряная любовь къ своей малой Родинѣ — казачьимъ областямъ, — сочетаемая съ любовью къ Родинѣ большой — къ Россіи.

Я знаю, конечно, и о движеніи самостійничества среди казаковъ, знаю и о разногласіяхъ между нѣкоторыми группами, и о тѣхъ или иныхъ неудачахъ въ области посадки на землю. Но, несмотря на это, для большинства казачества считаю вѣрной свою характеристику.

Полагаю, что попавшая за-границу группа казачества

даетъ точное представленіе и о казачествѣ, оставшемся на Родинѣ. Ибо указанныя мною черты объяснимы и исторически: сохранившимися старыми традиціями вольнаго казачества, ожившими вновь въ 1917 г., отсутствіемъ крѣпостного права, уничтожавшаго личность, большей хозяйственной свободой и т. д.

Всѣ эти черты, — цѣнныя сами по себѣ, — будутъ особенно цѣнны при построеніи послѣ-большевицкой Россіи.

Мы мыслимъ ее, какъ демократическую федеративную республику. Казачьи области явятся равноправными членами этой федераціи. Въ общую государственную и національную сокровищницу казачество внесетъ все то положительное, что выработало оно на протяженіи своей долгой исторіи.

М. А. АЛДАНОВЪ,
известный русскій писатель.

Мнѣ очень трудно отвѣтить на Вашу анкету, — я слишкомъ мало освѣдомленъ въ связанныхъ съ нею важныхъ и трудныхъ вопросахъ.

Думаю, впрочемъ, что едва ли можетъ быть данъ отвѣтъ на эти вопросы въ общей формѣ. Понятіе казачества и само по себѣ не вполнѣ опредѣленно. Если не ошибаюсь, въ Россіи существовало (и существуетъ?) 11 казачьихъ войскъ, — ни въ антропологическомъ отношеніи, ни въ служебно-сословномъ, ни даже въ бытовомъ они не составляютъ однороднаго цѣлаго.

Будущее казачества, конечно, тѣсно связано съ будущимъ всей Россіи. Это и доказывать не приходится: очень рѣдко вычеркиваются изъ исторіи — столѣтія.

Та отличительная черта казаковъ, о которой Вы упоминаете и вслѣдствіе которой казачество называлось вольнымъ, является вмѣстѣ и сильнѣйшей, и слабой его стороной.

Бытъ казаковъ исполненъ поэзіи, — напомню, что въ русской литературѣ, притомъ у величайшихъ ея представителей, образы казаковъ почти всегда очень привлекательны.

Много такихъ же образовъ дала и подлинная исторія.

Н. И. АСТРОВЪ,

общественный дѣятель,
избранный Москвою Городскимъ
Головой; Членъ Особаго Совѣщанія
при ген. Деникинѣ.

Казачество — это своеобразное явленіе русской исторіи. Это своеобразная дѣйственная сила, участвовавшая въ строительствѣ великаго Россійскаго государства.

Казачество вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ испытывало суровый гнетъ прошедшихъ эпохъ русской исторіи. И теперь, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, оно оказалось подъ игомъ коммунистической тираніи.

Но вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, какъ нераздѣльная часть его, оно создавало русское государство. Оно не только охраняло его границы, будучи пограничнымъ оплотомъ русской земли, не только колонизовало его далекія окраины, оно вмѣстѣ съ русскимъ народомъ создавало и экономическое благосостояніе и мощь Россіи.

Какіе бы хитроумные домыслы и лукавыя хитросплетенія ни изобрѣтались въ наши мрачные дни въ большихъ и малыхъ иностранныхъ и, къ стыду нашему, русскихъ политическихъ кухняхъ, какъ бы ни стремились демагоги и предатели оторвать казачество отъ Россіи, провозглашая его особымъ казачьимъ народомъ, — творческое участіе казачества въ исторіи Россіи запечатлѣно кровью. И печать эта на вѣки. Ее «огонь не растопитъ, не смоетъ вода»...

Судьба казачества — это судьба русскаго народа. И чѣмъ тѣснѣе будетъ между ними взаимодѣйстіе, чѣмъ крѣпче органическая и духовная связь, тѣмъ скорѣе эта судьба измѣнится и прояснится. Тѣмъ скорѣе возникнетъ вольное казачество въ свободной Россіи.

На протяженіи долгой исторіи казачество не только служило государству. Оно боролось за свои излюбленные идеалы равенства и самоуправленія, не находившіе себѣ осуществленія въ общихъ государственныхъ порядкахъ.

Если оно боролось за нихъ раньше, то тѣмъ необходимѣе эта борьба теперь. Тѣмъ болѣе необходимы общія усилія и согласованное взаимодѣйствіе въ достиженіи цѣлей, одинаково нужныхъ и для казачества и для Россіи. Главная цѣль сейчасъ одна: — освобожденіе отъ рабства, отъ позорнаго ига коммунистической деспотіи.

Путь къ избавленію не въ сепаратизмѣ, не въ расчлене-

ціи Россіи, а въ согласованности усилій, въ собираніи Россіи и въ осуществленіи началъ истинной демократіи. Въ этихъ условіяхъ найдутъ себѣ осуществленіе старые завѣты и дорогія мечты вольнаго казачества.

В. Л. БУРЦЕВЪ,

политическій дѣятель и знатокъ революціоннаго движенія; старый эмигрантъ; редакторъ «Общаго Дѣла» и др. изданій.

Все,что у меня связано съ казачьимъ вопросомъ, неразрывно, въ то же само время, связано съ воспоминаніями о ген. А. М. Калединѣ.

Я его видѣлъ и слышалъ одинъ только разъ.

Но слышалъ его я при исключительныхъ, чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ.

Я до сихъ поръ вижу его лицо и слышу его голосъ. Его тогдашніе призывы меня волнуютъ и сейчасъ, какъ волновали и тогда.

Это было на памятномъ Московскомъ Совѣщаніи въ августѣ 1917 года.

Огромный залъ Московскаго театра залитъ депутатами, пріѣхавшими съ разныхъ концовъ Россіи и съ фронта.

Всѣ они горятъ политическими страстями.

Всѣ — это очевидно для всѣхъ было и тогда — рѣзко подѣлились на два лагеря: на тѣхъ, кто за большевиковъ и на тѣхъ, кто противъ большевиковъ.

Всѣ чувствуютъ, что находятся наканунѣ величайшихъ событій, ожидающихъ Россію.

Оба враждебные лагеря не скрываютъ своей ненависти другъ къ другу и только временно соблюдаютъ мирныя между собою отношенія: для нихъ всѣхъ было несомнѣнно, что завтра они будутъ сражаться по разнымъ сторонамъ баррикады и что дальнѣйшіе свои споры они будутъ рѣшать уже оружіемъ. Но въ то время врядъ-ли кто-нибудь, даже изъ самыхъ крайнихъ пессимистовъ, могъ даже приблизительно предположить, во что могла вылиться предстоящая схватка этихъ двухъ враждебныхъ лагерей.

На кафедрѣ со страстными рѣчами проходятъ орато-

ры за ораторами — представители разныхъ теченій: к.-д., с.-р., меньшевики, промышленники, большевики, статскіе, военные и т. д.

Со страстной рѣчью выступилъ и ген. А. М. Калединъ.

Онъ говорилъ объ угрожающемъ положеніи Россіи, объ ея великомъ прошломъ и великомъ будущемъ, о казакахъ и ихъ роли въ общей борьбѣ за Россію, о предательствѣ большевиковъ, о борьбѣ съ ними до конца и т. д.

Этотъ вашъ А. М. Калединъ взволновалъ тогда всѣхъ насъ и онъ былъ для насъ — нашимъ Калединымъ.

На той же кафедрѣ въ тотъ же день говорилъ и ген. Л. Г. Корниловъ.

Онъ говорилъ приблизительно то-же самое, что и ген. А. М. Калединъ.

Его рѣчь глубоко взволновала всѣхъ насъ. Она взволновала и казачьихъ депутатовъ.

Во время рѣчей ген. А. М. Каледина и ген. Л. Г. Корнилова мы не дѣлились на «мы» и «вы», — всѣ вмѣстѣ апплодировали обоимъ имъ и всѣ вмѣстѣ отбивали яростныя нападки на нихъ большевиковъ и ихъ союзниковъ. Въ то время всѣ антибольшевики чувствовали себя членами одного общаго теченія.

Въ тотъ день вашъ Калединъ былъ нашимъ А. М. Калединымъ, а нашъ Корниловъ былъ вашимъ Л. Г. Корниловымъ.

Антибольшевики различныхъ теченій, присутствовавшіе на собраніи, въ этотъ моментъ чувствовали себя своими съ обоими ими. Разногласія между ними утопали въ общемъ ихъ горѣ, въ общихъ опасеніяхъ и въ общихъ ихъ надеждахъ.

Тогдашніе завѣты ген. А. М. Каледина и ген. Л. Г. Корнилова и въ настоящее время остаются по-прежнему нашими общими завѣтами.

Ихъ завѣтомъ, прежде всего, была безпримѣрная борьба съ большевиками во имя спасенія Россіи.

Предстоящая окончательная схватка съ большевиками должна слить всѣхъ, кому дорога Россія, подъ этимъ знаменемъ въ одно антибольшевицкое теченіе, гдѣ нѣтъ мѣста для «вы» и «мы» и гдѣ должно быть только одно «мы».

Л. Г. ГРОНДИСЪ,
французскій журналистъ.

(Переводъ съ французскаго)

Во время моего четырехлѣтняго пребыванія въ прежней, царской, а позднѣе въ Бѣлой арміи, я часто жилъ среди казачьихъ полковъ и былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ казачьими офицерами. Я сражался вмѣстѣ со многими изъ нихъ противъ ихъ враговъ за ихъ Родину: сперва съ нѣмцами, а затѣмъ съ большевиками. Имѣя связь со всѣми извѣстными казачьими племенами Россіи (казаками Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга, Забайкалья и Уссури), я изучилъ ихъ организаціи, ихъ нравы; мнѣ приходилось наблюдать ихъ и на полѣ битвы, и въ станицахъ. Въ общемъ, я могу резюмировать мои впечатлѣнія: русскій народъ — по преимуществу крестьяне; въ сраженіяхъ они проявляютъ свои самыя цѣнныя качества: выносливость и храбрость, но имъ не хватаетъ порыва, присущаго врожденнымъ воинамъ. Отсюда у каждаго русскаго правительства, каково бы оно ни было, возникаетъ потребность въ войскахъ, имѣющихъ чисто военныя доблести, унаслѣдованныя отъ многихъ поколѣній и которыя могутъ быть использованы для рѣшительныхъ дѣйствій, съ абсолютной увѣренностью въ успѣхѣ. Подобныя войска безусловно необходимы и имѣютъ, какъ силы, обезпечивающія порядокъ, неизмѣримую цѣнность для государства, которое, по пространству своей территоріи и отсутствію естественной соціальной связанности, еще долго останется подъ угрозой покушеній на единство его правленія и прочность его строя.

Институтъ казачества — одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ, оставшихся намъ отъ античнаго военнаго сословія, классическое представленіе о которомъ всѣхъ древнихъ цивилизацій возводитъ въ высшую соціальную группу, стоящую надъ сословіемъ торговцевъ и капиталистовъ.

Я не хочу заходить слишкомъ далеко и защищать возстановленіе древняго казачьяго обычая, налагавшаго за торговлю смертную казнь черезъ утопленіе для казака, пойманнаго на мѣстѣ преступленія. Въ наши демократическія времена стало невозможнымъ созданіе новыхъ военныхъ семей, въ которыхъ военныя достоинства были бы усиливаемы наслѣдственностью и для которыхъ готовность жертвовать

жизнью во имя Родины была бы доведена до наивысшей степени.. Князья потеряли ихъ прежнія военныя доблести. Наши правительства находятся во власти крупныхъ банковъ и коммерсантовъ. И всѣ старанія создать снова военное сословіе были бы напрасны. Но тамъ, гдѣ это сословіе еще существуетъ, тамъ, гдѣ оно доказало, что оно и сейчасъ обладаетъ столь доблестными воинскими качествами, какъ это еще недавно показало большинство казачьихъ племенъ, было бы политическимъ преступленіемъ не приложить усилій, чтобы обезпечить и продлить его существованіе.

Наилучшіе примѣры храбрости и военнаго подвига я встрѣчалъ у офицеровъ казаковъ; впрочемъ, противное меня бы удивило.

Уже въ 1915 году, въ 8-ой арміи, большинство кавалеристовъ, добровольно шедшихъ въ опасный походъ черезъ Пинскія болота, были казаки.

Въ тотъ день, когда ударный отрядъ есаула Чернецова атаковалъ Каменоломенскій вокзалъ, находящійся на сѣверѣ отъ Новочеркасска и занятый большими красными силами, и когда я дрался рядомъ со своими товарищами по Добровольческой Арміи, наиславный подвигъ былъ совершенъ казакомъ — хорунжимъ Самохинымъ. Нѣтъ нужды напоминать объ исключительномъ образѣ дѣйствій великихъ казаковъ первой бѣлой арміи, которыхъ русскій народъ прославитъ наравнѣ съ легендарными кіевскими богатырями, какъ то: Корниловъ, Калединъ, Богаевскій. Не могу я также до конца перечислить очень многихъ казаковъ, отличившихся во время гражданской войны. Въ Сибири, гдѣ неоднократно я имѣлъ честь сражаться въ ихъ рядахъ, многіе изъ казаковъ покрыли себя вѣчной славой.

Въ то время, какъ многіе изъ высшаго офицерства лѣтомъ 1918 года кутили въ Харбинѣ, или, забавляясь, занимались стратегіей и тактикой на разстояніи, группа храбрыхъ казаковъ патріотовъ геройски сражалась въ отрядѣ казака Семенова.

Въ Уральской Арміи не только Оренбургскіе и Уральскіе казаки регулярныхъ полковъ играли самую выдающуюся роль, но отличались и полки, прекрасно сформированные самими казаками. Если въ началѣ 1918 года Донскіе казаки не пошли за патріотическими призывами ихъ вождей: атаманомъ Калединымъ, генералами Поповымъ, Богаевскимъ и другими, и если они не сейчасъ же возстали противъ боль-

шевизма, столь заразнаго явленія для Россіи и для казачьихъ установленій, то въ данномъ случаѣ это можно объяснить лишь тѣмъ, что казаки слишкомъ глубоко внѣдрились въ классъ простыхъ миролюбивыхъ землепашцевъ. Затѣмъ они слишкомъ прислушивались къ тѣмъ, кто предлагалъ имъ отдѣлиться съ южными правительствами отъ Великой Россіи. Какъ! Казаки, которые съ незапамятныхъ временъ завоевали и заслужили свои привилегіи въ качествѣ защитниковъ русской политики и православной вѣры, отдѣлились бы отъ Москвы? Рука, держащая русскій мечъ, была бы отдѣлена отъ сердца, содержащаго самую цѣнную русскую кровь?

Нѣтъ, казачество — это явленіе существенно и глубоко русское, и если за тяжелую вину, которую они допустили, оставивъ въ 1918 году свой народъ на произволъ самозванцевъ и ихъ доктринъ, чуждыхъ національной жизни, Провидѣніе не накажетъ ихъ разрушеніемъ ихъ чтимыхъ установленій и уничтоженіемъ ихъ давнихъ привилегій, то пусть въ будущемъ казаки избѣгнутъ тѣхъ же ошибокъ путемъ болѣе близкаго контакта съ русскимъ государствомъ и съ прежними вѣрованіями ихъ отцовъ.

Всѣ доктрины, создавшія русскую революцію, пришли изъ за-границы. Всѣ идеи революціи и безпорядка, бродящія въ Европѣ съ конца XVIII вѣка, появились въ Парижѣ. Доктрины большевицкихъ комиссаровъ еврейско-нѣмецкаго происхожденія. Ученіе о кровавой репрессіи, о которой проповѣдывалъ Ленинъ, идетъ отъ француза Сорель. Другая идея, о систематическомъ штурмѣ государственнаго строя, исходитъ отъ другого француза, Дюфуръ. И такъ далѣе! Все, чѣмъ вдохновлялась русская революція, заимствовано изъ Франціи и Германіи и чуждо Россіи.

Пусть въ будущемъ казаки, какъ особая организація, подчиняющаяся своимъ собственнымъ законамъ, станутъ защитниками Россіи, но не какъ въ прошломъ, противъ мусульманскихъ враговъ, а противъ бича, болѣе опаснаго въ современную эпоху — противъ интернаціонала, сѣющаго анархію и атеизмъ.

П. П. ГРОНСКІЙ,
Профессоръ.

Традиція казачества, его, такъ сказать, стихія — вольная община. Такимъ оно возникло на Дикомъ Полѣ, такимъ прожило четыре вѣка, несмотря на попытки центра наложить тяжелую руку на казачьи вольности.

Вотъ почему съ 1917 года, когда Россія, а вмѣстѣ съ нею и казачество, вышли на широкій путь демократическаго развитія, казачеству нужно было только дать полное выявленіе своему исконному общественному строю — вольной общинѣ. Такъ и въ составъ будущей свободной Россіи казачество войдетъ въ качествѣ вольной общины со всѣми особенностями казачьяго общественнаго строя.

Ю. Н. ДАНИЛОВЪ,
ген. отъ Инфантеріи, быв. Командующій 5-ой арміей.

Минувшая война еще и еще разъ подчеркнула достоинства казака-воина: его смѣтливость, расторопность, доблесть и выносливость. Казаку приходилось проявлять свою боевую работу въ очень трудныхъ условіяхъ, зачастую неся тяжелую службу въ отдѣлѣ отъ своей части, или занимая въ составѣ послѣдней, въ періодъ позиціонной войны, наиболѣе глухіе и малоустроенные участки общаго укрѣпленнаго фронта. Исключительная приспособленность казака къ боевой обстановкѣ во всѣхъ случаяхъ приходила ему на помощь.

Счастлива наша общая Мать-Родина, которая, въ составѣ своего населенія, имѣетъ столь богато одаренные элементы населенія для пополненія ими своихъ вооруженныхъ силъ!..

Но военное дѣло, подъ вліяніемъ обстановки, мѣняетъ свои формы. Опытъ міровой войны съ яркостью подчеркнулъ уменьшившееся значеніе конницы, какъ самостоятельнаго рода оружія; въ значительной мѣрѣ возросло, напротивъ, значеніе машиннаго огня и военной техники вообще.

Въ будущемъ казачество должно отказаться отъ исключительной службы на конѣ. Оно должно быть готово уси-

лить собою ряды и другихъ, болѣе отвѣтственныхъ, родовъ оружія. Въ дѣлѣ организаціи военной обороны Родины верховенствуетъ лишь одинъ законъ — законъ «Государственной Цѣлесообразности».

Кн. П. Д. ДОЛГОРУКОВЪ,
общественный и политическій деятель, б. Членъ Государствен. Думы.

Извѣстное французское изрѣченіе гласило:

«Grattez un peu le russe, vous trouverez le cosaque».

А казакъ изображался въ западной Европѣ какимъ-то полудикимъ человѣкомъ и не иначе, какъ съ ногайкой, этой якобы эмблемой русской государственности. Надо полагать, что нѣкоторая часть иностранцевъ, соприкасающаяся съ русскими казаками эмигрантами, увидѣвъ ихъ работоспособность и организованность, а также, быть можетъ, познакомившись съ высоко-художественнымъ пѣніемъ нѣкоторыхъ казачьихъ хоровъ, сумѣетъ оцѣнить ихъ положительныя качества и измѣнить свой прежній трафаретный взглядъ на казаковъ, какъ на какихъ-то полуазіатскихъ варваровъ. Намъ, русскимъ, нечего распространяться о казачьихъ доблестяхъ. Мы знаемъ историческую колонизаціонную и окраинно-оборонительную миссію казачества, его навыки къ самоуправленію и воинскія заслуги на протяженіи многихъ вѣковъ. Многіе изъ насъ, жителей сѣверной и центральной части Россіи, ближе познакомились съ укладомъ казачьей жизни, найдя вмѣстѣ съ бѣлымъ движеніемъ убѣжище въ казачьихъ областяхъ юго-востока Россіи. Въ эмиграціи мы оцѣнили солидарность и спаянность казаковъ, выгодно отличающихъ ихъ отъ общерусской «людской пыли». Эти свойства помогаютъ казакамъ легче приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и, напримѣръ, устраивать какія-нибудь рыболовныя артели, осѣдать на землю въ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ и т. п.

Но, какъ говорится, нѣтъ дыма безъ огня. На чемъ нибудь да основана прежняя, не слишкомъ лестная, репутація

казаковъ на Западѣ. А основана она, надо полагать, на знакомствѣ съ ними во время войны, когда казачьи части практиковали подъ часъ нѣкоторые средневѣковые пріемы веденія войны, проходя по непріятельской странѣ «огнемъ и мечомъ», не отличая мирнаго населенія отъ вооруженнаго непріятеля. Бывали, къ сожалѣнію, и въ послѣднюю великую войну случаи, когда наряду съ удивительными проявленіями воинской доблести, нѣкоторыя казачьи части не всегда имѣли достаточно дисциплины и несли въ себѣ элементы деморализаціи. А происходитъ это отъ того, что воинская повинность у казаковъ, зиждущаяся на устарѣвшихъ основахъ, является слишкомъ тяжелой и напоминаетъ тѣ времена, когда люди должны были являться на наборъ «конны и оружны». Большая часть снаряженія производится у казаковъ на средства призываемыхъ, тогда какъ у регулярныхъ войскъ все снаряженіе производится за счетъ казны. Этотъ архаическій способъ снаряженія и заставляетъ казаковъ часто смотрѣть на войну, какъ на способъ отыграться отъ предшествующихъ ей тяготъ.

Еще въ 1-ой Государственной Думѣ представители казачьихъ войскъ заявляли о непомѣрной тяжести и несправедливости способа ихъ снаряженія. И обязанность будущей Россіи — исполнить ея долгъ передъ казачествомъ и такъ поставить его военную службу, чтобы можно было полностью использовать исконную его воинскую доблесть. При этомъ придется сообразовываться съ одной стороны съ укладомъ казачьей жизни и съ пожеланіями, которыя будутъ высказаны казачьими учрежденіями и казачьими представителями, а съ другой — съ современными требованіями военнаго дѣла и дисциплины.

А. В. КАЛАШНИКОВЪ,
б. Помощникъ Управляющаго Отдѣломъ Финансовъ Донского Войска въ 1919-1920 г.; нынѣ священникъ.

Мнѣ пришлось работать на Дону весьма короткое время, но т. к. время это было такимъ, когда мѣсяцъ считается за годъ, а, съ другой стороны, это было время перелома

направленія всей жизни Казачества, время начала перехода къ нѣкоей самостоятельной жизни, то, полагаю, что мои наблюденія не будутъ лишними и пригодятся для будущаго строительства. Быть можетъ, не все въ моихъ словахъ понравится, но я считаю, что нужно или говорить всю правду, или ничего не говорить.

Скажу о Донской области, но многое, вѣроятно, возможно приложить и къ другимъ областямъ: Кубани и Тереку.

Какъ извѣстно, до революціи области были неразрывно связаны съ Россійскимъ Государствомъ и отношенія Казачества къ таковому опредѣлялись его обязанностями нести, главнымъ образомъ, военную службу, каковая формально была поголовной и пожизненной.

Смягчаясь на практикѣ, это теоретическое требованіе сводилось къ фактическому пребыванію казака въ строю, въ такъ называемомъ приготовительномъ и въ первый періодъ служилаго разряда въ возрастѣ отъ 18 до 26 лѣтъ включительно. Казакъ обязанъ былъ являться на службу со своимъ конемъ, обмундированіемъ и снаряженіемъ, а въ теченіе всего срока повинности до 34 лѣтъ пополнить убыль въ этихъ предметахъ за свой счетъ. Казаки, отбывавшіе строевую службу и вернувшіеся къ своимъ хозяйствамъ, — продолжали числиться въ томъ или иномъ полку, послѣдовательно второй и третьей очередей и по достиженіи ими 34-хъ лѣтняго возраста перечислялись на 5 лѣтъ въ запасный разрядъ и, засимъ, въ войсковое ополченіе. Благодаря такому значенію, казачество обладаетъ опредѣленными имущественными правами, объемъ которыхъ создалъ ему главенствующее положеніе среди другого населенія областей. Формальный отказъ Государства отъ посягательствъ на эти основныя привилегіи составляли теоретическую компенсацію за спеціальныя обязанности военнаго характера. Привилегія сводилась больше всего къ закрѣпленію за казачьими Войсками въ цѣломъ права собственности на обширныя земельныя пространства казачьихъ областей, исключительнаго права пользованія земельными нѣдрами, морскими, рѣчными и озерными водами и проч.

Далѣе, казаки были освобождены отъ уплаты прямыхъ налоговъ и обложенія рядомъ другихъ повинностей.

Предоставляя такія преимущества Казачеству, Государство тѣмъ не менѣе за счетъ своего бюджета отпуска-

ло областямъ значительныя средства на оплату администраціи, поддержанія исправности желѣзнодорожныхъ и иныхъ путей, на среднее и высшее образованіе, на поддержаніе религіозной жизни областей и проч.

Послѣ революціи весь этотъ строй кореннымъ образомъ измѣнился. Связь съ Государствомъ была нарушена и въ отдѣльныхъ областяхъ возникла необходимость составленія собственныхъ бюджетовъ, что наиболѣе было разработано въ землѣ Всевеликаго Войска Донского.

Но составленіе такихъ финансовыхъ смѣтъ по приходамъ и расходамъ вызвало колоссальныя трудности, на коихъ и хотѣлось бы остановиться болѣе подробно, такъ какъ съ ними придется неминуемо встрѣтиться и при возвращеніи въ Россію.

Что касается смѣты по расходу, то здѣсь въ смыслѣ номенклатуры трудностей не встрѣчалось. Каждый Отдѣлъ — какъ то, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, торговли и промышленности, юстиціи, просвѣщенія, путей сообщенія, землеустройства и земледѣлія, военный, морской, контроля, православнаго исповѣданія, Войскового Круга, Канцеляріи Атамана и проч., — представилъ по расходамъ обыкновеннымъ свои смѣты Управляющему Отдѣломъ Финансовъ. Послѣднему приходилось вести упорную борьбу за сокращеніе смѣтъ, такъ какъ Управляющіе Отдѣлами слишкомъ раздували свои потребности, да отчасти и дѣйствительно пострадавшія отъ войны отрасли требовали неотложнаго возстановленія и лѣченія. Кромѣ того, пришлось вводить въ смѣту рубрику расходовъ чрезвычайныхъ и расходовъ спеціально военнаго времени (1919 годъ).

Съ подобнымъ же явленіемъ придется встрѣтиться и будущему Управляющему Отдѣломъ Финансовъ и благо будетъ для областей, если онѣ, во-первыхъ, окажутся терпѣливыми и ограничатся самыми неотложными расходами, а, во-вторыхъ, если въ силу возобновленія нормальныхъ отношеній съ Государствомъ Россійскимъ удастся переложить нѣкоторые мѣстные расходы (просвѣщеніе, пути сообщенія, военные и проч.), на общій государственный бюджетъ. Что касается смѣты приходной, то здѣсь Управляющему Отдѣломъ Финансовъ придется проявить большую изобрѣтательность. Какъ было упомянуто выше, казачество было освобождено отъ многихъ налоговъ и податей и заставить его

добровольно подчиниться этой непріятной необходимости очень и очень трудно.

Если населеніе и другихъ областей всегда склонно уклоняться отъ уплаты налоговъ, то съ казачествомъ дѣло будетъ много труднѣе. Совѣтскій режимъ какъ то выжимаетъ изъ населенія соки, но съ отпаденіемъ этого пріема, почувствовавши свободу, населеніе весьма трудно усвоитъ ту точку зрѣнія, что не платить налоги нельзя, на какія то средства должны пріобрѣтаться всѣ тѣ удобства жизни и мѣры общественной безопасности, безъ коихъ невозможна нормальная жизнь въ благоустроенномъ Государствѣ.

По отчету и смѣтѣ 1919 года прямые налоги слагались:

1) изъ налога поземельнаго, съ недвижимыхъ имуществъ, разныхъ податей,

2) государственнаго подоходнаго налога,

3) государственнаго промысловаго налога,

4) сбора съ денежныхъ капиталовъ.

Выполненіе смѣты по этому Отдѣлу сопряжено съ громадными трудностями и много легче, если этого рода обложенія производятся въ общегосударственномъ порядкѣ, при посредствѣ общегосударственныхъ органовъ.

Засимъ налоги косвенные:

1) сборы съ питей, прибавляя и винную монополію, которую правильнѣе относить къ регаліямъ. Статья эта солидная во всякомъ бюджетѣ, но когда отъ нея возможно освободиться, то чувствуется большое облегченіе и оздоровленіе бюджета;

2) табачный и гильзовый доходъ.

Эта статья въ бюджетѣ Донского Войска имѣла весьма существенное значеніе, благодаря нахожденію на территоріи крупныхъ табачныхъ фабрикъ. Однако, справедливо ли брать Правительству Области весь тотъ доходъ, который потомъ оплачиваетъ населеніе всего Россійскаго Государства, потребляющее продукты фабрикъ?

3) Таможенный доходъ.

Если отдѣльныя области отгородятся таможенными заставами, то насколько стѣсняется торговля и промышленность? Ясно, что отдѣлъ косвенныхъ налоговъ представляетъ большія затрудненія, если бюджетъ Донского Войска (какъ и другихъ Войскъ), выдѣлить изъ общегосударственнаго бюджета.

Отдѣлъ пошлинъ разнаго рода можетъ и не вызывать

особыхъ затрудненій, если не стѣснятъ ими особенно населеніе, — въ противномъ случаѣ можетъ возникнуть ропотъ, если пошлины Войска будутъ отличаться въ размѣрахъ отъ пошлинъ остальныхъ мѣстностей Государства.

Отдѣлъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ.

Въ этомъ Отдѣлѣ значительную сумму составляли доходы отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя построены были на общегосударственныя средства и не могутъ считаться исключительною собственностью Войска.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно доходовъ отъ каменноугольныхъ угодій на Донцѣ и отъ эксплоатаціи нефтяныхъ земель на Терекѣ, каковыя имущества не могутъ отнюдь считаться принадлежностью областей, будучи въ той же, если не большей, мѣрѣ собственностью всего Государства.

Если даже допустить, что всѣ сомнѣнія по приходной смѣтѣ могли бы быть разрѣшены безъ ущерба для бюджета, въ смыслѣ принципіальномъ, то и тогда, имѣя въ виду энергичное отстаиваніе статей смѣты расходной и шаткость смѣты приходной, свести балансъ бюджета безъ дефицита несомнѣнно не удастся.

Надежда на то, что эксплоатація природныхъ богатствъ Края можетъ заткнуть всѣ прорѣхи бюджета, далеко не основательна, такъ какъ прежде чѣмъ продажа угля или нефти могла бы осуществиться, надо произвести весьма значительныя затраты на приведеніе въ порядокъ запущенныхъ прежнихъ промысловъ и на разработку новыхъ.

Разсчитывать на займы иностранные для цѣли эксплоатаціи природныхъ богатствъ, равно какъ и на займы для сведенія бюджета, весьма трудно въ виду сомнительности правъ на владѣніе этими богатствами.

Остается, какъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, неизмѣнный рессурсъ — печатный станокъ для изготовленія кредитныхъ билетовъ.

Въ 1919 году, послѣ временнаго изгнанія большевиковъ, работы Ростовской Конторы б. Государственнаго Банка по приготовленію кредитныхъ билетовъ донского образца удалось поставить настолько широко, что изъ этого источника питались всѣ три Войска и Добровольческая Армія, пока не открыла собственную фабрикацію «колокольчиковъ».

Надо удивляться, насколько была сильна вѣра въ воз-

рожденіе Россіи, въ успѣхъ возможнаго тогда продвиженія «на Москву», что курсъ «донскихъ» кредитныхъ билетовъ держался долго очень крѣпко.[1]).

Возможно ли будетъ разсчитывать на выпускъ кредитныхъ билетовъ въ первое время по возвращеніи въ Россію, притомъ не въ общегосударственномъ масштабѣ, а для какой либо отдѣльной области, — это весьма сомнительно.

По успокоеніи страны, при проведеніи въ жизнь плана эксплоатаціи природныхъ богатствъ, послѣ организаціи эмиссіоннаго банка, можно, конечно, надѣяться и на упорядоченіе денежнаго обращенія, но въ первое время, даже въ первый, а, быть можетъ, и второй годъ, такія финансовыя операціи будутъ обречены на неудачу.

А, если это такъ, то и составленіе самостоятельнаго областного бюджета будетъ тщетнымъ усиліемъ.

Безъ матеріальныхъ средствъ возстановленіе экономической жизни края совершенно немыслимо.

Какова же будущность Казачества?

Рѣшеніе этого вопроса можетъ быть ведено по одному изъ трехъ — различныхъ одинъ отъ другого — путей.

Во-первыхъ, Казачество, очертивъ географически часть территоріи бывшей Россійской Имперіи и назвавъ ее «Юго-Востокомъ Россіи», образуетъ какъ бы самостоятельное Государство, защищается соединенными силами трехъ или четырехъ казачьихъ Войскъ, и эксплоатируетъ природныя богатства Края исключительно на пользу войскового населенія.

При такомъ рѣшеніи вопроса на началахъ «самостійности», кромѣ выше перечисленныхъ экономическихъ трудностей, придется стать въ недружелюбныя отношенія съ общегосударственной властью. Перспектива возможной гражданской войны, атмосфера постоянной напряженности ради огражденія своихъ мѣстныхъ интересовъ, чувство изолированности, отвѣтственности передъ исторіей, — вотъ каковы условія возникновенія, а — главное — и укрѣпленія новой жизни казачества у себя на Родинѣ, въ Россіи, куда стремимся мы всѣ, какъ къ общей Матери, куда стремится казачество, соскучившееся по своимъ станицамъ. Можетъ ли

---

[1]) Послѣ первой Новороссійской эвакуаціи, въ г. Константинополѣ донскія деньги могли быть еще размѣнены на валюту, считая по 60% за 100 номинальной стоимости.

казачество становиться на такой путь? Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ сами казаки.

Если бы при голосованiи такого рѣшенія, въ пользу его раздалось бы нѣсколько голосовъ, то, надо думать, громадное большинство несомнѣнно отвѣтило бы отрицательно.

Второй путь могло бы подсказать, выработанное подъ вліяніемъ всеобщаго уравненія правъ, чувство гражданственнаго смиренія, чувство сознанія будущаго величія возрожденной Россіи, когда каждый ея гражданинъ могъ бы воспользоваться равными правами и привилегіями, независимо отъ той территоріи, на которой онъ живетъ.

Этотъ путь сознанія необходимости отказа отъ особыхъ преимуществъ и уравненія со всѣми остальными гражданами Россіи.

Нѣтъ ни князей, ни дворянъ, ни казаковъ, — а есть равноправные русскіе граждане.

Однако, традиціи особаго уклада казачьей жизни настолько слились съ характеромъ и бытомъ казака, что, при всей своей демократичности, врядъ ли такой путь онъ призналъ бы для себя пріемлемымъ.

Но, если отъ казачества не потребуется особой, исключительно военной службы, на которую требуются и исключительныя силы и средства, то какое значеніе имѣютъ и на чемъ могутъ обосновываться привилегіи?

Чувство свободолюбія, сохраненіе уклада исторически сложившейся жизни должны получить законное удовлетвореніе, и это можетъ быть достигнуто путемъ предоставленія преимуществъ широкаго самоуправленія въ дѣлахъ мѣстнаго характера и быта, вся же жизнь государственная должна развиваться совмѣстно съ жизнью всего Россійскаго Государства.

Такъ это, или не такъ, — пусть отвѣтитъ на это само казачество.

Третій путь — это продолженіе военной службы казачества съ сохраненіемъ за то и особыхъ привилегій. Если условія войны теперь измѣнились, если не схватки грудь съ грудью рѣшаютъ побѣду, а преимущества техники, то, быть можетъ, на казачество возможно возложить содержаніе и воспитаніе командъ военныхъ летчиковъ, танкистовъ, или иную форму военной службы, но тогда не потребуется коневодства, не будетъ надобности въ пастбищахъ, словомъ самое свойство привилегій измѣнится. Однако, тѣмъ не ме-

нѣе, какія то новыя формы взаимоотношеній съ Государствомъ установятся и будетъ возможно сохранить самое наименованіе «Войско», которое иначе утрачиваетъ всякій смыслъ.

Надъ этими вопросами стоитъ, да и необходимо, теперь же поработать при участіи военныхъ и финансистовъ.

Но тогда куда уйдетъ вся поэзія казака на конѣ, съ шашкою и пикою? Къ чему занятія джигитовкою и другія исторически сложившіяся красочныя подробности казачьяго быта? Впрочемъ, жизнь идетъ и безпощадно устраняетъ многія и многія архаическія подробности жизни и быта, ставя на мѣсто ихъ иныя, болѣе современныя.

Повидимому, третій путь пришелся бы по мысли большинству казаковъ.

Такъ или не такъ, — опять пусть отвѣтятъ сами казаки, которымъ, быть можетъ, рисуются и иные пути ихъ будущности.

Наше дѣло было подѣлиться своими мыслями и, главнымъ образомъ, нѣкоторыми финансовыми соображеніями, вынесенными изъ опыта работы на Дону.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о казачьемъ самоуправленіи.

Насколько крѣпокъ былъ бытъ казачества, когда на Войсковыхъ Кругахъ въ станицахъ думали и судили казаки-отцы, посылая умудренныхъ житейскимъ опытомъ представителей на Большой Восковой Кругъ или Раду, настолько крикливы и нерѣдко малотолковы стали собранія этихъ правящихъ учрежденій, когда на нихъ появились представители иного типа, готовые протянуть руку надвигающимся большевикамъ.

Съ такимъ составомъ работать въ государственномъ масштабѣ немыслимо.

Отсутствіе образованія и замѣняющаго его житейскаго опыта, повышенныя требованія всякаго рода льготъ и отсутствіе сознанія необходимости нести обязанности, платить налоги, получая только всѣ удобства жизни откуда то со стороны, — все это элементы, мало подходящіе для государственной работы.

Надъ этимъ надо крѣпко подумать и выработать болѣе совершенные пріемы выборовъ излюбленныхъ людей.

Всѣ эти вопросы Казачество должно рѣшать и навѣрное

рѣшитъ въ своей средѣ, понимая, что затронутые вопросы — кореннаго характера.

Время еще есть, и кругомъ здѣсь, за рубежомъ, есть свѣдущіе специалисты, чѣмъ слѣдовало бы воспользоваться, пригласивъ ихъ для совѣта и для подготовленія рѣшенія всѣхъ вопросовъ, находящихся въ прямой связи съ вопросомъ: —

— Какова будущность Казачества?

На этомъ и поставлю точку.

А. В. КАРТАШЕВЪ,

б. Министръ Временнаго Правительства, профессоръ, Предсѣдатель Русскаго Національнаго Комитета.

У меня нѣтъ личныхъ наблюденій надъ жизнью казачества. Могу судить о немъ, лишь какъ историкъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, въ примѣненіи къ русской политикѣ ближайшаго будущаго.

Тяжелъ былъ для костей народныхъ грузъ нашей государственной исторіи. Онъ пригнулъ массу къ землѣ и не подготовилъ изъ нея гражданъ къ роковому моменту переживаемой нами катастрофы. Между тѣмъ обстановка такова, что нужно строить новую Россію не на холопствѣ, а на гражданствѣ. Тутъ мало выгодное для насъ — русскихъ — преимущество можетъ оказаться на сторонѣ многихъ, даже ниже насъ стоящихъ по культурѣ, народовъ Россіи, но заряженныхъ энергіей своего національизма, что обыкновенно повышаетъ гражданское самосознаніе. Элементы русскаго населенія, граждански наиболѣе крѣпкіе и доброкачественные, получаютъ сугубую цѣну. Казачество, не надломленное крѣпостнымъ правомъ и привыкшее къ самоуправленію, и есть такая квалифицированная часть кореннаго русскаго народа.

Россію придется строить на сочетаніи началъ здороваго централизма и здороваго федерализма. Въ казачествѣ заложенъ синтезъ этихъ началъ. Они — сама коренная Россія и въ то же время особая бытовая самоуправляющаяся ея часть. На фонѣ нездоровыхъ уклоновъ и централизма и федерализма, казачество можетъ дать хорошій образецъ

правильнаго государственнаго построенія въ тѣсномъ союзѣ россійскихъ народовъ.

И во внутреннемъ духѣ самаго государственнаго уклада казачество счастливо сочетаетъ духъ здороваго національнаго консерватизма съ духомъ здороваго свободолюбиваго демократизма. А въ равновѣсіи этихъ началъ — залогъ государственнаго благополучія.

Сохранится ли казачество въ Новой Россіи? — Я думаю — да. Мечты пацифистовъ далеки отъ осуществленія. Россіи придется быть военной державой, т. е. продолжать хранить и культивировать свои военныя возможности, къ числу коихъ относится и казачій бытъ. Такъ какъ я не вѣрю въ длительность коммунистической власти и предвижу мощную реакцію противъ нея русскихъ историческихъ началъ, то я въ порядкѣ этой реакціи предвижу и возсозданіе поколебленнаго большевиками казачества.

Аббатъ ШАРЛЬ КЕНЭ,

Секретарь Парижскаго Архіепископа, широко извѣстный помощью русскому учащемуся юношеству.

(Переводъ съ французскаго)

Съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Россіи, еще до революціи, я, спрашивая, во время посѣщенія школъ, учениковъ о ихъ мѣсторожденіи, иногда поражался, съ какой особой выразительностью мальчикъ или дѣвочка отвѣчали мнѣ: «я — казакъ, я — казачка». Постоянный контактъ съ населеніемъ юга Россіи, а позднѣе Сибири, а также изученіе исторіи страны, — мнѣ выяснили, что казаки представляютъ собой особую соціальную группу, имѣющую свои, свойственныя только ей, достоинства и недостатки.

Что прежде всего бросается въ глаза у казаковъ — это ихъ любовь къ землѣ и къ коню. Казакъ-землепашецъ привязанъ къ своему полю, какъ казакъ-воинъ привязанъ къ своему коню. Они составляютъ какъ бы одно цѣлое, понимая взаимно другъ друга и подчиняясь взаимнымъ требованіямъ. Съ какимъ упорствомъ хлѣбопашецъ обрабатываетъ свою землю, будь то бѣднякъ или богачъ!.. Съ ка-

кимъ глубокимъ чувствомъ благодарности собираетъ онъ данный землей урожай, какъ будто она могла его услышать и понять. Онъ зоветъ ее: «земля наша», «наша матушка», «прародительница наша»... Онъ благодаритъ ее за сѣно и хлѣбъ. Его религія его учитъ, что Богъ создалъ и оплодотворилъ землю, и земля, къ которой онъ такъ привязанъ, сближаетъ его съ Богомъ.

Единый съ землей, казакъ также единъ и съ конемъ. Всадникъ, пахарь, перевозчикъ урожая, — онъ всегда сотоварищъ своего коня. И, конечно, казакъ-кавалеристъ — всегда тріумфаторъ и въ не знающихъ устали «лавахъ», и въ бѣшеныхъ атакахъ, и въ невѣроятной свой джигитовкѣ. Посюду и всегда, въ тяжелую и добрую минуту, казакъ неразлученъ со своимъ конемъ. И съ лаской, и съ упрекомъ, казакъ всегда обращается къ коню дружески. И, со своей стороны, маленькая казачья лошадь какъ бы внимательно прислушивается къ тому, что говоритъ ей хозяинъ. Она то будто соглашается съ нимъ, то будто усмѣхается. То она принимаетъ такой видъ, точно хочетъ сказать: «ну, хорошо, я приналягу, чтобы дотащить телѣгу до конца подъема», то, слыша знакомую угрозу, она смотритъ насмѣшливо, какъ будто говоря: «меня ударятъ кнутомъ!», или же готова разсмѣяться, зная, что не слѣдуетъ принимать всерьез проклятья, посылаемыя ей послѣ остановки у трактира.

Когда глубже постигаешь казачью жизнь, то открываешь въ ней сильную любовь къ свободѣ и тѣ два добродѣтельныхъ чувства, которыя обычно — какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у цѣлаго народа, — нераздѣльны съ чувствомъ свободы: чистосердечіе и преданность. Казакъ любитъ быть господиномъ своего положенія. Онъ умѣетъ сражаться за свою свободу и за дѣло, которое онъ свободно избралъ. При этомъ онъ храбръ. Нѣтъ тѣхъ испытаній, опасностей, препятствій, которыя могли бы его устрашить. Сама смерть напрасно пыталась бы его напугать. Когда его запугиваютъ, онъ становится лишь болѣе рѣшительнымъ и стойкимъ. Когда ему угрожаютъ, онъ способенъ на безумную отвагу и самоотверженность.

Наконецъ, для европейца, казаки имѣютъ то цѣнное преимущество, что они никогда не были совсѣмъ оторваны отъ Европы. Черезъ Украину или Польшу (были ли казаки съ ними друзьями или врагами), они соприкасались съ эллинской, латинской и средневѣковой цивилизацiей. Если они

не восприняли ее, то встрѣчались съ ней, они ее знали, и цивилизація не является для нихъ чѣмъ-то совершенно чуждымъ.

Чего недостаетъ казакамъ? Прежде всего — научныхъ знаній о землѣ. Они любятъ землю, но не умѣютъ взять отъ нея все то, что она можетъ дать. Тѣмъ не менѣе, находясь въ Европѣ, казаки умѣютъ наблюдать и примѣчать тѣ способы обрабатыванія и эксплоатаціи земли, которые здѣсь примѣняются. Хотя казаки и не восторгаются всѣмъ тѣмъ, что видятъ они на Западѣ, а иногда и предпочитаютъ дѣлать по своему, однако они не прочь и поучиться. И когда они возвратятся къ себѣ, они будутъ обладать цѣннымъ опытомъ. Ихъ поля, луга, лѣса, дома, амбары, стойла — только выиграютъ отъ этого.

Казакамъ также необходимо развитіе ихъ политическаго сознанія. Исторія казачества показываетъ, что въ области свободы, которая имъ столь дорога, они скорѣе больше потеряли, чѣмъ пріобрѣли. Къ сожалѣнію, надо признаться, что закулисная борьба и интриги отдѣльныхъ личностей, существующія при всякой политикѣ, нигдѣ не проявляются съ такой силой, какъ на востокѣ Европы. Къ ихъ несчастью, казаки слишкомъ поддаются духу индивидуализма, независимости и неповиновенія, что лишаетъ ихъ силы единства и заставляетъ ихъ политически играть на руку маленькимъ партіямъ и ничтожнымъ личностямъ. Наконецъ, имъ нужно создать свою интеллигенцію. Если раньше народы нуждались лишь въ сильныхъ вождяхъ, теперь имъ нужны вожди просвѣщенные, образованные. Казакамъ нужны интеллигенты, которые не были бы среди нихъ рѣдкимъ исключеніемъ. Но въ то же время они должны остерегаться созданія интеллигенціи, какъ отдѣльнаго класса. Кто говоритъ «классъ», тотъ говоритъ «разъединеніе»; отсюда необходимость для интеллигенціи «идти въ народъ» по примѣру русскихъ «народниковъ». Гораздо лучше и не уходить изъ народа. Молодая казачья интеллигенція должна зорко слѣдить за собой, чтобы не жить вдали отъ земли, коня, отъ труда, отъ нуждъ и души своего народа.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ,
б. Предсѣдатель Временнаго Правительства, редакторъ газеты «Дни».

«Мысль казаковъ, — сказано въ присланной мнѣ анкетѣ, — углубляясь въ прошлое, старается пытливо заглянуть въ будущее, угадать, сохранится ли въ будущей новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь, въ какихъ формахъ, и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ.

Думаю, что будущее казачества заключено въ его прошломъ, въ тѣхъ «широкихъ началахъ народоправства, братства и равенства», которыя три вѣка тому назадъ пытались осуществить казаки въ своей общественной жизни.

Всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ государственномъ управленіи во время Февральской Революціи, никогда не забыть, что именно тогда, — правда, на краткій срокъ, — эти начала были возстановлены Правительствомъ Всероссійскимъ.

Отсюда вытекаетъ моя глубокая увѣренность въ солидарности интересовъ между собственно русской и казачьими демократіями. Недоразумѣнія, иногда острыя, возникавшія между ними послѣ революціи, объясняются, по моему, исключительно той отчужденностью, которая послѣднія десятилѣтія монархіи искусственно создавалась между политически прогрессивной Россіей и казачьими войсками.

Въ будущей, внутренне свободной и федеративной, Россіи не будетъ никакихъ поводовъ къ психологическому отчужденію между отдѣльными бытовыми группами русскаго народа.

Включая казачество въ понятіе русскаго народа, я отнюдь не покушаюсь тѣмъ на своеобразную самобытность казачьихъ областей. Разнообразіе мѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ укладовъ только богатитъ всероссійскую культуру, умножаетъ творческія возможности народа и тѣмъ крѣпитъ Государство.

Совершенно естественно, что въ новыхъ условіяхъ свободнаго внутренняго государственнаго строительства казачество внутри своихъ областей сотретъ грань между собой и, такъ называемыми, иногородними. Вѣдь нѣкоторыя мѣстныя сословно-войсковыя дореволюціонныя «привиллегіи» только прикрывали собой исключительныя воин-

скія тяготы, которыя несло казачество и которыя, на самомъ дѣлѣ, въ корнѣ подрѣзывали хозяйственную мощь его.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ возможности сейчасъ подробно обосновать всѣ эти мои краткія мысли о будущихъ судьбахъ казачества. Мнѣ представляется, въ общемъ, что передъ нимъ въ свободномъ единствѣ со всѣмъ русскимъ народомъ открываются безграничные горизонты культурнаго, соціальнаго и государственнаго творчества.

Надо только, чтобы въ федеративной свободной Россіи казачество твердо держалось своихъ исконныхъ традицій, «три вѣка назадъ» уже осуществлявшихся: народоправства, соціальнаго братства и политическаго равенства.

А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ,
б. Членъ Государственной Думы,
профессоръ, историкъ.

Два условія представляются мнѣ необходимыми для того, чтобы русское казачество составило плодотворный элементъ въ процессѣ внутренняго устроенія будущей Россіи:

I. Будущая русская государственная власть должна будетъ строить политическое Единство Россіи не на подавленіи мѣстныхъ особенностей отдѣльныхъ областей государства, а на развитіи ихъ внутренней самодѣятельности. Поэтому, — и казачьи области должны будутъ сохранить исторически сложившееся своеобразіе ихъ жизненнаго уклада.

II. Само казачество должно будетъ при этомъ не дать укорениться въ своей средѣ двумъ чреватымъ опасными послѣдствіями теченіямъ:

а) идеализаціи всего своего историческаго прошлаго, въ которомъ дѣйствовали далеко не одни только «начала равенства и братства», но также сказывалась и довольно рѣзко выраженная соціальная борьба между верхними и низшими слоями казачества со всѣми неизбѣжными послѣдствіями таковаго соціальнаго расчлененія и неравенства;

б) стремленію порвать историческую традицію, состоявшую въ томъ, что казачество всегда мыслило себя состав-

нымъ элементомъ обще-русской государственности и аванпостомъ ея самозащиты отъ внѣшнихъ непріятелей; эту подлинную историческую традицію искажаютъ теперь тѣ представители казачества, которые, въ угоду самостійнымъ тенденціямъ и въ разрѣзъ съ исторической истиной, выдвигаютъ вздорныя теоріи о томъ, что казачество есть особая нація, отдѣльная отъ русскаго народа.

Уваженіе къ подлиннымъ историческимъ традиціямъ, — не искажаемымъ въ угоду предвзятымъ тенденціямъ, — въ соединеніи съ трезвымъ политическимъ реализмомъ, — вотъ что можетъ послужить единственно надежнымъ залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія казачества, какъ одной изъ самодѣятельныхъ клѣточекъ русскаго государственнаго организма.

А. И. КУПРИНЪ,
извѣстный русскій писатель.

Пусть мои глаза и не увидятъ чаемаго счастія Родины, но такъ же, какъ непоколебимо вѣрую я въ грядущее оздоровленіе и обновленіе Великой Россіи, вѣрю я и въ будущую неразрывную связь Казачества съ нею. За это говорятъ вѣка общей исторіи, общихъ войнъ, общей религіи, общихъ интересовъ, общаго языка. Признаюсь: краевые частные интересы и вопросъ о формѣ братскаго союза — стоятъ для меня на второмъ планѣ. Я лишь знаю, что Казачеству не придетъ никогда въ головы бредить о самостійности, побуждаемой искусственнымъ шовинизмомъ и натравливаемой ложной ненавистью. Мнѣ цѣнна старинная красивая формула: «Кланяемся Тебѣ, Бѣлокаменная Москва, а мы, Казаки, на Тихомъ Дону».

Для нашихъ потомковъ будутъ завѣтны казачьи вольности. Справедливость требуетъ сказать, что съ ними не особенно бережно считалось правительство до-революціонныхъ временъ, еще помнившее былыя смуты и тревожные годы. Но союзъ съ вольнымъ человѣкомъ прочнѣе союза съ человѣкомъ приневоленнымъ.

Вотъ потому то, не только ошибкою, но и государственнымъ преступленіемъ было посылать казаковъ усмирять внутренніе уличные безпорядки. Это развращаетъ од-

нихъ, возбуждаетъ другихъ и родитъ взаимное неуваженіе. На такія дѣла есть хорошо оплачиваемая, хорошо вооруженная и хорошо воспитанная полиція. Казака въ моральномъ отношеніи надо было беречь пуще глаза.

Казакъ драгоцѣнный союзникъ въ охранѣ Государства. Многовѣковое общеніе съ лошадью сдѣлало изъ него природнаго кавалериста. Но онъ и прирожденный воинъ: со временъ сѣдой древности онъ стоялъ на рубежахъ Земли Россійской, на передовыхъ ея постахъ, какъ стражъ и развѣдчикъ, всегда готовый къ первому наступленію и къ первой оборонѣ. Гдѣ еще въ мірѣ есть подобный незамѣнимый родъ войска? Поглядите на ихъ походку и посадку. Послушайте ихъ пѣсенъ!

И скажу еще одно. Казаки искони владѣли землями добротными и въ большомъ количествѣ. Къ тому же они никогда не знали условій крѣпостного рабства, угнетавшаго и принижавшаго душу русскаго крестьянина, хотя ее и не сломившаго. Какъ земледѣлецъ, казакъ — фермеръ; если хотите — помѣщикъ. Его ни за что не соблазнятъ: ни бредъ коммунизма, ни блажь интернаціонала, особенно, когда послѣ горькаго долгаго опыта жизнь войдетъ въ нормальную колею. А, вѣдь, зараза большевизма, даже безкровно скончавшагося, еще не разъ дастъ знать о себѣ случайными вспышками...

А. П. КУТЕПОВЪ,
ген. отъ Инфантеріи, б. Командиръ
Корпуса Добровольческой Арміи,
Предсѣдатель Обще-Воинскаго Союза.

Близко соприкоснуться съ казачествомъ мнѣ пришлось во время гражданской войны, когда въ казацкихъ степяхъ Генералы Алексѣевъ и Корниловъ развернули трехцвѣтное знамя, съ призывомъ на борьбу съ краснымъ интернаціоналомъ.

Передъ моими глазами встаютъ свѣтлые образы Генераловъ Каледина, Назарова, Дутова, Есаула Чернецова и столькихъ другихъ доблестныхъ казаковъ, кровью своей запечатлѣвшихъ любовь къ родному краю и вѣрность Россіи.

Судьбы казачества неразрывно связаны съ судьбами

всего русскаго народа. Всѣ Казачьи Войска вписали своими подвигами на поляхъ брани славныя страницы въ многовѣковую исторію Россійскаго Государства. И эти грядущія судьбы не могутъ быть разрѣшены здѣсь, на чужбинѣ, покамѣстъ наше отечество стонетъ подъ большевицкимъ игомъ.

Когда настанетъ радостный день освобожденія, я увѣренъ, что казачество, свято храня память и завѣты своего славнаго прошлаго, снова начнетъ жить и крѣпнуть подъ сѣнью нашей общей матери Великой Россіи.

А теперь передъ казачествомъ, какъ и передъ всѣмъ русскимъ народомъ, какъ въ Россіи, такъ и на чужбинѣ, — одна цѣль: всѣми силами бороться съ поработителями нашей Родины.

12 января 1928 г. Парижъ.

С. И. ЛЕВИНЪ,

журналистъ, сотрудникъ газ. «Россія» и другихъ изданій.

Въ широкихъ кругахъ русскаго общества, вплоть до самой революціи господствовало неосновательное мнѣніе, что казаки являются карательнымъ орудіемъ реакціи и главной опорой самодержавія.

Революція и послѣдующія событія опровергли эту гипотезу.

Независимо отъ отношенія къ февральской революціи теперь, надо съ сожалѣніемъ помнить, что въ тѣ присно-памятные дни, казаки были первыми, поднявшими знамя возстанія противъ умиравшаго строя.

Съ другой стороны, въ дѣлѣ борьбы съ третьимъ интернаціоналомъ казаки занимаютъ совсѣмъ особое мѣсто.

Когда на судѣ Гиббоновъ будетъ разбираться дѣло о покушеніи враговъ и союзниковъ расчленить и уничтожить государство Россійское, выяснится та жертвенность, которую принесло казачество всѣхъ двѣнадцати Войскъ на алтарь Отечества.

Не случайно на берегахъ Дона, Кубани и Терека зародилась добровольческая армія, вѣдь именно оттуда начало развертываться все антибольшевицкое движеніе.

Послѣ пораженія бѣлыхъ армій, области казачьихъ

войскъ, какъ и вся Россія, оказались подъ большевицкой пятой. Казаки, тѣмъ не менѣе, какъ-то сумѣли, несмотря на растлѣвающее вліяніе коммунистической доктрины, оказать извнутри сопротивленіе совѣтчинѣ и не безъ жертвъ сохранить свою славную самобытность, тысячелѣтній укладъ и вѣковыя традиціи.

Казаки, на вопросъ, есть ли порохъ въ пороховницахъ, не гнется ли казачья сила? отвѣтили «Совнаркому»:

«Нѣтъ, пороху въ пороховницахъ нѣтъ, но и казачья сила не гнется».

Можно, на основаніи аналогіи съ прошлымъ, увѣренно сказать, что, когда солнце свободы снова засіяетъ надъ нашей несчастной родиной и начнется ея строительство, свободолюбивое казачество — ферментъ русскаго демократизма — сыграетъ роль цемента, стягивающаго подъ крылья двуглаваго орла всѣ народности великой федеративной Россіи.

Когда раздастся перезвонъ московскихъ колоколовъ, тогда казачество снова начнетъ выполнять свою историческую миссію — завѣсы и охранительницы границъ, выкованной въ горнилѣ революціи могучей Россіи.

А. С. ЛУКОМСКІЙ,

ген.-лейтенантъ, б. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ.

Казачество есть кровь отъ крови, плоть отъ плоти русскаго народа. Въ немъ, часто въ обостренной формѣ, отражаются какъ положительныя, такъ и отрицательныя черты характера народа, выдѣлившаго казачество изъ своей среды.

Исторія казачества есть исторія расширенія Россійскаго Государства, его укрѣпленія и его строительства. Сыгравъ исключительную по своему значенію роль въ расширеніи Россіи, казачество, въ то же время, во всѣ періоды жизни Россіи, какъ при внѣшнихъ осложненіяхъ, такъ и въ періоды внутреннихъ смутъ, почти всегда, беззавѣтной преданностью общей Родинѣ, помогало преодолѣть надвигавшіяся бѣдствія и способствовало укрѣпленію центральной

государственной власти. Правда, были случаи, когда «казачья вольница» не только причиняла много непріятностей центральной власти, но иногда и потрясала основы Государства... Но эти случаи тонули въ беззавѣтной преданности Родинѣ и вѣрности Престолу. Въ казачьихъ устахъ, слова «За Вѣру, Царя и Отечество» не были пустымъ звукомъ!

Переходъ казачества на положеніе «служилыхъ Войскъ», конечно, многимъ изъ казаковъ не нравился, но онъ былъ исторически необходимъ и неизбѣженъ... Путь централизаціи власти, твердо проводимый Русскими Императорами, и измѣненія условій жизни и обстановки на окраинахъ Государства — естественно къ этому привели.

Трудна была служба казачества, часто не считалась центральная власть съ потребностями казачества на мѣстахъ, бывали плохіе наказные атаманы, часто главное управленіе казачьихъ войскъ и Военный Совѣтъ разрѣшали многіе вопросы чисто по канцелярски, не считаясь съ мѣстной обстановкой, да и не зная иногда ея.

Часто казачество страдало и не могло развернуть во всю ширь и размахъ своихъ мѣстныхъ возможностей и богатствъ. А это не только улучшило бы экономическое и бытовое положеніе казачества, но и было бы чрезвычайно полезно для Государства.

Передъ міровой войной назрѣвалъ цѣлый рядъ вопросовъ объ улучшеніи экономическаго и бытового положенія казачества, но надвигавшаяся война оборвала ихъ разрѣшеніе.

Революція 1917 года, а затѣмъ охватившій Россію большевизмъ — всколыхнули и казачество.

Казачества прежде всего вернули себѣ «вольности», — круги, рады, выборныхъ атамановъ — и стремились объединить въ своихъ рукахъ все законодательство въ предѣлахъ своихъ войскъ. Затѣмъ казачества переболѣли и большевизмомъ.

Въ періодъ временной «свободы», до тѣхъ поръ, пока центральное совѣтское правительство не придушило ее совсѣмъ, на кругахъ и радахъ часто раздавались демагогическія рѣчи о «завоеваніяхъ революціи», о возвращеніи къ «казачьимъ вольностямъ», послѣ трехсотлѣтняго угнетенія Императорской властью... Многіе изъ казачьихъ вожаковъ совершенно забыли, что главными защитниками казачества и постоянными ихъ покровителями противъ попытокъ дру-

гихъ органовъ власти «разказачить» казачество являлись Русскіе Цари.

Ни при какомъ демократическо-республиканскомъ строѣ казачества не сохранили бы того, что имъ было сохранено при существованіи Монархіи.

Трудна была служба казачества, но оно пользовалось такимъ экономическимъ благосостояніемъ и такими льготами, которыхъ не знала ни одна часть прочаго населенія Россіи.

За время борьбы съ большевиками казачество сыграло выдающуюся роль и внесло много славныхъ страницъ въ свою исторію. Много оно настрадалось, много потеряло своихъ славныхъ руководителей и простыхъ казаковъ, погибшихъ за честь и свободу Россіи и за спасеніе родныхъ своихъ мѣстъ отъ порабощенія властью Антихриста.

Въ Зарубежье ушло много казаковъ; по сравненію въ процентномъ отношеніи съ другими слоями Русскаго народа, Казачество стоитъ на первомъ мѣстѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что очень и очень многіе не ушли въ Зарубежье не по собственному желанію, а потому, что фактически не могли этого сдѣлать.

Заглядывать въ будущее трудно; никто съ полной опредѣленностью теперь не предскажетъ, по какому пути пойдетъ дальнѣйшій историческій ходъ Россіи, а съ этимъ непосредственно связана и дальнѣйшая судьба казачества.

Я лично глубоко вѣрю въ то, что Россія вернется на свой историческій монархическій путь. Убѣжденъ въ томъ, что въ основу будущаго возстановленія Великой Россіи будетъ положенъ принципъ широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Если это будетъ такъ, — то сохранятся и казачества, которыя, составляя единую часть со своей Родиной, будутъ жить и строиться на той же основѣ широкаго самоуправленія.

Если же, паче чаянія, Россія пойдетъ по пути демократическо-республиканскому, то отъ казачествъ останутся только названія, иногородній элементъ во многихъ мѣстахъ поглотитъ элементъ казачества и послѣднее ничѣмъ не будетъ отличаться отъ другихъ частей Государства Россійскаго.

4 января 1928 г. Парижъ.

П. Н. МИЛЮКОВЪ,

профессоръ, историкъ, б. Министръ Иностранныхъ дѣлъ Временнаго Правительства, редакторъ газеты «Послѣднія Новости».

Казачество, насколько я знаю, разсматриваетъ себя, какъ часть Россіи. Такимъ образомъ, и отвѣты должны сообразоваться съ этой точкой зрѣнія. «Сохранится-ли въ будущей Новой Россіи казачество?» Какъ бытовая группа, сложившаяся въ теченіе вѣковъ, оно не можетъ не сохраниться. Но бытовыя особенности съ распространеніемъ культуры и прогресса стираются, и бытъ наполняется новымъ содержаніемъ.

Очевидно, казачество не сможетъ — вѣроятно, и не захочетъ — остаться въ сторонѣ отъ этого прогресса. При этомъ, несомнѣнно, «сильныя» и «слабыя» стороны казачества будутъ имѣть различную участь.

Сильной стороной являются указанныя въ «анкетѣ» «широкія начала народоправства, братства и равенства». Очевидно, эти черты должны будутъ укрѣпиться и развиться въ демократическо-республиканской Россіи. И можно только радоваться, что въ сознаніи казачества живутъ эти начала, отдѣляющія ихъ отъ Старой Россіи и облегчающія имъ переходъ къ Россіи Новой. «Слабыя» стороны казачества, я думаю, общи ему съ таковыми же сторонами общерусской жизни. Характеръ классовой привилегіи, отдѣляющій казачество отъ другихъ группъ населенія, недостаточная культурность земледѣльческой массы, свойственныя этому уровню просвѣщенія пороки, не перешедшее изъ инстинкта въ сознаніе чувство солидарности, какъ мѣстной, такъ и всероссійской, — все это отнюдь не угрожаетъ дальнѣйшему существованію казачества, но подлежитъ смягченію и устраненію въ той обстановкѣ народнаго развитія, которыя даны будутъ Новой Россіи.

Что касается общаго моего — лучше сказать, нашего, такъ какъ я представляю опредѣленное политическое теченіе, — отношенія къ казачеству, оно опредѣлилось всей предыдущей нашей политической дѣятельностью.

Казачество всегда было особенно близко именно нашему политическому теченію; въ его рядахъ мы видѣли и видимъ самыхъ выдающихся нашихъ единомышленниковъ; и то обстоятельство, что они могли быть таковыми, остава-

ясь въ то же время достойными представителями казачества, само по себѣ показываетъ совпаденіе нашихъ взглядовъ, стремленій и интересовъ.

Б. С. МИРКИНЪ-ГЕЦЕВИЧЪ,
приватъ-доцентъ Петроградскаго
Университета.

Краткій срокъ, остающійся у меня для отвѣта на Вашу анкету, не позволяетъ высказаться съ необходимой полнотой, которую заслуживаетъ значительность и серіозность затронутыхъ Вами вопросовъ. Но пользуюсь Вашимъ любезнымъ разрѣшеніемъ — «подѣлиться хотя бы нѣсколькими мыслями».

Въ общей формѣ отвѣтить на Вашу анкету не трудно: въ Вашихъ вопросахъ даны уже нѣкоторые — и при томъ существенные — отвѣты. Вы пишете о казачествѣ новой Россіи, о томъ, что «вольное» казачество уже въ своемъ славномъ прошломъ вѣрило въ «широкія начала народоправства, братства и равенства», что казачество вернулось «къ этимъ порядкамъ послѣ февральской революціи». Въ такой постановкѣ вопросъ о будущности казачества уже получаетъ безспорный политическій и историческій отвѣтъ. Приведенныя Вами формулы «народоправства, братства и равенства», получившія въ февралѣ 1917 года свое осуществленіе, и тотчасъ же оскверненныя и упраздненныя большевизмомъ, — опредѣляютъ, какъ мнѣ кажется, и самый вопросъ о взаимоотношеніяхъ между казаками и остальными гражданами Россіи: тѣ «широкія начала», которыя Вы почитаете традиціями казачества, являются вѣдь и общими началами, единой путеводной звѣздой грядущей освобожденной Россіи...

Въ грядущей республиканской Россіи казачеству, какъ и всѣмъ гражданамъ, предстоитъ огромная созидательная работа. Историческія и психологическія особенности казачьяго уклада сдѣлаютъ творческое участіе казачества въ этой созидательной работѣ особенно значительнымъ и общенаціонально полезнымъ. И потому, что «начала народоправства» Вы признаете завѣтомъ казачества, — этотъ путь есть путь общій, путь Россіи, путь русскаго будущаго; общій братскій путь и казаковъ, и прочихъ гражданъ Россіи; — одинъ путь, одна цѣль, одна надежда, одно свершеніе.

А. Б. ПЕТРИЩЕВЪ,

литераторъ-публицистъ.

На поставленные Вами вопросы мнѣ трудно отвѣтить съ внѣшней или «иногородней» точки зрѣнія. Моя жизнь многими нитями связана съ казачествомъ. О казакахъ съ давнихъ поръ у меня сложились родственныя мнѣнія, — и мѣнять эти мнѣнія не имѣю причины.

Въ очень юныхъ годахъ я видѣлъ, какъ трудно казаку «снаряжаться въ очередь». Что стоило это снаряженіе, и какъ тяжело оно «справлялось», — говорить едва ли нужно: каждый казакъ самъ знаетъ. Пожалуй, не каждый знаетъ о менѣе непосредственныхъ и не столь осязательныхъ послѣдствіяхъ, лежавшихъ на казачествѣ, чрезвычайныхъ воинскихъ повинностей. Прикрѣпленный къ сѣдлу, казакъ отдавалъ службѣ самые цвѣтущіе годы жизни. Служба поглощала всѣ помыслы и заботы человѣка.

Казаку некогда было заняться вплотную развитіемъ тѣхъ или иныхъ промысловъ. Разработкой естественныхъ богатствъ на своихъ степныхъ просторахъ, торговлей, ремеслами онъ предоставлялъ заниматься другимъ. Вынужденъ былъ предоставлять, ибо до «стариковскаго» возраста червякомъ «точила душу» служба. А когда человѣкъ становился «старикомъ» (въ казачьемъ смыслѣ этого слова), силы, необходимыя для хозяйственной предпріимчимости, были уже подорваны, да и заботъ «служебныхъ» не убавлялось: самъ отслужилъ, но подросшихъ сыновей надо снаряжать, невѣстокъ и внуковъ содержать.

Даже въ коренномъ казачьемъ промыслѣ — земледѣліи — можно было наблюдать нѣкоторую отсталость по сравненію съ болѣе свободными въ распоряженіи своей хозяйственной энергіей «иногородними».

Для поясненія коснусь одного частнаго случая, — при всей его незначительности, онъ характеренъ. Мною нѣкогда была поднята мысль о развитіи шелководнаго промысла въ Донской области. Тогдашній окружной атаманъ 1-го Донского округа А. С. Зотовъ поддержалъ мною инціативу. Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись и областныя учрежденія. Мнѣ были предоставлены средства на постановку опытовъ въ ст. Константиновской. Станичное управленіе отвело участокъ для тутовыхъ насажденій. Работа пошла было вполнѣ успѣшно. Но первый же годъ обнаружилъ до-

вольно двусмысленное положеніе: средства на постановку дѣлъ шли отъ казаковъ, а воспользоваться результатами наиболѣе удобно иногороднимъ, — ибо казакамъ было не до новшествъ, ихъ «заѣдала служба».

Служба создавала своеобразную крѣпостную зависимость казака отъ воинскихъ обстоятельствъ и даже отъ дисциплинарныхъ капризовъ (такими капризами было богато время, напр., атаманствованія на Дону кн. Святополка-Мирскаго). Всѣ эти тяготы считались «податью за землю». Но, на мой взглядъ, правы были тѣ казаки, которые находили эту подать чрезмѣрной.

И съ чисто казачьей, и съ общегосударственной точки зрѣнія требовался пересмотръ «казацкихъ повинностей». Нельзя было считать правильнымъ порядокъ, при которомъ коренное населеніе той же хотя бы Донской области, богатѣйшей по своимъ природнымъ даннымъ, обречено на хозяйственную отсталость, а, значитъ, и на неуклонное обѣднѣніе.

Раскрѣпощая всѣхъ, февральская революція 1917 г. несла раскрѣпощеніе и казакамъ. Къ сожалѣнію, большевицкій переворотъ оторвалъ всѣ вопросы россійской жизни отъ государственнаго ихъ направленія. Оторванъ отъ государственнаго направленія и вопросъ о пересмотрѣ казачьихъ повинностей. Теперь же, послѣ 10 лѣтъ опустошеній, бѣдствій, разгрома и разоренія возложить на казаковъ обязанности въ прежнемъ объемѣ значило бы придавить ихъ совершенно непосильнымъ, физически невозможнымъ бременемъ.

Съ чисто хозяйственнымъ и гражданскимъ вопросомъ логически не связанъ чисто военный вопросъ, — о сохраненіи (вѣрнѣе, возрожденіи) казачества, какъ особаго вида кавалеріи. Но объ этомъ второмъ вопросѣ надо судить военнымъ спеціалистамъ. О роли конницы при современной техникѣ военные авторитеты судятъ различно. Различно они судятъ и о возможной роли казачьихъ войскъ «въ вѣкъ воздушныхъ и химическихъ войнъ». Вопросы эти сложны, подходить къ нимъ безъ спеціальныхъ обслѣдованій было бы легкомысленно. Имъ лишь нельзя насильственно подчинять хозяйственную нужду казачества въ раскрѣпощеніи отъ узъ, сковывающихъ предпріимчивость.

Нельзя также подчинять жизненные интересы казаче-

ства партійнымъ политическимъ тенденціямъ, сторонники котораго разсуждаютъ приблизительно такъ:

— Казачество есть сословіе, — стало быть, для его существованія нуженъ сословный строй, а, слѣдовательно, нужна монархія.

Не будемъ спорить, — сословіе ли казаки. Но ихъ исторія вовсе не такъ проста. Существовали казаки безъ монарховъ. И существуютъ монархіи безъ казаковъ. И если монархистъ способенъ мыслить государственно, то онъ долженъ придти къ тѣмъ же выводамъ, какіе обязательны и для государственно мыслящаго республиканца.

— Нельзя, недопустимо населеніе огромныхъ областей чрезмѣрными тяготами, отъ которыхъ свободны другіе граждане, обрекать на состояніе хозяйственной отсталости.

Это было недопустимо въ прошломъ. Теперь, когда казачьи области болѣе рѣшительно втягиваются въ чисто индустріальный оборотъ, вновь на прежнихъ основаніяхъ прикрѣплять казаковъ къ службѣ было бы преступно.

Генералъ СКОРОПАДСКІЙ,
б. Гетманъ Украины.

Къ сожалѣнію моему, короткій срокъ не даетъ мнѣ возможности пространно отвѣтить на затронутые анкетой вопросы. Могу лишь отмѣтить нѣсколько моментовъ, въ которые мнѣ лично пришлось имѣть непосредственное дѣло съ Донскими казачьими частями, а также съ самимъ Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ.

Первое было во время великой войны, въ началѣ которой, командуя дивизіей, а потомъ корпусами, мнѣ пришлось имѣть подъ начальствомъ Донскія части. Второе — во время моего Гетманства.

Для меня вполнѣ очевидно, что не будь старыхъ казацкихъ традицій, Донское Войско не смогло бы выставить такихъ прекрасныхъ въ походѣ и бою полковъ, какихъ мнѣ пришлось имѣть подъ своей командой. Но все же и въ тѣ времена замѣчалась довольно яркая разница между казачьей молодежью и стариками. Въ то время, какъ послѣдніе были еще, какъ бы, пропитаны старыми традиціями и со-

знаніемъ необходимости авторитета, первые, какъ бы, эмансипировались изъ подъ вліянія этихъ традицій. Причины этого явленія, я думаю, было бы ошибочно искать только въ «новыхъ вѣяніяхъ». Вѣроятнѣе всего, корни этого кроются глубже — въ томъ поворотѣ отъ казачества вольнаго къ казачеству служилому, которымъ ознаменовалось для казачества XIX-ое столѣтіе. Этотъ переходъ естественно долженъ былъ прервать традиціонныя связи, тянувшіяся со временъ самостоятельности Войска въ 1570-1645 годахъ и рано или поздно внести черты разрозненности и нивелировки, на которыхъ такъ удачно базируется всякая революція.

Наступившее смутное время могло только углубить происшедшій сдвигъ въ сторону утраты казачьихъ традицій и привести не только къ пренебреженію, но и возстанію противъ авторитетовъ старшихъ и лучшихъ людей. Правда, возстановленіе послѣ февральской революціи Всевеликаго Войска Донского явилось первой попыткой возстановить утерянное. Но въ общей завирухѣ эта попытка не могла уже дать немедленныхъ результатовъ. Даже трагичная смерть, свѣтлой памяти, перваго выборнаго Атамана Всевеликаго Войска Донского Каледина не смогла дать толчка къ уразумѣнію всей величины надвигавшейся опасности и бѣдствій. За этой первой жертвой своего долга и вѣрности Всевеликому Войску Донскому послѣдовали и другія славныя казачьи имена, вписанныя кровью на новой страницѣ Всевеликаго Войска Донского. Все это не можетъ исчезнуть безслѣдно. Наступятъ другія времена и завѣтами обороны своей земли будутъ питаться молодыя, наростающія поколѣнія и чтить память павшихъ, какъ было это всегда у казаковъ.

Уже въ 1918 году было устранено много изъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшали создавать силы для отстаиванія самостоятельно территорій и препятствовали установленію дружественныхъ взаимоотношеній между сосѣдями.

Пересматривая теперь соглашеніе, заключенное во время моего Гетманства, между правительствами Всевеликаго Войска Донского и правительствомъ Украйны, даешь себѣ полный отчетъ, что между Дономъ и Украйной нѣтъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и что самыя болѣзненныя на первый взглядъ несогласія могутъ быть устранены при доброй съ той и другой стороны волѣ. Для этого только надо

трактовать самостоятельность не какъ синонимъ вражды и злобы, а какъ основу, устраняющую насиліе другъ надъ другомъ и побуждающую къ бережному отношенію къ взаимнымъ интересамъ.

Во времена моего Гетманства я разсматривалъ этотъ вопросъ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія и встрѣтилъ аналогичное же пониманіе у правительства Всевеликаго Войска. Поэтому заключенное соглашеніе, разрѣшивъ полюбовно вопросы территоріальные, не только позволило Украинскому правительству снабжать Всевеликое Войско Донское оружіемъ и военными припасами, но и установило атмосферу взаимности.

Къ сожалѣнію, въ стихійныя времена изобилуютъ теченія, толкающія къ распрямъ и къ уничтоженію настоящаго во имя прошлаго или будущаго. Эти теченія, негативныя по сути своей, даютъ обыкновенно побѣду третьимъ. Такъ и въ данномъ случаѣ побѣдилъ надвигавшійся централистичный коммунизмъ. Но формула «Самостоятельность и Союзъ», положенная въ 1918 году краеугольнымъ камнемъ соглашенія Независимой Украйны съ Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ, не утратила и до сихъ поръ своего значенія. Наоборотъ. Минулое и настоящее указываютъ, что къ этой формулѣ должны склониться всѣ тѣ, кто хотятъ избѣжать новыхъ потрясеній, кровопролитія и братоубійства въ будущемъ, ибо она даетъ широту и гибкость для органическаго разрѣшенія національныхъ, экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ антагонизмовъ на основахъ дружественной соработы и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ напряженію энергій въ сторону творчества, а не разрушенія.

Только этотъ путь, направленный внѣ крайностей, можетъ привести къ содружеству и къ соработѣ между сосѣдями...

П. Б. СТРУВЕ,
академикъ , общественный и
политическій дѣятель;
редакторъ газеты «Россія».

Для того, кто осмысленно вглядывается въ исторію Руси — Россіи, не существуетъ никакого вопроса о томъ, оправдало ли казачество въ этой исторіи свое бытіе, какъ особой и своеобразной силы.

Казачья вольница сыграла въ исторіи Россіи двоякую роль.

Во-первыхъ, какъ единственная вольная сила тяглой въ остальномъ Россіи, какъ единственный вольный «міръ» въ великомъ русскомъ морѣ тяглыхъ «міровъ».

Такъ было до раскрѣпощенія Россіи, начавшагося въ 1762 г. и завершеннаго въ своей основѣ въ 1861 г.

Во-вторыхъ, какъ міръ или міры, свободно-организованные, вольностью своей собранные въ нѣкія воинскія братства среди всей остальной, свободно распыленной, громады русскаго народа, казачество, или, точнѣе, казачества были и остаются единственнымъ явленіемъ въ русской политической дѣйствительности. Казачества не суть государства и въ то же время они не просто вольныя сообщества случайно и временно сошедшихся, несомыхъ историческимъ вѣтромъ, пылинокъ-людей.

Въ будущемъ государственномъ строительствѣ Великой Россіи казачества (я нарочно употребляю тутъ множественное число) сильнѣе, чѣмъ прежде, выявятъ — надо думать — свой государственный характеръ и, въ то же время, ставъ болѣе самозаконными («автономными»), еще ярче обнаружатъ свою исконную природу особой вольницы.

Какъ это произойдетъ, никто не можетъ сказать, но всѣмъ русскимъ, казакамъ и не-казакамъ, — нужно понять и продумать великую историческую и въ то же время живую цѣнность казачества. У казачества есть великое прошлое, но у него есть и будущее и — великое призваніе въ этомъ будущемъ.

М. М. ФЕДОРОВЪ,

б. Министръ (до революціи) и Членъ Особаго Совѣщанія при ген. А. И. Деникинѣ, тов. Предсѣдателя Національнаго Комитета, Предсѣдатель Центральнаго Комитета помощи студентамъ.

Для меня казаки всегда были тѣми передовыми бойцами за нашу общую великую родину, которые издревле и способствовали расширенію ея предѣловъ, и охраняли ихъ отъ внѣшняго врага. На окраинахъ казачество являлось од-

нимъ изъ главныхъ насадителей и проводниковъ русской культуры, русскаго языка, русской государственности, и въ этомъ смыслѣ историческая его роль неоспорима. И вольное и служилое казачество съ честью несло всегда эту свою службу Россіи. Въ годины великихъ испытаній казачество въ своемъ большинствѣ оставалось вѣрнымъ русской государственной идеѣ и отстаивало русское государственное единство. Вполнѣ понятно поэтому, что именно въ коренныя казачьи земли потянулись и русскіе государственные люди въ тяжкіе дни переживаемыхъ нами великихъ испытаній, организуя борьбу съ международными насильниками. Ихъ историческое чутье и не обманетъ ихъ. Свою роль въ незаконченной еще борьбѣ съ чуждой Россіи интернаціональной властью вольное нынѣ казачество, само призванное установить свой національный путь, выполнитъ до конца: оно, почитая себя составной частью Россіи, съ ея интернаціональными поработителями будетъ бороться до конца и будетъ стремиться къ возсозданію государственнаго единства Россіи. Я въ это твердо вѣрю.

В. Н. ЧЕЛИЩЕВЪ,
б. Старшій Предсѣдатель Московской Судебной Палаты, Членъ Особаго Совѣщанія при генералѣ А. И. Деникинѣ.

За недостаткомъ времени и позднимъ полученіемъ предложенія, я лишенъ возможности отвѣтить на всѣ вопросы анкеты, но и промолчать не хочу, тѣмъ болѣе, что анкета даетъ мнѣ выходъ, разрѣшая «сказать хотя бы нѣсколько словъ».

Поистинѣ безпредѣльна наша родина и, можетъ быть, потому, а главное, по укладу нашей государственной жизни, мы родину плохо знали. Мало мы знали и наше казачество, его исторію, несмотря на большую роль, которую оно играло въ жизни нашего отечества.

Нахлынувшая катастрофа многое открыла и многое заставила понять изъ того, что усыпленнымъ инерціей движенія государственной машины казалось подчасъ неважнымъ,

недостойнымъ вниманія и изученія. Годы лихолѣтія, годы гражданской войны дали мнѣ возможность понять казачество. Я говорю здѣсь исключительно о юго-восточномъ казачествѣ.

Правда, и эти событія давали разнымъ людямъ матеріалъ для несогласуемыхъ, разнорѣчивыхъ заключеній. Были и есть русскіе люди и русскія политическая теченія въ эмиграціи, которые утверждали и утверждаютъ, что казачество за время гражданской войны выявило свой сепаратизмъ, что это было одной изъ причинъ неудачи Добровольческой Арміи.

Моя совѣсть, совѣсть человѣка, пробывшаго болѣе года въ правительствѣ при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами Юга Россіи, не только наблюдавшаго событія, но и участвовавшаго въ отвѣтственныхъ переговорахъ съ казачествомъ, повелительно требуетъ самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть такую точку зрѣнія и утверждать противное. Казачество Юга Россіи боролось и за свои края и за Россію, неотъемлемой частью которой оно себя почитало.

Нельзя же казачеству поставить въ упрекъ, что оно боролось за свои края. Вѣдь нельзя любить родину, не любя своего края, своего дома, какъ нельзя любить родину, не любя своихъ родителей и своихъ дѣтей, какъ нельзя любить человѣчество, не любя родины, своихъ согражданъ.

Вотъ эта любовь къ своему краю, къ своимъ близкимъ естественно заставляла и заставила установить свою временную государственность. Государственность требуетъ авторитета и въ такое смутное время, которое переживалось въ годы гражданской войны, послѣ безславнаго паденія царской власти и власти Временнаго Правительства, авторитетъ могъ быть построенъ лишь на явномъ, осязаемомъ принципѣ. О преемственности авторитета не могло быть рѣчи. Чувство гражданственности, не исчезнувшая изъ памяти казачьей традиція самоуправленія, привычный уху и сознанію авторитетъ терминовъ: Круга, Атамана и т. д., дали счастливую возможность быстраго построенія государственнаго аппарата и его функціонированія. Это надо было тогда понять всѣмъ и каждому, относиться къ этому бережно и любовно, и использовать до конца во имя интересовъ Россіи.

Я никого и ни въ чемъ не обвиняю. Я хочу лишь ска-

зать, что напрасно видятъ въ возникшихъ на территоріи казачьихъ войскъ государственныхъ образованіяхъ проявленіе самостійности. Я утверждаю, что ихъ образованіе было проявленіемъ здороваго государственнаго инстинкта однихъ и государственнаго сознанія другихъ. Правда, авторитетъ Главнаго Командованія часто сталкивался съ авторитетомъ правительствъ этихъ государственныхъ образованій, что порождало многія неудобства, можетъ быть, вредило общему дѣлу. Но я спросилъ бы возражающихъ, что дѣлалъ бы авторитетъ Главнаго Командованія, если бы онъ былъ одинокъ, и не находилъ поддержки въ авторитетѣ правительствъ Дона, Кубани и Терека? Мнѣ думается, что онъ не былъ бы даже ни въ какой мѣрѣ авторитетомъ для казачества, ибо, повторяю, преемственности у него не было, силы тоже, ибо она, главнымъ образомъ, была въ казачествѣ, а великая цѣль, которая имъ была поставлена — освобожденіе родины, — требовала авторитета, а не замѣняла его.

Итакъ, можно смѣло утверждать, что казачество, жившее до начала XVIII вѣка своимъ государственно-общественнымъ укладомъ, сохранило въ себѣ начало государственности, доблесть гражданства и волю къ борьбѣ за свои права въ несравненно большей степени, чѣмъ коренное населеніе Россіи, которое лишь теперь въ тяжелыхъ испытаніяхъ «учится быть гражданиномъ».

Вотъ нѣсколько словъ о недавнемъ прошломъ. О будущемъ гадать не хочу, а лишь отъ души желаю, чтобы скорѣе сыны славныхъ Донского, Кубанскаго и Терскаго Войскъ стали сынами Свободной Россіи.

Бѣлградъ, 12 февраля 1928 г.

М. В. ЧЕЛНОКОВЪ,

б. Московскій Городской Голова.

Двѣ основныя черты опредѣляются особенно ясно въ исторіи казачества. Казачество имѣло своимъ источникомъ Россію, и изъ этого источника оно постоянно пополнялось.

Въ тяжелыя времена Московскаго государственнаго строительства очень и очень многіе, особенно индивидуально опредѣленные и сильные, не выдерживали тягости подне-

вольной жизни и бѣжали на самыя отдаленныя окраины государства, гдѣ при свободныхъ и своеобразныхъ условіяхъ эти русскіе люди вполнѣ выявили очень многія организаторскія, государственныя, творческія стороны русскаго ума и характера и создали сильное, своеобразное, жизненное, чисто русское явленіе — казачество, не имѣющее подобнаго въ другихъ странахъ.

И вторая опредѣленная черта: — это казачество, устроившись своеобразно, совершенно отлично отъ коренной Россіи, всегда сохраняло по отношенію къ ней какую то особую вѣрность и сознаніе обязанности ей служить. И несло свою службу вѣрой и правдой. Оно защищало границы русскаго государства, расширяло ихъ и закрѣпляло свое движеніе утвержденіемъ православія и русской культуры.

Вотъ эти основныя черты въ исторіи казачества опредѣлятъ, мнѣ кажется, и желательное будущее.

Тѣсная связь съ Россіей и сохраненіе всего положительнаго, что выработала трехсотлѣтняя исторія казачества, должны лечь въ основу будущаго устройства казаковъ. О деталяхъ этого устройства говорить теперь несвоевременно: жизнь, опытъ и добросовѣстное желаніе найти наилучшее рѣшеніе каждаго изъ многочисленныхъ вопросовъ осуществятъ нужное казачеству и Росіи.

Ручательствомъ этому служитъ вся исторія казачества и въ наше время имъ проявленныя сплоченность, пониманіе своихъ интересовъ и общей обстановки, вѣрность традиціямъ и горячая любовь къ родинѣ.

1927. 26. 12 / 1928. 8. 1.

Ген.-Маіоръ Н. ШИПОВЪ,
б. Командиръ 5-го Уральскаго
Казачьяго полка.

Я не могу не откликнуться на казачій призывъ и не высказаться, хотя бы кратко, по поводу мнѣнія моего о казакахъ.

Слишкомъ много было въ моей жизни переживаній среди казачьей среды, которыя меня тѣсно сблизили съ ними. Въ юные годы я росъ съ ними, въ боевое время вмѣстѣ съ ними сражался. Я понялъ казаковъ, крѣпко полюбилъ ихъ,

восхищался ими и привязался къ нимъ всей душой. Вотъ почему, все, что касается казаковъ, близко и дорого для меня.

Я не исполнилъ бы своего элементарнаго долга благодарности къ казакамъ, а благодарность есть одна изъ присущихъ казакамъ ихъ особенностей, если бы остался глухъ къ присланной мнѣ анкетѣ о казакахъ.

То, что могу сказать я о казакахъ, казакъ о казакахъ сказать не можетъ, я близко много видѣлъ казаковъ и мнѣніе мое безпристрастно. Сильная сторона казачества, имѣющая особенно важное значеніе въ настоящее время, время полнаго развала и разрозненности въ населеніи Россіи, это то, что для казаковъ слово «казакъ» не пустое слово.

Слово казакъ дѣйствительно практически объединяетъ всѣхъ казаковъ, гдѣ бы они ни находились; для нихъ казакъ означаетъ: свой, родной.

Это историческое объединеніе, уничтожить которое является немыслимымъ. Въ виду сего, послѣ паденія совѣтской власти, казачество явится, въ первые дни, единственной значительной организованной силой въ Россіи, которая быстро окрѣпнетъ и, какъ въ военное время казаки прикрывали разбитыя главныя силы Русской Арміи, чтобы дать имъ время вновь собраться и привестись въ порядокъ, такъ и теперь, подъ прикрытіемъ казаковъ, остальное населеніе Россіи будетъ имѣть возможность придти въ себя и соорганизоваться для новаго устроенія Государства.

Будущность казачества тѣсно связана съ будущностью всей Россіи. Эти годы лишній разъ доказали, что Россія можетъ разсчитывать лишь на себя. Человѣчество всего міра считается только съ силой. Только единая, сильная Россія можетъ разсчитывать на самостоятельную будущность, для отстаиванія своихъ національныхъ интересовъ. Не жить казакамъ безъ Россіи и Россіи безъ казаковъ, крѣпкій кулакъ сильнѣе отдѣльныхъ пальцевъ.

Льстивыя ухаживанія иностранцевъ за отдѣльными народностями, населяющими Россію, рѣзко смѣнились бы снисходительнымъ пренебреженіемъ къ нимъ, въ случаѣ отдѣленія ихъ отъ Россіи, какъ не представляющимъ изъ себя сколько нибудь значительной міровой силы.

Въ прошломъ Россіи за казачествомъ масса цѣнныхъ заслугъ, они были вѣрными ея сынами. Были у казаковъ и отдѣльные враги, преимущественно изъ людей незаслужива-

ющихъ уваженія и чуждыхъ любви къ своей родинѣ, но въ массѣ населенія понятіе о казакахъ было тѣсно связано съ удалью и къ нимъ относились съ любовью и уваженіемъ, ими всегда гордились.

Лично я, разновременно близко стоявшій къ казакамъ, а въ минувшую войну имѣвшій счастье командовать 5-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ, всегда искренно восхищался ими: сколько удали, сколько находчивости, сколько подвиговъ и при томъ сколько скромности я видѣлъ!!.

Дѣйствительный выдающійся подвигъ, при отсутствіи всякаго хвастовства, зачастую даже безъ доклада своему начальству, — вотъ отличительная черта казака. Исполнилъ свой долгъ, вотъ и все. Съ момента революціи я твердо вѣрилъ, вѣрю и сейчасъ, что казаки спасутъ Россію. Такъ оно и будетъ.

П. П. ЮРЕНЕВЪ,
инженеръ, б. Членъ Государственной Думы и Министръ Временнаго Правительства.

Я принадлежу къ той части русскаго населенія, которой до самаго послѣдняго времени приходилось очень рѣдко сталкиваться съ кореннымъ казачьимъ населеніемъ, ограничивая свои случайныя встрѣчи составомъ такъ называемыхъ «петербургскихъ» казаковъ, чиновниковъ, офицеровъ конвоя и т. д., нерѣдко потерявшихъ всякую связь съ казачьимъ бытомъ и жизнью.

Мнѣ пришлось ближе познакомиться съ дѣйствительными представителями казачества сначала во 2-ой Государственной Думѣ, а позднѣе во времена гражданской войны на югѣ Россіи.

И, если бы мнѣ необходимо было отвѣтить на вопросъ, каковы отличительныя черты — въ сферѣ общественнаго и политическаго устройства — казачества, я бы не колеблясь отвѣтилъ, что ихъ три главныхъ:

изумительная привязанность къ родному краю; внѣ всякаго сомнѣнія стремленіе къ выборному строю самоуправленія и

одновременно съ глубокимъ, исторически, вѣками сложившимся истиннымъ демократизмомъ — стремленіе создать выборную, но сильную исполнительную власть съ непремѣннымъ ей, во имя интересовъ общаго, подчиненіемъ. А такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, эти три положенія являются основными и въ борьбѣ за возстановленіе Россіи, казачество должно играть выдающуюся роль въ этой борьбѣ не только физическими силами, но и своей здоровой психологіей. —

Едва ли слѣдуетъ преувеличивать опасность сепаратистскихъ теченій, стремленій къ «самостійности», могущихъ возникнуть и возникающихъ въ психологіи эмигрантскаго бездѣлья; поскольку они питаются посторонними источниками, они не найдутъ сколько нибудь значительное число сторонниковъ; поскольку они являются результатомъ преувеличеннаго казачьяго патріотизма, дѣйствительность, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, докажетъ всю ихъ фантастичность и несообразность прежде всего съ точки зрѣнія казачьихъ интересовъ.

Однако желательно, чтобы эти теченія встрѣчали рѣзкую и немедленную отповѣдь изъ среды авторитетныхъ круговъ казачества.

Praha,

И. Г. АКУЛИНИНЪ,
ген. штаба Генералъ-Маіоръ, каз.
Оренбургскаго Войска.

I

Нѣсколько словъ о служилыхъ казакахъ.

Исторія восточныхъ казачьихъ Войскъ не такъ ярка и красочна, какъ исторія южнаго казачества. Но она представляетъ собою разительный примѣръ беззавѣтнаго служенія Родинѣ и крѣпкаго утвержденія русской государственности на необъятныхъ пространствахъ сѣверо-восточной и средней Азіи.

Сибирь, Башкирія, Киргизія и частью Туркестанъ были завоеваны и закрѣплены за Россіей съ необычайно малыми силами и съ весьма ничтожными затратами отъ государства.

Эти завоеванія совершены вольными удальцами — казаками, которые часто на свой страхъ и рискъ отправлялись небольшими ватагами «провѣдывать новыя землицы».

Съ легкой руки атамана Ермака Тимофеевича, сибирскіе казаки-землепроходцы, продвигаясь постепенно на востокъ, расширили предѣлы Россіи до береговъ Тихаго океана и «до стѣнъ недвижнаго Китая».

Какъ только казаки открывали «новую землицу» и покоряли дотолѣ никому неизвѣстный «народецъ», они немедля «били челомъ Московскому царю».

По слѣдамъ казаковъ шли воеводы со служилыми людьми, съ боевыми и съѣстными припасами; строили остроги и города; и приступали къ сбору «ясака въ государеву казну».

Въ теченіе XVII вѣка казаки «подвели подъ высокую руку Русскаго царя» всю Сибирь.

Московское государство въ лицѣ казаковъ нашло даровую военную силу, изъ коей воеводы составляли отряды для покоренія «ясашныхъ людей», которыхъ потомъ держали въ повиновеніи съ помощью тѣхъ же казаковъ.

Во время походовъ и скитаній по Сибирской тайгѣ и тундрѣ казаки терпѣли большія лишенія; многіе гибли отъ морозовъ, голода и въ стычкахъ съ инородцами.

Приходилось казакамъ переносить всякія обиды и притѣсненія отъ несправедливости и лихоимства московскихъ воеводъ.

Но ничто не могло смутить казаковъ и остановить ихъ движеніе на востокъ, въ невѣдомые края. Свою историческую миссію казаки выполнили съ честью.

Это были казаки — государственники, всегда покорные Царю, лойяльные къ власти и твердо стоявшіе на стражѣ закона и порядка. Въ службѣ не за страхъ, а за совѣсть они черпали свои права и обязанности.

На такихъ основахъ сложился особый казачій укладъ, которымъ казаки жили до самаго послѣдняго времени.

Башкирія и Киргизія были присоединены къ Россійской Державѣ съ помощью волжскихъ, камскихъ, самарскихъ, уфимскихъ и исетскихъ казаковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи было образовано Оренбургское Войско, составившее новое казачье звено между уральскими и сибирскими казаками.

Постепенное завоеваніе Туркестана происходило при

дѣятельномъ участіи уральскихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ казаковъ.

Чтобы прочнѣе связать Дальне-Восточныя области съ остальной Россіей, русское правительство учредило по ту сторону Байкала сначала Забайкальское, а потомъ Амурское казачьи Войска.

Наконецъ, переселеніемъ казаковъ на р. Уссури изъ Забайкальскаго, Оренбургскаго, Донского и др. казачьихъ войскъ, было положено основаніе Уссурійскому войску.

Это было послѣднее мѣропріятіе русскаго правительства, закончившее цѣлый періодъ закрѣпленія границъ посредствомъ казачьихъ линій. На этомъ какъ-бы пріостановился имперскій размахъ русской политики. Въ средѣ правительственныхъ круговъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становилось все меньше и меньше людей съ государственнымъ чутьемъ и имперскимъ кругозоромъ, которые могли бы хорошо управлять Великой Державой.

Присоединивъ Туркестанъ, русское правительство сдѣлало непоправимую ошибку, не поселивъ такъ казаковъ, къ чему имѣлась полная возможность. Охотниковъ идти въ новозавоеванный теплый край нашлось бы много, какъ среди казаковъ старыхъ казачьихъ войскъ, такъ и среди солдатъ-туркестанцевъ. Здѣсь надо было повторить мудрую политику предыдущихъ царствованій, когда границы государства расширялись и осваивались продвиженіемъ казачьихъ частей.

Уничтоженіе Енисейскаго войска, казаки котораго принимали такое дѣятельное участіе въ поискахъ «новыхъ землицъ», надо признать, съ государственной точки зрѣнія, мѣрой вредной, а въ отношеніи енисейцевъ въ высшей степени несправедливой. Вмѣсто упраздненія хотя и не многочисленнаго, но крѣпкаго казачьимъ духомъ войска, можно было переселить его на китайскую границу, или послать въ Урянхайскій край, который долгое время не былъ занятъ — ни русскими, ни китайцами.

Когда русское правительство построило Восточно-Китайскую желѣзную дорогу, то для охраны ея слѣдовало привлечь исключительно казаковъ изъ всѣхъ казачьихъ войскъ, заселивъ ими полосу отчужденія и ближайшія къ дорогѣ свободныя земли, которыя въ то время еще пустовали. Такимъ путемъ можно было создать Манджурское

войско, — и судьба Восточно-Китайской жел. дороги теперь была бы иная.

Охранявшая дорогу пограничная стража, укомплектованная на общихъ основаніяхъ тамбовцами, калужцами, рязанскими и прочихъ губерній «мужиками», въ моментъ революціоннаго развала разсѣялась, какъ дымъ, и русское добро перешло въ руки китайцевъ.

II

Участіе казаковъ въ Міровой войнѣ у всѣхъ на памяти.

Обращаясь къ періоду гражданской войны (1917 — 20 г.г.), приходится остановиться на фактахъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ, но которые въ глазахъ современниковъ часто затуманиваются.

Прежде всего, русскіе люди не должны забывать, что вооруженная борьба съ большевиками началась въ казачьихъ областяхъ.

Территоріи всѣхъ казачьихъ войскъ явились плацдармами для сбора и накопленія противобольшевицкихъ силъ. Туда стремился всякій, кто хотѣлъ активно бороться съ большевиками.

Ни въ какой другой мѣстности Россіи, кромѣ казачьихъ краевъ, не могла зародиться бѣлая борьба.

Не будь казачьихъ земель, — не было-бы и бѣлаго движенія.

Въ то время, когда вся Русь погрузилась во мракъ и хаосъ, запылали двѣ сигнальныя вѣхи, на которыя русскіе люди устремили свои взоры съ надеждой и упованіемъ.

Первую вѣху зажегъ Донской Атаманъ Калединъ въ Новочеркасскѣ, а вторую вѣху — Оренбургскій Атаманъ Дутовъ въ Оренбургѣ.

Если бы не эти сигнальныя вѣхи, куда бы русскіе патріоты направили свои стопы, спасаясь отъ мрака и хаоса?

Генералъ Алексѣевъ и Генералъ Корниловъ могли положить начало Добровольческой арміи только на Дону и Кубани. Атаманъ Дутовъ могъ собрать вокругъ себя вооруженные отряды только въ Оренбургскихъ станицахъ.

Во многихъ мѣстахъ Россіи вспыхивали отдѣльныя воз-

станія, какъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ; но, не поддержанныя населеніемъ, они быстро угасали.

Организованную борьбу съ краснымъ интернаціоналомъ можно было повести только изъ казачьихъ областей, опираясь на государственно настроенное казачество.

Въ Воронежской губерніи могла возникнуть «Антоновщина», на Украинѣ — «Махновщина», по Черноморскому побережью — «зеленое» движеніе. Но для бѣлаго дѣла тамъ не было почвы. Оно было возможно лишь на казачьей землѣ.

Все казачество принимало въ гражданской войнѣ самое живое участіе. Во всѣхъ казачьихъ войскахъ борьба съ большевиками носила всенародный характеръ, чего не наблюдалось ни въ одной мѣстности Россіи. Только казаки вооружились противъ большевиковъ поголовно. Это была война народа съ нашествіемъ интернаціональной силы.

Причины, вызвавшія всеобщій казачій сполохъ, коренились въ историческомъ прошломъ казачества.

Борьба казаковъ съ коммунистами въ основѣ своей имѣла глубоко идейный характеръ. Это не была борьба за власть или сохраненіе старыхъ привилегій. Казаки, будучи стороной обороняющейся, никакихъ корыстныхъ цѣлей — ни классовыхъ, ни самостійныхъ, — не преслѣдовали и противъ русскаго народа не шли. Наоборотъ, они защищали его подлинные интересы и отстаивали свои права жить и вѣровать по завѣтамъ отцовъ, а не по указкѣ красныхъ комиссаровъ.

Вопреки клеветническимъ утвержденіямъ большевиковъ, казаки не боролись ни за старый режимъ, ни за помѣщиковъ, ни за эксплоататоровъ. Они проливали свою кровь за Мать-Россію, за родные края.

Отстаивая противъ натиска краснаго интернаціонала свои права и вольности, казаки вмѣстѣ съ тѣмъ защищали и европейскую культуру, стоя вмѣстѣ съ тѣмъ на стражѣ міровой цивилизаціи. Какъ и встарь, казачество въ борьбѣ съ новыми варварами выполняло роль передового форпоста Европы.

III

Во всѣ историческіе моменты, переживаемые Россіей, казаки играли выдающуюся роль. Такъ было въ Смутное

время, при нашествіи Карла XII, въ Отечественную войну, при завоеваніи Сибири, Кавказа, Туркестана и во всѣ Турецкія войны. То же было во время Міровой и гражданской войнъ.

Совсѣмъ иная картина получилась со времени захвата казачьихъ областей большевиками и ухода значительной части казаковъ на чужбину — въ эмиграцію.

Въ то время, какъ русскіе люди пытаются объединиться и организовать противобольшевицкій фронтъ, казачество, какъ активная политическая и военная сила, сошло со сцены.

На Родинѣ, въ своихъ краяхъ, казачество обезкровлено, задавлено. Тамъ роль казаковъ сводится пока къ тому, чтобы сохранить — хотя-бы и подъ совѣтскимъ прессомъ, — казачій духъ, казачій бытъ и, по возможности, не давать большевикамъ разлагать морально и уничтожать физически казачью силу.

Тамъ возможна одна политика, одна тактика — сидѣть до поры до времени смирно, изъявляя внѣшнюю покорность, но въ то же время накапливая силы, какъ это приходилось дѣлать русскому народу во времена татарскаго ига. И эту роль казаки на Родинѣ выполняютъ.

Положеніе казаковъ въ эмиграціи иное. Здѣсь они хотя и оторваны отъ родной почвы и терпятъ лишенія, но за то свободны, насколько можно быть свободнымъ и располагать собой въ бѣженской обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ, рука палачей изъ ГПУ надъ казаками не виситъ.

Слѣдовательно, у зарубежныхъ казаковъ есть полная возможность активно бороться съ большевиками. Само пребываніе въ эмиграціи какъ-бы обязываетъ продолжать борьбу, которая не была доведена до побѣднаго конца на Родинѣ.

А между тѣмъ вышло такъ, что во время вооруженной борьбы казаки стояли въ первыхъ рядахъ, а въ эмиграціи оказались на заднемъ планѣ.

Попавъ на чужбину, казаки сошли со сцены и среди политической эмиграціи заняли совсѣмъ незамѣтное мѣсто.

Всѣ эмигрантскія группировки отводятъ казакамъ роль статистовъ; считаютъ, что настоящая работа для казаковъ начнется, когда откроются военныя дѣйствія, а пока идутъ разговоры за зеленымъ столомъ — тамъ казакамъ не мѣсто.

Поэтому казачество учитывается только, какъ военная сила, но не какъ политическій факторъ.

Заграница знала раньше казаковъ въ качествѣ прекрасныхъ воиновъ, а теперь — какъ хорошихъ работниковъ, но и только.

Въ эмиграціи казачество, какъ общественно-политическая сила, не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли. Его совсѣмъ не видно на фронтѣ противобольшевицкой борьбы.

Виноваты въ этомъ сами казаки, которые въ политическомъ отношеніи не представляютъ собою цѣлаго. Среди казаковъ нѣтъ единства. Если и впредь будетъ такъ продолжаться, съ казаками совсѣмъ перестанутъ считаться — и заграница, и русская эмиграція.

Что казаки заграницей учатся, работаютъ, садятся на землю, собираются въ станицы и хутора, — все это очень хорошо и отрадно, но не достаточно.

Казакамъ надо выдѣлить изъ себя активныхъ работниковъ для продолженія борьбы съ большевиками — и не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Казаки должны появиться какъ дѣйственная общественно-политическая казачья сила, безъ которой не могли-бы происходить никакіе сговоры, никакія выступленія, никакія дѣйствія.

А для этого самимъ казакамъ надлежитъ сговориться и столковаться между собою; надо прежде всего устранить разнобой въ казачьихъ рядахъ.

Только при этихъ условіяхъ казачество займетъ подобающее ему мѣсто, съ нимъ будутъ считаться и къ его голосу прислушиваться, какъ за рубежомъ, такъ и на Родинѣ.

Пока Россія находится подъ властью коммунистовъ, пока братья-казаки томятся въ совѣтскомъ плѣну, — до тѣхъ поръ зарубежные казаки не могутъ сидѣть спокойно и ждать чуда. Они сами должны приложить свою мощную руку къ низверженію своего смертельнаго врага, заковавшаго въ цѣпи вольное казачество.

Отъ дѣйствій въ настоящій историческій моментъ зависитъ и будущее казачества, его дальнѣйшая судьба. — «Быть или не быть» казачеству — должны рѣшить сами казаки.

Н. А. БИГАЕВЪ,

Полковникъ Терскаго Казачьяго Войска. Бывшій Командиръ Конвоя Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ, Членъ Осетинскаго Національнаго Совѣта; Членъ Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека.

Отвѣчая на поставленные анкетой вопросы, мы прежде всего должны усвоить себѣ и исходить изъ того непреложнаго факта, что десять истекшихъ революціонныхъ лѣтъ знаменуютъ завершительный актъ того періода русской исторіи, который образовалъ казачество въ разнообразныхъ его видахъ и вдохнулъ въ него духъ исторически складывавшихся условій развитія русскаго государства.

Казачество является продуктомъ русской стихіи, сформировавшей изъ окраинныхъ поселенцевъ своеобразно-красочный культурно-историческій типъ Россійскаго міра.

Являясь порожденіемъ процесса «самовольной» и «государственной» колонизаціи окраинъ, начавшагося еще въ XII вѣкѣ, казачество таило въ своихъ жилахъ черты и принципы, которыми характеризуется природа служилаго земледѣльческаго класса помѣстнаго русскаго дворянства.

Развиваясь по существу (въ перспективѣ государства Россійскаго) на тѣхъ же началахъ, какія были заложены въ основаніе помѣстной системы народной обороны, казаки съ Петра Великаго наслѣдовали эту систему, но нѣсколько въ иныхъ формахъ, отправляя на своихъ, почти всегда подвижныхъ, рубежахъ «караульную службу» Россіи.

Вся жизнь казачества, также какъ и помѣстнаго дворянства, была воплощена въ служеніе государству и вѣрѣ православной.

Оставаясь «вольнымъ» и «гордымъ» въ самомъ себѣ, казакъ растворялся въ семьѣ, станицѣ и войскѣ, ярко выражая свою «личность» — глубокую и религіозную — соборно въ рамкахъ своего родного войска.

Въ силу этого обстоятельства казачьи войска крѣпко и всѣми корнями держались родной почвы, отличаясь покорностью волѣ Божіей и глубокой системой, удерживавшей ихъ на вершинѣ русскаго самосознанія и государственной дисциплины.

Въ границахъ традицій и формъ, сложившихся къ XX столѣтію, казачество росло, богатѣло и развивалось куль-

турно «американскимъ темпомъ». Станицы гордились и красовались богатствомъ своего содержанія. Казачьи края вылились въ культурные организмы, впитавшіе въ себя всѣ богатства и всѣ нюансы русской всеобъемлющей и патріархальной жизни.

Съ природой казачества, какъ съ серьезнымъ факторомъ на международныхъ вѣсахъ, считались политика и стратегія — наша и иноземная. Имъ русскій народъ и вооруженныя силы Россіи гордились.

Наступила революція, принесшая казакамъ «безсмертныя начала 1789 г.» и свободу иногороднимъ и инородцамъ дѣлить казачье добро, кровью предковъ заработанное.

Красная стихія продиктовала въ мірѣ невидѣнныя начала жизни. Идея историческаго казачества, ея природа — ясная и категорическая, исключительная мощь духа его традицій, быта, экономическихъ основъ, — уже не укладывались въ заостренныя формы революціонныхъ лозунговъ.

Западная безрелигіозная и бездушная «культура» была противопоставлена культурѣ казачьей, — соборно-православной и патріархальной. Западный холодный и казачій всеобъемлющій «демократизмы» встрѣтились, какъ смертельные враги.

Казачьи «революціонные вожди», къ несчастью, на жизнь и культурно-историческій смыслъ существованія своихъ войскъ посмотрѣли глазами западнаго соціалистическаго демократизма, а не исторически казачьяго. Полагая, что свободно можно обойтись одной соціальной технологіей безъ соціальной метафизики, они въ два счета хотѣли насадить на казачьей почвѣ идеалы удѣльной Руси въ крайнихъ формахъ западнаго парламентаризма, безъ внутренняго казачьяго содержанія. Въ этомъ — трагедія казачества и ошибка творцовъ войсковыхъ конституцій.

Знаменательно, что послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій сговора казачества съ Главнымъ Командованіемъ, когда южно-русское движеніе было уже на закатѣ, былъ созванъ Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, взявшій въ свои руки (въ лицѣ предсѣдателя, фельдшера Тимошенко), верховную власть. — Верховный Кругъ — безъ Верховнаго Атамана — это историческая нелѣпость на общемъ фонѣ казачества.

Между тѣмъ, если бы казачьи войска Юго-Востока, вмѣсто пресловутой «южной-русской конференціи», догадались

созвать своевременно Верховный Кругъ и ген. Деникина провозгласить Верховнымъ Атаманомъ, то этимъ актомъ они бы «ассимилировали» южно-русское движенiе въ «казачье» движенiе и исторiя этого движенiя, очевидно, сложилась бы иначе.

Казачество и стиль его экономическихъ и бытовыхъ устоевъ не выдержали напора новой стихiи. Историческiй процессъ дальнѣйшаго развитiя казачества въ старыхъ формахъ его своеобразiя былъ прiостановленъ .

Когда нарушается опредѣленное равновѣсiе въ развитiи и условiяхъ жизни всякаго организма, образуется нѣкая пустота, куда неизбѣжно устремляется все живое, подобно тому, какъ ураганомъ гонимый воздухъ стремится туда, гдѣ образуется его разрѣженiе.

Въ жизни казачества образовалась эта пустота. И мы видимъ, какъ она «краснымъ ураганомъ революцiи» заполняется разночинцами, — до иноземельныхъ евреевъ включительно. Мы видимъ, какъ безжалостно перемѣшиваются историческiя карты казачества.

Революцiя внесла расчлененiе въ живой организмъ казачества. Она дифференцировала казачьи края на зоны, районы; она создала на казачьихъ земляхъ «мѣстныя культуры», разновидности соцiально-нацiональныхъ типовъ.

Въ казачьихъ областяхъ образуется новый, чуждый природѣ казака, мiръ. Старое время для вышедшаго на арену жизни молодого поколѣнiя казаковъ представляется, какъ совершившаяся и законченная исторiя. На нашихъ глазахъ широкимъ шагомъ идетъ ассимиляцiя, т. е. крестьянизацiя молодого поколѣнiя.

Исторiя знаетъ множество примѣровъ ассимиляцiи народовъ, даже не однокровниковъ. Революцiя раздавила основы казачьяго быта, базы его экономическаго преуспѣянiя, засоривъ источники его наслѣдственныхъ и культурныхъ свойствъ, такъ явственно выдѣлявшихъ казаковъ изъ общей массы всѣхъ вѣтвей русскаго народа. И ничего не будетъ удивительнаго въ томъ, если мы, по возвращенiи на родину, встрѣтили бы тамъ чуждый нашему сознанiю типъ казака.

Малыя, лишенныя раньше собственныхъ традицiй, собственной самодовлѣющей культуры, недозрѣлыя народности мощной лавиной вышли на авансцену «державныхъ» нацiй. Онѣ въ казачьихъ краяхъ вступили въ сферу, гдѣ без-

раздѣльно царитъ «разумъ», совершенно обезличивая и губя то, ради чего, какъ будто бы, стараются.

Въ казачьихъ «зонахъ» рождается новая культура, образуются и складываются новыя формы жизни. Однако торжествующее и на костяхъ и крови казачества революціонное строительство имѣетъ противъ себя «подводную» стихію неумирающаго духа русскаго рыцарства. Оно силится повернуть колесо новой исторіи родныхъ земель. Старые казаки вѣрятъ, что не далеко то время, когда атаманская булава взмахнетъ на солнцѣ историческаго призванія казачества.

Въ этой пламенной увѣренности взоры порабощенныхъ станицъ обращены къ Зарубежному казачеству, законно и фактически существующему и всѣми признаваемому.

Что же дѣлаютъ зарубежники-станичники въ смертельный часъ, когда красный воронъ доклевываетъ очи казачества?

Увы! — эмигрантское казачество разлилось на множество громко и на разные лады журчащихъ ручейковъ, не желающихъ слиться въ единый «атаманскій» потокъ.

Твердо усвоивъ древній обычай предковъ, зарубежники не только раскололи казачество на «европейское» и «азіатское», но и порвали органическую связь съ «русскою» политическою общественностью. Они не сумѣли на общерусскомъ національномъ фонѣ начертать ясную и категорическую «казачью философію», которая отражала бы интересы прежде всего Россіи, а затѣмъ — казачества нераздѣльно.

Силою вещей казаки очутились въ одиночествѣ. Ни на родинѣ, ни здѣсь, они искреннихъ друзей не имѣютъ. Они имѣютъ только враговъ.

Это положеніе усугубляется кореннымъ измѣненіемъ условій, вызвавшихъ къ жизни казачество и укрѣплявшихъ его въ общей экономіи государства Россійскаго.

Міровая война, объединивъ въ неразрывное цѣлое стратегію, политику и экономику, углубила наполеоновскую доктрину «истребленія живой силы» противника — удушеніемъ всего вражескаго народа всѣми силами современной техники. А послѣдовавшія за вселенской битвой народовъ революціонныя катастрофы въ свою очередь выдвинули новый видъ войны, — войну соціальную, классовую (внутренне-гражданскую), ожидающую своей научной разработки.

«Наука побѣждать» выходитъ на первый планъ. Она поставила стратегіи, тактикѣ и политикѣ новыя задачи. Мимо военнаго дѣла не можетъ пройти ни одна живая душа дальнозоркаго народа, ибо государства превратились въ «дѣйствующія арміи», а классы въ государствѣ — въ «партизановъ».

Такова новая эпоха, — и міръ въ ея власти.

Казачество — твореніе стараго міра, въ значительной мѣрѣ потеряло для Россіи, въ свѣтѣ новыхъ требованій жизни, науки и борьбы классовъ, свои драгоцѣнныя раньше свойства «соціальнаго» военнаго организма и фактора.

Далѣе, — революція коренымъ образомъ измѣнила структурную физіономію русской имперіи. Измѣнились не только географическія и этническія ея черты, — измѣнилась психика многочисленныхъ народовъ Россійскаго міра, пробудившихся къ новой жизни.

Эпоха склонна всѣми гранями стать противъ бытія казачества въ историческихъ его формахъ. Однако казачьи войска, несмотря на изумительныя достиженія жизни, техники, міровой связанности, уничтожающія понятія времени и пространства, не утратили своего высокаго значенія, какъ исключительные факторы русской исторіи и русской культуры.

Казачество — явленіе характера мірового. Оно «поэзія» русской старины, которая не можетъ не волновать русскую душу.

Идея казачества безсмертна, но судьбы его сейчасъ въ смертельной опасности. Историческіе корни казачьихъ войскъ, въ особенности внутреннихъ, медленно подсыхаютъ. Время не ждетъ. Жизнь казачества — короче времени.

И если, дѣйствительно, казачеству суждено сойти съ исторической сцены, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно не найдетъ себя (быть можетъ, въ иныхъ формахъ) въ грядущихъ временахъ, когда державная Россійская волна докатится до предназначенныхъ ей Свыше предѣльныхъ рубежей.

Въ сей же день каждый казакъ долженъ правдѣ жизни спокойно посмотрѣть въ глаза. Эта правда мнѣ лично шепчетъ, что послѣ-большевицкая Россія, во имя прекраснаго прошлаго казачества, на тяжелыя экономическія, земельныя и пр. жертвы не пойдетъ.

Для принесенія этихъ жертвъ на алтарь благополучія

казаковъ, государству нужны будутъ новыя доказательства жертвенности и заслугъ, скрѣпленныхъ казачьей кровью, въ дѣлѣ освобожденія русскаго народа отъ краснаго ига. — Такова логика жизни.

Казачество же можетъ быть «казачествомъ» только въ формахъ и рамкахъ своихъ экономическихъ привилегій и «военно-бытового» уклада жизни. Внѣ этихъ началъ, казачество — фикція.

Итакъ, — казаки для возвращенія утраченнаго и возстановленія свое историческаго лица могутъ и должны разсчитывать только на свои силы. Иными словами: — будущее казачьихъ войскъ покоится на остріѣ казачьей пики, поражающей краснаго дракона, а, можетъ быть, и самостійныя «знамена».

Передъ казачествомъ во весь исполинскій ростъ встаетъ грозная и сложная задача: — въ дни неизбѣжной вооруженной борьбы достойно исполнить передъ матерью Россіей традиціонный долгъ.

Къ этой борьбѣ казаки должны готовиться, памятуя, что благополучный для нихъ исходъ этой борьбы зависитъ отъ того: сумѣютъ ли казачьи войска теперь же объединиться вокругъ своихъ «знаменъ-атамановъ», чтобы въ урочный часъ выступить единымъ фронтомъ, съ единымъ лозунгомъ и единой волей управляемые.

Здѣсь неумолимою логикою властно напрашивается на умъ идея «Верховнаго Атамана».

Верховный Атаманъ, само собою разумѣется, долженъ выйти изъ «Верховнаго Круга» всѣхъ казачьихъ войскъ, который Зарубежному казачеству надлежитъ созвать, не останавливаясь передъ матеріальными жертвами.

Никто, надѣюсь, не станетъ спорить, что голосъ Верховнаго Атамана пріобрѣтетъ огромный вѣсъ не только въ русскихъ дѣлахъ, но и въ международной политикѣ. Этотъ голосъ будетъ гремѣть слышнѣе «аустерлицкихъ пушекъ» въ дни освобожденія Россіи и ея строительства будущими «Пожарскими».

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какія формы должно вылиться казачество въ новой Россіи.

Казачество должно возродиться въ живомъ преемствѣ съ неумирающими въ казачьемъ сознаніи завѣтами старины.

Живымъ преданіемъ казачьихъ историческихъ завѣтовъ являются: выборный Атаманъ и Войсковой Кругъ.

Я думаю, что на Руси не найдется ни одного умнаго государственнаго строителя, который бы принципіально возражалъ противъ этихъ, исторически неотъемлемыхъ, правъ казачьихъ войскъ.

Выборный Атаманъ, облеченный широкими полномочіями гражданской и военной власти, и Войсковой Кругъ, снабженный расширенными правами губернскаго Земскаго Собранія (съ правомъ распоряжаться войсковыми финансами) — вотъ идеалъ казачьяго самоуправленія въ составѣ единой унитарной Россіи.

Л. Ф. БИЧЕРАХОВЪ,

каз Терскаго Войска, ген.-маіоръ,
5. Командующій войсками, дѣйствовавшими во время гражд. войны въ Закавказьи.

Нахожу нужнымъ предупредить, что въ настоящей запискѣ я не указываю казачеству путей и никуда его не зову.

Я отмѣчу лишь нѣкоторыя положенія, кои имѣли и имѣютъ мѣсто, кои вліяли на жизнь казачества въ прошломъ и могутъ повліять на будущее его. Попутно намѣчаю возможные, на мой взглядъ, пути.

***

Я думаю, что въ наше время казачество стоитъ на грани — быть ему или не быть.

Если на территоріи Россіи произошелъ бунтъ или смута, то нѣтъ причинъ задумываться надъ будущимъ казачества. Оно съ небольшими измѣненіями возстановится въ прежнемъ видѣ. Но если въ Россіи произошла революція, то пути Россіи, а съ нею и казачества, сложны, и нѣкоторые изъ нихъ ведутъ казачество, какъ таковое, къ исчезновенію.

Я остановлюсь на разсмотрѣніи условій и положеній при условіи, что произошла революція.

***

Чтобы быть понятымъ, я опредѣлю мое пониманіе понятія казачества въ общемъ.

На мой взглядъ, общепринятое слово казачество преломляетъ въ себѣ, кромѣ рыцарскаго значенія, три основныхъ понятія, а именно: — казачье состояніе, военно-служилое сословіе и казачье право.

Я разсмотрю эти положенія, вмѣщающіяся въ понятіе казачество, и отмѣчу, что, на мой взглядъ, отжило и что жизненно.

***

Казачье состояніе, его историческое оправданіе и величайшія заслуги опредѣляются слѣдующими условіями: — колонизація юго-восточной Европы и части Азіи, — борьба съ кочевниками и сосѣднимъ мусульманскимъ міромъ, — борьба съ Польшей противъ ея претензій на владычество въ восточной Европѣ, — расширеніе, закрѣпленіе и охрана границъ Московскаго государства, а позднѣе и имперіи.

Этотъ жертвенный этапъ казачьяго состоянія казачествомъ пройденъ со славой и, насколько я понимаю, — безвозвратно. Ростъ государственной жизни изжилъ казачье состояніе. Измѣнились географическія условія. Предѣлъ казачьему состоянію положили также ростъ и значеніе матеріальной культуры въ современной жизни.

***

Военно-служилое состояніе въ наше время могло осуществляться искусственно и фактически сводилось къ состоянію военныхъ поселянъ.

Это состояніе, на мой взглядъ, изжито условіями жизни, — современной техникой военнаго дѣла, — и, что важнѣе, оно осуждено рядовымъ казачествомъ. Въ современныхъ условіяхъ военно-служилое состояніе, если и не унизительно, то все же въ высшей степени стѣснительно и обременительно для хозяйственной жизни.

Рядовой массой казачества военно-служилое состояніе изжито и осуждено. Искусственно это состояніе поддерживалось до послѣдняго времени и едва-ли послѣ событій революціи цѣлесообразно и выгодно казачеству возвращаться въ состояніе военно-служилаго сословія.

***

Казачье право, — третье понятіе, преломляющееся въ сущности наименованія «казачество», а именно — особое правовое и соціальное состояніе.

На мой взглядъ, въ условіяхъ революціоннаго строительства жизни и государственнаго сожительства, это пріобрѣтаетъ особую жизненность и цѣнность, и оно, по справедливости, имѣетъ всѣ основанія для осуществленія въ будущемъ.

Правовое и соціальное состояніе казачества выковывалось и накапливалось вѣками и имѣетъ свои внѣшнюю и внутреннюю стороны, кои неразрывны.

Въ будущемъ слово «казачество», помимо рыцарскаго значенія, будетъ опредѣлять сущность казачьяго народоправства и соціальныхъ условій.

***

Разсматривая внѣшнюю сторону казачьей жизни, какъ форму сожительства съ Россіей, мы видимъ, что казачество во внѣшнихъ отношеніяхъ имѣло различныя формы сожительства, а именно: — независимое, вассальное, автономное и областное. Во всѣ эти періоды казачество боролось за сохраненіе того внутренняго содержанія жизни, за тѣ правовыя и соціальныя положенія, кои оно создавало въ противоположность правовымъ и соціальнымъ нормамъ, осуществлявшимся въ Московскомъ государствѣ.

Казачество и въ Имперскій періодъ сожительства не прекращало борьбы за свой укладъ жизни; и даже въ самый послѣдній періодъ казачество сохранило часть формъ и строя, но безъ соотвѣтствующаго содержанія.

***

Казачество, на мой взглядъ, входитъ въ новую жизнь, борясь за осуществленіе правовой и соціальной сущности своей жизни. Казачество, блестяще выполнивъ свою колонизаторскую миссію, доблестно отбывъ многовѣковую и исключительную воинскую повинность, вступаетъ въ гражданскую жизнь съ полнымъ правомъ осуществить на своей территоріи свои привычныя соціальныя условія и свое народоправство.

Для общегосударственнаго же сожительства казачеству слѣдовало бы установить такую форму, при которой вмѣшательство центральной власти и великодержавныя попытки поглощенія со стороны интеллигенціи населенія бывшаго Московскаго государства были бы невозможны.

Формой сожительства, вполнѣ ограждающей казачество отъ внѣшнихъ воздѣйствій и посягательствъ, является федерація.

**
*

Дореволюціонная областная форма жизни, сложившаяся подъ давленіемъ центральной власти, казачество не удовлетворяла.

Въ періодъ гражданской войны и строительства различныя степени областного и автономнаго самоуправленія такъ-же не удовлетворили казачество, что красной нитью проходитъ во взаимоотношеніяхъ казачества съ группой, претендовавшей и олицетворявшей на югѣ обще-государственную власть.

Въ одинъ изъ критическихъ моментовъ періода гражданской войны была попытка перейти къ федеративному построенію государственной власти и жизни, но было слишкомъ поздно. И, на мой взглядъ, если бы съ этого начали, а не кончили, то исходъ гражданской войны былъ-бы другой.

**
*

Все вышеизложенное касается казачества отдѣльно взятаго. Но казачество извнѣ окружено не-казачьимъ населеніемъ подавляющей численности. Казачество на собственной территоріи имѣетъ населеніе не-казачьихъ міровоззрѣній, часто по численности своей превосходящее казачье населеніе. И вся эта не-казачья масса, какъ и казачество, стоитъ на пути разрѣшенія своихъ правовыхъ и соціальныхъ вопросовъ въ революціонномъ порядкѣ, вѣрнѣе, въ порядкѣ прямого активнаго дѣйствія.

Наличіе указанныхъ условій въ будущемъ казачества сыграетъ свою роль, въ особенности будетъ имѣть значеніе не-казачье населеніе казачьихъ областей.

И казачеству необходимо обратить особое вниманіе на наличіе этихъ непреодолимыхъ условій.

**
*

Слѣдуетъ остановиться на отношеніи не-казачьяго населенія областей къ казачеству. Оно до революціи было несомнѣнно враждебно: — и, дѣйствительно, не-казачье на-

селеніе, въ сравненіи съ казачьимъ, было ограничено въ правовыхъ и соціальныхъ условіяхъ.

Въ періодъ революціи казачество пошло на нѣкоторыя уступки, но до полнаго поравненія дѣло не дошло. И если не вражда, то неудовольствіе не-казачьяго населенія къ казачьему, продолжавшему и въ революціонныхъ условіяхъ быть привилегированнымъ, оставалось.

Неравенство разъединяло населеніе казачьихъ областей и ставило ихъ во взаимное враждебное положеніе. Взаимоотношеніе казачьяго и не-казачьяго населенія областей сыграетъ въ будущемъ казачества громадное значеніе.

**
*

Мнѣ кажется, что слѣдуетъ обратить вниманіе и учесть то трагическое условіе, въ каковомъ казачество вошло въ революцію.

Казачество вошло въ революцію, какъ сословіе, къ которому все не-казачье населеніе Россіи относилось, если не очень враждебно, то все-же съ большимъ недовѣріемъ. Съ соціальной и правовой точки зрѣнія казачество большинствомъ населенія разсматривалось, какъ привилегированное сословіе.

На отрицательное отношеніе къ казачеству вліяла та роль, каковая была навязана казачеству. Казачество было использовано по преимуществу, какъ сила для подавленія народныхъ движеній и, что еще хуже, для экзекуцій.

**
*

Слѣдуетъ учесть и то, что казачество въ періодъ гражданской войны, выйдя изъ предѣловъ своей территоріи для борьбы съ красными силами, оказалось невольнымъ участникомъ реставраціонной программы русской общественности, пристроившейся къ добровольческому и казачьему движенію.

Въ тылу, за могилами и хребтами казачьихъ и добровольческой армій, осуществлялась программа, непріемлемая народу и, прежде всего, крестьянству.

Это, несомнѣнно, вызвало сугубую враждебность народа къ казачеству.

**
*

На мой взглядъ, справедливость требуетъ сохраненія за казаками права устроиться у себя по своему усмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, казачество можетъ оказаться подавленнымъ, если оно не сумѣетъ найти друзей и союзниковъ и не сольется воедино съ не-казачьимъ населеніемъ областей.

Для того, чтобы создалось единство внутреннихъ и внѣшнихъ интересовъ населенія казачьихъ областей, казачеству необходимо въ правовой и матеріальной плоскости потѣсниться до полнаго поравненія въ пользу своего не-казачьяго населенія. Въ этомъ случаѣ исчезнетъ вражда, создастся единство интересовъ и усилится сопротивляемость внѣшнимъ воздѣйствіямъ.

Несомнѣнно и то, что казачье міровоззрѣніе съ большимъ трудомъ преодолѣваетъ мыслѣ о необходимости подѣлиться, потѣсниться и поравняться съ не-казачьимъ населеніемъ областей.

Конечно, у казачества на это есть свои основанія. Но событія выдвинули неизбѣжность поравненія и съ этимъ казачеству необходимо не только примириться, но и освоиться.

**
*

При всѣхъ вѣроятныхъ будущихъ возможностяхъ казачеству надо учитывать и то, что оно не въ тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ встрѣтитъ переходъ отъ коммунистическихъ опытовъ къ нормальной жизни, въ коихъ вошло въ революцію.

Тогда оно вошло военно, а, отчасти, и граждански организованное, вооруженное, съ большими матеріальными рессурсами и почти однородное. Въ будущемъ-же казачество предстанетъ передъ событіями невооруженное, дезорганизованное, обобранное и обнищавшее и физически наиболѣе пострадавшее.

**
*

Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, а возможно и еще нѣсколькихъ лѣтъ, жизнь на территоріи Россіи протекала и будетъ протекать въ ненормальныхъ условіяхъ. Между населеніемъ, стремящимся къ установленію нормальной жизни, и коммунистической властью идетъ непрестанная борь-

ба. Эта борьба можетъ привести къ различнымъ формамъ перехода къ нормальнымъ условіямъ жизни.

Типичными формами перехода я считаю: эволюцію, интервенцію и революцію.

Конечно, нельзя ожидать, что указанныя мною формы перехода будутъ протекать въ чистомъ видѣ. Несомнѣнно, во всѣхъ случаяхъ будетъ нѣкоторая степень интервенціи и во всѣхъ случаяхъ революція, т. е. актъ прямого вооруженнаго дѣйствія. Надо учесть то, что подъ прессомъ коммунизма на территоріи Россіи не разрѣшенъ ни одинъ изъ коренныхъ вопросовъ населенія, — ни соціальные, ни правовые, ни національные, ни религіозные. И для меня несомнѣнно, какая бы форма ни привела къ переходу въ нормальныя условія, этимъ нормальнымъ условіямъ жизни будетъ предшествовать борьба освободившихся отъ коммунистической власти за осуществленіе своихъ міровоззрѣній.

Я усматриваю неизбѣжность періода активной борьбы. И даже въ этой борьбѣ выработаются основы жизни и сожительства населенія территоріи Россіи, а въ немъ и казачества.

Выше я указалъ наиболѣе типичные выходы изъ коммунизма.

Многіе разсчитываютъ, что переворотъ въ центрѣ рѣшитъ все, но я придаю этому значеніе только сигнала къ сверженію коммунизма въ странѣ, послѣ чего начнется борьба за осуществленіе идеаловъ.

Бонапартизма обще-россійскаго масштаба я не ожидаю. Бонапартизмъ мѣстный и временный можетъ имѣть мѣсто, но безъ серьезныхъ послѣдствій.

***

Я указалъ на три основныхъ типа перехода къ нормальной жизни, вѣрнѣе, къ переходу въ состояніе борьбы за нормы и формы жизни и сожительства на территоріи Россіи.

Предположивъ возможнымъ безболѣзненный, эволюціонный переходъ, нельзя не замѣтить, что казачество въ этомъ случаѣ войдетъ въ общерусскую жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится сейчасъ: обезличенное, подавленное, перекроенное.

И оно получитъ въ этомъ видѣ новое общероссійское

соціальное и правовое положеніе. А войдетъ въ сожительство, какъ провинціальная губернія. Наименованіе казакъ будетъ влачиться наравнѣ съ кличками: москаль, хохолъ. И казачество въ этомъ случаѣ осуждено на исчезновеніе.

**
*

Въ случаѣ интервенціоннаго рѣшенія вопросовъ Россіи, надо ожидать разрыва Россіи на части, и въ этомъ случаѣ казачество, въ частности юго-восточное, можетъ оказаться въ условіяхъ возможности и необходимости самостоятельнаго государственнаго существованія. И тогда казачество полностью сможетъ осуществить свои идеалы соціальной и правовой жизни. Въ чистомъ интервенціонномъ порядкѣ едва-ли разрѣшатся вопросы Россіи, но извѣстная степень интервенціи при всѣхъ условіяхъ будетъ имѣть свое вліяніе на теченіе событій на территоріи Россіи.

**
*

Въ случаѣ революціоннаго, т. е. вооруженнаго дѣйствія, перехода къ осуществленію нормъ и формъ жизни, казачество въ общемъ, какъ населеніе наиболѣе сознательное и наиболѣе способное къ самоорганизаціи, скорѣе другихъ оправится и представитъ организованную силу. Въ этомъ случаѣ казачество сможетъ устраиваться у себя по своему усмотрѣнію, если казачество добровольно по-братски разрѣшитъ вопросъ жизни со своими не-казачьимъ населеніемъ областей и сосѣдями.

**
*

Я отмѣтилъ, что основные возможные пути устраненія коммунистической власти неизбѣжно приведутъ къ моменту, когда населеніе Россіи прямымъ вооруженнымъ дѣйствіемъ станетъ осуществлять основы жизни и сожительства.

На мой взглядъ, это неизбѣжно. Казачеству къ этому времени надо усвоить мысль о необходимости полнаго поравненія съ не-казачьимъ населеніемъ областей. Если это не будетъ усвоено, то казачество въ борьбѣ будетъ подавлено и, въ свою очередь, будетъ поравнено въ правовомъ и соціальномъ положеніяхъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Казачество должно усвоить мысль, что свою внутрен-

нюю и внѣшнюю жизнь необходимо строить такъ, чтобы она могла протекать безъ постороннихъ гарнизоновъ.

**
*

Въ результатѣ предстоящей борьбы Россія на новыхъ жизненныхъ и правовыхъ базахъ можетъ принять строй и Монархіи и Республики. Я думаю, что никому не извѣстно, какъ выскажется русскій народъ. А поперекъ рѣшенія русскаго народа казачеству не идти.

Въ зарубежномъ казачествѣ существуютъ оба теченія и какъ будто-бы разъединяютъ казаковъ. На мой взглядъ, въ этомъ общероссійскомъ вопросѣ казачеству не слѣдуетъ выходить за предѣлы симпатій. Этотъ вопросъ не является для казачества кореннымъ, а только одной изъ внѣшнихъ формъ сожительства, и разъединять казаковъ не долженъ.

**
*

Резюмируя сказанное мною, свожу къ слѣдующему: — казачеству надо бороться и осуществить казачье право. Осуществленіе казачьяго права возможно при условіи полнаго поравненія съ не-казачьимъ населеніемъ областей. Казачеству необходимо бороться и осуществлять федеративное сожительство въ Россіи. Для осуществленія федеративнаго сожительства необходимо у себя на территоріи и съ ближайшими сосѣдями установить жизнь, устраняющую причины для вражды и исключающую необходимость наличія чужихъ гарнизоновъ. Мною отмѣчена также возможность случая независимаго государственнаго существованія. Это можетъ быть временнымъ, а можетъ быть и длительнымъ.

И еще разъ напомню, что не исключена возможность исчезновенія казачества, какъ таковаго.

**
*

Я позволилъ себѣ высказать свои взгляды, но я долженъ предупредить, что я оторванъ отъ казачества, живущаго въ условіяхъ СССР, и не знаю истинныхъ устремленій казачьихъ массъ. Я не знаю устремленій и зарубежнаго казачества. Не знаю и путей, намѣчаемыхъ верхами казачества. Въ силу всего этого я не могу сказать, идетъ и ведется-ли казачество къ славному будущему или оно отходитъ и отводится въ исторію прошлаго.

В. БОНДАРЕВЪ,
казакъ Терскаго Войска,
станицы Архонской.

Казачество, прежде всего, семья не бытовая, а военно-бытовая, и только въ Россіи. Внѣ этого понятія казачества не можетъ быть; будетъ губернія, округъ, область и даже отдѣльное государство, но не казачество.

Внѣ Россіи нѣтъ казачества; въ Россіи же не будетъ казачества, если Россія будетъ управляться партіями или будетъ федеративна.

Разрѣшивши вопросъ съ бытіемъ Россіи, разрѣшимъ и съ казачествомъ.

Казачество не ограничивается Дономъ, Кубанью и Терекомъ. Къ казачеству надо отнести и русское населеніе, врѣзавшееся въ туземныя племена Сибири, Туркестана и Кавказа, и всѣ туземныя племена, слившіяся съ русскимъ народомъ или принявшія русскую культуру.

Казакъ колонизаторъ окраинъ Россіи, и слѣпа была власть, не давшая этой колонизаціи развернуться въ должной мѣрѣ. Въ своемъ упоеніи властью, власть пріостановила ростъ казачества, а съ этимъ и обрусеніе окраинъ. Въ своемъ, яко-бы отчемъ, попеченіи о всѣхъ, власть натравливала однихъ на другихъ и, такимъ образомъ, развила шовинизмъ у инородцевъ. Исторіи еще не извѣстно случая, чтобы покоренныя или присоединенныя или даже освобожденныя народности были довольны покорившей или освободившей ихъ властью, но исторія пестритъ данными о сліяніи одной народности съ другой и о поглощеніи однихъ другими.

Неправиленъ крикъ казачества — верните намъ наши привилегіи и оставьте насъ въ покоѣ самоуправляться, — тогда надо кричать и о возвращеніи земель помѣщикамъ.

Казачество должно громко крикнуть: — помогите намъ колонизировать окраины, такъ какъ вы этого дѣлать не умѣете!

Ставшія внѣ предѣловъ окраинъ, казачьи Войска, сохраняя свой укладъ и не насилуемыя произволомъ власти, создадутъ общественность, въ каковой Россія особенно нуждается. Въ этой общественности уже не разовьются тѣ политическія партіи, которыя раздираютъ каждое государство только для того, чтобы захватить власть.

Крѣпостное право, соціализмъ и анархія, товарищество, братство и равенство, — не проглочены ли они казачествомъ еще три вѣка тому назадъ? Вотъ въ глубину этого прошлаго еще не вникъ ни одинъ политическій мудрецъ, а этимъ надо заняться и изъ него извлекать рецепты для выздоровленія Россіи, а не подбирать, что выброшено другими.

Прошлое казачества для Россіи имѣло громадное значеніе, и чтобы его хотя немного понять, надо только разобраться въ разницѣ завоеваній Александра Македонскаго и Наполеона съ колонизаціей европейцами Америки: отъ первыхъ остались листы исписанныхъ книгъ о красотѣ ихъ битвъ, а отъ вторыхъ культурныя царства Новаго Свѣта.

Къ самоуправленію казачеству вернуться необходимо, но не иначе, какъ въ контактѣ съ центральной властью, отнюдь не подрывая ея авторитета и отстраняя ее отъ вмѣшательства въ мѣстныя дѣла, и совершенно не воскресать такъ, какъ воскресли и Россія и казачество послѣ Февральской революціи, во главѣ съ затуманенными мозгами политическихъ мудрецовъ, міровыхъ спекулянтовъ, не знавшей Россіи интеллигенціи, тыловыхъ обитателей и дезертировъ.

Однобокій будетъ историкъ, который не заклеймитъ позоромъ только что перечисленныхъ творцовъ воскресенія. За горами труповъ, за рѣками крови, неописуемыхъ увѣчій и страданій лучшихъ сыновъ Россіи, въ минуту сильнѣйшаго напряженія государства, легшаго опять таки на вдовъ и сиротъ этихъ мучениковъ, — творцы воскресенія съ тыла изподтишка воруютъ власть у Русскаго народа и, какъ всегда бываетъ при дѣлежѣ краденнаго, между собою дерутся и дѣлаются злѣйшими врагами отъ лѣвыхъ до правыхъ, и въ Россіи, и въ эмиграціи. Плоть и кровь Россіи, казачество должно смѣло крикнуть всѣмъ этимъ мудрецамъ:

«Эй, вы, воры власти, устыдитесь, станьте Россіянами, а не политическими жуликами!» — и власть сама собой создастся.

Что же касается будущаго устройства и быта казачества, то оно устроится на мѣстахъ, а не заграницей и Ленинградѣ, и въ зависимости отъ обстановки: гдѣ своими силами, гдѣ при поддержкѣ центра; гдѣ нужно будетъ, сохранитъ и военный бытъ, а гдѣ не нужно, его отброситъ, и свои дарованія, въ избыткѣ хранящіяся въ казакѣ, употребитъ на достиженія культуры.

А. И. БОЯРИНОВЪ,
полковникъ, Тов. Предсѣдателя
Донского Войскового Круга.

Исторія казачества тѣсно связана съ исторіей Россіи. Нѣтъ основаній и въ будущемъ разсчитывать на длительное существованіе казачества внѣ рамокъ общерусской государственности. Не исключена возможность, что въ процессѣ борьбы противъ совѣтскаго режима, совмѣстно съ наиболѣе активной частью Россіи — ея Юга и Юго-востока, — какъ и въ прошлой антибольшевицкой борьбѣ, казачество станетъ самостоятельнымъ на извѣстный періодъ, но ни историческія, ни географическія, ни психологическія условія не предуказываютъ этой самостоятельности при нормальномъ общерусскомъ государственномъ порядкѣ.

Въ какія формы выльется сосуществованіе казачества съ Россіей, сказать трудно. Во всякомъ разѣ, урокъ пережитого и переживаемаго не пройдетъ даромъ, и въ дореволюціонныя взаимоотношенія между казачествомъ и россійскимъ центромъ будутъ внесены существенныя поправки.

Я имѣю въ виду казачество даннаго момента, когда среди него еще живы традиціи, живъ духъ казачій и воля возвратиться къ традиціоннымъ основамъ своего бытового уклада.

Но если совѣтскій режимъ продлится еще на долгіе годы, сама идея казачества будетъ поставлена подъ угрозу умиранія, ибо мы знаемъ, съ какой жестокой неуклонностью большевицкая политика стремится уничтожить все то, что является признакомъ казачества и что стимулируетъ жизненность самой его идеи.

Черезъ десятокъ лѣтъ совѣтская власть будетъ имѣть мощный кадръ мѣстныхъ дѣятелей, прошедшихъ черезъ комсомолъ, которымъ казачьи традиціи будутъ чужды и даже отвратны.

При этихъ условіяхъ, т. е. въ относительно отдаленномъ будущемъ, возродить казачество можно будетъ только искусственно, ибо нынѣ нѣтъ въ наличіи тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя естественнымъ путемъ обусловливали созданіе этого чрезвычайно оригинальнаго соціальнаго явленія (окраинность положенія, пустыя, незаселенныя пространства, оторванность отъ центровъ и т. п.) [1]).

---

[1]) Рѣчь идетъ объ европейскихъ казакахъ, — главнымъ образомъ о Донѣ, Кубани, Терекѣ. Сибирскія находятся въ иныхъ условіяхъ. **А. Б.**

Разумѣется, никакое русское правительство не станетъ искусственно создавать казачество гдѣ-нибудь на Юго-востокѣ европейской Россіи, ибо прошлыя централистическія тенденціи Москвы и Петрограда неизбѣжно съ той же силой проявятся и въ будущемъ. Тысячелѣтніе навыки не легко изживаются. И, пожалуй, никто, какъ казаки, не испыталъ на себѣ такъ сильно тяжелую руку россійскихъ централистическихъ тенденцій.

Взаимоотношенія казачества и русскаго центра были полны противорѣчій.

Казачество оказывало Россіи неоцѣнимыя услуги: защищало границы, поголовно и за собственный счетъ несло военную службу. Москва, а потомъ и Петербургъ, отлично понимали цѣнность этихъ услугъ, но не мирились съ вольнолюбивымъ духомъ и свободнымъ укладомъ казачьяго быта. Поэтому одной рукой правительство гладило казаковъ по головкѣ, — издавало хвалебныя грамоты, создавало видимость привилегій, — а другой рукой уничтожало то, что являлось духомъ и смысломъ казачества.

Правительство не вѣрило казакамъ и въ своей двуличной политикѣ дошло до абсурда. Донское войско, напр., не могло, безъ разрѣшенія изъ Петербурга, построить мостъ черезъ Донъ, и даже нанять сторожа для Областного Правленія. Вотъ, что сталось съ казачьимъ самоуправленіемъ.

Станичное самоуправленіе было фактически фикціей, ибо выборы станичнаго Атамана — этой важнѣйшей функціи въ аппаратѣ управленія — поставлены были такъ, что на самомъ дѣлѣ Атаманы являлись чиновниками по назначенію.

Казачество было задавлено режимомъ и воинской повинностью со снаряженіемъ за собственный счетъ. Тягота снаряженія на службу прогрессивно увеличивалась съ каждымъ годомъ, ибо предметы снаряженія дорожали, требованія, къ нимъ предъявляемыя, повышались, земельный пай количественно уменьшался, а качественно земля, вслѣдствіе общиннаго способа землепользованія, понижалась. Нерѣдки были годы, когда въ нѣкоторыхъ округахъ десятина давала 3 пуда пшеницы. Казачество бѣднѣло: и во многихъ станицахъ 50% его фактически сдѣлалось батраками, такъ какъ, будучи не въ состояніи обрабатывать свой паекъ, отдавало его въ аренду, а само шло въ наемъ.

Будемъ надѣяться, и для этого есть основанія, что избавленіе отъ совѣтской власти недалеко, что, вернувшись на

Родину, мы найдемъ казачество полнымъ здоровыхъ силъ, съ волей къ устройству своей жизни на началахъ присущей ему въ прошломъ самобытности.

Тогда казачеству необходимо будетъ пересмотрѣть свои взаимоотношенія съ россійскимъ центромъ и внести въ нихъ основательныя поправки. Нужны будутъ коренныя измѣненія и внутри самихъ казачьихъ Войскъ.

Вопросы землепользованія, способовъ отбыванія воинской повинности, вопросъ крестьянскій — потребуютъ и неотложнаго и вдумчиваго разрѣшенія.

И. П. БУДАНОВЪ,
Прис. Повѣренный, Членъ Дон. Войск. Круга, б. Войсковой Секретарь.

Казачество существуетъ оффиціально свыше трехсотъ лѣтъ, но сложилось оно, разумѣется, гораздо ранѣе этого времени, и если на протяженіи трехъ съ слишкомъ вѣковъ оно сохранилось и оказало много существенныхъ услугъ Россіи, особенно въ послѣднюю революцію, когда оно явилось единственнымъ территоріальнымъ оплотомъ борьбы противъ большевиковъ и дало возможность у себя въ тылу спокойно сформироваться и укрѣпиться добровольческой арміи, состоявшей въ первое время на 75-80% изъ тѣхъ-же казаковъ, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ новой Россіи его не будетъ, что оно исчезнетъ; нѣтъ, оно безусловно сохранится и сохранитъ свой бытъ и свои психологическія особенности; слиться съ великороссами, которыхъ казаки называютъ «русскими», усвоить ихъ бытъ, ихъ психологію, казаки не могутъ, потому что они культурнѣе крестьянъ, а затѣмъ и потому, что ужъ слишкомъ глубоки и незабываемы обиды и оскорбленія, нанесенныя великороссами казакамъ во время коммунистическаго господства.

Почти двѣсти лѣтъ былъ подъ спудомъ Войсковой Кругъ.

Февраль-мартъ, — революція и начало развала государства: апрѣль — съѣздъ представителей станицъ, май — Войсковой Кругъ, избраніе Войсковаго Атамана и созданіе

полнаго государственнаго аппарата, сразу начавшаго правильно функціонировать: такъ крѣпка и могуча была у казаковъ идея о Войсковомъ Кругѣ; такой она осталась и теперь: что вошло въ сознаніе народа и въ немъ укрѣпилось, то можетъ исчезнуть только съ исчезновеніемъ или полнымъ перерожденіемъ самого народа.

Казачество будетъ добиваться широкой автономіи безъ намека, конечно, на разрушеніе единства государства; въ короткій революціонный періодъ оно сумѣло проявить и доказать свою государственность, любовь къ порядку и свободѣ, не побоявшись открыто выступить противъ всей большевицкой Россіи.

И теперь, въ бѣженствѣ, въ теченіе восьмилѣтняго заграничнаго существованія, когда сроки, на которые выбирались Атаманы, истекли, казаки тѣмъ не менѣе чтутъ своихъ выборныхъ Атамановъ и повинуются имъ безъ всякаго принужденія.

Только при Войсковомъ Кругѣ, съ выборнымъ Войсковымъ Атаманомъ, казачество сможетъ въ полной мѣрѣ проявить основное свойство своего духа — государственность.

Е. А. БУКАНОВСКІЙ,
Предсѣдатель Терскаго Войскового Правительства.

Десять лѣтъ тому назадъ выстрѣломъ Донского Атамана А. М. Каледина и мученической кончиной Терскаго Атамана М. А. Караулова, М. П. Богаевскаго и другихъ незабвенныхъ вождей казачества начался новый катастрофическій періодъ въ жизни казачьихъ краевъ. Если вся прежняя жизнь казака протекала въ условіяхъ непрекращающейся борьбы за существованіе и почти непрерывныхъ войнъ за расширеніе границъ разселенія русскаго народа и за распространеніе русской культуры среди сосѣднихъ народовъ, то съ момента большевицкаго переворота и послѣдовавшаго за нимъ распада Россійскаго Государства казачеству суждено было вступить въ исключительно-страдную пору, потребовавшую отъ него чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Казачество мужественно приняло этотъ новый ударъ

судьбы, и исторія оцѣнитъ, насколько сумѣло оно справиться съ выпавшимъ на его долю испытаніемъ. Намъ рано еще подводить итоги...

Долгіе мучительные годы подъ игомъ III интернаціонала для оставшихся на родинѣ казаковъ, когда поневолѣ пришлось имъ замкнуться въ своихъ думахъ, и не менѣе гнетущіе годы безправной скитальческой жизни для эмигрантовъ, естественно заставили пытливо работать казачью мысль и понудили ее критически отнестись къ своему прошлому, настоящему и будущему. Эти думы казачьи особенно настойчиво устремляются къ грядущимъ судьбамъ казачества и Россіи. Тамъ, въ свѣтломъ будущемъ, въ торжествѣ идеаловъ, за которые боролось казачество, черпаетъ оно силы въ настоящіе мрачные и суровые дни своего существованія.

Историческія причины возникновенія казачества на Дону, Терекѣ, Яикѣ, Кубани и въ другихъ краяхъ и идеи, которыми жило казачество, неоспоримо подчеркиваютъ, что оно явилось самобытнымъ продуктомъ русскаго народа и русской жизни. Оно служило живымъ олицетвореніемъ стихійнаго протеста населенія противъ закрѣпощенія личности Московскимъ Государствомъ и поэтому основными идеалами ставило стремленіе къ справедливости, свободѣ, равенству и братству и, какъ слѣдствіе изъ этого, къ широкому народоправству. Казачество никогда не отдѣляло себя отъ русскаго народа и даже въ эпоху вольной независимой жизни своей, за предѣлами Московскаго Царства, оно считало себя связаннымъ съ нимъ неразрывными узами. Казачьи степи породили оригинальнѣйшій историческій парадоксъ: туда бѣжали люди отъ ненавистныхъ московскихъ крѣпостныхъ порядковъ, но, уходя въ казаки, они, какъ особенную цѣнность, хранили въ душѣ своей идейную и почти романтическую преданность русскому дѣлу, русскому народу, православной вѣрѣ и даже русскому царю.

Казачество вѣками стояло живою изгородью на рубежахъ Россійскаго Государства. Непрерывнымъ поступательнымъ движеніемъ оно широко раздвигало его границы и, какъ игла тянетъ нить, влекло за собою длинныя вереницы русскаго люда.

Въ укладѣ жизни своей казачество возстановило исконныя черты русскаго самоуправленія: въ видѣ Войскового Круга воскресло даже древнерусское вѣче.

Политическое возсоединеніе казачества съ Россіей исторически было неминуемо. Казачество неотдѣлимо отъ Россіи и только безпочвенные энтузіасты могутъ мечтать о созданіи какихъ-то отдѣльныхъ казачьихъ государствъ. Казачество стремилось, какъ стремится и теперь, сохранить свой внутренній укладъ и самобытность, въ которыхъ привыкло оно видѣть не одни преданія сѣдой старины, но и справедливыя начала жизни. Въ защиту этихъ началъ казакъ не разъ обнажалъ свою шашку и клалъ свою голову.

Властная рука Императора Петра Великаго сдѣлала попытку сдвинуть казачество съ его традиціоннаго пути. Не безъ протеста казачество внѣшне подчинилось требованіямъ Петербурга, но въ глубинѣ души своей оно хранило неприкосновенными казачьи завѣты и поспѣшило вернуться къ нимъ въ первые же дни послѣ паденія самодержавнаго строя. Эти традиціи помогли казачеству быстро сорганизоваться и во всеоружіи встать на защиту государственности и порядка. Среди хаоса безвластія, порожденнаго русской смутой, казачьи края представляли собою здоровые оазисы, гдѣ жизнь протекала въ условіяхъ относительной тишины и куда широкой волной устремились со всѣхъ сторонъ русскіе люди, ища пріюта и защиты.

Казачьи области Юго-Востока Россіи вскорѣ сдѣлались плацдармомъ, на которомъ была организована борьба съ большевизмомъ и гдѣ вновь поднято было трехцвѣтное русское знамя. Безконечный рядъ свѣженасыпанныхъ могилъ въ степяхъ Дона, Кубани, Терека и др. Войскъ свидѣтельствуетъ о размѣрахъ жертвъ, понесенныхъ казачествомъ въ эту пору. Казачество свято исполнило свой сыновній долгъ передъ Родиной и не его вина, если борьба эта не завершилась побѣдой.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ репрессій, обильно сыплющихся на казаковъ, и въ отвѣтъ на стремленіе коммунистовъ расказачить казачество, крѣпнетъ его духъ и привязанность къ родному укладу. Внутри его накопилось уже достаточно энергіи, остающейся временно въ состояніи скрытаго потенціала. Но будетъ день, когда энергія эта бурно выйдетъ наружу и проявитъ всю свою силу.

Въ будущей Россіи казачество найдетъ себѣ достойное мѣсто. Оно вправѣ думать, что въ лонѣ Свободной Россіи мирно уживутся всѣ народности, населяющія безконечные просторы нашей родины, и что русскій народъ отнесет-

ся съ бережнымъ уваженіемъ и любовью къ самобытности отдѣльныхъ областей и, въ первую очередь, казачьихъ. Голосъ казачества мощно прозвучитъ въ Россійскомъ Учредительномъ Собраніи и лишній разъ докажетъ, насколько вздорны, нелѣпы и недобросовѣстны были обвиненія казачества въ самостійности и измѣнѣ. На началахъ народоправства, свободы, равенства и братства будетъ построена жизнь въ казачьихъ земляхъ, внѣ зависимости отъ того, найдутъ-ли примѣненіе принципы федераціи или автономіи въ общероссійскомъ масштабѣ. Мирнымъ и справедливымъ разрѣшеніемъ вопросовъ земельнаго и иногородняго будутъ найдены здоровые пути къ построенію краевой власти, компетенціи которой должны принадлежать всѣ дѣла мѣстнаго самоуправленія и законодательства. Выборный Войсковой Атаманъ и Войсковой Кругъ останутся первымъ членомъ казачьяго символа вѣры.

Казачество не завершило своей исторической роли. Оно имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы возродиться въ Новой Россіи. Напрасно большевики спѣшатъ похоронить казачество, напрасно они, создавая бутафорскія республики даже изъ народностей, не успѣвшихъ еще выйти изъ полудикаго состоянія, рѣшительно не допускаютъ возсозданія казачьихъ краевъ, исторически доказавшихъ свою способность къ самоуправленію. Уничтожить казачество имъ не удастся. Большевики хорошо знаютъ, что интересы русскаго народа особенно дороги казачеству, самой исторіей призванному къ постоянной защитѣ ихъ на границахъ государства. Вотъ почему въ казачествѣ они видятъ опаснаго врага. Въ борьбѣ противъ насилія родилось казачество, въ тяжелой борьбѣ жило и крѣпло оно на протяженіи многихъ вѣковъ, въ борьбѣ съ насиліемъ и диктатурой III интернаціонала воскреснетъ оно вновь.

Близится день, когда казакъ вновь станетъ безсмѣннымъ часовымъ на стражѣ интересовъ Россіи.

Е. В. БУЛАВИНЪ,
есаулъ, каз. Кубанскаго Войска.

По поводу анкеты можно сказать слѣдующее: сужденія возможны и горькія, а еще больше незаслуженныя, и толь-

ко потому, что въ вопросѣ о казачествѣ въ цѣломъ общественное мнѣніе будетъ, выражаясь мягко, невѣжественно. Много нужно для надлежащей подготовки. Въ этомъ отношеніи въ прошломъ «верхи» (конечно, не казачества) сдѣлали слишкомъ многое не въ пользу казачества, которое, не имѣя свободнаго размаха, не могло себя выявить.

1917-ый и послѣдующіе годы, несмотря на то, что были самыми тяжелыми въ исторіи казачества, которое вело безпримѣрную по условіямъ борьбу, казачество при максимумѣ своего боевого напряженія все же сумѣло создать подъ орудійный грохотъ свою государственность, которая, въ буквальномъ смыслѣ, подъ снарядами, продержалась довольно продолжительный срокъ и проявила блестящее творчество, а вѣдь нужно принять во вниманіе, что все это было только начало невѣдомаго новаго и вся масса казачества еще не была подготовлена къ такому государственному строительству. Вспыли самородки — великаны мысли, слова и организаторскихъ талантовъ, несмотря на то, что многіе изъ казачества, какъ и въ остальной Россіи, еще не изжили своего «иного» положенія въ недавнемъ прошломъ, ненормальность и неравенство взаимоотношеній гражданъ рухнувшаго государственнаго строя, все же казачество въ цѣломъ показало примѣръ, достойный подражанія. Здѣсь, опираясь на заложенный предками фундаментъ — равенства и братства — возможно быстрѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Великой Россіи, придти къ тѣмъ основамъ переустройства государственнаго аппарата, къ которому стремилась на протяженіи вѣковъ мысль либеральной идеи; доказано это было не трескучими фразами политиканствующихъ главарей, а на дѣлѣ, упорнымъ и честнымъ трудомъ и отношеніемъ къ дѣлу всѣхъ вновь поставленныхъ выбранныхъ гражданъ-казаковъ, часто отъ плуга, изъ глухихъ мѣстъ или прямо отъ винтовки. И при какихъ условіяхъ? Что окружало со всѣхъ, въ полномъ смыслѣ слова, сторонъ? Мало того, что все шло со всѣхъ сторонъ, а были отравленія и внутри на каждомъ шагу.

Въ заключеніе можно сказать:

Да здравствуетъ казачество, явившее собою блестящій примѣръ Русскому народу, съ самымъ широкимъ самоуправленіемъ, но неотдѣлимое отъ дорогой Матери Россіи!

С. Америка.

И. Ф. БЫКАДОРОВЪ,
генералъ-маіоръ, Членъ Донского
Войскового Круга.

I

Отсутствіе у казачьей интеллигенціи единой идеологіи, пониманія своей роли, обязанностей и задачъ, стоящихъ передъ казачествомъ, является большимъ зломъ, чѣмъ физическое разсѣяніе казачества: разсѣяніе духовное сулитъ новыя пораженія, новыя бѣдствія казачьему народу.

Казачество всегда едино, цѣльно въ разрѣшеніи и пониманіи своихъ внутреннихъ казачьихъ вопросовъ, — во мнѣніяхъ же, взглядахъ, отношеніяхъ къ вопросу внѣшнему для него — русскому, — казачья интеллигенція раздѣляется, распыляется, забывъ о главномъ, единственно незыблемомъ, что должно быть всегда непреложнымъ и исходнымъ, — объ интересахъ своего народа — народа казачьяго.

Двухвѣковая кабала не убила душу казачества, какъ такового, но затемнила сознаніе у его интеллигенціи. Воспріятія, ощущенія, соотвѣтственное «воспитаніе» и воздѣйствія русской интеллигенціи изживаются не сразу.

Такъ весенніе наплывы и наносы у береговъ Тихаго Дона долго остаются на отмеляхъ, пока ихъ не вымоютъ дожди, не изсушитъ яркое солнце, не вывѣтрятъ и не разнесутъ буйные вѣтры.

Психологическіе и моральные наносы - предразсудки уничтожаются, національное самосознаніе, хотя медленно, но пробуждается. Но и при пробужденіи ранней весной утренней зари медленно разсѣивается ночной мракъ, а предутренній туманъ скрываетъ и краски и очертанія предметовъ, появившихся въ ночь, которые существуютъ, но еще не видны.

Психологическій туманъ, историческій духовный мракъ мѣшаетъ еще видѣть, признать предметы и явленія существующіе: пробудившееся стремленіе и волю казачества къ своему національному самоопредѣленію, волю къ самостоятельному своему бытію.

Періодъ въ исторіи существованія казачества — тотъ же годъ въ природѣ.

Весна придетъ... Сѣдой могучій Донъ, разорвавъ свои

цѣпи, зимніе оковы — льды, располоводившись привольно, увеличиваясь въ глубину, разрастаясь въ ширь, смывая прошлогодніе наносы и наплывы, уничтожая препятствія, неудержимо понесетъ свою водную стихію въ направленіи... направленіи, властно указанномъ ему природой... И сынъ его — вольный казачій народъ, дождавшись весны новаго періода своего бытія, сбросивъ духовные оковы, расправивъ могучія мышцы, какъ пробудившійся богатырь, пойдетъ по пути... пути, властно предуказанномъ его прошлой исторіей, всемъ существомъ казачества, развивая свою мощь духовную и физическую, создавая культурныя богатства, развивая производительныя силы своихъ родныхъ краевъ.

II

У русской интеллигенціи здѣсь, за рубежомъ, и у сов. власти, тамъ, въ СССР, получилась удивительная согласованность въ устремленіяхъ внѣдрить въ сознаніе казачества — у первой въ эмиграціи, у второй — въ родныхъ нашихъ краяхъ, — убѣжденіе, что казаки являются русскимъ (великорусскимъ) народомъ, казакъ и крестьянинъ — тождественныя понятія.

Заботы сов. власти о подобномъ «воспитаніи» казачества вполнѣ понятны; онѣ преслѣдуютъ практическія цѣли: затемнѣніемъ національнаго самосознанія у казачества, внѣдреніемъ психологіи великоросса ослабить сопротивленіе наплыву съ сѣвера тѣхъ же велироссовъ на казачьи земли, расколоть образовавшійся единый фронтъ коренного населенія краевъ казачьяго и крестьянскаго (украинскаго), оправдать расхищеніе земель, естественныхъ богатствъ, обращеніе ихъ въ единый «государственный фондъ, русскій котелъ», уничтожить сопротивленіе совѣтскому строительству — все это понятно.

Конечно, разъ казачій народъ не является великорусскимъ народомъ, а полная противоположность ему, то сдѣлать его, превратить въ великоруссовъ и невозможно. Да и не это нужно русской интеллигенціи, русскимъ политическимъ партіямъ и «казачьимъ дѣятелямъ», присосавшимся къ нимъ, — а затемненіемъ казачьяго самосознанія, напускомъ психологическаго тумана закрѣпить, узаконить существующее положеніе: расхищеніе земель казачьихъ краевъ великорусскимъ народомъ, закрѣпивъ грабежъ нѣдръ

(угля, нефти) и другихъ естественныхъ богатствъ за центральной московской властью, закрѣпить и за той, которая придетъ на смѣну совѣтской — во имя обращенія «въ единый русскій котелъ», изъ котораго при любой власти центральной московской казачество при этихъ условіяхъ даже объѣдковъ получать не будетъ.

Разъ въ сознаніе казака будетъ вбито, что онъ великороссъ, русскій, тотъ-же крестьянинъ, то какъ бы вполнѣ естественнымъ является обращеніе въ колонію для великорусскаго народа казачьихъ краевъ, обращеніе въ великорусскій котелъ и угля и нефти, — того, что было, есть и должно быть достояніемъ коренного населенія этихъ краевъ.

Этотъ психологическій туманъ долженъ убить самосознаніе казачества и закрѣпить, узаконить наплывъ «братскаго» великорусскаго народа.

Но казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими), — считали русскими, но исключительно въ государственно-политическомъ смыслѣ (какъ подданные Русскаго государства).

И теперь въ СССР-ой тюрьмѣ казачество менѣе, чѣмъ когда либо, идеологически, морально и психологически считаетъ себя великороссами (русскими).

Между великороссами и казачествомъ создалась уже широкая и глубокая пропасть и не по винѣ казачества, а по винѣ великорусскаго народа.

III

Состояніе, положеніе казачества, къ которому привела его россійская государственность: источника для полученія государствомъ готоваго коннаго войска, ничего не стоющаго ему, закабаленіемъ казачества въ военнослужилое сословіе, не было всей сущностью, всѣмъ содержаніемъ его.

Но казачій народъ не являлся сословіемъ; въ немъ самомъ были сословія: дворянское, казачье (въ тѣсномъ смыслѣ), духовное, торговое; были и классы: интеллигенція, промышленный (рыболовы), земледѣльческій, являвшійся главнымъ, основнымъ, и т. д.

Конечно, это не единственные признаки, но уже достаточные для утвержденія, что казачество, какъ таковое, является особымъ народомъ.

Идеологическое, моральное, психологическое и куль-

турное содержаніе и сущность казачества, съ одной стороны, и великорусскаго народа, съ другой, еще болѣе утверждають, что это совершенно различные народы.

Единая религія между ними является различной въ воспріятіи ея, въ религіозномъ міропониманіи и ощущеніи; у казачества (православнаго) нѣтъ «богоносительства», нѣтъ «богоискательства», но нѣтъ и окаянства.

Но христіанство является религіей, хотя и большей части казачества, но не всего: есть казаки-буддисты, казаки-магометане.

Единство у казаковъ съ великорусскимъ народомъ лишь въ языкѣ, но и онъ материнскимъ языкомъ является только для части казачества, а для другой — украинскій, калмыцкій, киргизскій, черкесскій, осетинскій и т. д.

Казачество въ самомъ себѣ не представляетъ одинъ національный народъ: въ него входятъ калмыки, и осетины, и киргизы, и черкесы, и буряты и т. д.; въ немъ существуютъ различные народы.

И идеологія, психологія, формы гражданственности, духовное сродство, взаимное тяготѣніе у казака-донца и у казака-уральца болѣе едины и сильны, чѣмъ у непосредственнаго сосѣда перваго — великоросса; они болѣе едины и тождественны у того же казака-донца-христіанина и у донца-буддиста, чѣмъ между первымъ и тѣмъ же великороссомъ. Взаимное тяготѣніе, взаимное уваженіе, ощущеніе дѣйствительнаго психологическаго и соціальнаго равенства, національной и религіозной терпимости — вотъ одна изъ главныхъ сущностей казачества, противоположность великодержавнаго великорусскаго духа, взаимное культурное достиженіе — залогъ дальнѣйшаго существованія и разцвѣта Вольнаго казачества — дѣйствительнаго равноправнаго братскаго сожительства разныхъ народовъ (національностей), его составляющихъ.

IV

Утверждающіе о великорусскомъ происхожденіи казаковъ, одни сознательно, другіе безсознательно, насилуютъ историческую дѣйствительность. Юго-Восточное [1]) казаче-

[1]) Т. е. донцы, уральцы, терцы, кубанцы-линейцы (кубанцы-черноморцы украинскаго происхожденія) — также и остальные, какъ получившіе главную основу отъ первыхъ и пополненіе изъ инородческихъ народовъ.

ство, казаки-христiане являются особымъ народомъ, исторически образовавшимся на Востокѣ Европы изъ славяноруссовъ и тюркскихъ народовъ и на образованiе котораго великоруссы, сами находившiеся, какъ народъ, въ процессѣ своего образованiя, изъ смѣшенiя славянъ лѣсной полосы и финскихъ племенъ, какъ-разъ никакого влiянiя не имѣли.

Вхожденiе впослѣдствiи (въ XVII в.), въ ряды казачества, какъ пополненiя, великоруссовъ, было не большимъ, а меньшимъ, въ сравненiи съ представителями другихъ народовъ, и приливъ крови турецкаго, черкесскаго, татарскаго ,калмыцкаго, греческаго и др. народовъ черезъ смѣшанные браки казаковъ приливъ великорусской крови дѣлалъ и совершенно неощутимымъ.

Послѣ перемѣнчивой исторической судьбы, послѣ тѣснаго соприкосновенiя, общенiя и сосѣдства съ великорусскимъ народомъ, московской государственностью, казачество, отмежевавшись отъ нихъ уже въ серединѣ XVI вѣка (съ середины 1550-1570 г.г.), осуществило свое бытiе въ видѣ особыхъ самостоятельныхъ государствъ, тѣсно связанныхъ между собою въ одно цѣлое — Вольное казачество; это было осуществлено въ то время, когда никакого Россiйскаго, или Русскаго, государства еще не существовало, а было всего лишь Московское царство.

Казачество — особая форма соцiальнаго и государственнаго бытiя, которое могъ осуществить только самостоятельный народъ.

Сущность этого бытiя была рѣзкой противоположностью московской (великорусской).

Казачество въ своемъ государствѣ осуществляло: народоправство, народъ самъ управлялся державной волей своей, (осуществлявшейся черезъ Войсковой и станичные круги, черезъ выборныхъ атамановъ, Войскового, станичнаго и другихъ), у казачества были осуществлены свобода, равенство, полная нацiональная и религiозная терпимость, особые соцiальный укладъ и бытъ и т. д.

Сущностью Московскаго государства были: самодержавiе царя и патрiарха, самодержавiе бояръ (дворянства), сословная замкнутость, крѣпостничество, безправiе населенiя отъ произвола бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, нацiональная спѣсь, религiозная нетерпимость, преслѣдованiя, нацiональная московская косность.

Соцiальная государственная сущность казачьяго и мо-

сковскаго (великорусскаго) народа были рѣзко противоположными съ самаго начала образованія казаками своего государства потому, что они были принадлежностью особыхъ, различныхъ между собою, народовъ.

Соціальная государственная сущность казачества становилась не разъ программой устремленій къ осуществленію ихъ у себя великорусскимъ народомъ: въ смутное время, во время Разинскаго движенія. И въ томъ, что великорусскій народъ не осуществилъ, виновато не казачество, а отсутствіе способности у русскаго народа (великоруссовъ) къ самоорганизаціи, способности къ осуществленію свободы, бытію въ такомъ состояніи.

Юго-Восточное Вольное Казачество въ видѣ государствъ (Донского, Яицкаго и Терскаго Войскъ) существовало почти до конца XVII в. и, какъ государство, явилось составной государственной единицей при образованіи Россійскаго государства (царства, а затѣмъ имперіи). Никакого соединенія казачьяго народа съ великорусскимъ, даже и психологическаго, не было. Россійское государство образовалось во второй половинѣ XVII в. изъ Московскаго царства, Украины (1654 г.) и Юго-Восточнаго Вольнаго казачества (1673), добровольно присягнувшихъ Московской династіи и соединившихся такимъ путемъ въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ, политическая связь этихъ составныхъ единицъ устанавливалась наличіемъ единой для нихъ династіи. Украйна и Вольное казачество продолжали существовать, какъ государственные организмы, имѣя (Украина) народный органъ — Раду, выборнаго гетмана, а Вольное Казачество сохраняло Войсковые Круги и выборныхъ атамановъ.

Революція сверху, произведенная Петромъ I-мъ, опредѣлила эпоху новаго порядка: насильственнаго превращенія украинцевъ и казаковъ въ великоруссовъ, Украины и Казачьихъ земель въ Великороссію.

Но единаго русскаго народа, русской націи, отъ этого не образовалось: націи путемъ насилія не образовываются.

Были и есть разные народы: великоруссы, украинцы, бѣлоруссы, казачество. Конечно, будучи славянскаго происхожденія, они родственны между собой, но различны по своему моральному, идеологическому и психологическому содержанію, своему быту, экономическимъ интересамъ.

Процессы обращенія этихъ народовъ въ великоруссовъ

не только по языку и психологически, но и въ состоянiи ихъ соцiальныхъ и экономическихъ формъ бытiя, явились насилiемъ, что и вызывало возстанiя (Булавина, Мазепы, Пугачева и т. д.).

Бывшiя казачьи Государства, претерпѣвъ измѣненiя, сохранились до революцiи (1917 г.), какъ особые народные организмы, какъ особыя территорiальныя единицы.

Со сверженiемъ Императорской династiи Романовыхъ уничтожилась основная государственно-политическая связь съ Великороссiей и Украины и Вольнаго Юго-Восточнаго Казачества, какъ и другихъ народовъ, введенныхъ въ составъ Россiйской имперiи силой оружiя.

Единственнымъ слѣдствiемъ русской февральской революцiи (1917) было не только измѣненiе государственнаго строя, но и самоопредѣленiе, освобожденiе отъ нацiональнаго гнета и экономической кабалы народовъ Россiйской имперiи. Объявленiе республики и приходъ россiйской — буржуазной, а затѣмъ соцiалистической — демократiи къ власти, освобожденiя народамъ не дало; правительство Керенскаго препятствовало самоопредѣленiю поляковъ, финляндцевъ, украинцевъ, а возстановленiе Дономъ Выборнаго Атамана и Войскового Круга вызвало въ концѣ концовъ провокацiонное объявленiе Керенскимъ Атамана А. М. Каледина и Дона мятежниками. Противодѣйствiе Вр. правительства и революцiонной демократiи нацiональному самоопредѣленiю и самоорганизацiи народовъ Россiи было одной изъ главныхъ причинъ переживанiя ими большевизма, ослабленiя иммунитета противъ него.

Въ 1917 г. Казачество возстановило исконныя формы своего существованiя — войсковые круги (раду) и выборныхъ атамановъ; это былъ первый, но не конечный этапъ освобожденiя отъ 2-хъ вѣковой кабалы; конечнымъ этапомъ — завершенiемъ — можетъ быть только возстановленiе своего самостоятельнаго государственнаго бытiя.

Революцiя открываетъ возможности полнаго освобожденiя казачества, возстановленiя самостоятельнаго государственнаго бытiя его, а интересы казачества и интересы коренного населенiя казачьихъ краевъ этого повелительно требуютъ.

Не все было совершено въ 1917 г., какъ и послѣ, но не смѣли мы омрачать упрекомъ свѣтлую память Каледина,

Назарова, Богаевскаго, Караулова, Бардижа и многихъ другихъ, погибшихъ за казачество. Нельзя было срывать съ дерева несозрѣвшаго плода, а тѣмъ болѣе, когда на немъ только распускаются почки.

VI

Большевицкую власть безъ сопротивленія, безъ какой либо борьбы, добровольно пріялъ единственный народъ бывш. Россіи — великорусскій; онъ принялъ, какъ программу, какъ свою идеологію, и большевизмъ.

Борьба противъ большевицкой власти и большевизма, борьба вооруженная, начиналась тамъ, гдѣ кончалась великорусская или начиналась этнографическая граница другихъ народовъ.

Казачьи Войска (атаманы, правительства и круги) не признали сов. власти, но они не приняли самостоятельнаго существованія казачьихъ областей или всего казачества, какъ самодовлѣющей цѣли, а взывали всего лишь къ борьбѣ противъ сов. власти, и казачество не вняло зову — пріяло новую россійскую власть.

Пріяло потому, что ее добровольно пріялъ русскій народъ и она стала государственной властью.

Паденіе монархіи обязано паденію престижа этой власти; такому же паденію престижа (а внутри казачества и сознанія его ничтожества) Вр. правительства и, прежде всего, главы его, Керенскаго, обязаны большевики легкому овладѣнію государственной властью.

Пріятіе казачествомъ, или отказъ отъ сопротивленія его сов. власти, основывались на престижѣ великодержавности, авторитетности русскаго (великорусскаго) народа, воли того народа, которымъ прикрывалась имперская государственность; пріятіе сов. власти казачествомъ было государственнымъ инстинктомъ, государственной инерціей.

Нѣтъ правыхъ, нѣтъ виноватыхъ. Казачьи дѣятели не могли подготовить казачество, условія не допускали этого; казачество не могло отказаться сразу отъ жертвенности для Россійской государственности, русскому (великорусскому) народу — великодержцу, въ чемъ воспитывалось 200 лѣтъ.

Памятная борьба отцовъ и дѣдовъ; фронтовиковъ и матерыхъ казаковъ... Въ чемъ сущность ея? Отцы видѣли

и осознавали только сов. власть, болѣе мудрые, дѣды, предвидѣли и осознавали близкій, стучавшійся уже въ двери, приходъ большевизма.

И когда большевизмъ пришелъ отъ мѣстной сов. власти, созданной наплывомъ въ казачьихъ краяхъ отъ великорусскаго (иногородняго) наплыва, взаимное пониманіе у отцовъ и дѣдовъ установилось, и сомкнулись дружно ряды для борьбы. Возстаніе началось стихійно очагами; не офицеры, или казачья интеллигенція, вызывали его — возставалъ казачій народъ. Возставалъ за свою честь, свободу, за свое право управлять своими дѣлами, жить самостоятельно, за свои земли, нѣдра, за свое историческое достояніе.

Возстанія, сложившіяся въ организованную борьбу, имѣли и волю и характеръ народной войны за свое освобожденіе, за свое самостоятельное бытіе.

Вложеніе въ національную войну, войну съ великорусскимъ народомъ, какъ дававшимъ силы и средства для борьбы сов. власти противъ другихъ народовъ, идей, что война ведется только съ сов. властью и что цѣль, поставленная въ борьбѣ — освобожденіе Москвы и возстановленіе монархіи — было извращеніемъ народной войны и главнѣйшей причиной пораженія казачества.

Это извращеніе народной войны реставраторской попыткой стоило дорого Донскому казачеству — оно лишило естественныхъ союзниковъ (народовъ, боровшихся за свое освобожденіе: финляндцевъ, эстовъ, латышей, украинцевъ, поляковъ, горскихъ народовъ, кубанцевъ-черноморцевъ), оно убило энергію, пафосъ, волю къ борьбѣ и, вызвавъ «пограничную болѣзнь», а затѣмъ и сепаратный миръ верхнедонцевъ, закончилось стратегическимъ пораженіемъ Донской арміи. Это было слѣдствіемъ политическаго водительства атамана П. Н. Краснова.

За грѣхи пришлось расплачиваться казачеству. Ошибки увеличивались.

Союзъ съ Добровольческой арміей, противоестественный при народной войнѣ, явился неизбѣжной необходимостью, разъ, при извращеніи идеи народной борьбы, народы уже не могли быть союзниками. Но сначала союзникъ, ген. Деникинъ скоро обратился въ повелителя, и кабала, въ какую попало Кубанское Войско, уже захватывала и Донское казачество. Кадетская программа (земельный законъ) Глав-

нокомандующаго Юга Россіи (Деникина) была путами для казачества. Донское Войско, пріобрѣтя союзника въ лицѣ Добровольческой арміи, въ концѣ концовъ лишилось союзника естественнаго, въ лицѣ Кубанскаго Войска, въ цѣломъ. Послѣднее ждало поддержки отъ Донского войска для освобожденія его отъ Добровольческихъ путъ. Ожидало получить хлѣбъ, а получило камень отъ безраздѣльно властвовавшихъ Восковымъ Кругомъ Предсѣдателя его В. А. Харламова и кадетской группы (отношеніе къ убійству Рябовола и повѣшенію Калабухова).

Союзъ казачества съ Доброарміей, пріятіе ея военнаго и политическаго руководительства, связь съ Бѣлымъ движеніемъ привели къ полному извращенію борьбы. Цѣли ихъ были совершенно различныя. Борьба Доброарміи была узко классовой (частью партійной) борьбой буржуазной интеллигенціи и офицерства за власть надъ Россіей.

И Доброармія, и попавшая подъ руководительство ея казачья интеллигенція заявляла (другая примирялась съ этимъ), что война идетъ не съ русскимъ (великорусскимъ) народомъ, а съ сов. властью, и проводили это въ сознаніе казачества. Могла ли она заявлять иначе? Но русскій (великорусскій) народъ не принялъ «освобожденія» Доброарміи, а поддержалъ противника ея силами и средствами, или не оказалъ сопротивленія для распоряженія собой и ими сов. власти. Съ кѣмъ же шла война?

Съ Великороссіей, — такъ и чувствовало казачество. и осознавало это, кромѣ той небольшой части, у которой было затемнѣно демагогіей сознаніе. И сов. власть широко возвѣщала, что она не ведетъ войны съ казачьимъ народомъ, а лишь съ его властью, генералами, попами и т. д. Это была также демагогія; — послѣ пораженія расплатился казачій народъ, казачество въ цѣломъ, своимъ достояніемъ, — хлѣбомъ, имуществомъ, расхищеннымъ благосостояніемъ казачьихъ земель, естественныхъ богатствъ (угля, нефти), расплатился и расплачивается передъ побѣдителями — великорусскимъ народомъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что при побѣдѣ Бѣлаго движенія расплатился бы въ свою очередь великорусскій народъ, прежде всего проведеніемъ земельной программы кадетской партіи, расплатилось бы и казачество; — для него было бы достиженіемъ — окончаніе войны, а пораженіемъ — введеніе

Деникинымъ кадетской или иной кабалы надъ казачествомъ.

Проповѣдь, что войну въ 1918-20 г.г. съ народами бывшей Россіи вела сов. власть, а не Великороссія, не великорусскій народъ, имѣетъ практическое значеніе и смыслъ, — снятіе идеологически, морально и психологически всякой отвѣтственности и за войну, и за совершенное въ СССР русскимъ (великорусскимъ) народомъ, а вмѣстѣ съ проповѣдью о происхожденіи казачества отъ великоруссовъ, или даже утвержденіемъ, что казаки есть какъ разъ великоруссы, русскій народъ имѣетъ цѣлью для проповѣдниковъ — русской интеллигенціи и русскихъ политическихъ партій и присосавшихся къ нимъ казаковъ — психологическое узаконеніе, оправданіе совершившагося и къ закрѣпощенію положенія, могущаго создаться еще въ СССР, еще большаго наплыва великоруссовъ съ сѣвера на казачьи земли, еще большаго расхищенія центральной властью казачьихъ нѣдръ, завладѣнія ими.

Казачьи дѣятели, присосавшіеся къ русскимъ политическимъ партіямъ, конечно, прикрываютъ свою дѣятельность признаніемъ, что они прежде всего русскіе, а потомъ казаки («постольку, поскольку»...) и объясняютъ ее «высшими интересами русскаго народа» и прочими душеспасительными соображеніями.

Да будетъ памятно, что въ свое время Подтелковъ, Голубовъ, Автономовъ и прочіе ренегаты казачества прикрывали, оправдывали свою преступную для казачества дѣятельность также «высшими интересами русскаго трудового народа».

VII

Каковы будутъ исходы для казачества русской революціи? Оно прежде всего должно само создавать свой исходъ.

Никакая власть россійская (центральная) не сможетъ быть благой для казачества, какая бы она ни была: монархическая, кадетская (Милюковская), эсеровская (Керенскаго или Чернова) или евразійская (есть и такая претензія, обѣщающая создать Сверхъ-Россію) — отношеніе къ казачеству будетъ сводиться къ закрѣпленію расхищенія и обращенію достоянія казачьихъ краевъ «въ общій котелъ» такъ, что казачество оттуда не получитъ и объѣдковъ.

Странно надѣяться на осуществленіе блага (или справедливости) отъ какого нибудь Учредительнаго Всероссійскаго Собранія, вѣдь рѣшающее большинство тамъ будетъ (количественно) принадлежитъ великорусскому народу, а казачьи представители будутъ въ роли только присутствующихъ при рѣшеніи своей судьбы.

Великоруссія не боролась и не борется противъ сов. власти, — ей просто это невыгодно и противоестественно...

Внѣ всякаго сомнѣнія, что судьбы сов. власти (это вопросъ не русскій только) разрѣшатся вооруженнымъ столкновеніемъ СССР съ Западной Европой, — совершенно не важно, кто явится нападающей стороной. Пораженіе СССР — неизбѣжно.

Исходомъ этой борьбы и будетъ самоопредѣленіе, освобожденіе народовъ Востока Европы отъ совѣтской тюрьмы и готовящейся новой, осуществленіе государственнаго бытія тѣми, у которыхъ будетъ выявлено самосознаніе и воля къ самостоятельному государственному бытію. Когда это будетъ? Можно и должно осознавать совершающіеся процессы, но опредѣлять сроки — дѣло уже гадальщиковъ и предсказателей.

Исходъ борьбы долженъ дать для казачества полное освобожденіе, возстановленіе сувереннаго государственнаго существованія его. Это необходимо для интересовъ казачьихъ краевъ; цѣлесообразно, возможно въ совершающемся историческомъ процессѣ и наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ коренного населенія краевъ.

Для этого требуется прежде всего изживаніе рабской психологіи, создавшейся въ 2-вѣковой кабалѣ, о какой-то служебной роли казачества въ отношеніи русскаго (великорусскаго) народа или Россіи, о великодержавности, богоносительствѣ, мессіанской роли этого народа и т. п. блудъ московской, а затѣмъ и русской интеллигентской мысли; необходимо снятіе духовныхъ оковъ казачьей интеллигенціей, возвращеніе къ своимъ истокамъ, своему казачьему народу.

Для казачества прежде всего необходимо обрѣсти свободу своего духа.

Что за попечитель о судьбѣ казачества великорусскій народъ? Почему не другой какой-либо бывшей Россійской имперіи?

Только само казачество сможетъ быть кузнецомъ своего счастья.

Только въ самостоятельномъ государственномъ бытіи (сувереннаго государства или государствъ) казачество можетъ осуществить высшее благо — развитіе духовное и культурное, равноправное, свободное сожительство населенія своихъ краевъ, экономическое развитіе ихъ.

Осознаніе казачествомъ необходимости и неизбѣжности существованія своихъ краевъ, какъ самостоятельнаго государства или государствъ, а отсюда и воля къ тому — первый и главный этапъ къ осуществленію.

П. И. ВАСИЛЬЕВЪ,
Членъ Донского Войск. Круга
и Окружной Атаманъ
Хоперскаго округа.

Не имѣя достаточно времени, чтобы отвѣтить детально, съ указаніемъ на историческіе факты и справки, на анкету о казакахъ, я считаю долгомъ въ нѣсколькихъ словахъ выразить свои мысли, а именно: казачество существовало три вѣка, должно существовать и будетъ существовать многіе вѣка въ нашей Матушкѣ-Россіи, и никакой грязный сапогъ и большевицкій лапоть, наступившій временно на горло казака, не заставятъ думать иначе истиннаго казака, любящаго свою Родину.

Сильная сторона казака была въ широкомъ народоправствѣ и братскомъ равенствѣ въ мирной обстановкѣ въ станицахъ и хуторахъ и, несмотря на всѣ урѣзыванія правъ и давленіе Русскаго правительства, казаки сохранили въ умѣ и въ сердцѣ тотъ демократическій строй и вольную душу до конца; какъ доказательство сказаннаго — казаки не выдали своихъ офицеровъ на издѣвательство взбунтовавшимся рабамъ, какъ это было въ регулярныхъ частяхъ Русской арміи, и не уничтожали чужого добра и государственнаго имущества, которые наживались вѣками, такъ какъ казаки никогда не были рабами, знали, какъ трудно создавать все и легко разрушить, они собственнымъ честнымъ трудомъ создавали свое хозяйство. Работалъ старъ и малъ. Трудно

приходилось казакамъ нести честно царскую службу и содержать хозяйство, безъ котораго казакъ не могъ быть, такъ какъ требовался конь и все снаряженіе и обмундированіе, и не даромъ сложилась пословица: «Слава казачья, а жизнь собачья!»

Эту силу и такую казачью спайку знало хорошо Русское правительство, старалось урѣзать права и вольности казачества, а въ трудную минуту обращалось за выручкой, учитывая, что казаки, давши слово служить вѣрой и правдой, не измѣнятъ этому слову. Казаки приняли февральскую свободу честно, собрались во единый кругъ, рѣшили свои дѣла, выбрали себѣ честнаго, съ чистой душой, Атамана казака незабвеннаго Алексѣя Максимовича Каледина. И что же сдѣлало съ нимъ революціонное правительство? — Объявило измѣнникомъ! Честная душа святого Атамана не выдержала, и онъ покончилъ съ собой. Вѣсть объ этомъ разнеслась съ быстротой молніи отъ верховьевъ Хопра до Хвалынскаго моря; осиротѣли казаки, заволновались, поднялся и старъ и малъ на защиту правъ своихъ поруганныхъ. Вотъ въ чемъ сила казачья!

Слабость казачья зависитъ не отъ насъ, казаковъ, а отъ Главнаго Управленія Казачьихъ Войскъ, гдѣ кстати сказать, ни одного казака не было; это недостатки въ сельско-хозяйственной культурѣ, въ техническомъ и общемъ образованіи; хотя у насъ былъ непочатый край талантовъ въ различныхъ отрасляхъ искусствъ и техники.

Что же касается вопроса, какъ думали и думаютъ наши соотечественники о казачествѣ, то эти думы были и есть разныя, и я одно могу сказать, что если бы всѣ наши соотечественники думали бы, какъ казаки, то наша Матушка Россія не переносила бы такого позора и они бы и мы не были заграницей. Эта же причина даетъ возможность большевикамъ до сихъ поръ издѣваться надъ русскимъ народомъ. Я убѣжденъ въ этомъ и, какъ представитель округа въ 22 станицы, обращаюсь съ просьбой къ Войсковымъ Атаманамъ и Казачьему Союзу, обратиться съ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ, ко всему міру: — довольно плакать надъ рыбой, надъ цыпленкомъ, а пора думать о 150-милліонномъ населеніи Матушки Россіи, да не объ одной только Россіи, а обо всей Европѣ и Азіи.

Долой власть палачей!

Дайте власть измученному народу, который теперь уже

разберется въ людяхъ и найдетъ себѣ вождей. Надо не забывать и не насиловать исторію, въ которой не было примѣра, чтобы власть уходила добровольно. Я увѣренъ, что это дѣлается и будетъ сдѣлано въ самомъ скоромъ времени и скоро настанетъ конецъ всякой осторожности, пора громко заявить: долой палачей! Мы готовы! Прикажите!

Д. И. ВОРОТЫНСКІЙ,
журналистъ, Донской писатель.

Бываютъ дни, бываетъ часъ,
Когда повѣетъ вдругъ весною...
Ѳ. И. Тютчевъ.

Теплый, душистый, степной вѣтерокъ опахиваетъ мое сердце, когда я вспоминаю мой родимый край, вспоминаю недавнюю яркую жизнь въ немъ, вспоминаю станицы и хутора съ левадами и садами, тихими улицами, тихими лѣтними ночами.

Глубокая скорбь томитъ мою душу, когда я читаю и слушаю ложь и неправду про родныхъ моихъ казаковъ, — ложь, исходящую изъ подъ пера эмигрантскихъ историковъ и публицистовъ, старающихся умалить казачество во всемъ, неправду, которою осыпаютъ казачество лица, силящіяся изобразить его людьми трусоватыми, склонными къ измѣнѣ, зараженными самостійными теченіями настолько, что, ставя самостійность превыше всего, казаки способны ради самостійности повредить общему дѣлу спасенія Великой Россіи.

Казаки споконъ вѣковъ стояли въ сторонѣ отъ политики (я не беру годы скитаній и надлома мышленія), даже продолжительность гражданской войны не столкнула ихъ съ аполитическихъ позицій и, благодаря крѣпости единаго духа, казачество и выявляло себя единой семьей и стояло особнякомъ отъ остальной мужичьей Россіи. Въ первые же дни гражданской войны мужики, какъ разъяренный звѣрь, бросились съ пѣной у рта на казаковъ и когда казачество, защищаясь, возвысило свой голосъ, то ему и было брошено обвиненіе разомъ и въ контръ-революціонности и въ самостійности.

Дѣло историка углубляться въ прошлые вѣка жизни казаковъ и говорить о тогдашнихъ началахъ народоправства, братства и равенства. Если къ таковымъ вѣковымъ порядкамъ послѣ февральской «безкровной» вернулись казаки, то такъ надо было, надо было тѣснѣе сплотиться и образовать своего рода «казацкія государства», ибо большевицкая мужичья «Расея» силой несмѣтной лѣзла въ казачьи земли, дабы и тамъ предать поруганію останки Руси Святой.

И въ Россіи грядущей, Россіи Новой, рожденной въ страшныхъ мукахъ, когда и казачество, нынѣ изживаемое, узритъ свѣтъ, вновь воскреснутъ, можетъ быть, тѣ же неосуществленные въ годы гражданской войны лозунги, но эти начала вольности не будутъ политическимъ балластомъ для созидаемой Россіи и казачество пріемлетъ право и законъ, установленные новой властью Государства Русскаго.

Но не на запяткахъ, а въ головѣ Новой Россіи будетъ идти казачество, ибо въ кошмарные годы лихолѣтія безспорно казаки шли авангардомъ, неся на раменахъ своихъ всѣ тяготы гражданской войны.

Они воздвигли себѣ въ эти годы вѣчный памятникъ и вѣчную славу, и лучезарная, какъ солнце, слава эта да не угаснетъ.

И мы чаемъ, «когда повѣетъ вдругъ весною»...

В. Д. ГАМАЛІЙ,
полковникъ Кубан. Войска,
установившій въ Великую Войну
связь съ англійской арміей.

Считаю своимъ долгомъ по мѣрѣ возможности отвѣтить на вопросы, указанные въ печатномъ листкѣ:

1). Каковъ бы ни былъ образъ правленія въ будущей Новой Россіи, казачество, занимая окраины Россіи, будетъ для нея необходимымъ. Не явится препятствіемъ казачьему существованію даже такой важный вопросъ, какъ земельный, такъ какъ и до революціи казачьи надѣлы не такъ ужъ многимъ превышали надѣлы крестьянъ, а если принять во вниманіе земли помѣщиковъ, которыя отошли къ крестьянамъ, то,

я полагаю, разницы въ надѣлахъ не будетъ. Суть заключается въ томъ, кто какъ сумѣетъ справиться съ землей, а въ этомъ отношенiи казаки заявили себя съ хорошей стороны:

а). Мы умѣли воздѣлывать землю не хуже другихъ, что подтвердилось теперь и заграницей.

в). Вмѣстѣ съ тѣмъ грамотность, несмотря на то, что казаки занимали окраины, была не ниже, чѣмъ въ центральныхъ губернiяхъ.

с). При такомъ образѣ правленiя, какъ абсолютная монархiя, наши предки сумѣли добиться и отстоять казачьи вольности на принципѣ народоправства.

2). Казачество было сильно своей спайкой. Лозунгъ у нашихъ предковъ «Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ», — проводился въ жизнь, а не являлся только достоянiемъ переписки.

Казаки, выбирая себѣ атамана, умѣли ему подчиняться. Были, конечно, случаи, — ихъ отмѣтила исторiя, — когда казаки дѣлились на группы, вызывая несогласiе между собой, чему не рѣдко способствовали тѣ, кому было выгодно исходить изъ формулы «раздѣляй и властвуй».

Но это было только сравнительно рѣдкимъ исключенiемъ, отнюдь не правиломъ. Въ настоящее время заграницей въ полной мѣрѣ выявилось, что мы, казаки, многое утеряли изъ унаслѣдованнаго отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ — утратили смыслъ пословицы: «Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ».

***

Позволю себѣ высказать свой взглядъ по вопросу, что намъ нужно дѣлать, дабы сохранить казачество для Новой Россiи.

Вопроса о томъ, долженъ ли быть въ эмиграцiи у казаковъ атаманъ, я не буду касаться, такъ какъ это первая заповѣдь, по моему глубокому убѣжденiю, безъ которой существованiе казачества немыслимо. Учитывая всю тяжесть нашего теперешняго положенiя, считаю, что намъ всѣмъ необходимо объединиться и кое что, согласно указанiямъ жизни, измѣнить.

Казачьи конституцiи хороши, ихъ слѣдуетъ только выполнить, а посему позволю себѣ перейти къ практическому

разрѣшенію вопроса и все къ тому же объединенію. У насъ, казаковъ, въ этомъ отношеніи наибольше возможностей.

По моему, необходимо:

1). Положивъ въ основу работы «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, — Атаманамъ произвести по фамиліямъ полный учетъ казаковъ, находящихся заграницей, а также и иногороднихъ Юго-Восточнаго края.

2). Казачество должно составить свою казачью группу на подобіе партіи, съ правами и обязанностями касательно каждаго казака. Не грѣхъ въ этомъ отношеніи поучиться намъ у тѣхъ партій, гдѣ за измѣну партіи членъ ея несетъ, по степени преступленія или проступка, наказаніе. Когда создастся дружная казачья семья по принципу партійной дисциплины, тогда мы возстановимъ все то, что мы утеряли изъ наслѣдства отцовъ, тогда будутъ и средства поощрить и наказать, кого слѣдуетъ.

3). Атаманы о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, а также, конечно, и заслугахъ казаковъ передъ Казачьей Партіей обязаны говорить открыто и громко, не боясь того, что заграницей приказы будутъ не исполняться, а посему не стоитъ ихъ и писать. Осмѣливаюсь сказать, что, зная психологію казака, считаю необходимымъ, если этого требуетъ польза, писать обо всемъ открыто, и это произведетъ должное впечатлѣніе.

4). Настала пора установить членскіе взносы, и этотъ пунктъ долженъ быть обязательнымъ для всѣхъ.

5). Привлечь къ работѣ казаковъ (вахмистровъ, урядниковъ) — бывшихъ атамановъ въ станицахъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они считаютъ себя обиженными, ихъ какъ-то отметнуло въ сторону, а это элементъ практичный и, пожалуй, самый надежный. И выполнять практически формулу «Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ» они уже начали: поиски фермъ (нѣкоторые уже осѣли), а также жизнь на заводахъ, гдѣ наблюдаются группировки въ 8-10 человѣкъ со старшимъ.

6). Прекрасному нашему начинанію посадить казаковъ на землю необходимо удѣлить максимумъ заботы и, если удалось бы поселить казаковъ гдѣ нибудь кучно, хотя бы и въ Южной Америкѣ, было бы еще лучше. Такое положеніе позволитъ воспитывать молодежь въ казачьемъ на-

правленіи. Смѣю завѣрить, что если суждено было бы раздаться сигналу «назадъ» — все поднимется, и скорѣе, чѣмъ съ заводовъ.

7). Не секретъ, что казаки заграницей проявили не мало умѣнья примѣняться къ жизни и стоятъ въ этомъ отношеніи не на послѣднемъ мѣстѣ среди эмигрантовъ: фабрики, сельское хозяйство, хоры, трубачи, джигиты. Казачьи Атаманы обязаны направить и развить работу въ пользу казачества. Знаю, что къ Атаманамъ идутъ жаловаться казаки на несправедливое отношеніе къ нимъ антрепренеровъ, но часто въ началѣ дѣла съ Атаманами не совѣтуются; такому явленію долженъ быть поставленъ предѣлъ. Обидно слышать, когда о казакахъ толкуютъ, какъ о людяхъ, умѣющихъ примѣниться къ жизни, но почему то имъ ставятъ непремѣннымъ условіемъ дать въ командиры неказака. Для меня такое явленіе вполнѣ понятно, но необходимо это разъяснить всѣмъ казакамъ, тѣмъ паче, что жизнь многихъ уже научила, и использовать теперешнее настроеніе Казачьимъ Атаманамъ легче, чѣмъ было раньше.

8). Въ каждой странѣ имѣть необходимо своего представителя, который напоминалъ бы казакамъ о днѣ Войсковыхъ праздниковъ, а также умѣлъ бы дать истинное представленіе о казакѣ во всѣхъ странахъ. Такіе люди изъ казачьей среды на мѣстахъ имѣются, ихъ необходимо расшевелить.

9). Вмѣнить въ обязанность людямъ зажиточнымъ заграницей, имѣвшимъ отношеніе къ казачьимъ областямъ хотя бы по торговымъ предпріятіямъ, дѣлать взносы въ Казачью казну (тамъ будутъ рубрики на инвалидовъ, больныхъ и т. д.), и они (зажиточные) обязаны помочь. Если же откажутся, пусть узнаютъ объ этомъ казаки и — смѣю Васъ завѣрить — и такое явленіе послужитъ связующимъ звеномъ въ казачьей семьѣ.

10). Необходимо выявить подлинное лицо такъ называемыхъ сочувствующихъ и даже считающихъ себя казаками, которые, въ силу создавшагося положенія безнаказанности, ведутъ работу во всѣхъ направленіяхъ, часто вредящихъ казачеству, признаютъ ли они казаковъ и ихъ платформу? И опять таки многіе изъ большихъ людей обязаны будутъ признать казаковъ. Вѣдь мы, даже въ нашемъ горестномъ положеніи, сильнѣй ихъ!

Увѣренъ, что казачество въ новой Россіи, — каковъ

бы ни былъ образъ правленія, — монархическій, республиканскій, за исключеніемъ коммунистическаго, — явится не только желательнымъ, но и необходимымъ въ силу географическаго положенія Россіи. Учитывая, что въ интересахъ націи на окраинахъ нужно имѣть элементъ, способный быть готовымъ къ войнѣ, всякому правительству выгоднѣе будетъ имѣть тамъ казачество, вѣками выковавшее «смѣтку, ловкость и сноровку — капиталъ казака», чѣмъ держать громоздкую постоянную армію, которую по окончаніи службы надо распускать, замѣняя другими. Казаки же кромѣ того, что несли, главнымъ образомъ, эту повинность, они и жили на окраинахъ, чѣмъ улучшали положеніе правящаго центра, не только защищая страну отъ вторженія извнѣ, а нерѣдко являлись авангардомъ въ войнахъ и, будучи приспособленными къ войнѣ больше, чѣмъ другіе, давали возможность провести относительно планомѣрно мобилизацію силъ. Въ особенности настоящая обстановка не даетъ основанія надѣяться, что въ будущемъ не будетъ войнъ. Вопросъ этотъ слишкомъ щекотливый, но, во всякомъ случаѣ, пока человѣчество безъ войнъ не обходилось, не предвидится этого и въ будущемъ.

Не лишне припомнить характерную черту изъ періода правленія Временнаго Правительства. Въ началѣ революціи къ казакамъ отнеслись гнусно. Врем. Правительство требовало одно время выдачи Атамана Генерала Каледина, на что получило историческій отвѣтъ: «Съ Дона выдачи нѣтъ», а въ концѣ концовъ, въ минуту критическую, пыталось само опереться на казаковъ. Этотъ случай весьма показательный.

Мы должны, въ интересахъ самого казачества, воскресить въ эмиграціи старую формулу, лежавшую въ основѣ бытія нашихъ предковъ: «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного», чтобы казакъ, очутившійся въ несчастьи здѣсь, заграницей, могъ получить поддержку не на словахъ, а на дѣлѣ. Такая система должна стать обязательной для каждаго казака. Въ горѣ выручай другъ друга.

При такой постановкѣ вопроса явится возможность заставить выполнять казачьи обязанности тѣхъ, кто будетъ вилять. Въ концѣ концовъ создастся своя казачья партія со своей дисциплиной. Казачьихъ Атамановъ большею частью постигала тяжелая участь, — такъ говоритъ казачья исторія, а многаго печальнаго и мы свидѣтели. Доля Ата-

мановъ нелегкая, и Войсковые Атаманы должны тѣснѣе сплотиться съ казачьей массой, для чего ее, прежде всего, надо полнѣе обо всемъ информировать.

М. А. ГОРЧУКОВЪ,
б. Директоръ Новочеркасскаго реальнаго училища, Членъ Дон. Войск. Круга.

КАЗАКИ — ЛУЧШІЕ РУССКІЕ ЛЮДИ

Казаки никогда не знали рабства: они никогда никого не угнетали, и сами никогда не знали надъ собой рабьяго гнета. Отсюда — ихъ первое и главное достоинство: чувство внутренней свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, органической чертой казака всегда была присущая ему любовь къ порядку. Гармоническое сочетаніе этихъ двухъ началъ (свободы и порядка) всегда дѣлало изъ казаковъ самую вѣрную опору, самый надежный оплотъ здоровой государственности. Жизнь и внутреннія отношенія казачества всегда утвеждались на здоровыхъ демократическихъ основаніяхъ. Казаку всегда было ясно, что «гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ справедливости, а гдѣ нѣтъ справедливости, тамъ нѣтъ нравственности». Эти именно начала всегда и лежали въ основаніи строительства казачьей жизни.

Казакъ законно и справедливо гордится собой, и эта гордость основана не на внѣшнихъ данныхъ, — не на интересѣ, не на крови, — а на трезвомъ чувствѣ собственнаго достоиства. «Голосъ крови», лежащій въ основѣ всякаго національзма, совершенно чуждъ казачеству: его пониманіе своего достоинства выше; оно утверждается на основахъ высшаго порядка. Этимъ объясняется поразительная сила ассимиляціи, претворяющей національную пестроту въ однородную казачью массу. Характерная черта — казачьи фамиліи; они, какъ будто, напоминаютъ старыя слова поэта: «какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»: Поляковы, Персидсковы, Грековы, Туркины, Грузиновы, Черкесовы, Жидковы, Татаркины, Калмыковы — (какъ и просто самые калмыки), — и все это самые настоящіе «кровные» казаки, лишь въ фамиліяхъ сохранившіе память о пестротѣ крови, объединенной и переплавленной казачьей средою.

Указанныя черты казачьяго духа даютъ картину глубокаго расхожденія казачества съ основными чертами общерусскаго быта и нравовъ. Тамъ, къ сожалѣнію, жизнь строилась на сословномъ или классовомъ началѣ. Отсутствіе равенства вносило разрушительную болѣзнь въ жизнь русскаго духа, воспитывая въ однихъ рабство, жадно ждущее лишь «реванша», въ другихъ — привычку къ безконтрольной власти, къ произволу и, обязательно, «Божіею милостью», за отсутствіемъ другихъ основаній. Отсюда — вѣчная взаимная вражда, борьба между владѣющими и подвластными, между властью и народомъ, — или, пока народъ еще не научился понимать себя, — съ передовымъ обществомъ.

И любопытно, что эта борьба за власть — противъ народа — всегда велась въ Россіи отъ имени народа же. Такъ было въ 19-мъ вѣкѣ, когда съ легкой руки Карамзина николаевская эпоха построила знаменитую политическую «теорію оффиціальной народности»: именно, николаевское самодержавіе впервые написало на своемъ знамени лозунгъ «народности», но истолковало ее въ томъ смыслѣ, что народность-де и заключается именно въ православіи и самодержавіи, которыя были политическими твердынями николаевской эпохи. Лозунгъ «народности» оказался фактически пустымъ словомъ, фальшивой вывѣской. Послѣ царскаго самодержавія пришло красное самодержавіе «пролетаріата»; диктатура пролетаріата тоже дѣйствуетъ отъ имени народа — («трудового», рабочихъ и крестьянъ), у котораго опять не спросили его мнѣнія о новой власти, сдѣлавъ изъ «диктатуры пролетаріата» диктатуру надъ пролетаріатомъ. Природа власти мало измѣнилась, — и новая власть, какъ и старая, опирается не на народъ, а на свою силу. Получилась лишь новая варіація старой теоріи «оффиціальной народности». Разница оказалась чисто количественная, а не качественная. Народу по-прежнему отведена роль статиста исторіи, отъ имени котораго дѣйствуютъ самозванные диктаторы. Народъ по-прежнему остается въ страдательномъ положеніи, но только безмѣрно болѣе тяжеломъ, чѣмъ прежде: прежняя власть успѣла пріобрѣсть хоть культурныя формы управленія, новая — совсѣмъ распоясалась и обнажилась... «Народъ безмолствуетъ» пока, но историческая очередь — за его словомъ.

Тамъ, гдѣ никогда не было должной правды въ отно-

шеніяхъ въ собственному, родному народу, — конечно, не могло ея быть и въ отношеніи казачества.

Власть всегда охотно пользовалась врожденной любовью казаковъ къ порядку для укрѣпленія своей самодержавной позиціи по отношенію къ народу. Эта политика власти всегда была провокаціонной для казаковъ, потому что во имя «порядка» ихъ заставляли «работать» противъ свободы народа, и тѣмъ внушали той и другой сторонѣ чувство взаимнаго недовѣрія и ненависти. Пользуясь казаками для такихъ цѣлей, власть готова была дѣлать нѣкоторыя невинныя поблажки казачьей свободѣ, какъ «привилегіи» (это была не привилегія, а законное право), — а, въ сущности, едва ее терпѣла, съ трудомъ скрывая, а иногда и не скрывая своей самодержавной природы. Казачьи «вольности», въ сущности, оставались только словами въ манифестахъ и жалованныхъ грамотахъ.

Но казаки, хоть и урѣзанные въ своихъ гражданскихъ вольностяхъ, все-таки не знали рабства, а условія ихъ быта и нравовъ утверждали ихъ въ исконномъ чувствѣ внутренней свободы. Этимъ опредѣлилась ихъ политическая роль въ моментъ появленія красной диктатуры. Казачьей душѣ эта система голаго насильничества власти была, конечно, органически противна, и потому понятно, что казаки единодушно воспротивились новому, уже ничѣмъ не прикрытому, наглому насилію. И казачья душа никогда не примирится съ нимъ, потому что оно органически противно его свободной природѣ...

Казаки всегда чувствовали, — лучше, чѣмъ самъ забитый рабствомъ русскій народъ, чего ему не достаетъ для блага жизни, — въ чемъ его историческая обида, — и всегда готовы были помочь ему въ бѣдѣ, — въ его борьбѣ съ крѣпостнымъ насиліемъ, разъѣдавшимъ народную душу. Имъ казалось (и это было вѣрно), что лучшій способъ вывести русскій народъ изъ-подъ ига рабства — это дать всей Россіи казачьи вольности. Этимъ вдохновлялись движенія Разина и Пугачева, — и народная масса чутко улавливала въ бунтахъ этихъ казачьихъ атамановъ зарю своей свободы. Не даромъ русскій народъ славитъ Стеньку Разина, напримѣръ, въ извѣстной пѣснѣ, сдѣлавъ изъ нея нѣчто вродѣ русскаго гимна.

Казачья свобода, конечно, остается для русскаго народа идеаломъ и для сегодня, — потому что только на

историческихъ казачьихъ началахъ свободы и порядка и можетъ прочно укрѣпиться здоровая государственность общероссійская.

Но сейчасъ — это пока еще мечта. Надъ русскимъ народомъ сейчасъ продѣлывается новый страшный опытъ, по существу углубляющій историческія раны русской народной души: онъ внѣдряетъ въ нее чувство рабьей зависимости отъ чужой враждебной воли, — то чувство, на которомъ, по его природѣ, нельзя построить никакой государственности, потому что самый гнилой порядокъ тотъ, который построенъ на палкѣ, защищающей народное безправіе.

Миссія казачества, поэтому, остается пока въ силѣ: самымъ фактомъ своего существованія, всей природой своего духа, — свободнаго и вмѣстѣ любящаго порядокъ и законъ, его обезпечивающій, — казачество остается своего рода показательнымъ полемъ разумной государственности, ея живой школой нагляднаго обученія.

Этой роли у казачества не отниметъ никто: не отняло ее царское самодержавіе, не отняли и красные диктаторы, которые — кстати сказать — уже вынуждены пойти по старому пути «поблажекъ казачьей свободѣ». Тѣмъ болѣе не отниметъ ее русскій народъ, когда къ нему перейдетъ, наконецъ, вся полнота принадлежащей ему власти. Наконецъ, этой культурно-исторической роли казачества не отнимутъ у него и не унизятъ въ нашихъ глазахъ тѣ — увы, многіе и многіе — недруги его изъ русскихъ людей, которые никакъ не могутъ заставить себя признать историческую и политическую цѣнность казачества, и которыхъ хватаетъ часто лишь на столь же высокомѣрную, какъ и наивную усмѣшечку въ адресъ мнимыхъ «претензій» казачества. Печально это легкомысліе, за какимъ бы логическимъ или политическимъ укрытіемъ оно ни пряталось: горькое доказательство, что подобные «судьи» казачества не слишкомъ далеки отъ тѣхъ, кто свою роль понималъ прежде и понимаетъ теперь, какъ роль владыкъ-самодержцевъ (разныхъ лишь цвѣтовъ и вывѣсокъ). Очевидно, у кого въ крови, въ природѣ, въ традиціи — насиліе, того не убѣдишь ни въ справедливости, ни въ долгѣ уваженія, ни въ благодарности. Что жъ дѣлать, если не хватаетъ разума и мудрости? Это — даръ Божій: его изъ одной головы въ другую хирургически не пересадишь и на ба-

зарѣ за деньги не купишь... Надо думать и вѣрить, что у русскаго народа въ цѣломъ найдется больше, чѣмъ у нашихъ чиновныхъ, стародворянскихъ и ученыхъ умниковъ и политиковъ — и справедливости, и уваженія, и благодарности...

Теперь нѣсколько словъ о перспективахъ казачества.

Его внѣшняя историческая роль — быть колонизаторомъ или оплотомъ государственныхъ окраинъ — кончается. Казаки, по крайней мѣрѣ Донскіе, Кубанскіе и Терскіе, живутъ уже не на окраинахъ, а въ Россійскомъ домѣ, внутри его. Культурно-историческая миссія казачества, какъ живого образца государственности, основанной на свободѣ и порядкѣ, должна окончиться въ тотъ моментъ, когда весь русскій народъ получитъ жизнь, основанную на этихъ же началахъ. Но, конечно, эти начала, — въ условіяхъ внутренней казачьей жизни, въ организаціи быта, въ характерѣ нравовъ, въ складѣ всего духовнаго облика казачества, должны остаться неизмѣненными, потому что лучшихъ строительныхъ началъ въ жизни не существуетъ.

Но при всемъ томъ, остается вопросъ: что же дѣлать дальше, какимъ путемъ идти?

Возможно двоякое разрѣшеніе этого вопроса: можно мыслить казачество, какъ оно есть сейчасъ, внутри великаго Россійскаго дома, съ законно гарантированной политической и культурно-экономической самобытностью, — но возможно, какъ показываютъ нѣкоторыя современныя теченія мысли въ казачьей средѣ, — представлять себѣ казачество и какъ живущее совершенно своимъ домомъ («самостійное» теченіе).

Правду сказать, на послѣднемъ варіантѣ казачьихъ перспективъ не хочется и останавливаться, — такъ мало въ немъ политической серьезности. Эти планы — достояніе тѣхъ головъ, про которыя еще Пушкинъ сказалъ, что для нихъ «и своя шейка копѣйка, и чужая головушка — полушка». На современномъ языкѣ такіе герои называются просто авантюристами. Стоитъ ли серьезно считаться съ фантазіями такихъ забубенныхъ головушекъ? Всякій, кто претендуетъ на политическія роли, долженъ обладать однимъ непремѣннымъ качествомъ: умѣть предвидѣть, что выйдетъ изъ намѣчаемыхъ плановъ и мѣропріятій. Безъ этого условія въ большую политику можно забираться или

по недомыслію, отъ котораго, конечно, никто не застрахованъ, — или за недостаткомъ совѣсти, которая не ставитъ препятствій любой игрѣ чужими головами... Пусть идеологи казачьей самостійности отвѣтятъ на вопросъ: какъ они думаютъ заставить Россію выдѣлить ихъ на свое суверенное хозяйство, или какъ они думаютъ удержать это хозяйство за собой, если Россія не захочетъ этого выдѣленія, которое для нея было бы лишней петлей на горлѣ? Новорожденные самостійные казачьи поэты уже звенятъ воинственными струнами, воспѣвая бранную красоту новой жизни. Въ одномъ изъ номеръ «Вольнаго Казачества» мы читаемъ на первой страницѣ такія строки поэтическаго дуэта (стихотвореніе Колесова-Гончарова):

Мы хлебаемъ горстью огневую кашу,
Изъ небесной пряжи носимъ зипуны,
Пьемъ хмельное зелье солнечною чашей,
Алъ лампасъ — изъ радугъ крадемъ на штаны...

Для поэзіи все это хорошо: ярко, сочно, звонко... но увы, политика не поэзія. Ея голова трезва, и потому ей ясно, что «огневой кашей» можно обжечься, что изъ «небесной пряжи» зипуновъ не сошьешь, и что надежды на «солнечныя чаши» да на «радуги» — напрасны: въ «солнечной чашѣ» хмелю не бываетъ, а съ одной «радугой» не только безъ лампасъ, но и безъ штановъ останешься. Для поэзіи всѣ эти звонкія слова и яркія краски, можетъ быть, и на мѣстѣ, а для политики это только вредное и опасное пустословіе.

Но въ смыслѣ тактическомъ постановка «самостійнаго» вопроса, можетъ быть, и могла бы имѣть свое значеніе: въ той политической игрѣ-борьбѣ, которая возникнетъ немедленно послѣ паденія совѣтской власти, можетъ быть, дѣйствительно болѣе полезно предъявлять «счета» съ запросомъ, чтобы было что скинуть въ процессѣ торга съ будущей россійской властью: вѣдь неизвѣстно, какая она будетъ, а по историческому опыту, отъ нея трудно ожидать должной объективности и справедливости къ казачеству. Этого, дѣйствительно, нельзя упускать изъ вниманія, потому что историческая традиція россійской власти въ томъ, чтобы требовать одного: «прилежанія и усерднаго служенія». Этого требовалъ шефъ жандармовъ Бенкен-

дорфъ (при Николаѣ I), этого требуютъ и большевики. Этого потребуютъ, надо думать, и будущія общероссійскія власти. Поэтому — кто сумѣетъ получить больше законныхъ правъ, тотъ будетъ оправданъ исторіей... Но надо помнить одно: что этихъ правъ казачество добьется только за «круглымъ столомъ» совѣта, а не на полѣ брани. То, что потеряло бы оно на этомъ кровавомъ полѣ борьбы съ Россіей, — было бы потеряно навѣки...

Нѣтъ, не въ этомъ направленіи должна идти казачья мысль въ своихъ исканіяхъ. Есть направленіе другое, болѣе достойное казачьей исторіи и казачьяго духа.

Героическій періодъ казачества, періодъ борьбы за землю, право и свободу, кончается. На этихъ путяхъ остается только романтика героическихъ воспоминаній, пѣсенъ и преданій, — конечно, богатыхъ своею красотою и силою благородныхъ внушеній, — т. е. богатыхъ воспитательнымъ дѣйствіемъ, но все-таки принадлежащихъ прошлому, а не настоящему. Однако, остаются въ цѣлости огромныя, воспитанныя героической исторіей силы казачьяго духа, укрѣпленныя вѣковой борьбой и облагороженныя честнымъ служеніемъ на славномъ посту... Эти силы и дальше не должны слабѣть и никнуть: онѣ должны лишь получить новое направленіе, достойное казачьяго духа и казачьей исторіи. Этимъ направленіемъ долженъ быть признанъ единственно путь просвѣщенія: наука и культура. Есть что-то символическое и трогательное въ томъ, что нашъ родной Новочеркасскъ по количеству учащихся всѣхъ ранговъ (около 20.000 на 70.000 населенія) былъ первымъ городомъ въ Европѣ (въ процентномъ отношеніи). Еще удивительнѣе то, что то же, въ общемъ, процентное отношеніе остается за Новочеркасскомъ и сейчасъ, если не обманываютъ случайно встрѣченныя въ печати цифры. Другія лица, можетъ быть, скажутъ полнѣе о томъ, какая стихійная жажда свѣта заявила себя въ послѣднее время нашей жизни на родинѣ, — какъ школами низшими, средними и высшими, положительно засѣялся, какъ поле зерномъ, нашъ «родимый край»... Народъ инстинктомъ угадалъ единственный путь, куда должны быть направлены освобождающіяся, съ завершеніемъ героической миссіи казачества, его силы... Нужно лишь разумное направленіе этого разумнаго стремленія, — чтобы укрѣпленіе и расцвѣтъ культурныхъ силъ казачьихъ обезпечилъ наиболь-

шую степень процвѣтанія — и духовнаго, и матеріальнаго, — родного народа... Надо близко знать богатыя возможности, какія таятся въ огромныхъ запасахъ духовныхъ силъ казака, чтобы сказать съ увѣренностью, что тѣ успѣхи, достиженія и завоеванія, которые онъ осуществитъ здѣсь, безусловно сохранятъ за нимъ преимущества, которыя всегда дѣлали изъ казака лучшаго русскаго человѣка.

Но казакъ долженъ копить и умножать свои духовныя и культурныя силы не только потому, что это его нравственный долгъ передъ собой, своимъ достоинствомъ и своимъ прошлымъ: этотъ долгъ повелительно диктуется ему и новой складывающейся исторической обстановкой: промышленный пульсъ страны замѣтно перемѣщается сейчасъ на югъ. Ростовъ становится сердцемъ юга Россіи. Въ недалекомъ будущемъ югу предстоитъ грандіозная роль производителя и резервуара огромныхъ промышленныхъ цѣнностей, техническихъ и всякихъ другихъ трудовыхъ силъ. Ясно, что хозяиномъ края будетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ будетъ сосредоточена сила, регулирующая этотъ могучій пульсирующій центръ жизни. Формальное право казака, какъ «хозяина» края, легко будетъ обойдено силой промышленно-экономической стихіи, заправляющей фактически и политикой и всякими «правами», если казакъ не сумѣетъ подойти къ дѣлу не съ бумажнымъ «правомъ», а съ промышленной иниціативой и техническимъ знаніемъ.

Отсюда — новая задача. Подготовка и накопленіе культурныхъ кадровъ изъ казачьей среды должно имѣть своей конечной цѣлью — сосредоточеніе и использованіе, по возможности, въ предѣлахъ родного края, на его благо. Этимъ будетъ предотвращено горестное явленіе нашего недавняго прошлаго, когда Донъ, вообще богатый источникъ культурныхъ и техническихъ силъ, терялъ эти силы для собственнаго культурнаго и промышленнаго хозяйства. Этого печальнаго отрыва отъ Дона его сыновъ въ будущемъ — по возможности — не должно быть: вѣдь прямо необъятна емкость культурныхъ, хозяйственно-промышленныхъ и техническихъ нуждъ, которыя откроются передъ краемъ въ ближайшемъ будущемъ.

Надо помнить о неизбѣжности отхода на новыя позиціи. Надо, чтобы эти позиціи были заранѣе подготовлены. Надо сумѣть стать не бумажнымъ, а реальнымъ хозяиномъ жизни края. Это возможно только на новомъ пути.

Внѣ этого пути — казачеству нѣтъ жизни и спасенія. Съ одними лампасами и пикой оно останется только чужимъ слугою, или — въ лучшемъ случаѣ — исторической декораціею. Его удѣломъ будутъ только задворки жизни. Единственнымъ утѣшеніемъ для него останется въ такомъ случаѣ только романтика воспоминаній о быломъ величіи и славѣ, — но это былое величіе будетъ лишь фономъ, на которомъ тѣмъ ярче будетъ оттѣняться убожество культурнаго и матеріальнаго упадка. Отъ сего — храни насъ Боже.

Итакъ, vivat, crescat, floreat казачество на новыхъ путяхъ культурнаго труда и преуспѣянія, и да сохранитъ его судьба и на этихъ путяхъ на прежнихъ роляхъ лучшаго украшенія семьи россійскихъ народовъ.

Графъ М. Н. ГРАББЕ,
ген.-лейтенантъ, бывшій Наказный Атаманъ Донского Войска.

...... сохранится ли въ будущей Новой Россіи казачество?

Отвѣтъ:

Тѣ казаки, кои въ этомъ сомнѣваются, тѣмъ самымъ перестаютъ быть казаками.

Послѣ паденія совѣтской власти, на мѣстѣ россійскаго пожарища все же уцѣлѣютъ нѣкоторые устои, одинъ изъ нихъ — казачество, и этотъ устой слѣдуетъ поддержать въ первую голову, ибо казачество, будучи по своимъ бытовымъ и инымъ особенностямъ болѣе спаяно и едино, сможетъ раньше другихъ возстановить свою жизнь и тѣмъ самымъ содѣйствовать закрѣпленію мощи самой Россіи.

Казачество живо и будетъ еще Россіи полезно!

М. Т. ГРЕБЕННИКОВЪ,
б. Начальникъ штаба Студенческаго Партизанскаго отряда, б. Атаманъ Студенческой Общеказачьей станицы въ Чехословацкои Республикѣ; Членъ Дон. В. Круга.

Казачество есть продуктъ русской исторіи. Казакъ, значитъ — вольный человѣкъ. Казаки никогда рабами не были, баръ надъ собою не знали, а посему они являются людьми съ психологіей свободнаго человѣка, что, конечно, сильно ихъ отличаетъ отъ остального русскаго народа. Въ казачьей общинѣ было: «Всякъ всякому равенъ», «плохъ тотъ казакъ, который не думаетъ быть атаманомъ».

Отсюда — демократичность казака, связанная съ его дисциплинированностью, выкованной жестокой, многовѣковой бранной жизнью, которая дала казачеству ту могучую силу, которую оно собой представляло въ прошломъ. Но это же обстоятельство явилось причиной, вызвавшей рядъ войнъ казачества съ абсолютной царской властью. Движенія Степана Разина, Булавина и др. тому служатъ доказательствомъ.

Схватились въ борьбѣ двѣ силы: свободное казачество, съ одной стороны, и абсолютная царская власть, съ другой. Побѣдителемъ оказалось царское самодержавіе. Жестоко расправившись съ казаками, окрѣпшая центральная власть, шагъ за шагомъ, постепенно свела казачество почти къ служилому военному сословію.

Казаковъ побѣдили въ этой борьбѣ, но не могли убить у нихъ духа казачьяго, духа жизни, духа смѣлаго, духа вольнаго. Жила въ душѣ каждаго казака мечта о вольностяхъ казачьихъ. Отсюда и понятно, почему казачество приняло февральскую революцію и быстро возстановило свои прежнія формы внутренняго управленія — Войсковые Круги, Рады и выборную атаманскую власть.

Здѣсь я долженъ категорически отвергнуть утвержденія новоявленныхъ казачьихъ самостійниковъ, утверждающихъ, что и движеніе Булавина и послѣдняя борьба казачества съ большевиками были самостійными, что казачество стремилось къ созданію самостоятельнаго казачьяго государства. Это утвержденіе явилось плодомъ или непониманія, или нежеланія считаться съ историческимъ прошлымъ казачества, или еще хуже. Долженъ отмѣтить, что казачество всегда было вѣрнымъ служителемъ идеѣ Россійской

государственности, первымъ колонизаторомъ и расширителемъ границъ этого государства. Больше скажу, что казаки стремились и теперь стремятся къ устройству той формы государства Россійскаго, гдѣ бы не были подавлены какъ народы, входящіе въ составъ этого государства, такъ и личность.

Принявъ февральскую революцію, казаки не приняли революцію октябрьскую, вступивъ на путь жестокой борьбы съ коммунистической властью, — борьбы, стоившей казачеству колоссальныхъ жертвъ. Я считаю, что этотъ шагъ казачества былъ ошибочнымъ, неправильнымъ. Казачество должно было бы принять и эту революцію и, вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ, пережить, вѣрнѣе изжить, тѣ ненормальности, которыя свойственны и неизбѣжны при всякой революціи. Тогда казачество не потеряло бы почти все свое достояніе и много много тысячъ казачьихъ жизней. И смерть атамана Каледина, послѣдняя рѣчь его помощника М. Богаевскаго въ кадетскомъ корпусѣ, — этихъ большихъ казаковъ, — тому является доказательствомъ.

Значенія и смысла указанныхъ фактовъ не учли казаки и дальше продолжали братоубійственную бойню, вредную, какъ и оказалось, и для русскаго народа и для казачества въ частности. Вступивъ въ борьбу, казаки помимо своей воли, силою обстоятельствъ, очутились въ рукахъ правыхъ элементовъ, элементовъ чуждыхъ казачьей массѣ. И, какъ слѣдствіе этого неправильнаго шага, казачество, заплативъ большія жертвы, обильно поливъ кровью свои поля, было вынуждено уйти на чужбину.

Сколько горя, нищеты, униженій пережито казаками за эти восемь лѣтъ скитаній! И нужно къ этому еще одну горькую правду сказать. Всѣ русскіе общественные и политическіе круги, состоящіе почти исключительно изъ бывшихъ высшихъ, правящихъ круговъ или ихъ приверженцевъ, къ казакамъ относятся свысока, полупрезрительно, и тщетны попытки нѣкоторыхъ казачьихъ дѣятелей и круговъ найти среди нихъ себѣ друзей. Этого до сихъ поръ не нашли, да и не найдутъ, ибо слишкомъ разнится казачья масса отъ остальной русской эмиграціи. Нужно признать, что у казачества въ эмиграціи не оказалось не только друзей, но и союзниковъ. Можетъ быть, это и къ лучшему. Вѣрный нашъ союзникъ долженъ быть русскій крестьянинъ,

русскій народъ — въ этомъ будетъ и оправданіе прошлаго и залогъ будущаго казачества.

Пойдя по этому пути, по моему, казаки будутъ жить и внесутъ въ общее строительство Родины свою обильную лепту.

Кончая свой отвѣтъ, долженъ указать, что долгое пребываніе казаковъ и огромной массы казачьей интеллигенціи заграницей гибельно для казачества.

Полковникъ А. Г. ГРЫЗОВЪ,
Сибирскаго Казачьяго Войска,
Членъ Правленія Восточнаго Казачьяго Союза.

«Анкета о казакахъ», разосланная при письмахъ Донского Атамана, различаетъ старѣйшее казачество — Юго-Восточное (считая востокъ Европейской, а не всей, Россіи), «вольное» и казачьи войска — «служилыя», «образованныя въ XIX столѣтіи».

Была Россія. И будетъ. И есть, хотя облекли ее псевдонимами СССР и РСФСР. Размѣстилась она въ двухъ частяхъ свѣта. Отъ древнерусскихъ Карпатъ до Россійскаго побережья Великаго океана, до восточнаго казачьяго мыса, — мыса Дежнева.

Западъ — граница съ центральной Европой, съ народами Европейскими. Востокъ — берега окраинныхъ морей — заливовъ Великаго океана, граница съ народами Азіатскими, моремъ — съ Японіей, сушей — съ Китаемъ.

По частямъ свѣта: Европейская Россія и Россія Азіатская, Сибирь.

Казаки Европейской Россіи, — по сибирски — просто «Россіи», «Россійскіе», — хронологически — старѣйшіе. Казаки Сибири — позднѣйшіе (есть и съ 16-го вѣка).

Казаки Дона, Кубани и Терека съ революціей основали Юго-Восточный Союзъ.

А въ Сибири,, на всемъ русскомъ востокѣ отъ Европы, — существуютъ другіе Войска казачьи.

Объ этихъ казакахъ — отъ Урала до Великаго океана

— я и хочу говорить въ отвѣтъ на поставленные анкетой вопросы.

Я не претендую ни на авторитетность, ни на непогрѣшимость. Я только — казакъ. И скажу личное мнѣніе, личное наблюденіе, — по памяти.

Отмѣчу нѣкоторыя вѣхи исторіи Восточнаго казачества за время революціоннаго безвременья (время безвременья?!.) и намѣчу конспектъ по анкетнымъ вопросамъ.

Истина можетъ сказаться изъ сопоставленія мнѣній, желаній, настроеній. Истину скажетъ сама жизнь.

«Угадать, сохранится ли въ будущей Новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь, въ какихъ формахъ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ», — ставитъ вопросъ анкета.

«Угадать»? — Не берусь. Гадать — можно. И, гадая, можно исходить изъ непреложныхъ данныхъ, можно — и изъ желаній.

Желая пользоваться первыми, я невольно внесу и вторыя.

Если будетъ Россія, хотя бы и «Новая», а иной она быть не можетъ, или, вѣрнѣе, зановообновленной, капитально-ремонтированной (слово-то «Россія» останется, вѣдь, отъ стараго! Новый СССР на старомъ, Россійскомъ, мѣстѣ все старое выкинулъ, будучи послѣдовательнымъ въ новизнѣ, но и онъ оставилъ что-то отъ Россіи, въ уменьшенномъ масштабѣ, въ его части — РСФСР. Ему, какъ и многимъ другимъ, не нужна Россія въ цѣломъ, а допустима только Русь Московская, Великое княжество Московское, разбитая на удѣлы Россія, даже безъ ея одіознаго имени...) — такъ, когда будетъ снова Россія, будетъ въ ней и казачество.

Потому, что и Новая или Обновленная Россія не захочетъ уничтожить того, что въ свое время помогало создавать Россію, пусть, — старую, не передающую свое мѣсто, свое имя, всю себя — Россіи Новой.

Казачество помогало Россіи прежде, поможетъ и теперь. За что же его уничтожать?

И еще вопросъ: можно ли будетъ уничтожить, или придется — оторвать отъ себя, отогнать?

Отогнать, — оторвать, — разорвать? Вмѣсто друзей сдѣлать недруговъ?

Казаки — недруги Россіи? — Нѣтъ, это просто немыслимо. Немыслимо и отдѣленіе, немыслимо и уничтоженіе.

Казачество помогало Россіи обновившейся, и не его вина, что Россія не обновилась, а на путяхъ къ обновленію вверглась въ пучину первобытной старины: безправія, хаоса, деспотіи. Можетъ быть, для того, чтобы, получивъ такой показательный урокъ, перейти къ совершеннѣйшимъ — праву, организованности, мощи народной и государственной? !.

Казачество Западное, за рубежомъ, сохранило свою организованность, свой правительственный органъ: Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, и создало общественную организацію: «Казачій Союзъ» и много другихъ крупныхъ и мелкихъ, подсобныхъ организацій.

Западное зарубежное казачество имѣетъ постоянныя сношенія съ казаками подъяремными.

Подъяремное казачество, несмотря на все желаніе новоявленныхъ хозяевъ — распорядителей страны, — живо. И, если лишено гражданскихъ правъ, лишено правъ хозяйственнаго лица, то вѣдь и весь народъ русскій — Россійскій — лишенъ такого хозяйскаго у себя права: имъ всѣмъ оставлено только право существовать (на грани съ могилой) — подчиняться, но не хозяйничать: ни у себя въ домѣ, ни въ государствѣ.

Но имя казачье вытравить не удалось. И даже новая власть давала, — вынужденные, обычно лицемѣрные, — наказы: «лицомъ къ казачеству». И новая власть, боясь казаковъ въ ихъ сплоченной организаціи, въ ихъ самоуправленіи на мѣстахъ и въ ихъ территоріальныхъ казачьихъ строевыхъ частяхъ, нашла необходимымъ, считаясь съ ихъ значеніемъ, использовать казаковъ, какъ воинскіе кадры въ частяхъ общаго состава!

Казачество живо на Западѣ: и въ рубежѣ, и за рубежомъ.

На Востокѣ. . . .

Вольный Яикъ-Уралъ, срединный, — ушелъ на югъ... Ему не удалось связаться крѣпко — ни съ «Юго-Востокомъ», ни съ Востокомъ. Но и онъ не захотѣлъ надѣть на себя совѣтское ярмо, и съ родныхъ гнѣздъ ушелъ на чужой, далекій, Югъ, усѣявъ путь свой безвѣстными казачьими могилами. Но и съ этого чужого юга Уральская группа, частица великаго исхода, частица оставшихся отъ него,

со своимъ Атаманомъ, перешла на далекій Востокъ, когда здѣсь бились послѣднія Русскія — Волга-Сибирь — силы, всѣми оставленныя, за русское дѣло (1921-1922 г.г.). И Уральскій Атаманъ на Дальнемъ Востокѣ Россіи, какъ связь Востока съ Западомъ, былъ включенъ въ составъ казачьяго представительства, казачьяго управленія въ высшемъ правленіи Земскаго Приморскаго Края. Это была лебединая пѣсня самоуправленія, автономіи Восточнаго казачества на послѣднемъ клочкѣ земли Русской.

Войско Оренбургское — граница Европы и Азіи, смежное съ Уральскимъ и Сибирскимъ. Область Войска Оренбургскаго съ Атаманомъ Дутовымъ во главѣ, во время потери государственной Всероссійской власти. Эпопея борьбы Атамана Дутова, отъ своей родной области до чужого Восточно-Китайскаго Туркестана, черезъ Средне-Азіатскія степи и горы, проходя и захватывая казачьи войска — Сибирское и Семирѣченское, — отходъ на Кульджу (1919 — 1920 г.г.) и тамъ — смерть (6 февраля 1921 г.), — и другая группа — отходъ на Чугучакъ и тамъ новыя страданія, предательство и розсыпь (1920 г.).

Дальше — казачьи Войска Сибири. Начиная съ Войска Сибирскаго.

«Всеначальнаго Войска Сибирскаго», какъ назвалъ его поэтъ казакъ — восточный — въ своей, еще не напечатанной, поэмѣ «Казаки».

Войско Донское — Войско Сибирское. Алый лампасъ. «Алъ лампасъ — возьмемъ изъ радуги», — дерзко, смѣло, красиво, художественно поетъ другой поэтъ, казакъ западный. А развѣ лампасъ — малиновый, голубой, желтый, — не изъ радуги?!. Значекъ Походнаго Атамана — всѣхъ казачьихъ — радужныхъ — цвѣтовъ.

И казаки на Востокѣ, сохраняя свою государственную настроенность, работаютъ на освобожденіе своихъ краевъ отъ власти насильниковъ.

Сибирскіе казаки работаютъ надъ освобожденіемъ Сибири, входя въ общія освободительныя организаціи (1917-1918 г.г.). Поддержка Вр. Правительства до октябрьской революціи. Мобилизація до отказа (много свыше-штатной, до революціонной), съ утвержденіемъ власти Сибирской, Россійской — въ Сибири.

Другіе казаки Сибири — на своихъ мѣстахъ. Енисейцы,Иркутяне, Забайкальцы, Амурцы, Уссурійцы. Всѣ — до-

бровольцы, всѣ мобилизованы. Всѣ подъ властью — національной. И только у Забайкальцевъ часть — въ красныхъ партизанахъ.

И какъ только Сибирь освободилась (іюнь 1918 г.), казаки идутъ на объединеніе уже государственнаго устройства освобожденныхъ областей, и для согласованія защиты и устройства своихъ казачьихъ территорій.

Казаки представительствуютъ въ Челябинскѣ, въ Уфѣ, чтобы создать правительство освобожденной государственности. Сибирь, Уралъ, Поволжье — не одна Сибирь. Не одно Поволжье. Нужны правительства не мѣстныя — Сибирское и Комучъ. Создается Директорія Всероссійская (сентябрь 1918 г.).

Масштабъ, по титулу, Всероссійскій, государственный, а фактическая работа — партійная. Казаки не для того принимали участіе въ сверженіи власти антинаціональной и созданіи національной, чтобы сдать ее власти кружковщины...

Новый переворотъ (казаки Сибиряки). И власть въ рукахъ національнаго правительства, у Адмирала Колчака (18 ноября 1918 г.).

Казаки объединяются. Главное Управленіе по дѣламъ казачьихъ Войскъ. Во главѣ — уралецъ. Нейтральный для сибиряковъ? Связь съ казачьимъ Западомъ? Казачья конференція, — съѣздъ полномочныхъ представителей Войскъ.

Работа на казаковъ. Грамота Верховнаго Правителя. (копія прилагается). [1]). Проектированіе казачьяго правительства. Дѣла текущія.

Работа и на Россію въ общегосударственныхъ органахъ и вопросахъ.

Строевые казаки — на фронтахъ. Сибирскіе — на боевыхъ внѣшнихъ, на Уралѣ. Другіе — на мѣстныхъ «внутреннихъ» — въ Сибири.

Великія надежды. Миражъ Москвы (май 1919 г.).

И опасенія казачьяго засилія — и въ низахъ и на верхахъ...

Страхъ предъ «здоровыми Сибирскими корнями», возвѣщенными Адмираломъ Колчакомъ при его вступленіи во власть.

---

[1]) Были, значитъ, обстоятельства, вызывавшія необходимость такой Грамоты. — Текстъ грамоты см. въ копію книги.

Страхъ предъ Великодержавными замыслами.

И сколько «упущенныхъ моментовъ»!

Вѣрно, не пришло еще время, еще не познали всей лживости демагогiи новой — «нашей» — власти.

Вѣрно — устали отъ войны.

И: «коли вся Россiя подъ большевиками и съ ними, то развѣ можно съ ними, съ ней — воевать?!.»

Много причинъ крушенiя...

Раны еще не зажили....

Развалъ власти. Отходъ армiй.

Южный и Юго-Западный фронты, — Семирѣчье, Оренбургская область — на югъ, въ Китай, — Кульджа, Чугучакъ...

Главный фронтъ, западный, — на востокъ. Казачья мысль — Сибиряковъ — отводить части армiи по казачьему Иртышу на югъ — не принята. Всѣ — на Востокъ.

Надежды армiи на Ново-Николаевскъ. Но тамъ и главныя крушенiя.

Ледяной походъ. Героическiй. Легендарный. Переходъ черезъ Байкалъ (февраль 1920 г.).

Казаки въ арiергардѣ. Охраняютъ движенiе — стихiйное...

Правительство изъ Омска — въ Иркутскъ (ноябрь 1919 г.). Казачья конференцiя продолжается здѣсь. Правительство въ агонiи. И скоро Иркутскъ только могила государственности: Россiйской и Сибирской. Великое предательство и убiйство Адмирала (7 февраля 1920 г.).

Дальше. Россiйская Восточная Окраина (январь 1920 г.) Чита. Передышка.

Казаки Оренбургскiе, Сибирскiе, Енисейскiе до Читы, сравнительно, крупными частями. — бригадами.

И части западныхъ армiй — 2-ой и 3-ей — «Каппелевцы».

Здѣсь переформированiе. Отдыхъ. И на — мѣстные фронты...

Правленiе Главнокомандующаго и Походнаго Атамана и преемство — отъ Адмирала Колчака — высшей власти. Штабъ Походнаго Атамана — представители всѣхъ Войскъ.

Все еще мечты — Россiйскiя.

Какъ курьезъ, по теперешнему, а тогда казалось реальнымъ, нужнымъ, — причисленiе къ казачьимъ Войскамъ

— Уральскихъ башкиръ, черезъ ихъ представителей, докатившихся до Читы: Башкирское казачье Войско.

Общественность, мѣстное населеніе — не съ Арміей, не съ главнымъ управленіемъ.

Красные партизаны, лозунги — Дальневосточнаго буфера...

Сговоры, переговоры Атамана-Главнокомандующаго *) съ противниками, съ соглашателями, съ посредниками. «Довольно быть безвольными болванками»...

Частная казачья иниціатива (Сибиряки, іюль 1920 г.), — казачій съѣздъ, въ надеждѣ направить работу въ національное русло.

Но казачье: не удержался за гриву, за хвостъ не удержишься...

И не безъ розни въ верхахъ...

Пала и Чита, — центръ Забайкальскаго казачьго Войска и Россійской Восточной Окраины. Атаманъ вылетѣлъ на аэропланѣ (20 октября 1920 г.).

Отходъ — дальше на востокъ.

Казачья конференція (съѣздъ), походнымъ кружнымъ путемъ до Читы, вмѣстѣ съ воинской группой ген. Вержбицкаго, обходя красныя силы и занятые ими пункты, выходитъ на восточный конецъ Забайкальской жел. дороги, и оттуда, по желѣзной дорогѣ, — за границу, на ст. Манчжурія (ноябрь 1920 г.).

Строевыя части еще бились съ противникомъ. Походный Атаманъ еще въ вагонѣ на ст. Манчжурія. Но это одинъ моментъ. Обѣщанная «черезъ три дня» — объявленная Атаманомъ — японская помощь — не подошла. Части отошли за границу.

Арміи было предоставлено: расходиться, демобилизоваться. Но мѣстныя китайскія власти не разрѣшали отставать отъ воинскихъ поѣздовъ. И чины арміи, особенно нижніе, въ громадномъ большинствѣ не желали рисковать идти въ неизвѣстномъ чужомъ Китаѣ, хотя бы и въ полосѣ отчужденія, бывшей въ то время еще въ русскихъ рукахъ, на неизвѣстное будущее. Впереди было Приморье — Русское, хотя и въ совѣтскихъ, но еще не ярко окрашенныхъ — розовыхъ — владѣніяхъ. И была надежда. Армія шла транзитомъ — на Приморье.

---

*) Семенова.

Забайкальцы станичники, многіе издавна знакомые съ сосѣдней китайской заграницей, бывавшіе и даже живавшіе въ ней со своими стадами, въ большомъ количествѣ переходили границу со всѣмъ своимъ добромъ и располагались на прежде знакомыхъ мѣстахъ. Другая часть ихъ, всѣми семьями, но уже безъ хозяйствъ, транспортировалась вслѣдъ за Арміей, — въ Приморье.

Армія, часть ея, большинство регулярныхъ, — Западныхъ, Каппелевцы, — на крайній востокъ, — Никольскъ-Уссурійскъ, Владивостокъ, разоруженной, на какое то мирное поселеніе, по какому то, съ кѣмъ то договору. Части и сюда доходили почти цѣликомъ. Зашедшіе, заведенные сюда издалека, изъ Россіи, — съ Урала и Волги, и частью Западной Сибири, — солдаты не расходились. Уходило — очень мало.

Для казачьихъ частей, и частей, бывшихъ въ Забайкальѣ ранѣе — Забайкальская армія —былъ отведенъ районъ станицы Уссурійскаго казачьяго Войска Гродековской, съ центромъ правленія Войска. «Гродековскій районъ», — «Южно-Уссурійскій военный районъ». Мечталось: плацдармы для будущей работы.

Казачьи надежды — жили и поддерживались.

Районъ Н.-Уссурійска и Д. Востока — безъ погонъ. Гродековскій — въ погонахъ. Здѣсь соввласти еще не имѣли своего вліянія (область казачьяго владѣнія и распоряженія).

Гродековская группа сохраняла часть своего оружія, вывезеннаго изъ Забайкалья и скрытаго при проходѣ черезъ Китай — Манчжурію. Позднѣе — добывали оружіе разоруженіемъ красной милиціи въ ближайшихъ поселеніяхъ (сибиряковъ).

Раздѣленіе такимъ образомъ остатковъ русской арміи — результатъ розни, начатой еще въ Забайкальѣ, искусственно поддерживаемой, а, можетъ быть, и вдохновляемой, и, во всякомъ случаѣ, не русскому дѣлу нужной... (параллель Добровольческой Арміи и казачества на Дону и Кубани).

Остатки казачьихъ правительствъ, представительствъ — прежней казачьей конференціи, созываютъ въ Гродеково новый съѣздъ (мартъ 1921 г.).

Подготовка къ перевороту въ Приморьѣ, во Владивостокѣ. Участіе обѣихъ группировокъ (казачьей — Семе-

новской и регулярной — Каппелевской). Несоціалистическій съѣздъ.

Переворотъ (май 1921 г.). И сразу — споръ за власть.

Казаки — большая часть ихъ — на сторонѣ законной преемственности власти, продолженія власти съ Забайкалья.

Но, фактически, властъ перешла къ новымъ группамъ.

Казаки, гродековская группа войскъ, — подчинились новымъ властителямъ по указу прежней власти (Атамана Семенова — Вр. Приамурскому правительству, въ просторѣчіи именовавшемуся правительствомъ братьевъ Меркуловыхъ).

Казаки въ Приморьѣ. Въ составѣ всей Д.-Восточной арміи, на фронтахъ — Сучанскій, Ольгинскій, Хабаровскій (1921 — 1922 г.г.). Походы, бои, жертвы, подвиги, страданія, пораженія...

Съ общимъ переформированіемъ арміи — казаки въ двухъ объединеніяхъ: — Сибирскій казачій корпусъ (казаки Урала и Западной Сибири, Оренбургскій ген. Бородинъ) и Дальневосточная казачья группа (главнѣйше — казаки Д. Востока и остатки Д.-Восточной — Забайкальской арміи, — Сибирскій ген. Глѣбовъ).

Казачье представительство объединяется во Владивостокѣ и участвуетъ въ правительствѣ.

Въ составѣ его — Управляющій казачьими дѣлами, съ правами министра (!). (Уссурійскій Атаманъ ген. Савицкій и Уральскій Атаманъ ген. Толстовъ).

Кому-то нуженъ и тутъ еще одинъ внутренній переворотъ: не отъ красныхъ, а въ своей — «бѣлой» — средѣ (іюнь 1922 г.) «Нарсобскій недоворотъ». — Народное Собраніе и «Каппелевская» часть арміи.

Гродековская группа, большинство казаковъ, на сторонѣ законной власти. И вопросъ уладился легальной смѣной правительства, перевыборы черезъ «Земскій Приморскій Соборъ».

«Правитель Земскаго Приморскаго Края», — «Воевода Земской Рати» (ген. Дитерихсъ, августъ 1922 г.).

Но и Земскій Приморскій край, какъ Россійско Восточная Окраина, да, пожалуй, и Омскъ, съ его Сибирскимъ и Всероссійскимъ масштабомъ, оказался только чьей-то игрушкой, и не въ силахъ былъ выдержать, защитить своей государственности.

И новый отходъ — выходъ (октябрь 1922 г.).

Часть пѣшимъ порядкомъ, — «горой», на здѣшній юго-востокъ (Посьетъ, Новокіевскъ).

Казачья группа — б. Гродековская, теперь Дальне-Восточная, включившая и часть Сибиряковъ, — съ боями до Владивостока, гдѣ было много семей группы и цѣлая группа бѣженцевъ станичниковъ Забайкальцевъ.

Здѣсь еще одинъ призракъ государственности, — на три дня: Сибирское Правительство (областники, А. В. Сазоновъ, бѣлозеленый флагъ. «Черезъ автономную Сибирь къ свободной Россіи»).

И выходъ въ море (25 октября 1922 г.).

Казаки, отошедшіе пѣшимъ порядкомъ, въ группѣ Воеводы, какъ и весь остатокъ Земской Рати, шедшей съ нимъ, разоружены на границѣ Китая, и дальше — обезначалены, лишены своей воинской организованности, разсыпаны по Китаю и за его предѣлы. Часть — домой. Часть — къ своимъ Забайкальцамъ (конные Забайкальцы отходили въ группѣ Воеводы), въ Трехрѣчье, въ Сѣверной Манчжуріи.

Вышедшіе въ море, — Дальневосточная казачья группа, строевая съ массой семейныхъ станичниковъ — бѣженцевъ Забайкальцевъ и другихъ, и строевая Урало-Егерская группа (ген. Лебедевъ), пришли въ Гензанъ, Корея. Здѣсь сохраняли свою организованность, перестроившись, по требованію хозяевъ страны (японцы) вмѣсто воинскихъ названій — по землячествамъ, — по мѣстнымъ територіальнымъ группамъ, — «трудовымъ». «Гензанская группа бѣженцевъ» въ цѣломъ.

Мечты о скоромъ возвратѣ, о возможномъ движеніи. Группа на работахъ: проложеніе путей и ирригаціонныхъ каналовъ въ Кореѣ. Казаки у самой границы съ Юго-восточнымъ краемъ всей Россіи, у залива Посьета. Только: приказъ, и казаки на границѣ, чтобы перейти ее!

Но ни средствъ, ни возможностей, — ожидаемыхъ и обѣщаемыхъ (атаманъ Семеновъ) не предоставилось (все та же игра съ «бѣлыми» русскими; Японія договаривалась, какъ и во время существованія Росс. Вост. Окр., съ СССР). И группѣ предложено покинуть Корею, иначе: передадутъ соввласти!..

Къ этому времени въ Гензанѣ одна Д.-Восточная казачья группа. Флотъ ушелъ, почти сразу, на Югъ (адми-

ралъ Старкъ, въ Маниллу). Позднѣе, уже съ работъ, ушла въ Южный Китай Урало-Егерская группа.

Съ возможностью выхода изъ Гензана, отсюда вывезены всѣ семейные бѣженцы, — въ Китай, въ Манчжурію, въ г. Чанчунъ и далѣе.

Строевая — «трудовая» — Дальневосточная казачья группа, на трехъ пароходахъ и одномъ катерѣ, — всѣ берегового плаванія, — пошла снова въ море (5-го августа 1923 г.). Буквально въ неизвѣстномъ направленіи. Сначала по берегу Кореи, съ заходомъ въ порты: не получится ли какихъ распоряженій, новыхъ свѣдѣній, возможностей: — куда-же, на что идти дальше?

Съ отходомъ изъ Владивостока, съ приходомъ въ Гензанъ, съ потерей общей казачьей организаціи, участники Приморскаго казачьяго объединенія (продолженіе Гродековскаго — Иркутскаго — Омскаго) рѣшили сохранять его, — создать въ Харбинѣ. Тамъ возникъ Восточный Казачій Союзъ, сначала съ экономическими заданіями, но, по существу, и — позднѣе, — и съ политическими казачьими и общими, претворившись въ органъ правительственнаго казачьяго объединенія (1923 — 1927 г.г.).

Гензанская группа прибыла въ Шанхай — (сентябрь 1923 г.). Часть ея — Дальне-Восточная казачья группа — продолжала свою воинскую организованность. Часть казаковъ отошла, главнѣйше — Забайкальцы — подъ провокаторскимъ отводомъ бывшаго генерала Анисимова (августъ 1924 г.). Но отойдя, казаки все же не пошли за тов. Анисимовымъ — къ большевикамъ.

Казаки — по Шанхаю. Эти, какъ и другіе, ранѣе прибывшіе, — розсыпью.

Мысль и дѣло: «Казачій Союзъ въ Шанхаѣ» (февраль — апрѣль 1925 г.). Параллель Парижскому. И связь съ этимъ послѣднимъ, и включеніе въ него. Основанія казачьи — одни. Нѣкоторыя расхожденія — тактическія.

Параллельно съ Казачьимъ Союзомъ въ Шанхаѣ, позднѣе (1926 г.), создается «Казачье Объединеніе». Мотивы раздѣленія, отдѣленія и созданія новаго казачьяго органа (послѣ парижскаго Зарубежнаго Съѣзда) — больше личнаго характера, и, самое большее, — тактическое расхожденіе. Позднѣе раздѣленію этому придался характеръ объединеній западныхъ (Сибирь-Уралъ) и Дальневосточныхъ казаковъ, но строго провести этотъ принципъ не удалось.

Дальне-Восточная казачья группа — казаки и регулярные — сохраняетъ воинскую организованность (не входя въ общественныя казачьи и общевоинскія организаціи, но поддерживая съ Казачьимъ Союзомъ въ Шанхаѣ самую тѣсную связь), — до самой предѣльной возможности. Группа на пароходахъ. Въ невѣроятныхъ гигіеническихъ, экономическихъ и политическихъ условіяхъ (ограниченъ даже спускъ — выходъ — на берегъ — по пропускамъ; революціоннымъ анисимовцамъ — сразу дозволенъ). Но они — все ждутъ! Они не хотятъ сдать свои пароходы совласти (черезъ китайцевъ даже). Они не сдаютъ оружія, вывезеннаго изъ Россіи, сохраненнаго въ Гензанѣ (тамошнія власти тоже требовали сдачи). И только провокація Анисимова, да нерѣшительный бой съ его группой, — со своими же бывшими соратниками — въ условіяхъ нахожденія въ чужихъ водахъ, — послѣдніе выстрѣлы русскаго «бѣлаго» оружія по краснымъ наймитамъ, — обстоятельства эти отняли у группы одинъ пароходъ, и дальше само время и та же кошмарная обстановка заставили лишиться послѣднихъ двухъ пароходовъ (катеръ оставленъ еще въ Кореѣ, за ремонтъ пароходовъ и за неспособностью идти въ открытое море) и оружіе, — по просту — проѣсть (почти).

Мѣстныя власти — китайскія и международныя — и бывшій Россійскій консулъ не дали возможности группѣ ни починить пароходы, чтобы поставить ихъ въ работу подъ національнымъ флагомъ, и тѣмъ дать возможность группѣ работать и существовать, ни продать ихъ своевременно легально, чтобы свести группу организованной, независимой на берегъ.

И Дальне-Восточная казачья группа, кончивъ свое существованіе на корабляхъ, вскорѣ перешла на службу къ Шанхайскому Международному Муниципалитету, — въ Международный Волонтерскій корпусъ, для участія въ охранѣ порядка въ городѣ при наступленіи на него красныхъ китайцевъ (апрѣль 1927 г.). Русскій отрядъ Шанхайскаго Волонтерскаго корпуса — имѣетъ ядромъ Дальне-Восточную казачью группу. Русскій отрядъ заслужилъ блестящую оцѣнку русской и иностранной прессы и высшаго воинскаго командованія прибывшихъ въ Шанхай международныхъ дессантовъ.

А въ началѣ, при формированіи отряда, сколько было противодѣйствій, порицаній!..

Останавливаюсь я на Д.-Восточной казачьей группѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ это соотвѣтствуетъ общему плану отвѣта на анкету, потому, что она въ основѣ своей и по духу — казачья, хотя и смѣшанная, потому что ни въ общей, ни въ казачьей литературѣ на Западѣ о ней нѣтъ или очень мало свѣдѣній, а своей службой, самымъ существованіемъ своимъ, она вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы о ней знали. Она до самаго послѣдняго времени, до настоящаго времени, — открыто и съ большимъ достоинствомъ несла и несетъ національное знамя и казачье имя. А вѣдь мы пишемъ о казакахъ.

Казаки въ Трехрѣчьѣ — сѣверъ Манчжуріи, — имѣютъ уже болѣе 20-ти поселковъ; церковь, школа, маслодѣльные заводы, развивающееся земледѣліе и скотоводство. Въ тяжелыхъ условіяхъ бѣдноты, безправія и произвола мѣстныхъ мелкихъ китайскихъ властей. Новая Казачья колонія! Явочнымъ порядкомъ! Но завоевываетъ положеніе и устанавливаетъ уже нѣкоторый правовой порядокъ (тяжело, но въ Канаду и Южную Америку отсюда не поѣдутъ).

Казаки сохраняютъ въ своей новой колоніи (временной! — пусть не боятся хозяева страны — китайцы, и ихъ ближайшіе сосѣди — японцы, со своихъ трясущихся острововъ простирающіе свои вожделѣнія — на близкій материкъ и на немъ — въ ту же Манчжурію и сосѣднюю Монголію) — и въ новыхъ чужихъ мѣстахъ — казаки сохраняютъ свой бытъ и ликъ.

Не мало казаковъ и въ русскихъ отрядахъ китайской арміи маршала Чжанъ-Цзо-Лина, — антибольшевицкой: въ походахъ и бояхъ, съ новыми казачьими жертвами и безвѣстными могилами, казаки бьются съ красными китайцами, вдохновляемыми, управляемыми и даже пополняемыми красными московскими! Тяжелая служба въ китайскихъ рядахъ, но не только безработица посылаетъ туда русскихъ воиновъ, казаковъ! Казачья голова не жалованьемъ (какимъ?!. да и то съ задержками!) оцѣнивается! Все та-же идея: за Россію, противъ Ея враговъ!

И, говоря о Восточныхъ казакахъ, нельзя умолчать и объ Атаманѣ Забайкальскаго казачьяго Войска, генералѣ Семеновѣ, все еще продолжающемъ считать себя не только Походнымъ Атаманомъ казачьихъ Войскъ Урала и Сибири, но и преемникомъ государственной власти Адмирала

Колчака и выставлять себя борцомъ съ большевиками. Мѣстная эмиграція — часть — его признаютъ, другіе — замалчиваютъ, — остальные — категорически отрицаютъ. И если у него были ошибки, то все же къ нему — шли, прежде, и знамя борьбы онъ показываетъ и до сихъ поръ, все время пытаясь найти средства и возможности для организаціи этой борьбы. Въ оцѣнкѣ его дѣятельности и значенія много и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Вопросъ «оріентаціи» для эмиграціи — вопросъ сложный. И кто — друзья наши? Надо извлекать пользу, гдѣ только можно, и стараться обезвредить обстоятельства, могущія принести вредъ. Атаманъ Семеновъ — тоже страницы казачьей исторіи. Потому — и о немъ. За нимъ — часть забайкальцевъ и русской общественности. Противъ него — и свои казаки, и казаки другихъ Войскъ, и русская общественность. Противъ него — его ошибки въ прошломъ, — «семеновщина» — и указанія на возможность повторенія ихъ и въ настоящемъ и, несмотря на кажущіеся его упорство въ достиженіи освобожденія Родины и твердую волю, — признаки его полной зависимости отъ обстоятельствъ, внѣ россійскихъ интересовъ находящихся...

Группа казаковъ Енисейцевъ джигитуетъ (джигитовала) съ успѣхомъ по Востоку Азіи...

Итакъ: казаки въ эмиграціи и на Дальнемъ Востокѣ сохраняютъ, стремятся сохранить свою организованность, свое казачье лицо, несутъ свою исконную государственную службу, — въ военномъ дѣлѣ, — и въ строю, и въ общественности. Въ этомъ ихъ отвѣтъ на основной вопросъ анкеты.

Вѣсти извнутри, — оттуда: казаки возставали значительными группами и районами — въ Западной Сибири въ 1921 году, въ Забайкальѣ въ 1923 году, на Амурѣ и частью въ Уссурійскомъ краѣ — въ 1924 г. И были жестоко наказаны. Возстанія были слишкомъ ограниченными, неподдержанными. И, возможно (Приморье) — и спровоцированными. Отдѣльныя повстанческія группы остаются до сего дня. Теперь сосѣди крестьяне все чаще и чаще жалѣютъ, что своевременно не поддерживали казаковъ и просятъ — начать снова. Но не такъ-то легко — начать! И новыя, послѣднія вѣсти: отъ налоговъ, отъ гнета невыносимаго многіе готовятся съ весной, лѣтомъ уйти «въ сопки». Значитъ, начнется новое дѣло. Крестьяне отмѣча-

ютъ, что у казаковъ свое — казачье — войсковое начальство, правительство, а у нихъ, — у крестьянъ, — все чужое было, пришлое, — и въ гражданскомъ быту, и на военной службѣ. И крестьяне непрочь и у себя имѣть такія — по казачьему образцу — управленіе и службу... И въ партизанахъ, не прекращавшихъ свою работу по всей Сибири, среди казаковъ и другихъ бывшихъ военныхъ служилыхъ людей не мало уже и крестьянъ — мѣстнаго населенія.

Казачьи Войска въ Сибири — разбросаны одно отъ другого, да и внутри себя не имѣютъ плотныхъ территорій, — вездѣ черезполосица. Но и при этихъ условіяхъ, при новой, все уничтожающей, власти, при желаніи ея уничтожить и казачество, — перемѣнены только наименованія: станицы на волость, Атамана — на предсовѣта. И послѣдніе выборы сельсовѣтовъ и ихъ президіумовъ даютъ почти полное казачье представительство въ казачьихъ волостяхъ-станицахъ. Казачій духъ остается. Сліянія съ общей гражданской массой у казачества нѣтъ. Казаки помнятъ, что они казаки.

И потому, сдается мнѣ, что и факты и желанія сходятся въ томъ, что и на Востокѣ, въ Сибири, — казачество желаетъ сохраненія своего, и сосѣди, старожилы, этому противиться не будутъ.

Тамъ, гдѣ сильная черезполосица, гдѣ казаки и раньше уже не были рѣзко обособлены, возможенъ отходъ части казаковъ на общее положеніе.

Но и изъ такихъ районовъ, какъ и изъ другихъ, если будутъ желающіе сохранить свое казачье положеніе, они могутъ уходить оттуда на новыя мѣста, — свободныя, — устраиваться тамъ сплоченно. Государство отведетъ такія мѣста, да и въ существующихъ казачьихъ Войскахъ, за выходомъ однихъ, могутъ найтись мѣста для прихода другихъ. Тяготѣютъ: къ Енисейцамъ «Урянхайскій Край», къ Уссурійцамъ «полоса Духовского», уже и предоставлявшіеся имъ, и къ Сибирякамъ — Зайсанскій пограничный районъ, присоединеніе котораго намѣчалось еще въ довоенное время, — не по моменту намѣчалось то: не усиленіе казачьихъ Войскъ ставилось тогда въ правительственной программѣ, а постепенное расказачиваніе. Возможно присоединеніе къ казакамъ и окрестныхъ крестьянъ старожиловъ, сжившихся, свыкшихся съ казаками. Труднѣе будетъ вопросъ съ новоселами, вселенными и вселившимися въ

порядкѣ завоеваній и велѣній октябрьской революціи, но эти, пока что, еще и сами не чувствуютъ себя полноправными и полномочными на новыхъ мѣстахъ, среди старожиловъ казаковъ и крестьянъ, да, зачастую, они и хозяева то — землеробы — октябрьскіе.

При нѣкоторомъ желаніи и упорствѣ казаки отстоятъ свою казачью сплоченность и положеніе и свои казачьи территоріи. . .

Формы: казачье самоуправленіе.

Содержаніе: служба, повинности государственныя — казачьи, и — бытъ, духъ, естественная самобытность.

Восточные казаки, по ихъ расположенію и по ихъ «служилому духу», ни отдѣляться, ни воевать за свою казачью самостійность не могутъ и, ясно, не будутъ. Но, въ объединеніи съ другими мѣстными народными группировками, близкими къ казакамъ територіально и понимающими или могущими понять и оцѣнить своевременную правоту казачьихъ исканій и выгоду ихъ духа и возможной взаимной поддержки общихъ мѣстныхъ интересовъ, — они могутъ ясно и стойко оправдывать и защищать свою автономію.

Я не говорю о возможности игры казачьими и другими мѣстными интересами кѣмъ-то третьимъ, что не можетъ быть вполнѣ исключеннымъ и во всей Сибири, и, особенно, на Дальнемъ Востокѣ. Здѣсь, при неустроенности всей этой громадной окраины-колоніи, еще много всякихъ возможностей и неожиданностей. Сочетаніе трехъ интересовъ: Россійскихъ (Сибирь, казачество), Китайскихъ и Японскихъ. Пока, въ силѣ одна Японія. Но и Россія (не СССР — распродающійся и отдающійся), и Китай, даже и сейчасъ не могутъ быть сброшены со счетовъ. И со стороны Россіи, можетъ быть, именно тутъ казакамъ будетъ работа. . .

«Вольность». «Служилость».

Вольное — Европейское.

Служилое — Сибирское.

По смыслу анкеты.

Вольное Европейское дало начало или само продолжилось — своимъ казачьимъ духомъ государственной служилости — въ служилыхъ Сибирскихъ.

Ермакъ Тимофеевичъ, со своей Вольницей (съ Дона?

съ Волги? и — отъ Урала!), положилъ начало Войску Сибирскому — Всеначальному (старшинство Войска 1582 г.).

Сотрудники, соратники Ермака и ихъ ближайшіе потомки быстро прошли всю Сибирь, вездѣ закладывая казачьи городки, крѣпости, положившіе начало позднѣйшимъ казачьимъ Войскамъ Сибири: Енисей, Иркутскъ, Лена,[2]) Забайкалье, Амуръ, Самое позднѣйшее изъ Войскъ Сибири — Уссурійское — 19-ый вѣкъ, — переселеніемъ сюда казаковъ Сибири и, частью, — изъ «Россіи», выражаясь по сибирски, — съ казачьяго Юго-востока Европейской Россіи.

«Служилые», но съ тѣмъ же духомъ казачьимъ, — отъ прежней вольницы и воспитаннымъ, почти до самаго послѣдняго времени, мѣстнымъ окраиннымъ, какъ когда то на западѣ, пограничнымъ, полнымъ тревогъ и испытаній, бытомъ.

Къ этимъ служилымъ казакамъ и за все ихъ существованіе, какъ и изначала, приходили «вольные» казаки.

«Вольное», хаотическое, безгосударственное (какая государственность — у Косоговъ, Берендеевъ и т. д.!) начало казачества возможно было на зарѣ общей Россійской государственности, когда она только начинала формироваться, и когда и другія — сосѣди ея, — еще не дошли до своихъ естественныхъ рубежей, — ни пограничныхъ, ни во внутреннемъ устройствѣ. Но, позднѣе, когда создалось цѣлое Россійское, тогда еще — Русское — государство, казаки вошли въ него со всѣми своими природными и благопріобрѣтенными, въ условіяхъ времени и обстановки, качествами и землями и степями служить ему. Потому что такъ было и стало нужно и Руси, и казачеству вольному. Вольные стали служилыми — не за страхъ, а за совѣсть.

И потому «вольное» и «служилое», — вольно-служилое казачество — едино.

Сильныя и слабыя стороны казачества (по анкетѣ)?

Служба государству и тѣмъ — самимъ себѣ. Казаки прежде многихъ другихъ — государственники. И изъ вольныхъ они вольно тянули на объединеніе съ государствомъ, на усиленіе его, потому что въ немъ и съ нимъ они сильнѣе и въ своемъ быту.

---

[2]) Старые Якутскіе казаки, не объединенные въ самостоятельное Войско, сохраняютъ, однако, имя и бытъ чуть ли не отъ первыхъ Сибирскихъ казачьихъ землепроходцевъ.

Казаки много служили, — много ходили, постоянно въ тревогѣ, — много знали, много умѣли.

Казаки — самоуправленіе.

Казаки — хозяйственники, отъ скотоводовъ къ землеробамъ...

Казаки — своя воинская служба.

Казачье начальство, администрація — своя. Офицеры, чиновники не только на службѣ, а и во всемъ быту, — всегда свои, всегда вмѣстѣ.

Казаки законопослушны, закономѣрны, охранители законности. И въ мирное время, и въ военное, и — въ революцію.

Къ нимъ шли и отъ нихъ и съ ними начинали освобожденіе порабощеннаго государства — отечества.

Это положительное.

Отрицательное: недостаточность матеріальнаго обезпеченія для службы своими средствами. Не страшна «казачья справа», если достаточно земли и др. угодій, заработковъ. И невозможна, когда справа дорожаетъ, а доходы — уменьшаются до минимума, когда невозможно достаточно цѣлесообразно и плодотворно использовать то, что казаки имѣютъ. Община въ станицѣ, централизація въ управленіи и даже хозяйствованіи казачьихъ Войскъ, опека, — не давали возможности широко развернуть хозяйство, использовать земельныя возможности. А общій недостатокъ образованія, просвѣщенія и централизмъ — мѣшали использованію и моральныхъ качествъ, и примѣненію наиболѣе выгодныхъ способовъ пользованія имѣемыми матеріальными цѣнностями.

Своя справа — какъ будто пережитокъ. Но она сближала казачью армію съ землей. И поэтому въ вопросѣ о справѣ необходима извѣстная компенсація — вознагражденіе, исправленіе. Поправка: справа — войсковая или государственная.

Но служба — въ своихъ частяхъ со своими начальниками.

«Льгота» у офицеровъ, — тяжела имъ, невыгодна для строя, но хороша — для спайки. И потому лучше — не «льгота», а «состояніе въ распоряженіи войскового начальства». Власть, вліяніе офицеровъ въ станицахъ — не дисциплинарная, а авторитетомъ знаній, опыта, дисциплинированности, закономѣрности.

Наименьшій развалъ въ казачьихъ частяхъ и областяхъ въ періодъ революціи имѣетъ однимъ изъ основаній своихъ постоянное общеніе казачьихъ верховъ и низовъ, общеніе и не раздѣленіе всѣхъ казаковъ («верхи» и «низы» — завоеваніе революціи).

Упраздненіе военной подготовки малолѣтковъ и лагерныхъ казачьихъ сборовъ льготныхъ казаковъ — видимое облегченіе казакамъ въ ихъ хозяйственномъ быту. Надо усилить домашнюю воинскую подготовку, до-призывную, чтобы можно было сократить службу въ строевыхъ частяхъ. Лагерные — льготные сборы — интересъ государственный. А частное уступаетъ общему.

Кромѣ значенія военнаго, — возобновленіе въ памяти и въ практикѣ военной выучки, воспринятой въ строевыхъ частяхъ, — такіе сборы прежнихъ однополчанъ и станичниковъ своего округа, отдѣла, или одного изъ его районовъ имѣютъ значеніе — съѣздовъ для обмѣна мнѣніями, опытомъ гражданской и хозяйственной жизни послѣ военной службы и, конечно, особенно важно для небывшихъ на военной службѣ; для такихъ лагерные сборы должны быть чаще, чѣмъ для служившихъ въ строю.

Вопросы земскіе: школьный, санитарный, дорожный, агрономическій, — тамъ, гдѣ сильная черезполосица у казаковъ съ крестьянами и гдѣ казаки очень разбросаны, — тамъ, для удешевленія, общее земство. Особенное вниманіе школьному и внѣшкольному учебному, культурному дѣлу. И ужъ, конечно, воспитаніе сознательной любви къ отечеству, а у казаковъ — и исторія казачества, при обязательности всеобщаго образованія.

Гдѣ у казаковъ округлое, солидное (количествомъ) расположеніе казаковъ, тамъ свое казачье земское самоуправленіе.

Хозяйство казачье — лѣсное, земельное всѣхъ видовъ — черезъ свое войсковое самоуправленіе.

Вездѣ улучшеніе. Переходъ отъ первобытныхъ естественныхъ способовъ хозяйничанья къ культурнымъ, технически улучшеннымъ. Сочетаніе казачьихъ интересовъ съ собственническими въ землѣ и лѣсахъ (вѣчное пользованіе).

Будущее казачества: и въ арміи, — въ строю, и въ гражданскомъ быту, какъ привычныхъ воиновъ, государственниковъ, общественниковъ, хозяевъ.

Казаки искони несли русскую культуру на окраины и тамъ ее охраняли. Расширять и охранять ее не лишне будетъ и въ будущемъ (такъ, Приморская казачья «Полоса Духовского» надежнѣе будетъ въ рукахъ казачества — Уссурiйскаго и новаго пришлаго сюда, — чѣмъ подъ рисовыми плантацiями корейцевъ — японскихъ подданныхъ, по сговору СССР со знатными путешественниками — виконтомъ Гото и маркизомъ Кухара, и т. п.) [3]).

Казаки — первобытные государственники. Казачья конница воспитана въ условiяхъ окраинной свободной жизни, въ широкихъ нетронутыхъ степяхъ.

Надвигающаяся культура, многолюдство стѣсняютъ, лишаютъ простора, естественныхъ условiй выработки казачьихъ цѣнныхъ качествъ.

Но казакамъ и въ культурныхъ условiяхъ не стать терять свои качества.

Отъ первобытныхъ способовъ — къ культурнымъ. Отъ экстенсивнаго — къ интенсивному. Нѣтъ средствъ естественныхъ — создать искусственныя. Образцовъ не занимать стать, — и не отставать же казакамъ. Въ условiяхъ тѣсноты, въ условiяхъ мирной обстановки (Финляндiя, Чехiя, современная Германiя — разоруженная, обезоруженная...) — свои казачьи стрѣлковыя общества, бойскауты, пiонеры, спортсмены, наѣздники. И въ окультуренномъ государствѣ, въ культурныхъ условiяхъ жизни, быта, казаки не должны сдавать своихъ позицiй: культуртрегеровъ и природныхъ воиновъ. Чтобы оставаться казаками и по духу, и по праву, а не потерять своего казачьяго имени, не перейти на общее положенiе или только сохранить имя, вывѣску, безъ содержанiя, какъ были казаки Полтавскiе, Черниговскiе, — только съ такимъ историческимъ именемъ, а безъ правъ и безъ обязанностей казачьихъ (права не мыслимы безъ обязанностей)...

А въ общемъ, пока что да что, — все — гаданiя.

Жизнь скажется на мѣстѣ, въ свое время.

Потому самое важное: придти на мѣсто. Приготовить его, — освободить.

Казаки помогутъ въ освобожденiи и устроенiи всѣмъ гражданамъ Россiйской нацiи, государства Россiйскаго, и

---

[3]) Урянхайскiй Край, Зайсанскiй Округъ, Семирѣчье, Туркестанъ — мѣста будущаго казачьяго поселенiя.

получать, — сохранять, расширять, — обновять свои права, права на самостоятельное существованіе.

Уничтоженіе казачества будетъ невыгодно самому государству.

И казаки не пойдутъ на самоуничтоженіе.

И потому сейчасъ, прежде всего: работа на общее дѣло, безъ всякаго торга.

Если допустимо думать, что казаки нужны Россіи, что Россія не мыслится безъ казачества, то совершенно безспорно и то, что безъ Россіи цѣлой, внѣ русской государственности, внѣ русскаго народа не быть и русскому казачеству.

А потому, и еще разъ, прежде всего: помни большевиковъ.

«Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ».

Большевики должны быть изгнаны.

Казачеству, какъ и всѣмъ Россійскимъ гражданамъ, есть о чемъ подумать. Да и думали уже, — времени было достаточно.

Для родины, для казачества, вновь требуется служба казачья.

И казаки — послужатъ.

А остальное — приложится.

При перечитываніи замѣтки замѣтилъ, что не отмѣченъ у меня большой вопросъ: какъ же быть съ крестьянами идр. — по сибирски — разночинцами, по Донскому — иногородними, вселившимися и вселенными на казачьи земли? Мнѣ казалось, что вопросъ этотъ разрѣшится въ зависимости отъ существующихъ на мѣстахъ взаимоотношеній казаковъ съ сосѣдями крестьянами и др., живущими рядомъ съ казаками на своихъ земляхъ, смежныхъ или черезполосныхъ съ казачьими. Если — мною отмѣчено уже — эти сосѣди не будутъ противиться казачьему укладу и даже сами непрочь воспріять его, то, тѣмъ самымъ, казалось мнѣ, можетъ быть разрѣшенъ и внутриказачій земельный вопросъ. Старожилы крестьяне и иные, жившіе среди казаковъ, на ихъ или своихъ земляхъ, кажется мнѣ, легко и охотно перейдутъ на казачье положеніе, а новоселы, если ихъ присутствіе будетъ уже очень стѣснительно для каза-

ковъ, какъ въ земельномъ отношенiи, такъ и въ отношенiи настроенности, то таковые могутъ, гдѣ возможно, остаться временными арендаторами, а гдѣ невозможно, должны будутъ переселиться на новыя мѣста, отводимыя имъ государствомъ. Вопросы переселенія и ухода съ новыхъ, необжитыхъ еще, [4]), для нихъ поселеній на казачьихъ земляхъ не должны встрѣтить затрудненій еще и потому, что и сейчасъ то они поселены не какъ собственники, а какъ арендаторы государственной земли. А съ уходомъ съ казачьихъ земель, государство отведетъ имъ земли, по новому порядку, или въ собственность, или, по крайней мѣрѣ, въ постоянное личное — семейное — пользованiе.

Съ присоединенiемъ къ старымъ казакамъ большого количества новыхъ упразднятся многія современныя мѣстныя недоразумѣнія казаковъ и ихъ теперешнихъ сосѣдей старожиловъ.

Но и съ тѣмъ самымъ наступитъ еще большее земельное стѣсненiе казачье и, само собою разумѣется, возникнетъ и долженъ быть разрѣшенъ соотвѣтственно общій вопросъ о вознагражденiи казаковъ за ихъ особую государственную службу.

Но, конечно, и эти вопросы — вопросы будущаго.

А прежде всего надо придти на эти земли, освободить ихъ....

М. П. ГУБКИНЪ,
казакъ Войска Донского, ген.-маiоръ.

Русскій народъ, какъ таковой, въ большей своей массѣ хорошо не зналъ казаковъ и, къ сожалѣнiю, познакомился съ ними очень недавно и т о л ь к о въ ихъ роли усмирителей въ первую революцію 1905 года. Такъ называемая «передовая »русская интеллигенція, ходившая въ народъ и пробудившая въ немъ, въ конечномъ счетѣ, т о л ь к о низменные инстинкты, сдѣлала свое каиново дѣло, возстановивъ массы народныя противъ казаковъ, своихъ же братьевъ, называя ихъ душителями воли народной, опричниками и тому подобными именами...

---

4) Надѣюсь, — они и будутъ только необжитыми.

Кто больше любилъ, цѣнилъ и свободу и волю, какъ не казаки?

Самое названіе казакъ — вольный человѣкъ...

Казаки еще до Великаго Петра самостоятельно управлялись и ихъ свободной жизни могли желать не только русскіе, но и болѣе культурные народы запада, что и свидѣтельствуютъ записки нѣмецкихъ историковъ того времени г.г. Фишера, Миллера и др. Великая была разница у насъ и въ понятіи слова «Свобода». У казаковъ это понятіе вело къ большему праву, порядку, но и большей отвѣтственности, а «передовая интеллигенція» внушила русскому народу и привила ему идею безправія, грабежа, насилія и полной безотвѣтственности.

Результаты сказались поразительные.

Быта казаковъ, ихъ традицій и жизни не только не зналъ русскій народъ, но въ большей массѣ не знала и русская интеллигенція. Приходилось часто слышать во время уже Гражданской войны отъ бѣжавшихъ изъ центральной Россіи интеллигентовъ:

«Приходится признать, что казаки — нѣчто другое и совершенно отличное отъ крестьянъ».

Это «нѣчто другое» крылось въ нашей особенной, нами самими устроенной, жизни. Казаки, и это было нашимъ плюсомъ, не дѣлились на «патриціевъ и плебеевъ», что замѣчалось и часто ярко бросалось въ глаза въ остальныхъ частяхъ Россіи.

Какое высокое общественное положеніе ни занималъ бы казакъ, онъ никогда не относился съ презрѣніемъ къ рядовому казаку-обывателю, какъ къ чему-то низшему, такъ какъ прекрасно сознавалъ, что онъ самъ казакъ ,т. е. плоть и кровь отъ того-же казака, и это было нашей безусловно положительной чертой.

Укладъ жизни, традиціи и любовь къ родному Краю являлись цементной спайкой всего цѣлаго, что называлось Войскомъ Донскимъ или вообще Войскомъ.

Прошлое казачества недостаточно оцѣнено, а исторія «по заказу» удѣлила ему весьма и весьма скромное у себя мѣсто.

Утѣшать насъ, казаковъ, должно то, что наши враги, съ которыми намъ приходилось бороться въ общей массѣ войскъ Великой Россіи въ разныя войны, нашему участію

придавали большее значеніе и цѣнили насъ лучше, чѣмъ наши отечественные историки.

Великій полководецъ восклицалъ не разъ:

«Дайте мнѣ казаковъ и я завоюю съ ними весь міръ».

Со словъ Наполеона и его маршаловъ, г. де Бракъ писалъ: [1]): «Вся многочисленная конница Европы, собранная подъ знамена Великаго Корсиканца, погибла главнымъ образомъ подъ ударами казаковъ Атамана Платова».

Съ великой похвалой о казакахъ и ихъ вождяхъ отзывались извѣстные русскіе полководцы: незабвенный Суворовъ, Румянцевъ-Задунайскій, Багратіонъ, Кутузовъ, Скобелевъ и др. Нашъ врагъ, нѣмцы, въ послѣднюю войну всегда казаковъ считали достойнымъ противникомъ. [2]).

***

Недавнее прошлое, что скоро будетъ достояніемъ исторіи, расцѣнивается неказаками еще для насъ печальнѣе: съ грустью и болью въ душѣ читаешь современную литературу, заключающуюся во многочисленныхъ мемуарахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ, въ которыхъ о казакахъ, первыхъ поднявшихъ мечъ противъ служителей III интернаціонала, поголовно участвовавшихъ три года въ напряженной гражданской войнѣ и принесшихъ колоссальныя жертвы для спасенія Единой Россіи, г.г. писатели неказаки нашу огромную работу стараются свести на нѣтъ, — это въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ — свалить всю тяжесть вины и неудачъ на наши головы.

Отрицательная сторона наша заключается въ томъ, что слишкомъ много появилось среди насъ казаковъ «политиковъ», большихъ и малыхъ, которые, быть можетъ, по личнымъ расчетамъ, а часто и по невѣдѣнію, не знаютъ, что творятъ, служа разъединеніемъ казачьихъ массъ; эти г.г. «политики» искусственно дѣлятъ насъ.

Они рѣшили «играть роль», а каковы будутъ результаты игры, ихъ, видимо, мало интересуетъ.

Внесена въ наши ряды ненужная политика; появились и среди насъ партіи всѣхъ оттѣнковъ и окрасокъ, а партія должна быть одна — к а з а ч ь я.

---

[1]) Писатель при штабѣ Наполеона.
[2]) Со словъ Генералъ-Фельдмаршала Макензена.

***

Далекое будущее и будущее вообще казачества провидѣть очень трудно и брать на себя смѣлость дѣлать это обычному человѣку считаю дѣломъ легкомысленнымъ.

Необходимо всегда дѣлать порядочное настоящее, т. к. слѣдствіемъ его почти всегда бываетъ желаемое будущее.

Полагаю, что современники Великаго Петра, Великой Екатерины, Александра 1, Александра III, Суворова, Скобелева, Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и др., были людьми государственно мудрыми и находили, что казачество нужно было Великой Россіи.

Будемъ надѣяться, что оно необходимо будетъ и въ будущемъ...

В. В. ДОБРЫНИНЪ,
казакъ Донского Войска, генер. штаба полковникъ.

I

Донской Атаманъ, письмомъ отъ 21-го декабря 1927 г., просилъ меня (въ числѣ другихъ) «откликнуться на казачій призывъ и подѣлиться мыслями о казачествѣ».

Сейчасъ я заканчиваю послѣднія строки задуманнаго мною «Донского календаря» на 1928 г. Цѣль этого изданія въ предисловіи къ нему опредѣлена такъ: «Удовлетворить потребности рядового читателя-казака въ области исторіи родного края, а для лицъ, интересующихся болѣе серьезнымъ изученіемъ вопроса — дать перечень главнѣйшихъ источниковъ».

Въ этой моей работѣ казакъ-читатель какъ-разъ и найдетъ болѣе или менѣе подробный отвѣтъ на поставленный казачьей анкетой вопросъ, насколько крайне ограниченный объемъ календаря, данный мнѣ издателемъ, можетъ дать возможность освѣтить широкое славное прошлое Родного Дона, запечатлѣть нынѣшнее печальное бытіе казачества и попытаться заглянуть въ близкое и болѣе отдаленное его будущее.

II

Краткій отвѣтъ на поставленный вопросъ мной недавно также былъ помѣщенъ въ № 12 пражскаго журнала «Казачій Сполохъ».

Отвѣтъ этотъ я формулировалъ такъ:

1. Болѣе высокій **культурный обликъ** донского казачества сравнительно съ массами русскаго народа, вовлеченными въ стихію революціи, создалъ въ революціонномъ процессѣ особую казачью психологію, особую позицію.

Какъ группа, берущая начало въ отдаленномъ прошломъ изъ «протестующихъ» элементовъ, какъ группа, живущая особымъ укладомъ жизни, гдѣ отсутствовали классовая рознь и оторванность, съ особой рѣзкостью проявившіяся между россійскими верхами и массами, казачество не могло ощущать къ революціи враждебнаго чувства. Ожидая, что революція принесетъ русскимъ народнымъ массамъ то же матеріальное благополучіе, какимъ обладали казаки, что она сгладитъ классовую рознь и уничтожитъ оторванность верховъ, казачество не пошло противъ революціи въ моментъ ея выхода на улицу, не беря на себя отвѣтственности за возможность «удушенія» революціи.

Тотъ же культурный обликъ далъ казаку возможность инстинктивно учесть, что **революція должна принести если не уничтоженіе, то сокращеніе тѣхъ жизненныхъ благъ,** въ поискахъ которыхъ пять вѣковъ тому назадъ казачество родилось, какъ особая группа русскаго народа; благъ, которыя вылились въ рядъ особыхъ казачьихъ «привилегій», вызывавшихъ естественное недовольство неказачьихъ элементовъ, не считавшихся съ тѣмъ, что эти привилегіи достались казачеству цѣной моря его крови. Первая капитуляція казачества передъ большевизмомъ — это попытка мирнымъ путемъ разрѣшить назрѣвающій конфликтъ; казаки повѣрили большевицкой демагогіи, какъ элементъ поголовно трудовой.

Когда эта попытка не удалась, когда по опыту перваго соприкосновенія съ большевизмомъ казачество убѣдилось въ справедливости своихъ первоначальныхъ опасеній, поняло, что главный ударъ большевизма направленъ противъ казачьяго матеріальнаго благополучія, — казачество занимаетъ рѣзко оппозиціонное положеніе. Это положеніе твердо и неизмѣнно оно сохраняетъ и до настоящаго момента. Проблески попытокъ «примиренія» казаковъ съ большевизмомъ и коммунизмомъ, — либо досужая фантазія, либо неосновательное самоутѣшеніе тѣхъ, кто казачества побаивается. Возвращеніе нѣкоторой части казачества изъ эмиграціи въ Россію тоже не является признакомъ примиренія, а выраженіемъ ужасной тоски и чувства одиночества въ оторванности отъ Родины и семьи.

2. **Вліяніе на экономическое благополучіе** близко къ полному обнищанію казачества сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ находилось экономическое положеніе Дона до революціи. Это, главнымъ образомъ, какъ уже сказано, и создало ненависть и непримиримость казачества къ коммунизму. Выходъ изъ этого экономическаго тупика — энергичное изученіе интенсивнаго хозяйствованія, при каковомъ даже менѣе благопріятныя условія даютъ блестящіе результаты.

3. Бытовой укладъ. Революція — въ результатѣ — затронула самыя больныя стороны казачьей жизни: уничтоженіе казачьихъ бытовыхъ особенностей — равносильно уничтоженію самого казачества, такъ какъ особенности этого быта только и явились, какъ слѣдствіе созданія самого казачества.

4. Современное положеніе. Только разумное разрѣшеніе казаче-крестьянскаго вопроса можетъ создать нормальныя условія жизни на Дону. Не можетъ быть спокойствія, если крестьяне, составляющіе 53% мѣстнаго населенія, въ правовыхъ отношеніяхъ будутъ находиться въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ казаки, составляющіе 47% населенія области. Трудно учесть всю суть происшедшихъ на Дону перемѣнъ, но наблюдается **сглаживаніе взаимоотношеній казачества и коренного крестьянства,** чего не наблюдается относительно элементовъ, нахлынувшихъ на Донъ во время революціи. Коммунистическій терроръ, видимо, духа казачества не сломилъ, и при первой же къ тому возможности казакъ снова приметъ прежній внѣшній видъ — расказачиваніе его не вышло.

5. Будущее казачества. Революція выдвинула на сцену вопросъ бытія казачества. Какъ уже сказано выше, оно народилось, какъ результатъ попытокъ поисковъ «лучшей жизни». Совершенно безразлично, отъ какой «плохой жизни» недовольный элементъ уходилъ, — были ли это причины политическія, экономическія, религіозныя, и т. д.

Созданіе казачества на Ю.-В. Россіи было вполнѣ естественнымъ, — искали лучшей жизни тамъ, гдѣ легче было ее найти. Естественно было движеніе на югъ — къ солнцу, простору, хорошей землѣ, морю... Такъ же естественно, что нѣсколько позже по этому пути двинулась и россійская колонизація. Казачество оказалось на пути этого движенія Россіи. Чтобы избѣжать угрозы гибели отъ этого стихійнаго движенія, казачество, къ тому же сохранявшее всегда непосредственную связь съ Россіей въ силу постояннаго притока оттуда новыхъ элементовъ, беретъ на себя громадную часть работы по выполненію плана русской колонизаціонной программы. По разрѣшеніи колонизаціонной программы на югѣ Россіи, энергія казачества была использована на Востокѣ — въ Сибири, движеніе куда началъ еще раньше Ермакъ.

Заслуги въ этомъ отношеніи казачества, какъ и заслуги его въ проявленной имъ попыткѣ противодѣйствія натиску большевизма и коммунизма, исторія должна отмѣтить, какъ бы ея работники ни пытались замалчивать эти заслуги.

Въ дальнѣйшемъ вопросъ о существованіи казачества въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, какія внѣшнія опасности угрожаютъ колонизаціоннымъ достиженіямъ Россіи. Помощь для защиты этихъ пріобрѣтеній можетъ быть со стороны казачества не меньшая, чѣмъ и былая помощь при выполненіи колонизаціонной программы Россіи.

Однако, **врядъ ли можно вѣрить въ полное сохраненіе всѣхъ былыхъ казачьихъ преимуществъ.** Признаніе революціи выразится не только въ резолюціяхъ и разговорахъ, но и въ умѣніи отдѣльныхъ группъ учесть и согласовать вопросы личнаго благополучія и благополучія Россіи. То, что будетъ стоять на жизненномъ пути Россіи, будетъ или идти вмѣстѣ съ нею, или будетъ сметено стихійнымъ движеніемъ будущей Россіи, вызываемымъ условіями ея жизненной необходимости. Что касается тезисовъ, черпаемыхъ изъ историческаго прошлаго, то однихъ тезисовъ для жизни весьма недостаточно, — нужно еще имѣть нравственную и физическую силу эти тезисы отстоять въ условіяхъ современной жизни. Во всякомъ

случаѣ, здѣсь казачеству лучше считаться съ голосомъ будущей Россіи и съ нею отстаивать общее русское дѣло. Само отстоять себя казачество, какъ самостоятельная единица, и не сможетъ, да въ этомъ врядъ-ли у него и можетъ народиться нужда. Ну, а если бы фантазія нѣкоторыхъ лицъ дошла до мысли о необходимости, для осуществленія самостійныхъ мечтаній, опереться на постороннюю помощь, то это сулило бы очень тяжелыя послѣдствія. Эта попытка вызвала бы, въ первую голову, поднятіе руки противъ своей Родины Россіи, а въ конечномъ результатѣ — закабаленіе казачества и экономически и политически такими помощниками. Это будетъ не лучше нынѣшняго наплыва интернаціональныхъ отбросовъ, высасывающихъ кровь изъ нашей Родины».

III

Этотъ отвѣтъ мнѣ хотѣлось бы дополнить еще нѣсколькими штрихами о будущемъ казачества.

Я, можетъ быть, одинъ изъ немногихъ казачьихъ «пессимистовъ». Съ тяжелой сердечной болью я смотрю на будущее казачества. Боюсь, что славному Донскому казачеству грозитъ въ будущемъ, если не полная смерть, то большія и большія урѣзки въ тѣхъ особенностяхъ, которыя только и были отличительными чертами казачества.

Самое страшное первое испытаніе для Дона — это, такъ называемый, «украинскій вопросъ». На немъ я и остановлюсь, оставляя пока въ сторонѣ другія причины, угрожающія бытію казачества: 1) нежеланіе понять его душу многими изъ тѣхъ, кому нужно понять, 2) перекройка казачества только для удовлетворенія модныхъ вѣяній вѣка и др.

Въ давно отдаленныя сѣдыя времена періода зарожденія Дона у него не было сердечной дружбы съ приднѣпровскими обитателями. Хотя эти районы и дали для Дона значительный кадръ населенія, хотя бытовыя особенности Дона и были весьма близкими къ таковымъ же особенностямъ приднѣпровскихъ русскихъ поселенцевъ, но сердечнаго политическаго единенія между этими группами, начиная съ момента зарожденія Донского казачества, не было. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія.

До Азовскаго сидѣнія, въ набѣгахъ и походахъ съ донцами часто принимали участіе запорожцы, но лада и мира между донцами и запорожцами никогда не было. Яркимъ примѣромъ можетъ служить налетъ на Синопъ 1635 г., гдѣ у донского атамана Павлина вышли съ запорожцами боль-

шія осложненія. Та же исторія повторилась и при взятіи Азова въ 1637 г. между донскимъ атаманомъ Татариновымъ и запорожцами. Оба столкновенія объяснялись настойчивымъ стремленіемъ запорожцевъ подчинить донцовъ своей власти. Къ чести Донского казачества нужно отнести рѣзкій отпоръ, данный на этой почвѣ запорожцамъ. Можетъ быть, покажется страннымъ такой рѣзкій протестъ Дона близкимъ по духу и быту людямъ и такая покорность «натиску Москвы». Чѣмъ объяснить эту особенность — на это должна дать исчерпывающій отвѣтъ исторія.

Въ 1685 г. эта особенность обнаруживается съ особой рѣзкостью: со стороны Москвы проявляется большое недовольство сношеніями Дона съ запорожцами. Да и какъ не быть недовольной Москвѣ! — Вѣдь опасенія Москвы не были напрасными: 1) въ 1685 г. донцы получаютъ приглашеніе—черезъ Сагайдачнаго—поступить на польскую службу, что было запрещено категорически донской властью — «Главнымъ Войскомъ»; 2) въ 1686 г. это приглашеніе Дону повторяется, но опять неудачно.

Наконецъ, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ (1741-1761) карты Запорожья открылись: выявились опредѣленныя претензіи запорожцевъ на присвоеніе западной пограничной полосы донского казачества. Это снова встрѣтило рѣзкій протестъ со стороны Дона.

По этому поводу были приняты слѣдующія мѣры россійскими властями:

1). 12. X. 1743 г. поручено коменданту кр. Св. Анны Вырубову разобрать споръ Дона и Запорожья (ген. Лишинъ «Акты» т. II, ч. I № 327).

2). 31-го августа 1744 г. — новое разслѣдованіе — претензіи запорожцевъ распространялись на р.р. Калміусъ, Колчикъ, Еланчикъ, Міусъ и даже Темерникъ (у нынѣшняго Ростова); разслѣдованіе дѣлалось полк. ген. шт. Фонъ Штофелемъ (тамъ же, № 360).

3). 16-го декабря 1744 г. — о недопущеніи запорожцевъ въ «Азовскій барьеръ» при предоставленіи этихъ правъ донцамъ и москвичамъ (тамъ же, № 370).

4). 1746 г. — 12. 5., 22. 5., 31. 7., — разслѣдованіе ряда спорныхъ вопросовъ и опредѣленіе по этому поводу Сената — кому и чѣмъ владѣть (тамъ же, томъ II, ч. II, № 397).

5). 14. 4. 1751 г. — разслѣдованіе о кубанской сторонѣ (тамъ же, № 538).

6). 28. 2. 1752 г. — о запрещеніи въѣзда запорожцамъ на Донъ (тамъ же, № 552).

7). 5. 7. 1745 г. — Указъ № 59390 о размежеваніи Дона съ Запорожьемъ (ген. Лишинъ, «Дополненіе» къ I, II и III томамъ «Актовъ», № 539).

8). 24. 6. 1745 г. разслѣдованіе ссоръ (тамъ же, № 568).

Итакъ, ссылокъ, подчеркивающихъ протесты Дона противъ напора Запорожья, можно найти сколько угодно.

Въ результатѣ всѣ эти споры были разрѣшены россійской властью утвержденіемъ потемкинскаго проекта разграниченія Дона и Запорожья 1786 г. и Высочайшей грамотой Имп. Екатерины II отъ 27-го мая 1793 г., опредѣляющей границы Дона, зафиксированныя на присланной на Донъ первой картѣ «Земли Войска Донского». Притязанія запорожцевъ были погребены. Включеніе въ предѣлы Донского Войска 9-го мая 1887 г. Ростовскаго уѣзда окончательно разрѣшало малороссійско-донской споръ въ пользу Дона. Хотя къ этому времени тяготѣнія въ этихъ районахъ къ Малороссіи могли быть весьма значительны въ виду значительнаго заселенія не только ихъ, но и коренныхъ западно-донскихъ районовъ малороссійскими выходцами.

IV

Въ періодъ революціи и гражданской войны 1917-1920 г.г., притязанія «украинцевъ» на западную пограничную полосу Донского Войска ожили снова. На этой почвѣ между Дономъ и «Украиной» возникъ конфликтъ. Улаженъ онъ былъ вмѣшательствомъ въ дѣло оккупировавшихъ Малороссію нѣмцевъ по просьбѣ Донского Атамана Краснова, обратившагося по этому вопросу къ Императору Вильгельму. Нѣмцамъ, желавшимъ расположить къ себѣ донцовъ, конечно, ничего не стоило приказать бутафорскому «украинскому» государству умѣрить свои великодержавные аппетиты.

«Украинское» движеніе сфабриковано еще до войны въ Германіи. Цѣль его — отторженіе отъ Россіи Малороссіи. Вдохновители этого движенія — галиційскій митрополитъ

Шептицкій (бывшій австрійскій уланъ) [1] и проф. Грушевскій. Главная роль въ немъ выпала на долю галичанъ. «Брестскій миръ», «Директорія», оккупація — всюду можно установить работу галичанъ и нѣмцевъ. Вооруженныя силы галичанъ — «сине» и «сѣрожупанники», — галичане (глава полк. Коновалецъ). Послѣ разгрома нѣмцевъ, роль руководителей въ «украинскомъ» движеніи взяли поляки, поведеніе которыхъ отлично охарактеризовано ген. Деникинымъ. Опытъ показалъ, что ни нѣмецкая, ни польская попытки насажденія «украинства» въ Малороссіи не встрѣтили сочувствія въ тамошнихъ массахъ. Очевидно, онѣ прекрасно учитывали стремленіе чужестранцевъ овладѣть богатымъ югомъ Россіи для высасыванія изъ него соковъ. Однако, движеніе среди враговъ Россіи не утихло и въ эмиграціи. Среди различныхъ «украинскихъ» эмигрантскихъ группировокъ первая партія «украинскаго» концерта всюду въ рукахъ галичанъ, поляковъ — иноземцевъ, и уже на поводу у нихъ пошли и новоявленные «украинцы» изъ русскихъ «политическихъ дѣятелей» фантазирующей интеллигенціи.

Оставляя до другого раза детальное освѣщеніе современнаго «украинскаго» движенія, можно лишь указать, что среди русскихъ «украинскихъ» организацій имѣется цѣлый рядъ группировокъ: 1) Петлюровцы («Укр. Народная Республика») (Польша); 2) «Украинскій національный Союзъ» (Вѣна); 3) «Украинскій національный комитетъ» (Парижъ); 4) Гетманъ Скоропадскій (Швейцарія и Германія) и т. д. Среди польскихъ галиційскихъ украинцевъ: 1) «Украинская соціалъ-радикальная партія» (орг. «Громадскій Голосъ»); 3) «Лига укр. націоналистовъ»; 4) «Союзъ украинскихъ фашистовъ»; 5) «Союзъ визволенія Украины»; 6) «Союзъ укр. національной молодежи»; . . . Былъ выдвинутъ и претендентъ на «украинскій королевскій тронъ» — «Василь Вышиванный», бывшій австрійскій эрцгерцогъ Габсбургскій, — нѣмецъ, католикъ.

Послѣднее время, возмущенные «пристегиваніемъ» украинскаго вопроса къ польскому или русскому, «украинскіе націоналисты» организовали особый «Провідъ» галиційскаго склада (Андріевскій, Коновалецъ, Мартинецъ, Сунбер-

---

[1]) Недавно организовавшійся епископскій съѣздъ во Львовѣ изъ западно-европейскихъ епископовъ, имѣя цѣлью подготовить свое «патріаршество» (уніатское). — **В. Д.**

скій; органъ «Разбудова Націи».) Лицамъ, интересующимся работой «украинцевъ-галичанъ», кромѣ этого, только народившагося органа (въ Прагѣ), можно рекомендовать и рядъ пражскихъ изданій «Украинскаго Видавничнаго Фонду». Изъ журналовъ рѣзкимъ выразителемъ галиційскаго шовинизма является пражскій органъ «Студенски Вистник».

Въ настоящее время на «украинскомъ фронтѣ» замѣчается особенно сильное оживленіе. Есть слухи о субсидированіи этого движенія иностранными державами. Цѣль этой поддержки ясна: 1) ослабленіе и даже уничтоженіе Великой Россіи, въ чемъ работа III интернаціонала совпадаетъ съ интересами враговъ Россіи, стоящихъ по отношенію къ ней на лойяльной позиціи и 2) захватъ богатаго юга съ его хлѣбомъ и, главное, углемъ и нефтью. Освѣщеніе этой работы тоже пока оставляемъ до ближайшаго случая.

Для Дона «украинское» движеніе сулитъ много тяжелыхъ осложненій, уже хотя бы потому, что еще «Брестскій договоръ» намѣтилъ включеніе въ «Украину» и Донской Области до р. Дона. Позже выявилась новая тенденція въ этомъ вопросѣ, — изъ архивовъ «украинскаго» вопроса вытащили старый запыленный хламъ о «мостѣ» между Приднѣпровьемъ и Кубанью. Донцамъ нужно твердо помнить, что даже эта «скромная» программа «украинцевъ» имѣла цѣлью соединить Приднѣпровье и Кубань полосой черезъ низовье Дона. Включивъ въ эту полосу районъ отъ устья Дона до Новочеркасска, «украинцы» осуществляли планъ «моста».

Однако и это не удовлетворило алчныхъ и шовинистическихъ аппетитовъ иностранцевъ. Появилась новая идея: — отъ Малороссійско - Кубанской Украины перейти къ созданію южно-русской федераціи. Освѣщеніе этого плана интересующійся русскій читатель можетъ найти въ новомъ пражскомъ кубанскомъ самостійномъ органѣ «Нашъ Край» 1927 г. (Ред. Бычъ, Макаренко, Плохій и Готогогу). Къ этому источнику мы и отсылаемъ читателя. Здѣсь только отмѣтимъ, что въ № 1-мъ самостійники Кубани особо нѣжныя чувства выявляютъ къ новой эсъ-эровской эмигрантской затѣѣ, направленной противъ Россіи — «соціалистическая лига новаго востока». Детали объ этомъ органѣ читатель найдетъ въ послѣднихъ №№ «Революціонной Россіи» Чернова (№ 59 и дальше и въ № 2 «Нашъ Край»). Въ «Нашемъ Краѣ»

(№ 1-ый) редакція помѣщаетъ программную рѣчь одного организаторовъ «лиги» г. Гуревича. Извѣстный по «Учред. Собр.» и сибирской «директоріи» дѣятель заявляетъ, что «считая себя не только русскимъ человѣкомъ (хотя, фактически, онъ не русскій), но и русскимъ патріотомъ, горячо любящимъ свой народъ и свою страну», онъ не боится признать за всѣми народами и областями бывшей Россійской Имперіи право самимъ рѣшать свою судьбу. Дальше изъ рѣчи г. Гуревича мы сразу уясняемъ весь арсеналъ оружія «лиги»: «принципъ справедливости», «равенства», «свободы», «самоопредѣленія» народовъ и областей, («о с о з н а в ш и х ъ с в о ю с а м о б ы т н о с т ь»), «областничество», «угнетатели», «имперіалисты» и «великодержавники», «сговоръ» (на который ораторъ никакъ не хотѣлъ идти въ свое время, въ бытность свою въ «директоріи»). Выводъ для народовъ СССР одинъ, по мнѣнію г. Гуревича: «Это союзъ ихъ, какъ политическій, такъ и экономическій», но союзъ «добровольный» и «вольный», признаніе «правъ на самостоятельное государственное строительство» территорій «п о п р и з н а к у к р а е в о м у». Протестуетъ авторъ противъ «засилія военныхъ элементовъ» (которые, видимо, должны жертвовать своими головами лишь для предоставленія г.г. «политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ» широкой арены дѣятельности).

Договорился ораторъ, въ концѣ концовъ, до «м е ж д у н а р о д н а г о б р а т с т в а», но, къ сожалѣнію, не сослался на наглядные примѣры осуществленія этихъ заманчивыхъ и слащавыхъ соціалистическихъ мечтаній.

Закончено выступленіе г. Гуревича совершенно неожиданно предупрежденіемъ противъ «к а к и х ъ л и б о д о с у ж и х ъ э м и г р а н т с к и х ъ и з м ы ш л е н і й и а в а н т ю р ъ». Это единственная цѣнная мысль изъ всего выступленія г. Гуревича, такъ какъ ею онъ ставитъ крестъ и на всемъ эмигрантскомъ измышленіи его, Чернова, двухъ Шрейдеровъ и Мансвѣтова, Шаповала, Никогосьяна, Акіяна и т. п. господъ, родившихъ «соціалистическую лигу новаго востока».

Нѣжныя чувства кубанскихъ самостійниковъ къ этой организаціи очень показательны. Въ дѣлѣ осуществленія «національныхъ» мечтаній Кубань должна идти съ Украиной, Бѣлоруссіей, Грузіей, Арменіей, Азербейджаномъ, Узбекстаномъ, Туркменстаномъ, Кавказскими горцами и т. д.

Съ Кубанью, очевидно, связывается и судьба всего юго-востока. О томъ, что кубанскіе «самостійники» уже составляютъ программу наложенія руки на Донъ — доказательства имѣются въ томъ же № 1-мъ «Нашъ Край». Здѣсь, въ хроникѣ, рьяно учитывается количество «украинцевъ» среди хохловъ, наводнившихъ въ свое время Донъ — въ нынѣшнихъ округахъ Донецкомъ, Донскомъ, Таганрогскомъ, Шахтинскомъ и... даже Сальскомъ (стр. 30).

Что же вся эта затѣя сулитъ Донскому казачеству?

Зная по недавнему прошлому и эмигрантскому прозябанію остроту «украинскаго» шовинизма, можно съ увѣренностью предсказать, что Дону это «національное пробужденіе Украины» (знаемъ мы эти движенія не только по Украинѣ, но и по Польшѣ, Прибалтикѣ, Турціи, Китаю, Индіи!) принесетъ массу горькихъ разочарованій.

Стоитъ вспомнить недавнее прошлое изъ опыта гражданской войны. Кто помогалъ Дону въ тяжелыя минуты его борьбы 1919 г.? Помогала горсточка кубанцевъ, бывшихъ внѣ сферы вліянія «политиковъ» и «общественниковъ». Какъ только эти господа проявили свою «дѣятельность», и та горсточка кубанской «арміи», которая жертвовала своей жизнью въ борьбѣ съ большевизмомъ, тоже развалилась. Развалъ, какъ мы помнимъ, закончился въ самый критическій моментъ для бѣлаго движенія юга. Послѣ ухода, въ концѣ 1919 г., за Донъ и Манычъ, донцы попали въ тяжелое положеніе. Въ то время, когда главный напоръ на нихъ и добровольцевъ шелъ отъ Ростова и Новочеркасска, обходная группа конницы противника повела ударъ, въ обходъ праваго фланга, черезъ Торговую на Тихорѣцкую. Это направленіе, какъ и Ставропольское, должно было обезпечиваться кубанской арміей, но этой арміи не было. Самая крупная заслуга въ этомъ развалѣ, конечно, выпадаетъ на долю «дѣятелей» типа «украинской» самостійности. Да это они и сами теперь не только не скрываютъ, но и ставятъ себѣ въ заслугу. Такимъ образомъ, мнимая дружба съ ними Дона кончилась крахомъ и Дона и Кубани.

Дальше нужно вспомнить походъ черезъ Кубань и то равнодушное отношеніе, какое она проявила къ голодной и разбитой нравственно и морально массѣ отступающей арміи.

Гдѣ же, спрашивается, здѣсь проявленіе не только «братства», но и простой симпатіи?.. Да и са-

мая неудача въ осуществленіи идеи «Юго-восточнаго Союза» временъ Каледина въ большой степени зависѣла именно отъ отсутствія внутренней духовной связи между Дономъ и кубанскими самостійниками. Къ большому сожалѣнію, «засиліе военныхъ элементовъ» не было организовано такъ, чтобы держать движеніе въ своихъ рукахъ.

Такова картина прошлаго.

Въ будущемъ, при водвореніи на юго-востокѣ украинской гегемоніи, донцы взвоютъ прежде всего отъ шовинистическаго проявленія «національзма» самостійниковъ. Уже одна неизбѣжная попытка насажденія «мовы» чего будетъ стоить донцамъ! Да и съ какой стати имъ забрасывать свой родной русскій языкъ и браться за изученіе галицій-ской белиберды, которую наполовину не понимаютъ даже кубанскіе самостійники (сравни печатные органы тѣхъ и другихъ — два различныхъ языка и два особыхъ правописанія).

Если даже Дону будетъ предоставлено равноправіе въ «верховномъ органѣ» южно-русской федераціи, то, конечно, голосъ донского казачества будетъ заглушенъ не только ревомъ разношерстнаго конгломерата инородцевъ, но даже сонмомъ однихъ «украинцевъ». Вѣдь, свой «народъ» они исчисляютъ въ 40 милліоновъ. Сообразно этому учету «самоопредѣленія» будутъ и претензіи на господство. И что такое 2 милліона донцовъ противъ 40 милліоновъ, учитываемыхъ «украинцами»?

Есть и еще одна важная данная для разногласій. Всей культурой Донъ, конечно, обязанъ Россіи, и теперь ему уже поздно пріобщаться къ «украинской культурѣ», гдѣ самые рьяные изыскатели эмиграціи до сихъ поръ, кромѣ Шевченко и гопака, ничего не нашли. Даже безсмертный Гоголь «горькимъ смѣхомъ своимъ посмѣялся» на нашемъ родномъ, чисто-русскомъ языкѣ.

Пріобщаться Дону къ галиційской культурѣ тѣмъ болѣе странно. А, кромѣ того, эти господа съ западно-европейскими интересами къ налоговой системѣ задушатъ казаковъ своими налоговыми мѣропріятіями. Изъ коммунистическаго огня Донъ попадетъ въ галиційское экономическое «полымя».

Поддержка украинскаго движенія иностранцами, кромѣ этого матеріальнаго гнета, сулитъ и полную экономическую кабалу: разверстка военныхъ долговъ, обезпеченіе ино-

странной «акціи» богатствами Дона и оплата ими и «краевого» и иностраннаго «аппаратовъ» и т. д.

VI

Суммируя всѣ эти данныя, казакамъ можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: Дону съ «Украиной» не по пути.

Во всемъ этомъ движеніи можетъ быть заманчивой лишь одна мечта — при помощи иностранной поддержки можно, молъ, черезъ «украинство» избавиться отъ большевизма, а тамъ дѣло укажетъ и, когда проявится полный поворотъ «Украины» лицомъ къ Дону, то казакамъ можно повернуться къ Украинѣ задомъ.

Шагъ рискованный, — втянуться въ это дѣло нетрудно, особенно когда въ эту авантюру казаковъ усиленно завлекаютъ. Къ кубанцамъ недавно въ Прагѣ выпущено воззваніе на русскомъ и украинскомъ языкахъ, съ приглашеніемъ ѣхать въ Польшу, гдѣ имъ воззваніе сулитъ большія блага. Донцовъ на рельсы самостійности пытается поставить новый пражскій казачій журналъ «Вольное Казачество», редактируемый И. Бѣлымъ и М. Фроловымъ.

Такимъ образомъ, зазываютъ казаковъ на самостійную удочку усиленно; видимо, здѣсь кто-то донцамъ рѣшилъ «помогать». Надо только помнить, что такая «помощь» даромъ никогда не дѣлается, — доказательствомъ изъ недавняго прошлаго служитъ нѣмецкая оккупація и «помощь» союзниковъ.

Эта перспектива и даетъ одно изъ основаній моему «пессимизму» въ попыткѣ опредѣленія возможной судьбы казачества. Донъ занимаетъ очень невыгодную позицію между молотомъ и наковальней. Единственной возможностью для выхода изъ этого сложнаго положенія съ меньшими жертвами для Дона — это объединеніе всего донского казачества, всей казачьей мысли въ одну общую монолитную массу.

Что касается возглавленія этого единенія здѣсь, въ эмиграціи, — искать новыхъ оріентировокъ отдѣльнымъ лицамъ и группамъ среди разныхъ безотвѣтственныхъ претендентовъ врядъ-ли стоитъ. Вышли мы съ Дона съ выбраннымъ Донскимъ казачествомъ Донскимъ Атаманомъ. Ему и надлежитъ рѣшать нашъ казачій вопросъ въ нашихъ за-

граничныхъ мытарствахъ. Надо помнить, что долгъ нравственной отвѣтственности Атамана передъ донцами ставитъ его въ такія условія, которыя создаютъ для него обязанность вести казачество по лучшему его пути. За свою работу въ этомъ дѣлѣ Донской Атаманъ будетъ отвѣчать и передъ судомъ того казачества, которому суждено выйти изъ революціонныхъ бурь русской смуты, и передъ судомъ исторіи...

Атаманская булава, переданная ему Донскимъ Кругомъ въ 1919 году, — это эмблема надеждъ и чаяній казачества, и эту эмблему Донской Атаманъ не сложитъ съ позоромъ для Дона.

Ф. И. ЕЛИСѢЕВЪ (Бідолага),
полковникъ Кубанскаго Войска,
б. командиръ 1-го Лабинскаго,
генерала Засса, полка.

Прошлое — невозвратимо.

Казачество, съ его бытовыми особенностями, съ его патріархальнымъ укладомъ жизни, трудолюбивое и хозяйственное, добродушное, веселое и воинственное — оно будетъ жить и въ Новой Россіи таковымъ, такъ какъ то, что выковано и закалено вѣками — только вѣками же можно и искоренить. Но, чтобы за каждымъ Казачьимъ Войскомъ сохранилось его краевое богатство (земля, лѣса, нѣдра), чтобы во главѣ каждаго Войска стоялъ бы выборный Казакъ Атаманъ, чтобы управленіе краемъ находилось бы въ законодательномъ органѣ своихъ коренныхъ людей — нужно, чтобы казачество выявляло Россійской центральной власти (страны) опредѣленную пользу, выгоду, давало бы ей (странѣ) опредѣленную реальную силу — экономическую и военную, съ полнымъ сознаніемъ своей однородности въ пониманіи общихъ Государственныхъ интересовъ, безо всякаго намека на вредный сепаратизмъ.

Времена «голытьбенной вольности», «хожденія за зипунами», «въ куль да въ воду», кулачная свалка на майданѣ, доходившая до шашекъ, при разрѣшеніи Войсковыхъ вопросовъ, заключеніе союзовъ то съ татарами, то съ турками, то съ поляками противъ Московіи и пр., и пр., и пр., —

времена минувшихъ лѣтъ, когда условія жизни и борьба за существованіе выражались только въ подобнаго рода краскахъ, возможностяхъ или необходимостяхъ, — все это давно отошло въ лѣтопись для историковъ, для изученія характеристики нравовъ тѣхъ временъ и даже — нрава и быта этой особенной русской народности, и, какъ примѣръ, — насколько даже и казачій бытъ эволюціонировалъ впередъ.

Казачество возродится совершенно обновленнымъ, соотвѣтственно духу времени и напряженію техники. Оно будетъ жить и цвѣсти на усиленіе мощи Великаго Государства Россійскаго, безъ котораго казачеству и не быть. Нужно, чтобы Великое Государство видѣло бы это казачество, цѣнило бы его, ощущало бы его труды, дѣла, пользу, жертвы для всего отечества.

Казачество одно существовать не можетъ. Нужна поддержка и согласіе Россіи на всѣ его преимущества въ краяхъ. А нѣтъ — Великая Страна задавитъ его, какъ задавила красная власть настоящее казачество...

На все это закрывать глаза нельзя.

Казачество всегда было «Войскомъ», вооруженнымъ и воинственнымъ народомъ. Оно зародилось на рубежахъ, въ кровавыхъ сѣчахъ, гдѣ казаки группировались въ военные отряды, съ оружіемъ, а не въ чумацкіе обозы съ солью, и гдѣ все дѣло рѣшалъ мечъ, а не соха...

Вѣчная война, служба родинѣ, кровавая защита государственныхъ границъ, ихъ расширеніе — все это было главными особенностями казачества, гдѣ, въ необозримыхъ просторахъ степей, вырабатывались смѣлость, находчивость, сноровка, воинственность... Но ширь степей давала вольготность душѣ молодецкой разгуляться на просторѣ, а земля, со всѣми своими нѣдрами, она, естественно, оставалась за ея обитателями, какъ даръ, награда за службу, которую потомъ казакъ сталъ пахать и сталъ хозяиномъ.

И вотъ, чтобы сохранить за собою это гордое и многовѣковое названіе «Войско», чтобы оно не обратилось бы въ обыкновенную Россійскую «губернію», а казачество — въ крестьянъ, — оно (казачество) должно нести, соотвѣтственно своимъ привилегіямъ, и службу общей матери — Россіи. Казачество должно сохраниться, какъ войсковое сословіе, среди котораго никогда не бывало нищихъ, и среди котораго военныя упражненія и забавы, конный спортъ и

удаль молодецкая — не въ примѣръ разнымъ тамъ футболамъ, теннисамъ...

Привилегіи будутъ отобраны у казаковъ всякою властью, если казачество захочетъ стать въ отношеніи обязанностей къ Россіи на положеніе всѣхъ крестьянъ.

Это вполнѣ логично.

Быть же казаку фабричнымъ рабочимъ, это значитъ совсѣмъ расказачить его. Все рухнетъ тогда, и отъ казачества, вѣками горделиваго и самобытнаго, патріархальнаго и воинственнаго, вѣчно гарцующаго на конѣ или рѣжущаго свою цѣлину желѣзнымъ плугомъ въ три пары воловъ, осѣдлаго въ своей станицѣ и не понимающаго, какъ это можно не только что переѣзжать изъ города въ городъ на заработки, но даже не понимающаго, какъ это можно переселиться на жительство въ сосѣднюю станицу, или не имѣть своей хаты и жить на квартирѣ, — отъ него останется только одно воспоминаніе, да красочная лѣтопись, какъ это сталось съ Украинскимъ казачествомъ, превратившимся теперь въ обыкновенныхъ крестьянъ, форма одежды коего казачества — безусловно безконечно боевыхъ временъ — стала только достояніемъ театральныхъ подмостковъ всевозможныхъ артистическихъ труппъ, да маскарадовъ, а настоящее поколѣніе того славнаго Украинскаго казачества — оно не знаетъ теперь даже, что такое «очкуръ».

Вотъ такъ можетъ быть и съ нами...

И. Н. ЕФРЕМОВЪ,

казакъ Войска Донского, б. Членъ Государственной Думы, Министръ Временнаго Правительства и Россійскій Посланникъ въ Швейцаріи.

СУДЬБЫ КАЗАЧЕСТВА

Въ анкетѣ о казакахъ ставится вопросъ: «Въ чемъ были сильныя и въ чемъ слабыя стороны казачества? Какова его будущность?».. — Чтобы обстоятельно отвѣтить на эти вопросы, надо написать цѣлую книгу, опирающуюся въ своихъ выводахъ на документальныя свѣдѣнія. Не имѣя ни времени, ни необходимыхъ документовъ для такого труда, я не могу однако не высказать, въ отвѣтъ на обращенный ко

мнѣ запросъ, хотя бы нѣсколькихъ мыслей о судьбахъ родного и дорогого мнѣ Донского казачества.

Нельзя, прежде всего, не припомнить тѣхъ условій, въ которыхъ слагалось и крѣпло Донское Войско. Окруженное со всѣхъ сторонъ могущественнѣйшими врагами: татарами, турками, поляками, шведами, Московское великое княжество вынуждено было сжаться въ напряженный комокъ, въ которомъ всѣ разряды населенія несли, не за страхъ, а за совѣсть, тяжкую государственную службу, причемъ идея единства государства воплощалась въ Московскомъ государѣ. Централизація, вызванная необходимостью тягчайшей борьбы за существованіе, давала тяжело чувствовать свою оборотную сторону: упраздненіе мѣстныхъ народоправствъ, своеволіе воеводъ и приказныхъ, и закрѣпощеніе земледѣльческаго населенія.

Донское казачество, являясь протестомъ противъ этихъ темныхъ сторонъ Московскаго государства и, уходя за его предѣлы, несло, однако, съ собою на берега «Тихаго Дона», во всей неприкосновенности, идею единства Россіи и своего ей служенія. Въ этомъ типичная черта Донского казачества. Никогда не было оно, въ своей совокупности, анархической, безгосударственной вольницей, «бунтующими рабами», никогда не противоставляло оно и даже и не отдѣляло себя отъ Россіи. Будучи фактически независимымъ, самостоятельно сносясь съ иностранными государствами, борясь противъ своеволія воеводъ и угнетенія крестьянъ служилымъ сословіемъ, Донскіе казаки въ цѣломъ считали себя, и были въ дѣйствительности, передовымъ отрядомъ русскаго народа, раздвигавшимъ предѣлы русскаго государства.

Исчезавшее на Руси, народоправство отливалось на Дону въ формы ,отчасти напоминавшія сѣверно-русскія народоправства Великаго Новгорода и Пскова, отчасти принимавшія особыя формы военной организаціи, въ соотвѣтствіи съ необходимостью постоянной борьбы съ татарами и турками. Донское казачество крѣпло и сознательно держалось личной свободы и равенства всѣхъ гражданъ, попраніе которыхъ въ Москвѣ оно осуждало.

Казакъ родился свободнымъ, вольнымъ сыномъ степей и Тихаго Дона, а человѣкъ, родившійся несвободнымъ, могъ стать казакомъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣлъ достаточно энергіи и свободолюбія, чтобы свергнуть цѣпи личнаго или государственнаго закрѣпощенія: служенія помѣ-

щику или несенія точно опредѣленнаго государственнаго тягла. На Дону казакъ подчинялся обычаямъ и рѣшеніямъ Войскового Круга, онъ сознательно и добровольно продолжалъ нести службу Россіи, но въ болѣе свободной, болѣе индивидуальной формѣ, чѣмъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Эта, врожденная и воспитанная поколѣніями, психологія казака сохранилась до послѣдняго времени въ смягченномъ и затуманенномъ видѣ, и революція выявила ее во всей полнотѣ.

Но нельзя упускать изъ виду вліянія экономическихъ и соціальныхъ причинъ на видоизмѣненіе условій жизни и самой психологіи казачества. Образованіе класса войсковой старшины и появленіе на Дону неказачьяго земледѣльческаго населенія не могутъ быть объяснены какими-то кознями своекорыстныхъ старшинъ. Послѣдніе были-бы безсильны произвести глубокія соціальныя измѣненія, если бы могучія причины не требовали таковыхъ. Усложненія мирной жизни и военной техники требовали образованія сложнаго аппарата военнаго и гражданскаго управленія и создавали классъ опытныхъ военачальниковъ и правителей. Классъ этотъ не былъ, однако, замкнутымъ, но постоянно пополнялся изъ среды всего казачества новыми способными лицами.

Земледѣліе долго считалось занятіемъ, недостойнымъ казака, оно было въ Россіи удѣломъ крѣпостного крестьянина. На Дону существовалъ даже обычай, по которому казакъ, унизившій себя этимъ «рабскимъ» занятіемъ, приговаривался Кругомъ къ смертной казни: «въ куль, да въ воду». А между тѣмъ, возраставшее осѣдлое казачье населеніе Дона не могло уже пропитаться тѣмъ хлѣбомъ, который присылался Московскимъ правительствомъ въ жалованье Войску Донскому. Допущеніе въ Донскія степи земледѣльческаго, крестьянскаго населенія было хозяйственной необходимостью. Заселяя ненужныя тогда казакамъ земли, старшины дѣлами государственное дѣло, служили нуждамъ всего Войска, не забывая, конечно, и своихъ личныхъ выгодъ. При этомъ не учитывалось, однако, что съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ населенія, съ переходомъ самого казачества къ земледѣлію, наступитъ, рано или поздно, земельное стѣсненіе казаковъ.

Такъ сложилось разслоеніе казачества на казаковъ помѣщиковъ и казаковъ общинниковъ. Но это разслоеніе ни

въ какой мѣрѣ не можетъ быть сравнено съ той пропастью, которая лежала между казаками и крѣпостными крестьянами, и оставалась не вполнѣ сглаженной до самой революціи. Не надо при этомъ забывать, что не только войсковые старшины, но и нѣкоторыя донскія станицы владѣли крѣпостными крестьянами.

Казаки, въ дореформенное время, не только считали себя, но и были дѣйствительно, по объему своихъ правъ и обязанностей, значительно выше крестьянъ и другихъ податныхъ сословій. Отъ крѣпостныхъ крестьянъ они отличались, прежде всего, личной свободой, а отъ другихъ податныхъ сословій — свободой отъ подушной подати. Можно сказать, что до великихъ реформъ Александра II, всѣ сословія дѣлились въ Россіи на двѣ рѣзко разграниченныя группы: привилегированныхъ и податныхъ сословій. Къ первой относились дворянство, духовенство и казаки, къ другой купечество, мѣщанство и крестьяне. Это подтверждается тѣмъ, что до революціи, упразднившей сословія, можно было быть одновременно дворяниномъ или священникомъ и казакомъ, но нельзя было крестьянину или члену податного сословія быть въ то же время и казакомъ. Каждый казакъ могъ стать дворяниномъ или священникомъ, оставаясь казакомъ, а потомки казака-дворянина, если въ теченіе трехъ поколѣній не получали офицерскаго чина, и дѣти казака-священника, если не посвящались въ духовный санъ, теряли дворянство или принадлежность къ духовенству, но оставались казаками. Слѣдовательно, основнымъ, неотъемлемымъ было для нихъ званіе казака.

Казакъ-дворянинъ-помѣщикъ, казакъ-генералъ-адъютантъ, казакъ-сенаторъ, — бывая въ родномъ хуторѣ или станицѣ, пользовались всѣми правами и не имѣли никакихъ особыхъ правъ по сравненію съ остальными хуторянами или станичниками. Они имѣли свой пай въ станичныхъ земляхъ, право голоса на хуторскомъ сборѣ, и подчинялись власти хуторского и станичнаго атамана, хотя бы онъ и былъ рядовымъ казакомъ.

У казаковъ было, да и есть еще, ясно выраженное сознаніе своего единства, того, что они, и только они, составляютъ Войско Донское, Войско Кубанское, Войско Уральское и другія казачьи Войска, что имъ принадлежитъ весь Донской край, что они сообща обладаютъ общими правами на войсковыя земли и рыбныя ловли, на винокуреніе,

добычу Манычской соли, полученіе государственнаго жалованія и особую военную службу въ особыхъ казачьихъ частяхъ.

Все это до самаго послѣдняго времени обособляло казаковъ отъ остального населенія Россіи, и мы совершенно естественно противопоставляли себя — казаковъ — русскимъ; не Казачество — Россіи. Мы часто говорили о какомъ либо чиновникѣ, присланномъ изъ Петербурга: «онъ ничего не понимаетъ въ нашей жизни, онъ не знаетъ нашихъ нуждъ — онъ русскій», или о казакѣ, женившемся на службѣ, мы говорили: «онъ женатъ на русской».

Привычка противопоставлять себя — казаковъ — всѣмъ «русскимъ» имѣла ту дурную сторону, что казаки не только не являлись, какъ въ старину, противниками угнетенія населенія Россіи, но относились къ нему равнодушно, безъ глубокаго внутренняго протеста подчинялись стремленію правительства использовать ихъ въ качествѣ охранительной силы, въ качествѣ подавителей всяческихъ «безпорядковъ» и освободительныхъ движеній. А между тѣмъ сохраненіе свободы казаковъ и возстановленіе Донского народоправства были возможны только въ свободной Россіи, управляемой на началахъ народоправства.

Самодержавная, управляемая изъ Петербурга, Россія не могла терпѣть внутри себя свободолюбивое, самоуправляющееся Войско Донское. По мѣрѣ укрѣпленія русскаго государства и раздвиженія его границъ, самостоятельность Войска Донского уменьшалась, оно теряло свои вольности и, окруженное со всѣхъ сторонъ русской землею, превращалось въ нераздѣльную часть Русской имперіи.

Еще по положенію 1835 года на Дону сохранялось самоуправленіе. Только Атаманъ, Прокуроръ и Архіерей назначались изъ Петербурга; всѣ остальные чины выбирались собраніемъ донскихъ дворянъ и чиновниковъ, а въ избраніи ряда окружныхъ должностныхъ лицъ принимали участіе и выборные отъ станицъ. Войсковое Правленіе было независимо отъ Атамана и только Сенатъ могъ отмѣнить его постановленія, если признавалъ ихъ незаконными. Но съ 1870 года остались выборными только станичныя и хуторскія должностныя лица, подчиненныя строгому надзору окружныхъ атамановъ и областного правленія.

Мы лишились народоправства, мы лишились даже мѣстнаго самоуправленія, но и теперь мы не мыслимъ Донъ,

какъ простую губернію Россіи. Мы не меньше прежняго чтимъ завѣты отцовъ, наши былыя вольности, нашу неувядающую славу. Если орловцу, костромичу, даже полтавцу или кіевлянину было довольно безразлично служить въ той или другой губерніи, то Донского казака всегда тянуло на Донъ. Онъ предпочиталъ довольствоваться болѣе скромнымъ мѣстомъ на Дону, чѣмъ быть переведеннымъ за предѣлы Дона на болѣе видное мѣсто. Да оно и понятно. Въ центральной Россіи, даже Тверское и Рязанское княжества, даже сѣверно-русскія народоправства — Господинъ Великій Новгородъ и Псковъ — лишь область исторіи, давно и основательно забытой. Тверская, Рязанская, Новгородская, Псковская губерніи лишь административныя дѣленія единой Россіи. Но Донъ для Донскихъ казаковъ, какъ Уралъ для Уральцевъ, какъ Терекъ для Терцевъ, — не только родной край, любимый съ дѣтства, но еще и совокупность общихъ правъ и обязанностей, преданій и обычаевъ.

Но отсюда было бы ошибочно заключать, что Донскіе казаки недостаточно чувствуютъ свою неразрывную связь съ единокровной и единовѣрной Россіей. Какая русская губернія пролила столько своей лучшей крови за Россію, какъ Войско Донское, неоднократно встававшее на ея защиту поголовно, на своихъ лошадяхъ, въ своемъ вооруженіи и обмундированіи. Какая часть русскаго народа присоединила къ общей родинѣ столько земель, какъ Донскіе казаки. Намъ кажется поэтому дикимъ предположеніе, будто Донскіе казаки могутъ хотѣть отдѣлиться отъ Россіи. Но мы имѣемъ право по своему устраивать свой край, свободный вольный Донъ, нераздѣльную часть Русской федераціи, и не мириться со строемъ, навязываемымъ намъ московскимъ правительствомъ.

На Дону было организованное дворянское сословіе и подавляющее большинство дворянъ были казаки. Большинство образованныхъ людей и чиновниковъ на Дону были тоже казаки. Между донскимъ дворянствомъ и интеллигенціей съ одной стороны, и казаками съ другой, не было и не могло быть пропасти, какая существовала между дворянствомъ и интеллигенціей губерній Россіи и крестьянствомъ. До 1905 года русскій крестьянинъ не могъ поступить въ высшее учебное заведеніе, стать офицеромъ или чиновникомъ, не выйдя изъ крестьянскаго сословія, не порвавъ совершенно со своей бывшей средой. Казакъ же, ос-

таваясь казакомъ, шелъ въ Университетъ, становился судьей, докторомъ, офицеромъ, чиновникомъ и, будучи даже профессоромъ, генераломъ, предсѣдателемъ окружного суда или посланникомъ, онъ оставался казакомъ.

Въ томъ фактѣ, что въ казачьей средѣ, не порвавъ съ нею связи, были и образованные люди, и люди привыкшіе управлять, судить, командовать, — заключается одна изъ причинъ способности казачьихъ Войскъ, легче другихъ частей русскаго народа, справиться съ разрухой, найтись въ революцію, создать разумное государственное устройство, проникнутое началами былого народоправства. Но неподготовленный къ народоправству, малообразованный, не довѣряющій оторванной отъ него привилегированной и образованной его части, русскій народъ не смогъ во время справиться съ этой задачей и отдался во власть большевикамъ, а одни казачьи Войска не могли устоять въ неравной братоубійственной борьбѣ.

Я не берусь пресказывать будущее. Но думаю, что Россія переросла и по своимъ размѣрамъ и по своему культурному развитію форму унитарнаго централизованнаго государства. Думаю, что въ отсутствіи достаточно широкаго самоуправленія отдѣльныхъ ея областей, своевременно удовлетворяющаго ихъ потребности, въ отсутствіи постепеннаго перехода къ федеративному строю заключалась одна изъ причинъ революціи. Думаю, что только чрезмѣрный внѣшній гнетъ, который, отбросивъ Россію отъ морей, принудилъ бы ее, подобно Московской Руси 16-го и 17-го столѣтій, къ наивысшему боевому напряженію, могъ бы заставить ее, для новаго завоеванія выхода къ морю, возстановить централизованный, самодержавный строй. При сколько-нибудь нормальномъ развитіи Россіи, мнѣ представляется единственно возможнымъ республиканско-федеративный строй, въ которомъ казачество должно найти просторъ для автономнаго развитія своихъ краевъ на началахъ былого народоправства. Но сами эти начала, въ особенности въ современномъ углубленномъ пониманіи, требуютъ равенства всѣхъ жителей передъ закономъ, равенства, не только гражданскаго, но и политическаго, не только какъ управляемыхъ, но и какъ участвующихъ въ управленіи.

Передъ закономъ казаки и иногородніе должны быть равны.. Нельзя отстоять свои права, лишая правъ другихъ. Но большее развитіе казаковъ, какъ общее, такъ въ осо-

бенности политическое, ихъ сплоченность, ихъ традиціи надолго сохранятъ за казаками преобладающее значеніе въ управленіи казачьими краями, — подобно тому, какъ въ Швейцаріи, самой демократической странѣ міра, есть до сихъ поръ много городовъ, въ которыхъ синдиками, не по закону, а по свободному избранію согражданъ, состоятъ только представители родовъ, владѣвшихъ этими городами нѣсколько столѣтій тому назадъ. Что же касается положенія бытового, сословной замкнутости, то казаки должны быть вольны сохранить ихъ во всей неприкосновенности.

Для поясненія своей мысли приведу примѣръ отношеній, которыя я наблюдалъ въ Швейцаріи. Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ, всякій швейцарецъ можетъ достичь высшихъ должностей въ федераціи, и я знаю двухъ бывшихъ президентовъ федераціи, изъ которыхъ одинъ сынъ крестьянина, а другой — мелкаго трактирщика. Но «патриціи» — потомки тѣхъ родовъ, которые нѣкогда правили швейцарскими кантонами — и понынѣ не ведутъ знакомства со швейцарскимъ «простонародьемъ», и не принимаютъ у себя жену крестьянина или трактирщика, даже состоящаго президентомъ Швейцарской республики.

Такъ и казаки имѣютъ несомнѣнное право, если пожелаютъ, предоставивъ иногороднимъ полное равенство передъ закономъ, остаться обособленными въ частной жизни, имѣть даже свои особенныя сословныя собранія, учреждать по подпискѣ свои казачьи стипендіи, избирать станичными атаманами только казаковъ, выдвигать изъ своей среды наилучшихъ кандидатовъ на всѣ должности по мѣстному управленію, суду, народному образованію и т. д., и т. под. И я не сомнѣвають, что сильное духомъ казачество надолго останется хозяиномъ въ казачьихъ областяхъ.

I. К. ЗЕНКОВЪ,
Членъ Донск. Войскового Круга,
Товарищъ Предсѣдателя Верховнаго
Круга Дона, Кубани и Терека.

Для отвѣта на вопросъ, — сохранится ли въ будущей Новой Россіи казачество и какъ сложится въ ней его жизнь

—необходимо въ самыхъ общихъ чертахъ возстановить въ памяти прошлое казачества и его значеніе въ исторіи Россіи.

Во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ столкновеніяхъ Московской Руси съ внѣшнимъ врагомъ и событіяхъ внутренняго политическаго характера отмѣчается, начиная съ покоренія Казани, замѣтное и весьма активное участіе казачества. Независимое и союзное Московской Руси вольное казачество Дона не только охраняло границы Московскаго царства, но и расширяло ихъ путемъ покоренія и присоединенія новыхъ территорій, — нерѣдко открыто осуждаемое за это Московскими Царями, а тайно поддерживаемое ими, — путемъ колонизаціи незаселенныхъ мѣстностей. Роль казачества въ Смутное Время, сначала неопредѣленная и измѣнчивая, въ послѣдній періодъ становится положительной и значительной: вмѣстѣ съ ратнымъ ополченіемъ Минина и Пожарскаго казаки принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, а затѣмъ въ періодъ засѣданій и перерыва между засѣданіями Земскаго Собора, избравшаго при участіи казаковъ же Михаила Феодоровича царемъ, только казаки несутъ на своихъ плечахъ охрану и внутреннюю гарнизонную службу въ Москвѣ. Въ московскій же періодъ казачьи территоріи являются тѣмъ мѣстомъ, гдѣ собираются всѣ недовольные существовавшими на Руси порядками, организуются тамъ и оттуда начинаютъ борьбу съ Московскимъ Правительствомъ. Эта борьба, не достигая конечной своей цѣли, влекла, тѣмъ не менѣе, за собою проведеніе различныхъ реформъ въ управленіи государствомъ.

Съ потерей, при Петрѣ Великомъ, Домомъ, Яикомъ и Терекомъ своей независимости и съ включеніемъ ихъ въ составъ Россійскаго Государства, казачество, превратившееся въ служилое, продолжаетъ занимать особое положеніе въ государствѣ, отличное отъ другихъ провинцій (областей, губерній). Во всѣхъ войнахъ Россійской Имперіи, служившее поголовно и снаряжавшееся за свой счетъ, казачество вписало не мало славныхъ и блестящихъ страницъ въ военную исторію Россіи, кончая послѣдней войной 1914-1917 г., — въ краткихъ словахъ нельзя перечислить доблести казачьей. Кромѣ военной доблести, казачество въ періодъ существованія Россійской Имперіи не только не утратило своихъ колонизаторскихъ способностей, но продолжало съ

честью ихъ нести. Имперское Правительство, признавая колонизаторскія способности казаковъ чрезвычайно важными, создаетъ изъ бывшихъ служилыхъ казаковъ и переселенцевъ изъ сохранившихся и существовавшихъ казачьихъ бластей новыя казачьи Войска: Оренбургское, Кубанское, созданное изъ Черноморскаго Войска и линейныхъ казаковъ (донцы), Сибирское, Забайкальское, Астраханское, Семирѣченское и Амурское. Образцомъ организаціи и управленія создавшихся казачьихъ Войскъ служило старѣйшее Донское Войско.

Казачество создало и сохранило еще со временъ своей независимости свой особый бытъ. Казачество не знало крѣпостного права. Въ своей казачьей общинѣ казаки осуществляли принципъ равенства, независимо отъ чина и личнаго матеріальнаго благосостоянія, — особымъ уваженіемъ и почетомъ пользовались лишь старики и заслуженные люди. Изстари и до дней большевицкаго захвата власти въ казачьихъ краяхъ, казаки сообща владѣли землей, ея нѣдрами и всѣми угодьями, самостоятельно рѣшали свои дѣла на мѣстахъ. Казаки въ своей массѣ, участвуя во всѣхъ войнахъ и поголовно отбывая военную службу, главнымъ образомъ на окраинахъ Россіи, лучше, чѣмъ остальное населеніе, знали и любили Россію. Еще «выростками», съ восемнадцатилѣтняго возраста казаки начинали подготовку къ своей военной службѣ, въ «очередяхъ» которой они состояли до сорокалѣтняго возраста, а затѣмъ переходили въ «запасъ», изъ котораго также могли быть призваны и призывались для несенія военной службы въ особо исключительныхъ случаяхъ. Отбывая военную службу въ своихъ полкахъ, вмѣстѣ со своими одностаничниками и хуторцами, казаки привыкли и считали своимъ долгомъ оказывать другъ другу выручку и помощь въ бѣдѣ въ дни ратные, сохранявшуюся затѣмъ и по возвращеніи въ свои станицы и хутора. Отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ казаки знали исторію своихъ полковъ еще до поступленія въ нихъ, дорожили честью послѣднихъ и невольно стремились вплести новые лавры въ славу полка, чтобы тѣмъ самымъ порадовать стариковъ и показать, что они, молодые, достойные преемники доблести и чести казачьей. Казаки умѣли сочетать любовь къ Родинѣ — Россіи — съ любовью къ своихъ казачьимъ краямъ, — казачьи пѣсни лучшій показатель правильности такого утвержденія.

Любя Россію и должнымъ образомъ оцѣнивая значеніе быть ея сыновьями, казаки не забывали о прежнихъ своихъ вольностяхъ и правахъ. Въ Императорскій періодъ больнымъ и всегда непріятнымъ вопросомъ для казаковъ было назначеніе «Наказныхъ» Атамановъ, да еще не изъ казаковъ. Послѣ февральской революціи казаки, собравшись въ мартѣ 1917 г. на общеказачій съѣздъ въ Петроградѣ, очень быстро, къ своему удовольствію, убѣдились, что они говорятъ однимъ, понятнымъ и донцу и уссурійцу, языкомъ, что пожеланія у казаковъ всѣхъ казачьихъ Войскъ однѣ и тѣ же: выборный Войсковой Атаманъ, выборные Круги (Рада) для рѣшенія своихъ казачьихъ дѣлъ; одинаковыми у всѣхъ казачьихъ Войскъ оказались и пожеланія въ отношеніи Россіи: война до побѣды, полная поддержка и подчиненіе Временному Правительству до рѣшенія Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, которое только одно и властно рѣшить дальнѣйшую судьбу всѣхъ острыхъ вопросовъ и форму правленія въ Россіи, отрицательное отношеніе къ фактически образовавшимся совѣтамъ. Съѣзды, Круги и Рада, созванные въ каждомъ казачьемъ Войскѣ отдѣльно, подтвердили все это, а одинаковость рѣшеній ихъ по ряду другихъ вопросовъ, безъ предварительнаго сговора, лишній разъ подчеркнула родство быта и единомысліе казаковъ, живущихъ далеко другъ отъ друга. Такія постановленія не были бумажными резолюціями и отвлеченными лозунгами, какими такъ богатъ былъ тотъ періодъ, а проводились казаками въ жизнь: казачество, по компетентнымъ свидѣтельствамъ военачальниковъ, не знало дезертирства, казачьи полки одними изъ послѣднихъ оставляли фронтъ, казачьи полки исполняли отдававшіеся имъ приказы. Устами выборныхъ Атамановъ и Круговъ (Рады) не былъ признанъ октябрьскій большевицкій переворотъ, на территоріи Войскъ вся полнота власти была принята казачьими выборными органами. Былъ моментъ, когда головы казаковъ-фронтовиковъ затуманились и они поддались яду большевицкой пропаганды и повѣрили, что съ большевиками можно наладить какое то мирное сожительство, но недолго этотъ моментъ продолжался и дорого онъ стоилъ казакамъ: они заплатили за него головами своихъ Атамановъ А. М. Каледина, А. М. Назарова, М. А. Караулова, цѣлаго ряда вождей и безконечнаго числа казачьихъ офицеровъ и казаковъ. Началась гражданская война, и въ ней,

особенно на югѣ Россіи, казачество понесло неисчислимыя жертвы людьми и матеріальными благами. Въ казачьихъ краяхъ, а не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, нашли пріютъ и возможность сорганизоваться и выступить противъ большевиковъ тѣ истинные и вѣрные сыновья Россіи, которые не могли примириться съ порабощеніемъ ея и изъ которыхъ была создана Добровольческая Армія. Казачество, въ это время объявившее свои казачьи края суверенными государствами, во имя успѣха борьбы за освобожденіе Россіи отъ большевиковъ, вошло въ соглашеніе съ командованіемъ Добровольческой Арміи, подчинивъ ему свои воинскія силы. Да и самая самостоятельность и независимость казачьихъ государственныхъ образованій мыслилась Кругами (Радой), какъ явленіе временное — впредь до образованія единой государственной общероссійской власти. Борьба закончилась неудачно, и часть казачества ушла сначала въ Крымъ, а затѣмъ и въ изгнаніе, но идеи, за которыя оно боролось, остались неизмѣнными до сихъ поръ. Въ изгнаніи казаки быстро сорганизовались и, въ большинствѣ случаевъ, дали своимъ объединеніямъ привычныя и пріятныя для слуха казаковъ названія станицъ и хуторовъ.

Сломленные и задушенные грубой силой большевиковъ, залившихъ казачьей кровью ихъ края, разграбившихъ и уничтожившихъ казачье достояніе и имущество, выславшихъ и выселившихъ въ отдаленныя губерніи не только отдѣльныхъ казаковъ, но и цѣлыя ихъ станицы, казаки, чудомъ уцѣлѣвшіе въ родныхъ казачьихъ краяхъ, повели неравную и тяжкую борьбу за сохраненіе своего казачьяго быта, имени, своего уклада жизни. Рядъ лѣтъ большевики, не гнушаясь никакими средствами, старались удушить и уничтожить все, что напоминало казакамъ о прошломъ: запретнымъ стало самое слово «казакъ», станицы переименовывались въ села, преслѣдовалось и каралось ношеніе казачьей одежды, территорія ряда Войскъ, живое казачье тѣло, распредѣлена по ряду вновь образованныхъ губерній или присоединена къ ранѣе существовавшимъ. Однако, упорство казаковъ оказалось сильнѣе большевиковъ, и послѣдніе вынуждены были признать многое изъ казачьяго быта, противъ чего они такъ яростно и безнадежно боролись. Мы знаемъ, что теперь не только сохранились названія — казакъ, станица, хуторъ, — но нерѣдко дѣлами въ станичныхъ и хуторскихъ совѣтахъ руководятъ б. хутор-

скіе и станичные атаманы, т. е. люди, которымъ вѣрили раньше и вѣрятъ теперь казаки.

Изложенное въ общихъ чертахъ прошлое казачества и его значеніе въ исторіи Россіи, сохраненіе казаками своего быта и уклада жизни въ возможныхъ при существующемъ положеніи предѣлахъ въ родныхъ краяхъ, несомнѣнное сохраненіе казачьей массой въ эмиграціи завѣтовъ вольнаго казачества и вѣра въ правоту ихъ, усиленное стремленіе партій и группировокъ русскаго зарубежья привлечь на свою сторону казаковъ, приводятъ меня къ глубокому убѣжденію, что казачество сохранится въ будущей Новой Россіи и такое сохраненіе необходимо не только въ интересахъ казачества, но и самой Россіи. Я убѣжденъ, что сейчасъ же послѣ сверженія власти большевиковъ, казаки вновь соберутся и скажутъ свободно свое слово и это слово будетъ дѣломъ: казаки возстановятъ свои Круги (Раду), выберутъ себѣ въ каждомъ Войскѣ Атамана и предоставятъ имъ право управлять и вѣдать дѣлами Войска, т. е. сдѣлаютъ то, за что боролись и жизнь свою положили и что завѣщали казакамъ ихъ Атаманы и вожди: А. М. Калединъ, М. П. Богаевскій, А. М. Назаровъ, М. А. Карауловъ, А. И. Дутовъ и др.

Я не допускаю возможности отторженія отъ Россіи казачьихъ краевъ и не вѣрю въ независимое и самостоятельное существованіе послѣднихъ. Ни у широкихъ казачьихъ массъ, ни у какой либо болѣе или менѣе значительной группы не было ни стремленія, ни желанія отмежеваться отъ Россіи и зажить самостоятельной и независимой жизнью ни въ 1917 году, ни въ послѣдующіе годы борьбы съ большевиками, несмотря на то, что въ то время была полная возможность не только заявить объ этомъ, но и отстаивать такую точку зрѣнія. Не говоря уже о моральной сторонѣ и несомнѣнной духовной близости и связанности казаковъ съ русскимъ народомъ, такое отдѣленіе отъ Россіи казакамъ крайне невыгодно и экономически и политически. Впервые о созданіи самостоятельныхъ государствъ Дона и Кубани пришлось услышать въ эмиграціи и то въ послѣдній годъ, но я считаю, что это голосъ «заблудившихся» единицъ, не могущій быть услышаннымъ, а тѣмъ болѣе раздѣленнымъ не только казаками въ родныхъ казачьихъ краяхъ, но даже и здѣсь, въ эмиграціи. Кому то, но не каза-

камъ, нужно, чтобы въ казачьей средѣ прозвучалъ голосъ о казачьей самостійности, и даже не голосъ, а «подголосокъ» нашелся, какъ въ свое время находились въ казачьей средѣ Ногаевы и имъ подобные.

Не вѣрю я и въ возможность возстановленія казачества въ томъ положеніи, въ какомъ оно существовало до февральской революціи. Экономически разоренные и обезсиленные, казаки не смогутъ нести прежней тяготы — поголовной военной службы и снаряженія на нее за свой счетъ. Не помирится казачество и съ тѣмъ, чтобы его внутреннія казачьи дѣла вѣдались чиновниками центральной русской власти и рѣшались въ Москвѣ или Петроградѣ, чтобы оттуда же ему присылались «наказные» Атаманы. Не въ интересахъ будущей русской центральной власти сохранять очаги недовольства, чреватые столь тяжкими послѣдствіями.

И. П. КАРТАШЕВЪ,

есаулъ Донского Войска, б. Мировой
Судья, Членъ Дон. В. Круга.

Вопреки мнѣнію недавно появившагося въ Прагѣ журнала «Вольное Казачество» — «Вільне Козацтво», я думаю, что Всевеликое Войско Донское, послѣ большевиковъ, должно войти въ составъ Русскаго Государства, которое должно быть сильнымъ (горькій опытъ показалъ, что въ силѣ крѣпость и счастье государства), а потому на территоріи бывшей Россійской Имперіи оно должно быть одно. Какой въ немъ будетъ образъ правленія, объ этомъ скажетъ русскій народъ, я же думаю, что въ Правленіи государствомъ долженъ принять участіе Русскій народъ, ибо несчастная судьба «Великой» Россіи показала, что самодержавіе, въ концѣ концовъ, создало богатыря на глиняныхъ ногахъ.

Входящія въ составъ Русскаго государства области (въ томъ числѣ и казачьи) должны пользоваться широкимъ самоуправленіемъ, съ правомъ издавать законы по мѣстнымъ вопросамъ.

Всѣ вопросы обще-государственные разрѣшаются въ центрѣ обще-государственною законодательною властью.

Всѣ вопросы мѣстнаго характера, повторяю, разрѣшаются окончательно на мѣстахъ, даже судебныя дѣла — мѣстными кассаціонными инстанціями (сенатами).

Я считаю, что въ будущемъ Русскомъ государствѣ казачество сохранится со всѣми своими обычаями и исторически выработаннымъ укладомъ жизни при всякой общегосударственной власти (я, конечно, вторыхъ большевиковъ не допускаю). Никакая государственная власть не рискнетъ уничтожать казачество, эту природную и оригинальную конницу. Казачество, неоднократно стяжавшее славу, участвуя во всѣхъ отечественныхъ войнахъ, — единственная часть русскаго народа, принявшая участіе въ гражданской войнѣ полностью, т. е. въ составѣ строевыхъ казаковъ, стариковъ, женъ и дѣтей, и послѣдней оставившая поле сраженія.

Какъ же должно жить и управляться казачество?

На этотъ вопросъ я отчасти отвѣтилъ уже выше. Послѣдующія строки пусть будутъ отвѣтомъ на тотъ же вопросъ.

Императоръ Петръ Великій, разгромивши Булавинскій бунтъ, нанесъ тяжелый ударъ казачьему самоуправленію. Послѣдующіе Русскіе Государи забрасывали казачье самоуправленіе всякимъ мусоромъ, чтобы угасить вольный духъ казачества, и все же Петербургъ не довѣрялъ казачеству и держалъ въ неволѣ такихъ казаковъ, какъ атаманъ Ефремовъ, Платовъ и Баклановъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ XX-го присылалъ на Донъ такихъ гасителей духа, какъ Наказные Атаманы Святополкъ-Мирскій, Покатило и др. И... при всемъ этомъ мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ, когда незабвенный М. П. Богаевскій, открывая въ маѣ 1917 года первый Войсковой Кругъ, произнесъ слѣдующія слова: «Позвольте мнѣ, господа, послѣ 198-лѣтняго перерыва объявить открытымъ Большой Войсковой Кругъ». — Такихъ шумныхъ овацій, такихъ проявленій радости и восторга, горячихъ слезъ умиленія на глазахъ простыхъ казаковъ, которыхъ покойный М. П. окрестилъ «дѣдами», — что, я и не знаю, — буду ли еще свидѣтелемъ подобной сцены? Судьбѣ, впрочемъ, угодно было сдѣлать меня свидѣтелемъ и еще одного историческаго событія.

Будучи временно въ должности Окружного Атамана Донецкаго Округа, я въ іюлѣ 1917 года получилъ увѣдомленіе, что 18-го іюля въ ст. Каменскую прибываетъ первый

выборный Донской Атаманъ, генералъ отъ кавалеріи А. М. Калединъ. Дѣлая распоряженія о встрѣчѣ Атамана, я, между прочимъ, распорядился, чтобы, въ виду страдной поры, казаковъ не отрывали отъ работы и съ хуторовъ не вызывали. Когда я за часъ до прихода поѣзда пріѣхалъ на станцію, то увидѣлъ, что весь обширный перронъ станціи густо занятъ людьми, и мнѣ съ трудомъ удалось пройти къ депутаціи отъ станицы. Здѣсь же при депутаціи былъ и станичный атаманъ, здѣсь же я увидѣлъ стариковъ-казаковъ почти со всѣхъ хуторовъ станицы, не исключая и самыхъ отдаленныхъ. На мой вопросъ станичный атаманъ отвѣтилъ, что онъ никого изъ казаковъ не вызывалъ, а разослалъ лишь увѣдомленіе о пріѣздѣ въ станицу Донского Атамана.

Послѣ объясненія станичнаго атамана, ко мнѣ обратился старикъ хуторянинъ съ такими словами: «Ваше Благородіе! Насъ никто не принуждалъ сюда являться. Мы сами пріѣхали добровольно. Правда, теперь время горячее, самое — уборка, но вѣдь работы всей не передѣлаешь, а своего родного Атамана ни мы не видали, ни отцы, ни дѣды наши. Для такого случая я все бросилъ и пріѣхалъ, а кабы было не на чемъ, я бы пришелъ пѣшій, а кабы ноги не дѣйствовали, я прилѣзъ бы рачки»...

.... Какъ же, стало быть, должны жить и управлять казаки, какъ не «по праву древней обыкновенности избранія Войсковыхъ Атамановъ»?..

А какъ служить должны казаки? Только въ казачьихъ частяхъ. Казачьи полки должны входить въ составъ казачьихъ, а не кавалерійскихъ дивизій; казачьими частями должны командовать природные казаки, а не кавалерійскіе гастролеры. Въ усмиреніяхъ казаки участвуютъ наравнѣ съ прочими воинскими частями.

Какія слабыя стороны казачества въ прошломъ?

Прежде всего, у казачества не было настоящаго самоуправленія. Казачество творило волю свою съ благословенія и подъ надзоромъ начальства всякаго ранга и степеней. У казачества воспитывались ненормальныя отношенія съ неказачьимъ населеніемъ, къ которому казачество относилось съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ. Мой братъ — урядникъ — разсказывалъ мнѣ о такомъ случаѣ. Пришелъ онъ какъ то въ станичное правленіе и тамъ бесѣдовалъ о злободневныхъ станичныхъ дѣлахъ съ урядникомъ Видѣнѣевымъ, который

служилъ въ артиллеріи и моего брата, который служилъ въ армейскихъ полкахъ, не зналъ. Послѣ довольно продолжительной бесѣды Видѣнѣевъ обратился къ брату, бывшему въ штатскомъ платьѣ, съ такимъ вопросомъ: «да ты казакъ, ай хамишша?..» (съ особымъ нажимомъ на слогѣ «ша»).

Лѣтомъ 1882 года въ ст. Каменской былъ большой пожаръ. Въ поискахъ причины пожара, между прочимъ, одинъ казакъ доносилъ станичному правленію, что его сосѣдъ — «пришелецъ зямли (земли) чуждой, русакъ Иванъ Батуринцевъ, лопаетъ табакъ и трескаетъ трубку»...

Казаки въ прошломъ ни въ школахъ, ни на военной службѣ не изучали своей Донской исторіи, не воспитывались въ любви къ родному Дону. Во время Великой войны въ 25-ой отдѣльной сотнѣ, въ которой были казаки со всего Хоперскаго Округа, отъ 20 до 40-лѣтняго возраста, не могли мнѣ объяснить, почему они называются Донскими казаками! Даже урядники стали въ тупикъ передъ этимъ вопросомъ.

Но Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья!.. Вернемся на родину, возстановимъ право и порядокъ, установимъ національную власть, а мы, казаки, получимъ широкое самоуправленіе и пойдемъ по пути прогресса къ совершенству и счастью.

П. И. КОКУНЬКО,
казакъ Кубанскаго Войска, ген-лейт.

Поклонъ Ермака Сибирью и Гетмана Хмѣльницкаго Украйною, которая къ тому времени вся была казацкая, дѣлаютъ Россію колоссальнымъ государствомъ, и все-таки по отношенію къ казачеству чувствуется какое то затаенное недоброжелательство въ теченіе всей его службы государству Россійскому, не со стороны народа, но со стороны правящихъ и привилегированныхъ классовъ. Еще въ школахъ намъ много указывалось на отрицательныя стороны казачества и мало на его положительныя качества. Мы всѣ твердо знали, напримѣръ, о грабежахъ казаковъ въ Смутное время на Руси, и ничего о той роли, которую играли казаки при избраніи царя. Между тѣмъ, какъ грабежи

эти были ничуть не больше тѣхъ опустошеній, которыя несла съ собой рать кн. Пожарскаго по дорогѣ къ Москвѣ — не манной небесной и перепелками питалась эта рать, но тамъ это называлось реквизиціей, а со стороны казаковъ — грабежъ. Для народа результутъ былъ одинъ и тотъ-же. А Михаилъ-то былъ избранъ, благодаря казакамъ, пока бояре еще спорили и ссорились объ избраніи. Его такъ и называли по началу «казацкимъ царемъ». Этого въ школахъ не говорилось.

«Воры и разбойники»!.. Вотъ эпитетъ казаковъ всего царскаго періода Русской исторіи. Забыли, что Россія переживала тогда такое-же время, какъ на западѣ, когда нѣмецкій рыцарь выѣзжалъ на большую дорогу и грабилъ проѣзжающихъ, но тамъ это былъ рыцарскій подвигъ и грабитель назывался барономъ или графомъ, а здѣсь это былъ казакъ, а потому — воръ и грабитель. А чѣмъ лучше были бояре, получавшіе въ кормленіе города и села?

Самое зарожденіе казачества старались и стараются еще и теперь опорочить. Насъ учили и учатъ, что казаки происходятъ отъ отбросовъ государства, отъ всякаго преступнаго, бѣглаго элемента населенія. Но уже Костомаровъ пришелъ къ заключенію, что казачество образовалось изъ рабочихъ промышленныхъ въ степи артелей. А это не одно и то же. Это былъ народъ предпріимчивый, энергичный; сюда входили лучшіе люди, способные къ самостоятельному труду и самостоятельной политической жизни. Пополнялось казачество, правда, и тѣми, кому жилось тяжело на Руси, кто не мирился съ боярскимъ, а впослѣдствіи и съ помѣщичьимъ гнетомъ. Гордость и сознаніе человѣческаго достоинства гнало такихъ въ степь. Не безъ того, чтобы среди нихъ не попадался и преступный элементъ, но такимъ не особенно вольготно жилось и среди казачества, если они не бросали своихъ привычекъ. Когда же казачество, возмущенное всей этой галиматьей о его происхожденіи, старается точно установить причины и время своего происхожденія, это возбуждаетъ смѣшокъ: — «казаки готовы самому Адаму нашить лампасы!». Что такое лампасъ? — Это ремень, нашитый на швъ кожаныхъ штановъ, для прикрытія его отъ сырости, такъ какъ всѣ швы дѣлались наружу, чтобы они не раздражали и не натирали. Если Адамъ носилъ кожаные штаны, то, значитъ, и онъ имѣлъ лампасы, если онъ былъ достаточно уменъ для этого. Во всякомъ случаѣ

лампасъ далеко старѣе варяжской Руси и, если по немъ опредѣлять казаковъ, то придется признать, что и они старѣе ея.

Для политической исторіи государства Россійскаго вопросъ о казачествѣ составляетъ, конечно, только эпизодъ, при томъ эпизодъ, имѣющій спеціальный характеръ — служить «живой изгородью» противъ всевозможныхъ полудикихъ кочевниковъ, насѣдающихъ на предѣлы государства. Этимъ, какъ-бы, опредѣлялось значеніе казачества, какъ чисто военнаго сословія, дальнѣйшая разработка исторіи котораго относится къ спеціально военной наукѣ. Военная же наука, занятая изученіемъ звѣздъ первой величины, какихъ, по ея мнѣнію, не оказалось на русскомъ небосклонѣ, не нашла времени удѣлить вниманія п е р е ж и т к у давнопрошедшаго, ибо никакія кочевники Руси больше не угрожаютъ и пора подумать о сносѣ «живой изгороди», такъ какъ ничего поучительнаго она собою не представляетъ. Этимъ опредѣляется дальнѣйшее отношеніе къ службѣ казачества, на которое устанавливается взглядъ, какъ на воинство второго сорта, и въ результатѣ:

«По нашему козацьку строю
Не будеш цапом ні козою,
А вже запевне, що волом...»

Вслѣдствіе этого на долю казачества всегда выпадали самые тяжелые и самые непріятные наряды, какъ, напр., нарядъ въ помощь полиціи, или для усмиренія народныхъ волненій. Генералъ Сухомлиновъ объясняетъ это тѣмъ, что казаки имѣютъ для этого довольно безобидное оружіе — нагайки. Объясненіе, по меньшей мѣрѣ, наивное. Казалось бы, удобнѣе было купить нагайки и раздать ихъ армейскимъ частямъ. Оружіе это особаго обученія не требуетъ. Во всякомъ случаѣ, это стоило бы много дешевле, чѣмъ мобилизовать льготныя части. Но нельзя же сказать прямо, что подобный нарядъ не совмѣстимъ съ достоинствомъ арміи. Это было бы слишкомъ обидно для казаковъ. Сознаться же въ томъ, что казаки въ этомъ случаѣ представляютъ болѣе надежный элементъ, значитъ расписаться въ собственной несправедливости къ нимъ, измѣнить той политикѣ, которая установилась по отношенію казаковъ не только въ арміи, но и, вообще, въ правительствѣ, но довести которую до конца было бы не безопасно, чему служатъ примѣромъ

такъ называемые бунты Разина, Пугачева, Булавина и проч. Особенно первые два, за которыми шелъ и народъ. Въ томъ-то и дѣло, что казачество не только «живая изгородь», но и живой организмъ, способный къ самостоятельной жизни и прогрессу, имѣющій глубокіе корни въ народной толщѣ, идеологію которой онъ хранитъ въ себѣ съ незапамятныхъ временъ. Мечта о свободѣ, равенствѣ и братствѣ всегда будетъ путеводной звѣздою въ жизни народовъ, а у казачества она была дѣйствительностью. Память о ней еще довольно свѣжа и въ настоящее время, какъ показало недавнее прошлое.

Подъ вліяніемъ правительства, взглядъ на казачество, какъ на пережитокъ прошлаго, проникъ и въ общественность, которая не дала себѣ труда углубиться въ размышленіе о значеніи казачества въ исторіи государства Россійскаго не только съ военной, но и соціальной точки зрѣнія. Одни не могли, а другіе просто не хотѣли заняться этимъ, какъ имъ казалось, совершенно частнымъ дѣломъ, и продолжали довольствоваться тѣмъ поверхностнымъ взглядомъ на казачество, который установился въ правительствѣ, какъ на какой то досадный наростъ на народномъ тѣлѣ.

До какой степени правительство мало знало казаковъ, показываетъ слѣдующій случай:

По окончаніи Кавказской войны былъ образованъ на восточномъ берегу Чернаго моря Черноморскій округъ, который подчинялся Кубанскому Наказному Атаману. Возникъ вопросъ — какъ быть въ этимъ округомъ дальше? Присоединить ли его къ Кубанской Области или образовать особую губернію. Министерство Внутреннихъ дѣлъ отвѣтило, что оно не считаетъ вообще казаковъ способными къ колонизаціи, а потому высказывается за учрежденіе особой губерніи... Это послѣ вѣковой колонизаторской дѣятельности казаковъ, послѣ того, какъ всѣ окраины государства были колонизированы казаками и только казаками, и въ культурномъ отношеніи стоятъ не только не ниже, но во многомъ отношеніи даже выше многихъ русскихъ губерній.

Это было давно, а теперь?.. Теперь вотъ что:

Послѣ эвакуаціи Крыма, когда армія была поселена въ Галлиполи, а казаки на Лемносѣ, группа казаковъ въ Бѣлградѣ начала хлопоты объ отдачѣ казакамъ Коссова поля для колонизаціи. Хлопоты, благодаря сочувствію Пашича,

пошли успѣшно и оставалось только ждать утвержденія Совѣта Министровъ. Всѣ были увѣрены, что утвержденіе состоится. Но по чьимъ-то проискамъ одинъ изъ членовъ Совѣта заявилъ, что ходатайство возбуждено частными лицами и слѣдовало-бы имѣть оффиціальное подтвержденіе этого ходатайства. Запросили русское оффиціальное учрежденіе въ Сербіи, которое отвѣтило, что казаки не способны къ колонизаціи, и при этомъ, говорятъ, было прибавлено, что казаки на Коссовомъ полѣ устроятся хорошо, но у окрестныхъ жителей не останется ни кола, ни двора. Такъ поддержало русское представительство интересы своихъ согражданъ! Дѣло, конечно, провалилось.

Что-же измѣнилось? — 300 лѣтъ тому назадъ казаки были «воры и разбойники» на языкѣ боярскомъ, и теперь они остались такими же на языкѣ дипломатическомъ, если былъ данъ приведенный отзывъ, въ чемъ трудно сомнѣваться, имѣя въ виду провалъ ходатайства.

Таковы воспоминанія прошлаго. Справедливость, однако, требуетъ вспомнить и о тѣхъ милостяхъ, которыя были оказаны казачеству, но они такъ подробно документально разобраны г. Сватиковымъ, что добавить нечего, развѣ только совѣтъ не забывать стихъ Виргилія: «Timeo danaos et dona ferentes», какъ предупрежденія для будущаго.
щаго.

Вопросъ о сохраненіи или упраздненіи казачества — праздный вопросъ. Рѣшеніе его не во власти человѣка. Его рѣшитъ сама жизнь, сама исторія. Насильственнымъ путемъ его рѣшить нельзя. Разгромъ Запорожской Сѣчи — характерный примѣръ. Онъ показалъ, что пламя души угасить не во власти человѣка, хотя бы и такого самодержавнѣйшаго, какой была Екатерина II. Сѣчь была разорена, но идея казачества не угасла въ ней даже съ уходомъ значительной части запорожцевъ за предѣлы Руси. Не много прошло времени, когда это же казачество воскресло вновь и, при томъ, изъ того же элемента, который признанъ былъ вреднымъ и даже, на первыхъ порахъ, съ тѣмъ правленіемъ, которое въ указѣ названо «неистовымъ». Разореніе Сѣчи не было общимъ рѣшеніемъ казачьяго вопроса, а только частичнымъ, который всегда легче удается. Однако жизнь и историческія обстоятельства вызвали мертвеца изъ гроба. Чеховскіе шилишперы, которые, какъ из-

вѣстно, не любятъ углубляться, приписываютъ этотъ фактъ капризу Потемкина. Едва ли это вѣрно.

На нашей памяти два раза поднимался вопросъ объ упраздненіи казачьихъ Войскъ и оба раза дѣло ничѣмъ не кончилось. Первый разъ послѣ окончанія Кавказской войны, когда оффиціальной причиной выставлено было то, что три казачьихъ Войска оказались внутри имперіи и ихъ, какъ «живую изгородь», нужно уничтожить, ибо надобность въ ней миновала. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ докладъ Милютинымъ Александру II. Императоръ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ министра, но что уничтоженіе казачества онъ находитъ преждевременнымъ, т. к. казаки еще смогутъ быть полезными Россіи. Тогда вторично было доложено, что въ такомъ случаѣ ихъ можно переселить куда либо на границу, а тѣ, что останутся на мѣстѣ, дѣлаются обыкновенными гражданами. Но это открывало тайный смыслъ ходатайства. Дѣло въ томъ, что предполагался обыкновенный въ Русской исторіи грабежъ земель, выдѣленіемъ участковъ за службу на Кавказѣ разнаго рода начальствующимъ лицамъ, а казачьи земли не въ примѣръ лучше, чѣмъ гдѣ либо въ горахъ, до которыхъ и добраться трудно.

Второй случай былъ во время революціи 1906 г. Не помню точно, къ какому министру, кажется, къ Щербатову, явились три русскихъ мудреца съ просьбой уничтожить въ Россіи казачество. Министръ отвѣтилъ, что, наоборотъ, онъ хотѣлъ-бы оказачить всю Россію. Этотъ отвѣтъ какъ-бы указываетъ на то значеніе казачества, о которомъ эти мудрецы не подумали или не додумались. Оно носитъ въ себѣ и хранитъ тѣ идеи гражданской жизни, къ которымъ стремится всякій народъ. Въ силу этого, казачество является не столько военнымъ сословіемъ, сколько строителемъ будущей соціальной жизни. Но, стоя на практической почвѣ, оно далеко отъ всякихъ безпочвенныхъ доктринъ, въ томъ числѣ и отъ соціализма, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени. Испытавъ на практикѣ неудачу проведенія въ жизнь своихъ идей во время Разина, а затѣмъ Пугачева, казачество замкнулось въ себѣ, оберегая, насколько возможно, только свои собственные интересы, почему правительство и считало его надежнымъ въ подавленіи безпорядковъ. Казаки помогали, но не изъ любви къ правительству, которое имъ не за что было любить; они просто не вѣрили въ насильственный пере-

воротъ. Поэтому и къ послѣдней революціи они примкнули послѣдними. Но когда они увидѣли, что это совсѣмъ не то, что имъ нужно, они же первые и возстали противъ нея, перейдя на сторону бѣлаго движенія, предполагая въ немъ защитниковъ правъ и интересовъ народа. Когда же и бѣлое движеніе обмануло ихъ надежды, казаки просто отошли въ сторону, и въ настоящее время, естественно, относятся съ недовѣріемъ ко всякаго рода предпріятіямъ, въ ожиданіи, когда ясно, точно и твердо будутъ формулированы лозунги выступленія. Не желая усиливать собою ни одну изъ безчисленныхъ, враждующихъ между собою, русскихъ партій, казачество поставило своей задачей сохранить тѣ чисто народные свѣточи, которые оно восприняло въ далекомъ прошломъ, и осуществить ихъ у себя въ возможно широкомъ масштабѣ. Если этотъ масштабъ будетъ распространенъ на все населеніе Россіи, то казачество сойдетъ со своей исторической сцены, его роль будетъ окончена, его задача будетъ выполнена, оно покойно, съ возгласомъ «нынѣ отпущаеши» и проч., умретъ, растворившись въ остальномъ населеніи, такъ какъ исчезнутъ причины его обособленности, падетъ искусственно воздвигнутая стѣна между казаками и народомъ. «Россія оказачится».

Но до того времени казачество должно быть крѣпко и сильно, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Поэтому оно должно оградить себя отъ посторонняго вліянія, положивъ въ основу своего будущаго устройства слѣдующіе принципы:

1. На казачьей землѣ нѣтъ мѣста для не-казаковъ. Поэтому всѣ живущіе на его территоріи въ хуторахъ, станицахъ и на отдѣльныхъ участкахъ, а также отдѣльными селами и даже городами, должны быть зачислены въ казаки со всѣми правами и тяготами послѣднихъ. Отказавшимся отъ этого предоставить свободный уходъ съ территоріи. Дальнѣйшее зачисленіе въ казаки предоставить Войсковому Кругу или Радѣ на основаніи особыхъ правилъ, выработанныхъ ими.

2. Законодательная власть по управленію Войскомъ во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ Войсковому Кругу или Радѣ.

3. Исполнительная власть принадлежитъ выборному Войсковому Атаману, отвѣтственному передъ Войсковымъ Кругомъ или Радою.

4. Вся администрація и судьи должны быть избираемы населеніемъ района, въ которомъ дѣйствуетъ ихъ власть.

5. Всѣ безъ исключенія должности всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ должны быть замѣщаемы исключительно казаками своего Войска. Въ случаѣ недостатка спеціалистовъ, Кругъ или Рада временно допускаетъ на такія должности не-казаковъ, заботясь о подготовкѣ своихъ учрежденіемъ стипендій или открывая свои учебныя заведенія.

6. Войсковой Атаманъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Командующій всѣми войсковыми частями своего Войска и отвѣчаетъ за полную ихъ подготовку во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и за всѣ учрежденія военнаго вѣдомства въ Войскѣ, главнымъ начальникомъ которыхъ онъ считается.

Поэтому войсковыя части должны быть расквартированы на территоріи Войска и выводъ ихъ возможенъ только съ вѣдома Круга или Рады и считается командировкой, которая можетъ быть или срочной или долговременной. Въ послѣднемъ случаѣ части должны смѣняться по очередямъ.

Всѣ чины въ строевыхъ частяхъ и учрежденіяхъ военнаго вѣдомства должны замѣщаться исключительно казаками своего Войска.

7. Духовное вѣдомство въ каждомъ Войскѣ должно составлять особую епархію, а не викаріатъ.

Глава епархіи, соблюдая каноническое подчиненіе и подчиняясь канонической юрисдикціи, долженъ замѣщать мѣста духовной іерархіи въ Войскѣ казаками и только съ вѣдома Круга или Рады отступать отъ этого требованія.

Монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, должны быть предоставлены исключительно казакамъ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ богоугодными учрежденіями для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще обездоленныхъ.

8. Выработка положенія объ управленіи Войскомъ на основаніи этихъ принциповъ или другихъ должна быть предоставлена Войсковому Кругу или Радѣ.

Вотъ тѣ мысли о казачествѣ, которыми я считаю долгомъ подѣлиться съ Вами, глубокоуважаемый Африканъ Петровичъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, покажутся Вамъ странными, какъ напр., п. 7 принциповъ о духовенствѣ. Но дѣло въ томъ, что въ прошломъ, съ подчиненіемъ войскового духовенства посторонней епархіи, къ намъ, въ Кубанскую область, начали присылать священниковъ изъ внутреннихъ губерній, какъ за штрафъ однихъ, другихъ

для кормленія въ особо доходные приходы и, въ лучшемъ случаѣ, недоучекъ съ низшихъ іерархическихъ степеней. Весь этотъ пришлый элементъ, конечно, не церемонился съ поборами отъ чуждаго ему народа въ то время, когда наше коренное священство назначалось на бѣдные приходы въ какія-то горныя станицы. Кромѣ того, зачастую прихожане обращаются за совѣтомъ въ своихъ частныхъ или общественныхъ дѣлахъ къ священнику, а какой совѣтъ можетъ дать ихъ пастырь, незнакомый ни съ укладомъ жизни, ни съ душевнымъ складомъ чуждаго ему народа?

Другіе — не совсѣмъ вѣрными, какъ напр., вопросъ объ уничтоженіи казачества. Вѣдь вотъ упразднили же большевики казачество однимъ росчеркомъ пера. Но въ томъ то и дѣло, что казачество они упразднили только росчеркомъ пера, а на самомъ дѣлѣ оно живетъ, какъ жило и раньше, даже оно стало гораздо крѣпче, чѣмъ прежде. Ни вселеніе въ его среду пришлаго элемента, ни высылка цѣлыми пачками казаковъ въ чужіе края не могли поколебать идеи казачества, наоборотъ, она усилила сплоченность казаковъ. Волей-неволей они должны были пойти на уступки и образовали изъ казачьяго населенія такъ называемыя территоріальныя части, возвративъ имъ не только прежнія наружныя отличія, но и привычное для нихъ оружіе. Измѣнилось только названіе, но, вѣдь, и казаки не всегда носили свое названіе, они приняли его со временъ татарщины, до тѣхъ же поръ они извѣстны были подъ названіемъ «бродниковъ». Придетъ время, когда къ нимъ опять возвратится прежнее имя, сохраненное нами за рубежомъ.

Наконецъ, самые принципы могутъ показаться утопичными. Я не могу еще представить себѣ, какъ сложатся обстоятельства и какую позицію займетъ казачья масса, но думаю, что высказанные мною принципы одинаково могутъ быть проведены въ жизнь, какъ бы ни сложились обстоятельства, въ одномъ случаѣ, какъ максимумъ, въ другомъ — какъ минимумъ. Мнѣ лично кажется, что казачество должно стремиться къ осуществленію ихъ и отстаивать во что бы то ни стало.

Можетъ быть, въ этихъ моихъ мысляхъ и замѣчается нѣкоторая односторонность, но трудно быть объективнымъ въ томъ, къ чему влечетъ сердце. И душею и тѣломъ казакъ, я не могу иначе думать и не привыкъ кривить душею ни при какихъ обстоятельствахъ, чему и Вы были сви-

дѣтелемъ во время пріѣзда В. К. Кирилла Владиміровича въ Екатеринодаръ, когда, въ отвѣтъ на восхваленіе имъ казаковъ, я сказалъ, можетъ быть, въ то время рискуя многимъ, что «мы, казаки, привыкли къ этимъ похваламъ и знаемъ имъ цѣну — насъ хвалятъ всегда, когда мы нужны, и оставляютъ на задворкахъ, когда минетъ въ насъ надобность».

Многое хотѣлось бы сказать на заданную Вами тему, но времени дали такъ мало, что пишу наспѣхъ, безъ черновика.

П. Кокунько.

Е. Д. КОНОВАЛОВЪ,
Войсковой Старшина, Членъ Уральскаго Войскового Правительства, Членъ Правленія Казачьяго Союза.

Когда, въ средніе вѣка, тысячи людей гибли въ тюрьмахъ и горѣли на кострахъ инквизиціи, ни власть имущіе, ни народъ не мѣшали инквизиторамъ губить невинныхъ. Людей жгли, надъ кострами возносили циничную надпись: «ad maiorem Dei gloriam», а человѣчество было малодушно погружено въ заботы суетнаго дня.

«Коммунисты» нашего вѣка превзошли средневѣковыхъ палачей. Огромная страна въ крови и слезахъ. Пламя «мірового пожара» раздувается то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Загубленныхъ — милліоны. Но, увы, такъ же равнодушно человѣчество. Такъ же бездѣятельны обладающіе властью, замкнувшіеся въ кругу національныхъ проблемъ, не исполняющіе, за малыми исключеніями, своего долга передъ человѣчествомъ въ цѣломъ. Остаются безъ отвѣта призывы къ міровой совѣсти погибающихъ въ Россіи. Коммунисты учли, что послѣвоенныя настроенія во всѣхъ странахъ позволяютъ имъ безнаказанно производить эксперименты надъ русскимъ народомъ, и «огнемъ и желѣзомъ» продолжаютъ насаждать «рабоче-крестьянскій рай».

И такъ же, какъ инквизиторы, зажигая костры, воображали, что дымъ костровъ пріятенъ Богу и способствуетъ вящей славѣ Его, — комиссары, безчисленно казня и безконечно притѣсняя, воображаютъ, что они, дѣйствительно, создаютъ коммунистическое государство мірового масштаба, въ которомъ будутъ блаженствовать соединившіеся про-

летаріи всѣхъ странъ. Хотя пролиты рѣки крови, и до блаженства безмѣрно далеко, хотя послѣ кошмарнаго десятилѣтія коммунистическіе лозунги звучатъ такъ же фальшиво, какъ средневѣковая латынь, — уйти и признать, что совершена ошибка, преступленіе — коммунисты не могутъ. Остается борьба. Они на нее обречены. Борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ коммунизмъ, его законы и ихъ «исполнители — лихіе супостаты», пресловутая «власть на мѣстахъ», не разъ однимъ своимъ появленіемъ вызывавшая взрывъ народнаго негодованія.

Нашему поколѣнію и намъ, казакамъ, выпала на долю эта борьба. Намъ не уйти отъ нея ни въ Россіи, ни даже на Западѣ, за-рубежомъ. Коммунизмъ — это болѣзнь, не ограниченная территоріально. Ея очагъ — Москва, но симптомы ея появленія повсюду. Отъ ея вспышки не застраховано ни одно государство. Мы, испытавшіе на себѣ, что такое коммунизмъ, да еще въ пониманіи совѣтскихъ темныхъ личностей и темныхъ людей, должны быть и здѣсь объединены на дѣлѣ, сохранить за-границей свою прежнюю казачью организацію и оставаться на-сторожѣ.

Мы должны постоянно помнить завѣты тѣхъ лучшихъ людей казачества, кого мы почтили выборомъ тамъ, въ Россіи. Ихъ нѣтъ, но они живутъ среди насъ и помогаютъ намъ честно нести казачье знамя. Вспомнимъ А. М. Каледина и М. П. Богаевскаго, ихъ слова.

Атаманъ А. М. Калединъ. Кѣмъ онъ былъ для насъ? Это — не только выборный Донской Атаманъ, но достойный вождь всего казачества, отъ его имени выступавшій въ Москвѣ; человѣкъ, проявившій, по словамъ генерала А. И. Деникина, «такую удивительную лойяльность, такое уваженіе къ принципамъ демократіи и къ волѣ казачества, его избравшаго, какъ ни одинъ изъ вождей революціи»; генералъ, — говоря словами Н. М. Мельникова, — «искренно признавшій, что безъ народа управлять нельзя, и честно, искренно и послѣдовательно проводившій въ жизнь начала народоправства, признанныя имъ единоспасающими». Онъ звалъ на борьбу съ большевиками и боролся до рокового дня 29-го января 1918 г. Его завѣтъ лаконичень: «большевикамъ не вѣрить!» Когда развалъ на Дону достигъ предѣла, и на фронтѣ осталось 147 штыковъ, Атаманъ, не знавшій о томъ, что въ другихъ казачьихъ Войскахъ и по донскимъ станицамъ идетъ организація вооруженнаго отпора комму-

нистамъ, сказалъ: «Россія погибла», не перенесъ великой душевной боли и ушелъ изъ жизни. Пребываніе большевиковъ у власти — въ его глазахъ — равносильно гибели Россіи.

7-го февраля М. П. Богаевскій, Товарищъ Атамана, говорилъ передъ послѣднимъ Кругомъ: «Красивыя слова на знамени большевиковъ: свобода, равенство и братство. Не сбудется этого... Вы посмотрите только, что дѣлается вокругъ. Все гибнетъ. Въ народѣ живетъ въ настоящее время одна сила. Это — сила разрушенія. Силы созиданія нѣтъ... Донъ, можетъ быть, падетъ, господа!». Но даже въ эти дни не отчаивается Митрофанъ Петровичъ. Вѣра въ Россію и казачество не покидаетъ его. «Тысячу лѣтъ строилась Россія, и не большевикамъ перестраивать ее», — увѣренно говоритъ онъ. «Проснитесь, казаки!» — слышится его призывъ. — «Спасайте Донъ. Спасайте нашъ славный тихій Донъ... Не все еще потеряно. Не погибло казачество. Даже больше того: будущее казачества еще впереди...»

Преступно оборвана жизнь и этого вождя казачества. Его завѣтъ намъ:

— Вѣрьте въ Россію, вѣрьте въ казачество. Будущее казачества впереди...

***

Два образа — А. М. Каледина и М. П. Богаевскаго — первыми встаютъ передъ глазами, когда рѣчь идетъ о казачествѣ въ цѣломъ. И, я думаю, правъ Н. М. Мельниковъ, отмѣчающій, что эти два человѣка «поставили казачеству вѣхи, по которымъ оно идетъ и дальше пойдетъ неизмѣнно».

Если М. П. Богаевскій не терялъ вѣры въ будущее казачества въ дни, когда большевизмъ бушевалъ по Россіи и захлестывалъ Донъ и когда, казалось, не было просвѣта, какъ же можемъ утратить вѣру мы, участники и свидѣтели разростающагося за эти десять лѣтъ движенія противъ коммунизма и въ Россіи и въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ? И, хотя мнѣ, уральскому казаку, пришлось пережить почти все мое Войско, я сохранилъ вѣру въ неизбѣжность паденія коммунизма и возрожденіе національной Россіи. Вѣрю и въ лучшія судьбы казачества.

Наше настоящее?

Уральское Войско — буду говорить о немъ — послѣ

исключительно упорной борьбы погребено почти все въ великой братской могилѣ, въ степи отъ отроговъ Урала до Каспійскаго моря. Теперь въ городахъ — хозяева положенія, послѣ включенія Уральской области въ составъ Киргизской республики, — киргизы. Станицы обезлюдѣли, опустѣли. Нѣсколько выдержекъ изъ «Красной Газеты» № 345 рисуютъ эту мрачную картину настоящаго:

«Я зналъ, — пишетъ совѣтскій журналистъ, — сколь ожесточенной и упорной была въ этихъ мѣстахъ гражданская война. Но то, что я увидѣлъ своими глазами, превзошло мои ожиданія. Вмѣсто улицъ всюду высятся безпорядочныя кучи кирпича. На самой людной улицѣ станицы я насчиталъ не болѣе десятка жилыхъ домовъ. Казалось, мы проносимся по старымъ степнымъ кочевьямъ, давнымъ давно покинутымъ людьми. Огромная церковь на площади наглухо забита. Всюду безлюдно и тихо. Приуральская сторона, гдѣ я сейчасъ проѣзжалъ, пострадала больше всего. Красноармейцы, въ порывѣ гнѣва, жгли казачьи станицы, гдѣ изъ каждаго закоулка на нихъ ощеривалась тупая ненависть и изъ каждаго окна клевалась огнемъ смерть. Все мужское населеніе ушло изъ станицъ. Тѣ, кто не могъ уйти, прятались по лѣсамъ и въ степи. Казачки зарывали стариковъ въ пескѣ, оставляя открытымъ лицо, и по ночамъ ихъ кормили. Я всюду находилъ кости и черепа людей, на берегу и въ тальникахъ, возлѣ переправы. Теперь мертвая тишина царитъ по Уральскимъ станицамъ. Все это уже поросло быльемъ, и только развалины и опустѣвшія станицы безмолвно вспоминаютъ еще о страшном времени»...

Наше прошлое?

Я не могу здѣсь останавливаться на немъ.

Но единственный эпизодъ изъ гражданской войны, поучительный для казачества, приведу:

Въ 1918 году, въ перерывъ между боевыми дѣйствіями, комиссары 4-ой совѣтской арміи пытались организовать «братаніе» съ казаками. Одиночные легковѣрные казаки были склонны пойти на переговоры. Войсковой Съѣздъ депутатовъ, управлявшій Войскомъ, издалъ предостерегающій приказъ. «Братаніе» было запрещено. Бои продолжались. Въ первые же дни послѣ опубликованія приказа, казачьими частями былъ разбитъ одинъ изъ полковъ красной арміи, причемъ вся канцелярія попала въ руки каза-

ковъ. Въ ней были найдены документы: инструкція «братанія», составленная комиссарами буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и германская, опубликованная во время войны, и, главное, копія секретнаго приказа Военно-революціоннаго совѣта. Приказъ, подписанный предсѣдателемъ — Троцкимъ. — и членами, гласилъ, что организація «братанія» съ уральскими казаками должна быть создана въ цѣляхъ уничтоженія противника.

«Братаніе» было ловушкой.

Копія этого приказа, отпечатанная на пишущей машинѣ, имѣла на себѣ подлинныя росписки комиссаровъ и командировъ частей о томъ, что приказъ прочитанъ и принятъ къ свѣдѣнію. Приказъ этотъ былъ доставленъ въ Полевой штабъ, Войсковое Правительство и Войсковой Съѣздъ депутатовъ и опубликованъ. Онъ раскрылъ глаза колеблющимся и явился новымъ образцомъ неразборчивости большевиковъ въ средствахъ и ихъ постоянной лжи. Ложь — ихъ главное орудіе отъ временъ «Окопной правды» и до нашихъ дней.

Наше будущее?

Борьба съ коммунизмомъ.

Во имя чего?

Возрожденія единой, великой Россіи.

Торжества силы права надъ правомъ силы.

Лозунгъ?

У Уральскихъ казаковъ, по рѣшенію Войскового Съѣзда и Правительства, онъ помѣщенъ на орденѣ въ честь покровителя Войска, св. Архистратига Михаила:

— За Вѣру, Родину, ЯИКЪ и свободу.

Здѣсь мы, казаки, люди разныхъ политическихъ убѣжденій, должны объединиться ради борьбы за установленіе въ Россіи правового порядка. При немъ, каковъ бы ни былъ новый режимъ, должно житься легче, чѣмъ при коммунизмѣ. Такого времени, какъ теперь, не было ни хуже, ни подлѣе.

Что нужно дѣлать?

Наши выборные Атаманы, несомнѣнно, сообща дѣлаютъ все возможное для приближенія часа нашего возвращенія на Родину... Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе принятыхъ и принимаемыхъ рѣшеній. Но есть задачи, о которыхъ можно и нужно сказать:

1. Продолженіе дѣла объединенія казачьихъ хуторовъ и станицъ въ Казачій Союзъ.

2. Изысканіе средствъ помощи казакамъ инвалидамъ.

3. Устройство Правленіемъ Союза Бюро Труда для пріисканія работы по спеціальности казакамъ и казачкамъ въ странахъ разсѣянія.

4. Печатная борьба съ ложью совѣтской коммунистической прессы.

Послѣдняя задача мнѣ представляется исключительно важной. Цѣлесообразно поддержать инициативу Е. В. Саблина объ организаціи обще-эмигрантскаго бюро противокоммунистической пропаганды.

В. В. КОРОЧЕНЦЕВЪ,

ген. шт. полковникъ, казакъ Донского Войска, Членъ Правленія Казачьяго Союза.

Оцѣнить сильныя и слабыя стороны казачества, сдѣлать попытку къ опредѣленію его будущности возможно — только разобравшись въ его историческомъ прошломъ.

Не имѣя возможности, хотя бы кратко, просмотрѣть исторію всѣхъ казачьихъ Войскъ, достаточно выяснить историческій ходъ развитія основы всего степного и части кавказскаго казачества, — Войска Донского.

Вся его мощь, его сила, давшая ему возможность, на протяженіи всей исторіи, включая послѣдній актъ, разыгравшійся въ наши дни, не только съ честью выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній, но и никогда не забывать, «кто они и откуда есть», — въ самой сущности казачества — въ его происхожденіи прежде всего.

Не обольщая себя мечтами о непрерывности связи съ какимъ-то славянскимъ племенемъ, обособившимся въ Азовской области, не будемъ и умалять своего достоинства старой сказкой о происхожденіи отъ московскихъ отбросовъ; достаточно вспомнить — когда, по какимъ причинамъ и кто шелъ на Донъ. (Періодъ княжескій, междоусобица Іоанна Грозного, безправіе времени Петра Великаго, гоненіе на старообрядцевъ и громадный періодъ крѣпостного права). Шло все, что не хотѣло рабства, что хотѣло сохранить свою вѣру, свои обычаи и получить право на свободное существованіе. Если вспомнить, что въ годы самыхъ тяжелыхъ испытаній казачество неизмѣнно оказывалось самымъ стой-

кимъ организмомъ по всей необъятной Руси, то придется придти къ неизбѣжному выводу, что люди, изъ которыхъ онъ образовался, имѣли особо крѣпкіе нравственные устои и врожденное стремленіе къ сохраненію права и порядка.

Въ то время, когда на послѣдній страшный экзаменъ Россія выслала рѣдкихъ одиночекъ, образовавшихъ относительно слабую Добровольческую Армію, казачество возстало въ цѣломъ, — какъ народъ.

Обосновавшись въ низовьяхъ Дона, будучи отдѣленнымъ отъ непосредственнаго вліянія Москвы почти непроходимымъ Дикимъ полемъ, казачество не одичало, не ушло въ себя, а, создавъ вольную общину, основанную на самыхъ широкихъ началахъ народоправства, гдѣ принципы свободы, равенства и братства были проведены въ самомъ благородномъ смыслѣ («нѣтъ у насъ ни первыхъ, ни вторыхъ казаковъ, а кто сегодня казакъ — завтра Атаманъ», — отвѣчали казаки послу царя Алексѣя Михайловича), — оно сознавало себя плотью отъ плоти и кровью отъ крови своей Матери Россіи.

Въ этомъ благородномъ чувствѣ своего происхожденія сказывалось все величіе души казачьей и его духовной мощи. Не вражда за то, что пришлось когда то уйти, не чувство неблагодарности, а сознаніе необходимости помогать ей, ибо Россія не Іоаннъ и не Петръ, нѣтъ ни Іоанна, ни Петра, но есть Россія и есть казачество.

Не было ни одного момента въ исторіи Россіи, когда казачество не играло бы въ главныхъ ея этапахъ выдающейся роли. Завоеваніе Сибири (необходимо помнить, что въ этомъ походѣ инициатива принадлежала исключительно Ермаку, а отнюдь не Строгоновымъ, какъ это принято думать). [1]). Избраніе на царство Михаила Феодоровича, Азовское сидѣніе, борьба съ крымскими, а затѣмъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, съ кубанскими татарами, Отечественная война.

Походы въ Финляндію, походъ въ Восточную Пруссію, покореніе Кавказа, война съ Турціей. Это все въ исторіи Россіи. Казаки выросли на высокомъ пониманіи своихъ сыновнихъ обязанностей къ Матери, часто относившейся къ нимъ, какъ къ пасынкамъ. Преданность Россіи у казаче-

---

[1]) Проф. Миллеръ. Трудъ, составленный по матеріаламъ, собраннымъ Академіей Наукъ.

ства была ясно понимаемой, разумной, благородной, но не безграничной. Тамъ, гдѣ вопросъ касался чести и славы казачьей или казачьихъ вольностей, пріобрѣтенныхъ кровью и закрѣпленныхъ московскими государями, — была граница преданности... Послѣ безпримѣрнаго Азовскаго сидѣнія голодные, полуголые рыцари бойцы отвѣчаютъ царю Алексѣю Михайловичу на предложеніе принять присягу:

«Мы рады служить государю и (по смыслу событій — «но») безъ крестнаго цѣлованія». — Рыцарское пониманіе боевой славы и чести и неразрывно съ нимъ связанное религіозное сознаніе были одними изъ важнѣйшихъ факторовъ духовной силы и спайки казачьей общины. Въ послѣдній день Азовскаго сидѣнія оставшіеся въ живыхъ бойцы, идя на вѣрную смерть, на послѣдній бой, клялись выполнить свой долгъ, «чтобы помнить намъ Престолъ Іоанна Предтечи и нашей славы Казачьей и Чести Атаманской не потерять». Вмѣстѣ съ высокимъ пониманіемъ долга и чести, связано благородное свойство безкорыстія. Если казаки «ходили за зипунами»», такъ каждому должно быть извѣстно, что это было хожденіе «подъ турка или подъ татарина», борьбу съ которыми казачество считало для себя священной и, что взято съ бою, то не граблено, — такъ было, есть и будетъ. Но только то, что взято съ бою. Когда во время Азовскаго сидѣнія у казаковъ была возможность обогатиться, сдавъ крѣпость безъ боя, они съ презрѣніемъ отвергаютъ предложеніе, марающее ихъ честь, хотя были голы и босы и необходимостью сохраненія крѣпости никому не обязаны. («Собою не торгуемъ, а понадобится золото — возьмемъ его сами»).

Всѣ эти высокія качества, — преданность Россіи, безграничная любовь къ своему краю, рыцарское пониманіе долга, чести, благородное стремленіе къ славѣ, религіозность и безкорыстіе — опредѣлили силу духа казачества, на основѣ которой оно сформировалось въ опредѣленную сущность крѣпко спаянной, дисциплинированной, способной къ творчеству и подвигу бытовой группы. Бытъ казачества, какъ результатъ его происхожденія, географическаго расположенія и условій развитія, оставаясь чисто русскимъ, былъ болѣе крѣпокъ своею патріархальностью, сохранившейся до послѣднихъ дней. Подчиненность старшимъ, какъ сознательная необходимость; высокое почитаніе старшаго въ семьѣ, будь то мужчина или женщина, воспитаніе моло-

дежи въ духѣ преданности Россіи и Дону, взглядъ на службу въ войскахъ, какъ на безусловную необходимость. («Мы послужили Государю, теперь и твой чередъ служить», говоритъ отецъ сыну словами наиболѣе популярной пѣсни). Наконецъ, военная жизнь казака, отрывая его отъ родного края, не погружала, какъ русскаго солдата, въ среду чужихъ людей съ нерусской организаціей (солдатъ, корнетъ, эскадронъ и т. д.), не заставляла его надѣвать чужеземную одежду, хотя бы и красивую. Казачество на службѣ сумѣло сохранить все свое, русское, казачье: и русскій кафтанъ, казачій мундиръ, и прическу въ кружокъ, а не по нѣмецки, и свои понятныя наименованія: сотня, сотникъ, хорунжій.

Насколько сильно врожденное въ казакѣ чувство военнаго духа, доказываетъ то, что, придя домой, онъ сохраняетъ, бережетъ свою форму, надѣвая ее во всѣхъ торжесвенныхъ случаяхъ, тогда какъ тамбовецъ или курскій, прежде всего, старается забыть и ментикъ и шпоры, которыхъ никогда не понималъ, и одѣть «спинжакъ съ жилеткой». Даже сейчасъ, въ періодъ мрака и запустѣнія, когда, казалось, все задушено и не время думать объ одеждѣ, — казачество добилось возможности носить красный околышъ и лампасы, а безъ лампасъ, безъ околыша, да безъ лихого чуба — какой онъ казакъ, — такъ онъ и думаетъ; а восходя отъ этой кажущейся мелочи, отъ этого краснаго лампаса, мы пройдемъ черезъ всю исторію казачества къ его возникновенію.

Къ слабымъ сторонамъ казачества относится его не всегда одинаковая солидарность въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ. Исторія указываетъ на большой расколъ между казаками въ періодъ Ермака. (Это послужило причиной ухода Ермака съ Дона. Въ воспоминаніе этого событія центръ казачества того времени назвали «Раздоры»).[2]) Разладъ между казаками въ періодъ возстанія Кондратія Булавина и совершенно аналогичный при Атаманѣ Калединѣ. Но — и на солнцѣ пятна.

Эти печальныя явленія искупались. Одурманенное, уставшее отъ войны казачество отвернулось, правда, отъ своего Атамана, (кто безгрѣшенъ во всей необъятной Руси — первый брось камень). Не надо забывать, что цвѣтъ бывшей русской арміи, офицерство съ генеральнымъ штабомъ, въ громадномъ большинствѣ осталось на службѣ у больше-

---

[2]) Ст. Раздорская на Дону и верхніе Раздоры.

виковъ. Нельзя за это обливать грязью казачество. Часть его ушла въ степной и кубанскій походы, а все остальное, черезъ два мѣсяца угара, возстало какъ одинъ человѣкъ. Возстало отъ себя самого, безъ всякой агитаціи сверху. Въ центрѣ возстанія, подъ Новочеркасскомъ, въ періодъ появленія мысли и принятія рѣшенія идти противъ красныхъ, не было ни одного офицера. Возсталъ самъ народъ. Это было искупленіемъ.

Будущее казачества въ могущественной, сильной, свободной Россіи, которая пойметъ и оцѣнитъ по достоинству своего вѣрнаго сына и дастъ ему возможность у себя дома жить такъ, какъ онъ считаетъ себя въ правѣ, пріобрѣтенномъ кровью.

В. С. КРЮКОВЪ,
членъ Донск. Войск. Круга.
Журналистъ.

Въ русской конницѣ существовало выраженіе: «чувство стремени», обозначавшее необходимость для сомкнутости коннаго строя чувствовать сосѣдей стременемъ. Въ «конномъ» быту казачества это фигуральное выраженіе углубляется до психологическаго смысла.

***

Въ необъятныхъ просторахъ «Дикаго Поля» собирались могучіе тѣломъ и духомъ, гонимые, измученные въ непрерывной борьбѣ за существованіе, съ противникомъ и суровою природою, русскіе люди. Безкрайніе просторы степей порождали въ нихъ чувство вольности и удали, а сильный врагъ кругомъ ковалъ ихъ въ одно цѣлое, крѣпкое, то упорное въ сопротивляемости, то хитрое и рѣзвое въ измышленіяхъ живучести.

Въ глухую ночь осенней непогоды, въ кровавой схваткѣ на жизнь и смерть, подъ страшнымъ натискомъ могучаго врага, у горсти первыхъ казаковъ инстинктомъ породилось чувство стремени. Оно спасло начало казачества, запечатлѣвъ навѣкъ его рожденіе.

**
*

Изнеможденная, стонала Русь предъ близостью чужого ига двунадесяти языкъ. Жертвенно ринулось братское казачество по зову своего Атамана Платова, спасая честь и славу Родины. Слезами радости и счастья встрѣтилъ главнокомандующій Кутузовъ во-время подоспѣвшіе стройные, но пестрые полки дѣдовъ и малолѣтокъ казаковъ въ тѣ роковые дни... Въ ихъ сомкнутыхъ веревочныхъ стременахъ сказалось то же спасательное чувство — чувство стремени.

**
*

Подъ игомъ коммунизма окровавленное лицо страдающей Россіи изнемогало, умирая. И снова крикъ сполоха въ степныхъ просторахъ собираетъ полки удалыхъ казаковъ и сильныхъ духомъ. Завѣты старины казачьей о вольности и чести иароматъ степи былой, нетронутой насильемъ, даютъ здѣсь чудо воскресенья. И снова здѣсь сказалось чувство мощи.

**
*

Прошли еще года. Еще смѣнились формы. Но то, что родилось въ глухую ночь осенней непогоды у нашихъ праотцевъ подъ натискомъ врага, — безсмертно и понынѣ.

Въ разсѣяніи нашемъ мы неизмѣнно спаяны все тѣмъ же чувствомъ, и съ близостью разсвѣта увидятъ снова всѣ живучесть нашего степного чувства — чувства стремени!

П. Н. КУДИНОВЪ,
руководитель возстанія донцевъ
въ Верхне - Донскомъ округѣ,
въ тылу у большевиковъ.

Бытіе казачества на протяженіи ряда вѣковъ, количество каковыхъ ни однимъ мудрымъ историкомъ въ точности не установлено, покрыто тайной; новѣйшее историческое творчество (какъ-то — г. Сватикова), также не доказываетъ времени возникновенія Донского казачества съ его обособленнымъ укладомъ, имѣющимъ рѣзкій контрастъ съ

бытомъ русскаго крестьянства. Творчество г. Сватикова разсматриваетъ казачество въ вассальномъ и служиломъ періодахъ его жизни, на протяженіи 375 лѣтъ, подтверждая оное сохранившимися документами. А раньше!

Нѣтъ, господа други и недруги, на страницахъ трудовъ историковъ, здравствующихъ нынѣ, и историковъ, отошедшихъ въ иной міръ, ощущается какая то пустота, недоговоренность, во мракѣ которой витаетъ духъ древности, духъ бытія, духъ еще не разъясненной загадки о времени происхожденія сей обособленной народности — казачества. Отъ ряда вѣковыхъ жизненныхъ потрясеній у обитателей, входящихъ въ предѣлы всея Руси, перепуталась историческая послѣдовательность, оборвались цѣнныя нити, или безслѣдно исчезли подъ развалинами пожара разрушеній, нашествій народовъ. Большинство мудрыхъ и сильныхъ склонны утверждать, что корень происхожденія казаковъ (Донскихъ) идетъ отъ рабовъ, бѣжавшихъ изъ подъ ига бояръ отъ Московскаго самодержавія, но ничуть не отъ особой народности, не сохранившей о себѣ слѣдовъ — актовъ былого. Это невѣрно! Бѣгство русскихъ рабовъ въ степи вольности и свободы, гдѣ уже обитали Донскіе казаки, фактъ неоспоримый, но это не даетъ права положительно утверждать, что вотъ, молъ, по мѣрѣ накопленія силъ непокорныхъ рабовъ, отъ нихъ и создалось В. В. Донское. Это ложь! Не вѣрьте, братья казаки, боярской провокаціи! Убили тѣло, но жива душа, лишь когда убьютъ душу, погибнетъ тѣло. Если бы это было подлинно такъ, какъ говорятъ уста царской исторіи, такъ почему же на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ бытія казачества не произошло полнаго обрусенія и не восприняты общія традиціи и укладъ жизни духовной, политической и административной? Всѣ бѣглые изъ Руси, осѣвшіе на Дону, и доселѣ сохранили свою прирожденную особенную рельефность жизни, въ отличіе отъ жизни казаковъ, и этого рѣзкаго контраста не могли изгладить ни время, ни насилія, ни ложь историковъ. Всѣ усердные хлопоты новѣйшихъ самодержцевъ вырвать изъ души казачества корни, питающіе отрасли, остались тщетны.

Страшная рука самодержавія мертвой хваткой схватила за горло казачество, показывая оное всему міру и своему подданному народу въ минимальной миніатюрѣ спиной, да еще въ унижающемъ склоненіи (казачки»), но подлинныя лицо и величина казака, его священныя традиціи жизни,

задыхались въ обломкахъ пожаровъ и разрушенiй, прикрытыя лицемѣрными грамотами и придавленныя Петровскими клейнодами и булавой.

Стоило только внимательно прислушаться къ народнымъ пѣснямъ, мотивамъ, къ разсказамъ преданiй, которые совершенно чужды для крестьянина, живущаго на Дону съ давнихъ временъ: сiе есть неоспоримое доказательство возникновенiя казачества съ отдаленныхъ временъ, какъ особой народности, но никакъ не отъ бѣлыхъ рабовъ. Г. Быкадоровъ, пожалуй, правъ, упоминая въ журналѣ «Вольное казачество» про чиговъ и казаковъ, чѣмъ напомнилъ кличку казачью: «Чига востропузая, зеленыя кишки», — такъ дразнили казаковъ иногороднiе. Я далеко не историкъ, матерiаловъ древности не имѣю, но рѣшительно не согласенъ съ объясненiемъ историковъ о происхожденiи Донскихъ казаковъ.

Какъ же расцѣнивается казаками и ихъ соотечественниками неказаками прошлое казачества? Казаки, находящiеся за рубежомъ, съ именемъ казака на устахъ уйдутъ въ иной мiръ, но ни въ коемъ случаѣ не воспримутъ умышленнаго толкованiя о родословiи бѣглецовъ. Не только казаки, имѣющiе знанiя объ историческихъ сказанiяхъ, но и не знающiе «аза», не согласятся дать вѣры писцамъ исторiи, что происхожденiе казаковъ, какъ особой народности, есть свидѣтельство ложное. Этотъ свободолюбивый народъ (казачество), имѣя врожденныя чувства милосердiя, состраданiя, инстинктъ къ равенству и братству, живя на вольномъ Дону, добывалъ свободу не только для себя, но и для русскаго народа, находившагося тогда подъ рабствомъ жестокой несправедливости. Ту мечту, которую имѣетъ казачья душа, можетъ похоронить только процессъ вымиранiя, если своевременно не будутъ приняты мѣры. «Яко-же обрящемъ землю, гдѣ покоятся тѣла благороднѣйшихъ предковъ». Казаки, какъ встарь, теперь и въ будущемъ должны мыслить себя казаками и казаками подлинными, на началахъ братства и гражданскаго равенства, а не тѣми казаками царскими, что

За землю царскую рабовъ
На плаху гнали казаковъ.
Подачки щедрыя гребли
И городки казачьи жгли.
Работать землю не велѣть,

А только порохъ царскій ѣсть.
Ловить звѣрей да рыбу въ морѣ
(И такъ далѣе, въ такомъ же родѣ).

Какъ расцѣниваютъ прошлое и настоящее казачества наши соотечественники — неказаки? Та система расцѣнки до настоящихъ временъ не измѣнилась. Нашимъ соотечественникамъ, жившимъ въ минувшихъ столѣтіяхъ, было повѣдано царями, что народъ, обитающій на югѣ, именующійся «Донскіе казаки», есть бродячая орда разбойниковъ, которыхъ нужно «ловити, приводити въ Москву и казнити». И вотъ, это мудрое ученіе, воплотившееся въ кровь и плоть боярскихъ дѣтокъ и крестьянъ, остается въ томъ же видѣ и до настоящихъ дней; всякая же попытка разубѣдить этого дорогого соотечественника въ провокаціи едва ли приведетъ къ желаннымъ результатамъ. Что это клевета и несправедливость по отношенію къ казачеству — скорѣе признаетъ красный комиссаръ, чѣмъ бѣлый генералъ. Говоря простымъ языкомъ, для зарубежныхъ русскихъ помѣщиковъ казачество терпимо столько же, сколько большевики. Безъ почитанія чина и рода, казаки отобрали огромнѣйшіе участки земли, не принадлежащіе барину.

По историческимъ даннымъ, казачество было сильно до XVII столѣтія. Метрополія всегда чувствовала себя безсильной вступать въ вооруженный поединокъ съ казаками. Но лукавыя подачки, ласки Донскимъ Атаманамъ и старшинамъ возымѣли свое дѣйствіе, и эти атаманы и старшины, прельстившись щедрымъ царскимъ даромъ, измѣнили Кругу, завѣтамъ предковъ и повергли Донскую Республику къ царскимъ ногамъ, пронзивъ голову Республики Петровскимъ коломъ. [1]).

Какъ казаки, такъ и наши соотечественники, русскіе люди, должны искренне признать то, что вооруженное движеніе Степана Разина, Емельяна Пугачева и Кондратія Булавина не есть выступленіе удальцовъ разбойниковъ, а процессъ революціоннаго явленія, стремящагося къ сверженію самодержавія и къ освобожденію русскаго народа изъ подъ рабства крѣпостной зависимости; царскіе атаманы измѣнили революціонному знамени, предавъ вождей съ Дона въ руки московскихъ палачей. Съ Дону выдачи нѣтъ! Такъ по ка-

---

[1]) На острый колъ Петра надѣта казачья голова. — **Авторъ.**

кому же международному праву атаманы Донской республики выдали политическихъ преступниковъ для казни въ Москву? Такъ было прежде, такъ случилось и въ 1918 году. Послѣ многихъ лѣтъ погребенія, воскресла казачья мечта, а эта мечта: Войсковой Кругъ съ всенародно выборными Атаманами. Съ казачьей искренностью, какъ глава власти, А. М. Калединъ и его помощникъ М. П. Богаевскій, открыли Кругъ, зашумѣлъ майданъ по старому обычаю, но не надолго. Судьба измѣнила, и благородные вожди, мученически положивши душу за други своя, отошли въ исторію вѣчныхъ воспоминаній и молитвъ. Нѣкоторые изъ Атамановъ, пришедшихъ на смѣну павшихъ жертвой, какъ, напримѣръ, П. Н. Красновъ, къ глубокому сожалѣнію, далеко не выполнили завѣтовъ предковъ; политическая игра въ партіи и группировки, слюнявое нытье по старому блаженству, боязнь потерять царскую милость, выгибаніе передъ царскими сенаторами, «Всевеликій» народный избранникъ казачества, за ширмой провозглашенной свободы всея Руси и Донского казачества, нерѣшительно топтался, роняя капли горькихъ слезъ на почву безплодную. Торопливо вооружался свободой, а сражался самодержавіемъ, неприкосновенностью помѣщичьей присвоенной собственности, поркой и ограбленіемъ крестьянъ и казаковъ, а въ награду за сіе: изъ земли родной бѣжалъ въ край чужой.

Итакъ, сильныхъ сторонъ казачества ни изъ фактовъ исторіи, ни изъ личнаго наблюденія въ революціонныхъ событіяхъ я не вижу. Во всемъ жизненномъ процессѣ казачьго бытія — расколы, предательства, рабскіе поклоны передъ боярами и др. унизительныя явленія.

Какова же будущность казачества? На полученіе подобной преміи рисковать опасно: гаданіе пользы не принесетъ. Я, какъ казакъ, желаю казакамъ за рубежомъ быть въ искреннемъ братскомъ единеніи, отъ воспитанія царскихъ бредней перейти къ усвоенію истинныхъ фактовъ происхожденія казаковъ и ихъ неотъемлемому праву на самостоятельное существованіе въ совокупности, или вѣрнѣе, входящихъ въ составъ Демократической Федеративной Россійской Республики. Я абсолютно противъ униженія и разграбленія Россіи, но рѣшительно несогласенъ съ тѣмъ, что казачество не можетъ существовать самостоятельно, въ отдѣльности отъ Россіи, какъ это пишетъ В. А. Харламовъ. Можетъ! Какъ существуетъ всякое маленькое государство, на-

примѣръ, Болгарія. Казачество, какъ самостоятельное государство, можетъ существовать такъ же, какъ и раньше при самодержавіи, но можетъ жить далеко лучше. Разумѣется, помышлять объ отдѣленіи отъ Россіи можетъ быть и грѣхъ, но по обстоятельствамъ времени, можетъ быть, отъ упорной невозможности придется согласиться съ фактомъ неожиданности. Въ истекшемъ 1927 году большевики отпраздновали десятилѣтіе своего царствованія и, Богъ знаетъ, сколько времени придется еще ожидать сего Провидѣнія, чтобы открылись ворота родины. Можетъ, это случится завтра, а, можетъ быть, никогда. Если не удастся войти въ центральныя ворота недѣлимости, такъ развѣ преступленіе, когда мы найдемъ доступный входъ съ краю? Хныкать о недѣлимости, копать чужую руду, уголь, умирать смертью шахтера въ подземной пропасти, скитаться подъ зноемъ пустынной Африки, несовременно. Къ чему мнѣ эта недѣлимая, когда тамъ царствуютъ подлецы, и эмигрантамъ входъ строго воспрещенъ! Тамъ, въ родномъ краю, наша родина; тамъ родныя семьи; тамъ почернѣвшія хижины; тамъ родное кладбище съ надписью надгробныхъ памятниковъ. Тамъ намъ быть и не тогда, когда челюсти перекривятся, рѣчь ослабнетъ, зрѣніе померкнетъ, а сейчасъ, о чемъ казачеству вообще и народамъ Кавказа необходимо подумать, а не принюхиваться къ запаху и не прислушиваться къ реву высшихъ монархическихъ совѣтовъ. Имъ хорошо посвистывать и пѣть, когда рублики есть!

***

Въ 12-ый день февраля 1928 года пускай имена мучениковъ Дона, Кубани, Терека, Урала и Оренбурга, положившихъ животъ свой во имя Россіи и казачества, дополнятъ число мучениковъ за имя Христово, скрытыхъ подъ престоломъ Божіимъ и чающихъ возмездія разбойникамъ. Царство горнее да будемъ имъ вѣчнымъ обиталищемъ, гдѣ не жаждаютъ, не алкаютъ, а пьютъ воду живую.

Низкій поклонъ творю праху мучениковъ.

Болгарія, гара Александрово.

С. МАКѢЕВЪ,
полковникъ,
казакъ Кубанскаго Войска.

Какова судьба казачества въ будущей Новой Россіи? Такъ часто приходится слышать этотъ вопросъ среди казаковъ зарубежныхъ, и еще чаще читаешь въ письмахъ съ Родины тѣ-же думы, тѣ-же мысли...

Сохранится ли казачество въ будущей Россіи и какую роль оно сыграетъ въ строительствѣ новаго государства?

Уцѣлѣютъ ли политическія вольности казачества, къ которымъ оно вернулось послѣ Великой Февральской революціи и не навяжутъ ли казачеству одну лишь одіозную привилегію: «служить вѣчно, — на всемъ своемъ»?

На эти назойливые вопросы ищутъ рѣшенія всѣ казаки безъ исключенія, и, вспоминая историческое прошлое, невольно углубляются въ будущее.

Но можно ли предвидѣть будущее во всей его широтѣ, и не рано ли говорить объ этомъ, когда Россія еще стонетъ подъ гнетомъ III-го интернаціонала и обезкровленный Русскій народъ томится въ застѣнкахъ...

Мнѣ думается, что на каждый изъ этихъ вопросовъ можно отвѣтить вполнѣ утвердительно и говорить объ этомъ ничуть не рано, ибо что ни день, то ближе къ возвращенію на Родину.

Въ нѣсколькихъ словахъ я постараюсь нарисовать будущее казачества такъ, какъ оно рисуется въ моихъ мысляхъ — неразрывно связанное съ матерью Россіей.

Недалекъ часъ, когда рухнутъ тяжелыя цѣпи, сковавшія Русскій народъ, и утопическія идеи Маркса-Ленина, разорившія великое государство, отойдутъ въ область преданій, оставивъ о себѣ лишь печальную память на страницахъ міровой исторіи.

Освобожденный Русскій народъ съ горячей любовью къ Родинѣ возьмется за устройство новой государственной жизни.

Крѣпкій и прочный фундаментъ, заложенный Февральской революціей на бѣломъ камнѣ: «свобода, равенство и братство», выростетъ въ грандіозное сооруженіе, украшенное трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ. Двуглавый орелъ — безъ короны — расправитъ свои могучія крылья, взовьется подъ облака и гордо заявитъ всему свѣту, что «воскресла Россія, — свободная, великая и сильная!».

Черезъ нѣсколько лѣтъ русское государство займетъ надлежащее ему мѣсто среди сильныхъ европейскихъ державъ и, при общемъ стремленіи къ миру, залѣчить свои раны, соберетъ казну, возстановитъ поруганные храмы, откроетъ школы и выведетъ «сѣвернаго медвѣдя» изъ того тупика невѣжества, въ которомъ пребывалъ онъ сотни лѣтъ...

Россія воскреснетъ!

Въ это нужно вѣрить и этой надеждой необходимо жить. И воскреснетъ Россія — не старая, царская, закрѣпощенная, — а новая, демократическая, республиканская, съ широкой свободой и политической, и гражданской, и религіозной.

Такой я мыслю будущую Новую Россію.

А если это такъ, то не есть ли прямой отвѣтъ на вопросъ: «уцѣлѣютъ ли политическія вольности казачества въ будущей Россіи» и сохранится ли казачество?

Демократическое государство не посмѣетъ посягнуть на права широкой автономіи казачьихъ областей — права, которыя вернулись казачеству въ 1917 году.

Войсковые выборные Атаманы, краевые парламенты, мѣстные законодательные органы, — эту жизненную артерію, безъ которой казачьи области существовать не могутъ, — никто и никогда не посмѣетъ отнять.

Казачество, какъ таковое, безусловно сохранится и какъ отдѣльная каста, сословіе, если хотите, даже нація, умереть не можетъ. Наоборотъ, свѣтлое будущее, могучее, великое ждетъ впереди, и въ исторіи казачества наступитъ небывалый расцвѣтъ.

Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и управленіемъ лучшихъ мужей, молодыя поколѣнія казачества воспитаются на вѣковыхъ историческихъ традиціяхъ, на завѣтахъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, на любви къ своимъ вольнымъ станицамъ, на убаюкивающей казачью колыбель родной пѣснѣ и музыкѣ, на любви къ простору и свободѣ.

Вся эта правдивая истина о казакахъ, прятавшаяся подъ спудъ въ былой Россіи и скрывавшаяся въ пыльныхъ архивахъ, выплыветъ наружу и будетъ служить цѣннымъ воспитательнымъ матеріаломъ.

При наличіи неисчерпаемыхъ богатствъ въ своихъ краяхъ, казачество быстро окрѣпнетъ, вновь пріобрѣтетъ экономическую мощь и часть своихъ богатствъ выброситъ не

только на внутренній россійскій рынокъ, чтобы помочь крестьянину и рабочему въ его острыхъ нуждахъ, но и на международный, — дабы поднять русское государство на должную высоту и увеличить золотую казну.

Въ экономическомъ отношеніи казачество окажетъ колоссальныя услуги и сдѣлается однимъ изъ главныхъ строителей новой русской государственности.

Не менѣе важная услуга казачества будетъ и въ военномъ дѣлѣ.

Пусть многіе говорятъ, что съ развитіемъ военной техники казачество, какъ рыцарскій орденъ, какъ лихіе наѣздники, какъ отважные рубаки, потеряютъ ту славу и первостепенное значеніе въ арміи, которыя принадлежали имъ до сего времени. Возможно, что и такъ, но въ этомъ не нужно усматривать гибель казачества и не нужно забывать, что и на стальныхъ чудовищахъ, на стальныхъ коняхъ необходимы воины мужественные, храбрые, смѣлые. Ни одна чудовищная машина не обойдется безъ живой воли.

Казаки и здѣсь будутъ стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Были случаи въ Великую войну, когда казаки, мѣняя коня на аэропланъ, творили не меньшія чудеса въ побѣдѣ надъ врагомъ. А въ гражданскую войну — не только на бронепоѣздахъ, бронеавтомобиляхъ и въ танкахъ сидѣли казаки, но и флотъ весь состоялъ изъ казаковъ.

Вотъ такъ я мыслю будущее казачества, будущее автономныхъ государственныхъ самообразованій — въ Новой Россіи.

И нужно думать, что по примѣру свободолюбивыхъ рыцарей, займутся оказачиваніемъ и русскаго мужика на благо великаго государства.

С. В. МАРАКУЕВЪ,
инженеръ, Директоръ Русскаго
Кооперативнаго Института въ Прагѣ.

Русская революція, какъ и французская, совершилась во имя однихъ и тѣхъ же цѣлей, — низверженія «тирановъ», во имя народоправства, свободы, равенства, братства. Во Франціи «тиранъ» Людовикъ XVI казненъ, а «неподкупный» Робеспьеръ со своими единомышленниками десятками ты-

сячъ убійствъ укрѣпилъ братство и равенство французскаго народа. «Тиранъ» Николай II звѣрски убитъ со всей своей семьею, а Ленинъ, Бронштейнъ, Дзержинскій, Сталинъ осуществили въ Россіи народоправство, равенство и братство. Мы знаемъ, какъ это сдѣлано. Всегда прекрасныя слова и гнусныя дѣянія...

Казаки въ древній періодъ своей исторіи имѣли народоправство, но не имѣли ни «равенства», ни «братства». Были у нихъ старшины и рядовые казаки, богатые и бѣдные, домовитые и голутвенные. Равенство и братство были въ основѣ ихъ общественнаго устройства въ такой же мѣрѣ, какъ и у прочихъ народовъ во всѣ времена, но не болѣе.

Народоправство въ прошломъ казачества было своеобразно. Казачій Кругъ напоминалъ Новгородское вѣче. Но, въ отличье отъ древняго Новгорода, Донъ умѣлъ сочетать права отдѣльныхъ лицъ съ дисциплиной, подчиненіемъ избранному Кругомъ Атаману. Атаманъ обладалъ дѣйствительной и полной властью.

Народоправство 1918 года приняло формы современнаго европейскаго парламентаризма, видоизмѣненнаго сообразно фантазіямъ творцовъ казачьей конституціи. Власть избраннаго Атамана ограничена Кругомъ; воля Круга направлялась лицами и группами. Въ Европѣ воля народа узурпирована политическими партіями; гражданамъ предоставляется въ нѣсколько лѣтъ одинъ разъ подать листокъ бумаги, на которомъ написаны имена лицъ, рекомендованныхъ партійнымъ комитетомъ. Но все же европейскія политическія партіи въ своей дѣятельности стѣснены программами; Донской Войсковой Кругъ партій не имѣлъ, а дѣла вершились такъ, какъ угодно было руководящимъ группамъ...

Будущее казачества не въ попыткахъ скопировать отмирающія формы европейскаго парламентаризма, который у народовъ Европы встрѣчаетъ все болѣе суровое осужденіе. Сила казачества въ его бытѣ, въ традиціяхъ, сохраненныхъ въ теченіе вѣковъ, въ любви къ своему краю, къ его природѣ, къ землѣ и труду надъ нею, въ дѣдовскихъ обычаяхъ:

За свои поля родныя,
За могилы стариковъ,
За напѣвы боевые, —
Умереть казакъ готовъ.

Если этотъ бытъ, традиціи, обычаи сохранятся, Казачество будетъ жить вмѣстѣ съ Россіей, какъ одна изъ важнѣйшихъ составныхъ ея частей, какъ край своеобразный и самобытный. Будущее Правительство возрожденной Россіи должно всѣми мѣрами способствовать тому, чтобы сохранились всѣ особенности казачьихъ краевъ, тотъ укладъ жизни, который вѣками слагался въ степныхъ просторахъ Дона, Кубани, Терека, Волги и Урала.

А. П. МАРКОВЪ,
профессоръ,
казакъ Донского Войска.

Мнѣ пришлось наблюдать за казачествомъ со стороны, такъ какъ по условіямъ своей работы я жилъ внѣ своего родного края (Донской области).

Сохранится ли въ будущемъ въ Россіи казачество? Мнѣ кажется, что оно сохранится, хотя, вѣроятно, утеряетъ нѣкоторыя черты своего военнаго быта въ силу просто того, что на военномъ бытѣ неизбѣжно отразятся хозяйственныя измѣненія въ краѣ.

Эти же измѣненія неизбѣжно должны произойти. Въ краѣ экстенсивное сельское хозяйство должно постепенно принимать интенсивныя формы, должна развиваться промышленность, которая захватитъ и часть казачества, тѣмъ болѣе, что разрушительная политика большевиковъ несомнѣнно содѣйствуетъ пролетаризаціи казачества.

Ядромъ храненія казачьихъ традицій останется населеніе станицъ, занятое сельскимъ хозяйствомъ.

Хотѣлось бы, чтобы особенности казачьяго быта по возможности сохранились бы. Ихъ храненіе воспитываетъ особенную привязанность къ родинѣ, исключительную къ ней любовь, создаетъ здоровое національное чувство. Въ казачествѣ это чувство было наиболѣе здоровымъ и надо его сохранить, такъ какъ ничто такъ не нужно Россіи, какъ здоровый патріотизмъ.

Казаковъ я считаю наиболѣе приспособленнымъ населеніемъ Россіи къ проведенію принциповъ демократіи, демократіи здоровой, гдѣ есть пониманіе не только права, но и отвѣтственности, — права не только участвовать въ управленіи, но и подчиняться и сохранять необходимую дисциплину.

Широкіе круги русскаго общества, къ сожалѣнію, мало знаютъ о законодательствѣ Донского Круга (пишу именно о немъ, такъ какъ это законодательство мнѣ наиболѣе извѣстно), а между тѣмъ въ немъ гораздо больше государственной мудрости, чѣмъ, скажемъ, въ законодательствѣ Временнаго Правительства. Хотѣлось бы, чтобы эта область дѣятельности Круга получила должное освѣщеніе.

У казаковъ не было земства. Но я считаю, что къ самоуправленію казачество чрезвычайно приспособлено. Весь укладъ жизни казачества складывался на почвѣ взаимодѣйствія. Традиціи въ казачествѣ глубоко-демократическія, что въ особенности ярко сказывается въ старомъ военномъ строѣ казачества, создавшемъ близость офицеровъ къ казачьей служилой массѣ.

Надо сожалѣть о томъ, что теперь среди казачества существуетъ такая политическая разноголосица. Мнѣ думается, что корни ея надо отнести къ моменту далекому — до ухода изъ родныхъ краевъ.

Теперь, какъ будто бы, передъ казаками одна цѣль — борьба съ большевизмомъ. Единство цѣли обязываетъ къ объединенію и силъ. Намъ, казакамъ, легче сговориться, такъ какъ у насъ нѣтъ различія въ политическихъ настроеніяхъ, по крайней мѣрѣ, такого глубокаго, какъ это наблюдается у другихъ.

Условіемъ и платформой для такого объединенія могла бы быть наша конституція.

Самостійныя явленія въ казачествѣ я считаю явленіями болѣзненными, породившимися на почвѣ нѣкотораго отчаянія, а также благодаря тому, что въ казачествѣ — его руководящихъ кругахъ — нѣтъ должнаго единства и нѣтъ должной энергіи въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Н. М. МЕЛЬНИКОВЪ,

Предсѣдатель Казачьяго Союза, бывш. Предсѣдатель Южно - Русскаго Правительства и Предсѣдатель Донского Правительства.

Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слухъ — «это звучитъ гордо». Вѣдь, это — тѣ самые, которые изъ Россіи большой сдѣлали Россію Великую, расши-

ривъ ея границы, присоединивъ къ ней необъятныя пространства Дона, Кубани, Терека, Кавказа, Урала, Сибири, Дальняго Востока.

И не только присоединили, но и колонизировали, удержали, вросли корнями, закрѣпили прочно и навсегда.

Былинные богатыри (недаромъ народъ называлъ Илью Муромца казакомъ), зорко охранявшіе границу, тамъ же, снявъ доспѣхи, превращались въ столь же могучаго Микулу Селяниновича, и во время пахоты всегда готоваго къ отпору.

Вдумчивый дипломатъ китаецъ, которому, очевидно, со стороны и издали, съ высоты Великой Китайской стѣны, было виднѣе, чѣмъ стоявшему вблизи согражданину общероссійскому, кратко и выразительно сдѣлалъ выводъ изъ своихъ наблюденій надъ жизнью сосѣда: «границы Россіи лежатъ на арчакѣ казачьяго сѣдла».

Когда же казакъ дошелъ до береговъ Тихаго океана и увидалъ, что дальше на вѣрномъ конѣ не уѣдешь, сроднившійся съ конемъ не задумался его покинуть: оставивъ своего друга на попеченіе коноводовъ, казакъ пересѣлъ въ каюки, добрался до береговъ Сѣверной Америки и присоединилъ къ Россіи Аляску.

Единственная изъ присоединенныхъ казаками земель, на которой не оставили казака поселиться и обосноваться Войскомъ, — единственная изъ нихъ и ушла она отъ Русскаго государства...

Казаки... Тѣ самые, что въ 1613 году такъ мощно помогли Россіи окончить смуту, а черезъ два вѣка послѣ этого, въ 1812 году, сами, безъ приказа правительства, по зову своего Вихря-Атамана М. И. Платова, поголовно ополчились на Дону и неожиданно, въ самый критическій моментъ, въ числѣ 30.000 воиновъ, явились на помощь Кутузову, заплакавшему при видѣ ихъ отъ радости. Это они тогда, имѣя въ одномъ и томъ же полку представителей трехъ поколѣній, — дѣда, сына его и внука, — по безпристрастному свидѣтельству противника — наполеоновскаго генерала Морана — «сдѣлали для спасенія Россіи больше, чѣмъ вся ея армія». Именно имъ далъ тогда лестную оцѣнку поверженный врагъ, Наполеонъ, величайшій изъ полководцевъ міра: «если бы у меня были казаки, я завоевалъ бы съ ними весь міръ». Я привожу оцѣнки иностранцевъ, памятуя, что «въ своемъ отечествѣ пророки не признаются». Со стороны, не-

сомнѣнно, виднѣе, — и когда побѣдившіе союзники были въ Парижѣ, въ Лондонѣ явилось желаніе изъ всѣхъ побѣдителей пригласить въ Англію и чествовать тамъ именно Вихря-Атамана, гр. М. И. Платова, какъ передъ этимъ чествовали, спеціально доставленнаго въ Лондонъ изъ Гамбурга, рядового Донского казака сѣдобородаго дѣда Александра Землянухина.

Всѣ безъ исключенія войны, которыя когда-либо вела Россія, начиная съ Куликовской битвы въ 1380 году, когда, по преданію, донскіе казаки Сиротинскаго городка поднесли кн. Дмитрію Донскому передъ боемъ чтимую икону Божіей Матери, продолжая покореніемъ Казани и Астрахани, походами Суворова, такъ любившаго казаковъ и всегда ѣздившаго на дончакѣ въ сопровожденіи донца-вѣстового, и кончая Великой войной, въ которой приняло участіе до 300.000 казаковъ всѣхъ 12 Казачьихъ Войскъ, — отмѣчены высокими подвигами казачества.

Славному прошлому, естественно, соотвѣтствовало и героическое настоящее; это служитъ залогомъ, что будетъ свѣтлымъ и будущее, ибо оно опредѣляется былымъ и настоящимъ.

Вся суровая обстановка далекаго прошлаго и непрерывная борьба съ «басурманами» требовали храбрости, силы, иниціативы, энергіи, взаимной выручки, организаціи и дисциплины. Люди свободные, никогда не знавшіе крѣпостного права и имъ не исковерканные, въ этихъ условіяхъ жизни и воспитанія пріобрѣли тѣ качества гражданина, которыя отличаютъ казака: чувство собственнаго достоинства, любовь къ свободѣ, способность и рѣшимость обнажить шашку на защиту своихъ правъ, уваженіе къ законности и порядку, умѣніе добровольно подчиниться избраннымъ вождямъ, способность организовываться и организованно дѣйствовать. Самый строй жизни Войска въ прежнее время — народоправство въ своеобразныхъ формахъ, исключавшихъ тѣ недочеты демократіи, о которыхъ такъ много говорится въ послѣднее время, — и весь укладъ станичной жизни — все это создавало почву, на которой лишь искуственными мѣрами (путемъ давленія извнѣ и приказа свыше) можно было насадить соціальное неравенство, и которая позволила казаку сохранить до конца психологію свободнаго человѣка. Эта психологія, передававшаяся изъ рода въ родъ, всасываемая съ молокомъ матери, и казачьи навыки къ самоуправленію сдѣлали то, что, когда въ Россіи грянула рево-

люція, казачество, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, очутившись между молотомъ и наковальней, послѣ неизбѣжныхъ въ такой обстановкѣ колебаній, все-же нашло себя и вступило на свой историческій путь, пустивъ въ ходъ на защиту своихъ правъ оружіе и сумѣвъ сочетать свободу съ порядкомъ. А условія были, дѣйствительно, неблагопріятны: съ одной стороны, усталость главнаго ядра казачьихъ силъ отъ черезчуръ затянувшейся войны и естественное — столь человѣческое — стремленіе отдохнуть душой и тѣломъ въ кругу своей семьи послѣ многихъ лѣтъ разлуки, въ теченіе которыхъ смерть такъ часто на поляхъ битвъ глядѣла въ глаза, съ другой, — неистовая разлагающая и смущающая пропаганда въ фронтовыхъ казачьихъ частяхъ и лицемѣрныя, съ наигранной страстностью, убѣжденія агитаторовъ въ солдатской шинели не идти противъ «своихъ же братьевъ-солдатъ, съ которыми въ окопахъ дѣлили последній сухарь»; съ третьей — звѣриная злоба, которую фронтовики-казаки наблюдали на фронтѣ весной и лѣтомъ 1917 г. по отношенію къ себѣ, какъ къ «опричникамъ» и «нагаечникамъ», со стороны солдатни за то, что Временное Правительство и его главное командованіе именно на казаковъ, какъ на наиболѣе стойкихъ, крѣпкихъ и не знавшихъ въ своихъ частяхъ дезертирства, возложило задачу удержать неказачьи полки отъ развала и задерживать въ ближайшемъ тылу сбѣгавшихъ массами дезертировъ. Около ста казачьихъ полковъ и отдѣльныхъ сотенъ были заняты этимъ дѣломъ, и казаки чувствовали и видѣли эту злобу и ненависть къ себѣ.

Такова ужъ участь государственниковъ: къ нимъ, дисциплинированнымъ и сильнымъ организаціей, обращается каждая власть. Демократы и соціалисты враждебно относились къ казакамъ раньше и ругали ихъ «опричниками» и «палачами», когда казаки исполняли приказы царя, и само же правительство демократа кн. Г. Е. Львова, а затѣмъ и соціалиста А. Ф. Керенскаго обратилось къ тѣмъ же казакамъ весной и лѣтомъ 1917 года на фронтѣ и 3-5 іюля въ Петроградѣ съ тѣмъ же приказомъ — пустить въ ходъ противъ бунтующей толпы и революціонныхъ организацій не только ту же нагайку, но и винтовку. И казаки исполнили приказъ министра-соціалиста, какъ государственники и люди порядка, ибо приказъ этотъ исходилъ отъ носителей верховной власти, признанной тогда большинствомъ наро-

да, какъ раньше исходилъ отъ носителя той же власти — царя.

И вскорѣ послѣ этихъ выступленій въ цѣльной до тѣхъ поръ казачьей психологіи стали показываться замѣтныя трещины. Смутилась душа казака. Онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: въ чемъ же дѣло? Исполнялъ приказъ царя, ограждая отъ потрясеній все государство, и въ отвѣтъ слышалъ изступленную брань: «нагаечникъ», «опричникъ»; исполнилъ приказъ революціонной демократической власти, спасая ту же Россію отъ разрушителей, и опять изъ уличной толпы несется вслѣдъ все тотъ-же дикій вопль и ругань... А дальше еще большій надломъ: торжественно похоронили убитыхъ 3 іюля большевиками казаковъ, а черезъ короткое время казаки увидали на свободѣ тѣхъ, въ кого правительство приказывало имъ стрѣлять, какъ во враговъ родины; арестованные главари были выпущены тѣмъ же правительствомъ и открыто громили казаковъ повсюду, называя ихъ палачами и опричниками. Какъ же должны были чувствовать себя казаки, съ оружіемъ въ рукахъ выступающіе въ дни свободы противъ тѣхъ, кто, оказывается, за свои дѣянія не подлежалъ даже простому аресту? Заколебались первый и четвертый Донскіе полки, спасшіе положеніе въ Петроградѣ въ іюльскіе дни, и стали поддаваться разлагающей пропагандѣ. Смущало ихъ и то, что не было на сторонѣ Временнаго Правительства полковъ неказачьихъ. «Комитеты» стали брать верхъ, вліяніе командного состава пошло на-нѣтъ, и полки, дотолѣ крѣпкіе, покатились по наклонной плоскости. Дошла объ этомъ вѣсть и на Донъ. Попутно выяснилось, что военныя власти Петрограда не удосужились до августа привести полки къ присягѣ Врем. Правительству, а теперь, послѣ всего пережитого, казаки отъ присяги стали отказываться.

Разсердился Войсковой Атаманъ и отдалъ приказъ арестовать въ Петроградѣ бунтарей и немедленно доставить къ нему на Донъ. Маленькая черточка, но она характерна для казачьей организаціи: въ какой неказачьей части тогдашняго революціоннаго Петроградскаго гарнизона могъ быть осуществленъ такой приказъ въ іюлѣ-августѣ 1917 года? — Цѣлая группа казаковъ-комитетчиковъ (сколько въ ней было офицеровъ — не припомню, но одного — сотника Попова — хорошо помню и лично знаю; возможно, что онъ былъ одинъ, а остальные — казаки и урядники) была доставле-

на въ Новочеркасскъ и сидѣла подъ арестомъ въ ожиданіи открытія засѣданій Войскового Круга. Я хорошо помню этотъ моментъ, ибо былъ тогда Предсѣдателемъ Войскового Круга и, слѣдовательно, предсѣдателемъ своеобразнаго судилища. Сумрачные, понуривъ головы, стояли казаки передъ Кругомъ. М. П. Богаевскій выступилъ съ горячей рѣчью на тему о казачьихъ традиціяхъ, а затѣмъ заговорилъ А. М. Калединъ: кратко и сжато, какъ всегда, обрисовалъ поведеніе обвиняемыхъ въ послѣднее время въ Петроградѣ, позорящее Тихій Донъ, и предложилъ Кругу рѣшить, могутъ ли такія лица считаться казаками.

Пламенная рѣчь Донского Златоуста, негодующія слова разгнѣваннаго Атамана и сильная — простая, но очень стильная — укоряющая рѣчь одного сѣдобородаго дѣда-депутата, простого станичника, вся обстановка Войскового Круга, перспектива быть исключенными изъ казачества и опозорить весь свой родъ — все это потрясло казаковъ: они упали передъ Кругомъ на колѣни и, сильно взволнованные, со слезами просили «отцовъ» простить имъ ихъ заблужденія, давая клятву на дѣлѣ загладить вину передъ Войскомъ. Войсковой Кругъ простилъ — и А. М. Калединъ немедленно освободилъ ихъ. Первому и четвертому полку Кругомъ и Атаманомъ было приказано немедленно принести Вр. Правительству присягу. Я не могъ, конечно, прослѣдить, какъ вели себя въ дальнѣйшемъ эти казаки (думаю, что по-казачьи, ибо такія переживанія не проходятъ даромъ), объ офицерѣ же доподлинно знаю, что въ январѣ 1918 г. онъ стоялъ во главѣ небольшого, но крѣпкаго, извѣстнаго противобольшевицкаго партизанскаго отряда — «имени Степана Разина», — и со всѣмъ своимъ отрядомъ былъ захваченъ большевиками послѣ смерти А. М. Каледина, попавъ въ февралѣ 1918 г. въ засаду около станицы Морозовской.

Положеніе съ 1-мъ и 4-мъ полками было, въ извѣстной мѣрѣ, исправлено, но дальнѣйшія событія снова все испортили — въ отношеніи всего казачества вообще. Общегосударственная того времени власть фатально дѣлала, кажется, все, чтобы оттолкнуть отъ себя единственную свою реальную опору. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа, перепуганное выступленіемъ ген. Корнилова, Вр. Правительство, безъ всякихъ основаній, руководствуясь лишь появив-

шейся въ нѣкоторыхъ газетахъ провокаціонной телеграммой (якобы, отправленной Донскимъ Атаманомъ А. М. Калединымъ на имя Вр. Правительства), не провѣривъ правильности сообщенія, не взирая даже на то, что само Вр. Правительство, (которому, якобы, была адресована депеша), такой телеграммы не получало, не запросивъ самого Атамана и Донское Правительство, не запросивъ даже своего собственнаго Областного Комиссара М. С. Воронкова, спокойно сидѣвшаго въ Новочеркасскѣ, гдѣ якобы Калединъ поднялъ «мятежъ», — Вр. Правительство объявило Донского Атамана измѣнникомъ, предало суду, отрѣшило отъ должности, на которую Атаманъ былъ избранъ Донскимъ парламентомъ — Кругомъ, и предписало гарнизону г. Царицына арестовать Донского Атамана на Донской землѣ, а когда это не удалось — предложило Атаману явиться для дачи объясненій въ Могилевъ. Въ то же время цѣлыхъ два военныхъ округа — Московскій и Казанскій — были мобилизованы противъ Дона и около нѣкоторыхъ городовъ (напримѣръ, у Пензы) стали рыть «для защиты отъ казаковъ» окопы. И все это — противъ лойяльнѣйшаго Атамана, который, ничего не зная и не подозрѣвая о всѣхъ этихъ грозныхъ приказахъ изъ Петрограда и Москвы (отъ полк. Верховскаго), дѣлалъ свой первый Атаманскій объѣздъ сѣверныхъ станицъ Дона, бесѣдуя съ казаками о предстоящихъ выборахъ въ Учредительное Собраніе; противъ А. М. Каледина, который, вмѣстѣ съ Войсковымъ Кругомъ, послалъ въ іюнѣ Вр. Правительству телеграмму такого содержанія: «Донской Войсковой Казачій Кругъ признаетъ Временное Коалиціонное Правительство единственной властью въ странѣ и выражаетъ увѣренность, что Вр. Правительство закрѣпитъ добытую свободу, доведетъ страну до Учредительнаго Собранія и оградитъ ее отъ анархіи и разрухи», и, затѣмъ, получивъ свѣдѣнія о планахъ большевиковъ, тогда же, въ іюнѣ, телеграфировалъ кн. Г. Е. Львову (пославъ копію телеграммы военному министру А. Ф. Керенскому): «Донской Войсковой Кругъ, признавая Коалиціонное Правительство единственной властью въ странѣ, привѣтствуетъ Правительство со вступленіемъ на путь активныхъ мѣръ для спасенія родины, ея чести и достоинства. Въ борьбѣ съ братаніемъ и дезертирствомъ, неповиновеніемъ частей, въ борьбѣ съ анархіей, разрухой, во имя спасенія свободы и самой родины, Донскіе казаки горячо

стремятся оказать Правительству всемѣрное содѣйствіе. Захвата власти одною частью населенія Донцы не признаютъ».

(Нелишне, кстати, отмѣтить тутъ, что и послѣ всего вышеизложеннаго, А. М. Калединъ и Донское Правительство въ концѣ октября, когда большевики свергли Вр. Правительство, телеграммами безуспѣшно розыскивали Вр. Правительство, предлагая ему собраться на Дону и, опираясь на казачество, именемъ Вр. Правительства начать отсюда борьбу съ коммунистами).

Общероссійская власть вступила въ борьбу съ тѣми, кто могъ быть для нея единственной опорой. Донъ, конечно, своего Атамана тогда не выдалъ, самъ судилъ его, сложившаго полномочія, и, единогласно на Кругѣ оправдавъ, возстановилъ въ должности, запретивъ А. М. Каледину (онъ на поѣздкѣ, въ силу лойяльности къ общероссійской власти — настаивалъ) поѣздку въ Могилевъ, гдѣ его — еще въ пути — ждала вѣрная смерть отъ рукъ разнузданной вооруженной солдатчины.

Но, вѣдь, такъ думалъ и такъ дѣйствовалъ Калединъ — человѣкъ высокой культуры и государственникъ чистой воды, — а какъ всѣ эти событія и акты центральной власти должны были преломляться въ головахъ рядовой казачьей массы, которая искренно вступила на тотъ путь, куда звало ее все прошлое вольнаго казачества, которая приняла февральскую революцію, ибо она вернула казачьи вольности — Войсковой Кругъ и выборнаго изъ казаковъ Атамана?

Революція перевернула мозги даже интеллигенціи, и мы знаемъ, какъ много вдругъ оказалось на Руси въ мартовскіе дни «соціалистовъ», получившихъ и кличку «мартовскихъ». Затуманились головы рядового казачества... Съ недоумѣніемъ оглядывались кругомъ казаки: въ чемъ дѣло? Стали на стражѣ свободы и новыхъ порядковъ — и опять называютъ «нагаечниками»; выбрали себѣ Атамана въ своемъ парламентѣ, созванномъ на началахъ прямого, равнаго и тайнаго голосованія всѣхъ казаковъ и казачекъ — его отрѣшаютъ отъ должности въ административномъ порядкѣ, безъ суда и слѣдствія; искренно, отъ души, болѣя за родину, предложили всяческую помощь Вр. Правительству — и получили мобилизацію противъ Дона двухъ военныхъ округовъ... Приверженцы свободы кричали о необходимости борьбы съ захватчиками власти, а когда казаки у себя дома вступили съ большевиками въ вооруженную

борьбу и, естественно, на время борьбы, на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, объявили военное положеніе, тѣ же демократы и соціалисты, сидѣвшіе въ Городскихъ Думахъ Ростова, Новочеркасска и др. городовъ, подняли страшный крикъ, называя Атамана и Донское Правительство за это контръ-революціонерами и требуя отмѣны военнаго положенія...

Все это падало на почву, подготовленную усталостью послѣ войны и желаніемъ отдохнуть въ своихъ семьяхъ, и когда Вр. Правительство объявило Каледина контръ-революціонеромъ, нѣкоторые казаки-фронтовики этому повѣрили и стали агитировать среди своихъ... Махнули рукой на все казаки и разошлись по домамъ, оставивъ Атамана и Донъ безъ защиты... Не могли они въ ноябрѣ 1917 г. отозваться и въ Петроградѣ на призывъ Н. В. Чайковскаго и Н. Д. Авксентьева (сѣтующаго на это въ періодической печати), ибо — помимо сказывавшихся, все же, результатовъ агитаціи и нежеланія вмѣшиваться въ дѣло, ставшее для нихъ непонятнымъ послѣ освобожденія большевиковъ въ іюлѣ, преслѣдованія казака ген. Корнилова и вооруженія красной гвардіи — казаки видѣли въ нихъ политическихъ друзей тѣхъ, кто объявилъ мобилизацію противъ Дона и безъ суда и слѣдствія отрѣшилъ перваго выборнаго Атамана.

Да, заболѣлъ тогда, въ этомъ бедламѣ, и казакъ, и много глупостей и зла надѣлалъ онъ въ бреду. Въ теченіе этого періода болѣзни погибли покинутые казачествомъ А. М. Калединъ, М. П. Богаевскій, А. М. Назаровъ и многіе другіе большіе и славные и вмѣсто нихъ всплыли на поверхность Голубовъ, Мироновъ, Автономовъ, Кривошлыковъ и прочіе безславные. Обнаружились тогда и язвы казачьи, но о нихъ мы будемъ говорить тогда, когда — если судьба повернется къ намъ лицомъ — мы будемъ на родинѣ, гдѣ явится и возможность приступить къ общей работѣ, направленной и на исправленіе этихъ минусовъ. На чужбинѣ о нихъ говорить не имѣетъ смысла.

Да, заболѣлъ тогда и казакъ, но въ оправданіе его нужно сказать, что заболѣлъ онъ значительно позже остального населенія Россіи и насколько же раньше его выздоровѣлъ: уже въ мартѣ 1918 г. весь Донъ пылалъ въ огнѣ возстанія. Казакъ полностью искупилъ краткій періодъ слабости. На всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи одни

только казачьи края такъ мало болѣли и такъ скоро выздоровѣли. Только здѣсь, въ казачьихъ краяхъ, поднялись не отдѣльныя лица, не верхушки и «буржуи», а весь народъ, простой рядовой землеробъ, и все населеніе — отъ дѣда до внука — приняло участіе въ борьбѣ за право жить такъ, какъ хочетъ самъ народъ, а не та или иная партія.

Прошлые навыки и врожденная психологія свободнаго человѣка сказались. Крѣпки здравымъ разумомъ казаки, горячо любятъ они свои родные края, укладъ своеобразной казачьей жизни и свои вольности и умѣютъ на защиту ихъ поднять оружіе. Привыкшіе къ самоуправленію, казаки и въ это тяжелое время, при самыхъ неблагопріятныхъ для творчества условіяхъ, въ огнѣ непрерывной гражданской войны, подъ градомъ пуль, создали у себя устойчивый государственный порядокъ, продержавшійся во все время борьбы. На всю Россію только здѣсь, въ казачьихъ краяхъ, дѣйствовалъ въ это время правильно избранный парламентъ — Кругъ и Рада. (Правда, былъ онъ еще въ Грузіи, но Грузія держалась лишь до тѣхъ поръ, пока съ сѣвера — отъ холоднаго большевицкаго вѣтра — она была прикрыта надежной казачьей силой, а сняли эту шубу — и маленькая страна, поставленная въ тѣ же условія, въ какихъ бились казаки, очутившись лицомъ къ лицу съ вооруженнымъ врагомъ, не могла оказать серьезнаго сопротивленія).

Прославленное въ прошломъ, казачество выдержало экзаменъ на зрѣлость и въ наше время. Оно блестяще доказало свою жизнеспособность, свою устойчивость, свое право на свободную жизнь. Даже здѣсь, уйдя въ изгнаніе, на чужбинѣ, оно всюду и на всѣхъ поприщахъ зарекомендовало себя съ самой лучшей стороны. Казаки ушли съ родины организованно, со своими Выборными Атаманами, и, цѣня традиціи и организацію, казачья масса (отщепенцы не въ счетъ, ибо они исключеніе), крѣпко держится около выборныхъ своихъ вождей. Посмотрите и на родину: несмотря на разстрѣлы, ссылки и высылки, на разореніе и невыносимый гнетъ, обезкровленное до послѣдней степени, казачество все же уцѣлѣло, какъ казачество. Тамъ упразднили было самое слово казакъ въ примѣненіи къ казакамъ (передавъ это наименованіе киргизамъ и назвавъ ихъ столицу Казакстаномъ), а вотъ понадобилось въ день десятилѣтняго юбилея сов. власти поразить чѣмъ-либо воображеніе гостей-иностранцевъ, и большевики не придумали ничего

лучшаго, какъ вызвать изъ Сѣверо-Кавказскаго Края въ Москву полкъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ казаковъ, и заставили его два раза — утромъ и вечеромъ — карьеромъ промчаться мимо трибунъ подъ проливнымъ дождемъ по мокрой мостовой. Упразднители казачества хвалились передъ иностранцами (и тѣ, дѣйствительно, были въ восторгѣ отъ лихости)... казаками, прикрытыми именемъ сѣверо-кавказцевъ...

Нѣкоторые думаютъ, что казачество исчезнетъ уже потому, что при современномъ развитіи техники военнаго дѣла роль конницы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ падать. Прежде всего, ошибочно разсматривать казаковъ только, какъ воиновъ, и, притомъ — только, какъ конниковъ.

Не говоря уже о томъ, что Россія имѣетъ на колоссальное количество верстъ границу съ такими странами, какъ Китай, Афганистанъ, Персія и Турція, гдѣ едва ли можно разсчитывать на быстрое развитіе техническихъ средствъ и гдѣ еще на цѣлые вѣка конницѣ хватитъ дѣла, мы знаемъ, что отличные конники-донцы были всегда и отличными артиллеристами, кубанцы непревзойденными пѣхотинцами-пластунами, а казаки всѣхъ казачьихъ Войскъ дали и прекрасныхъ авіаторовъ и бойцовъ на бронепоѣздахъ и въ различныхъ техническихъ частяхъ, причемъ, сойдя съ коня, они отъ этого отнюдь не перестали быть казаками, какъ не переставали ими быть ихъ предки, появлявшіеся на лодкахъ подъ стѣнами Константинополя и въ другихъ портахъ Чернаго моря, или современники наши, дальне-восточные казаки, удачно превращавшіеся въ мореплавателей для присоединенія Аляски. Нужно будетъ, потребуетъ жизнь, казакъ ко всему приспособится и не потеряетъ при этомъ своего казачьяго лица. Сущность казачества не въ лампасѣ и не въ чубѣ (есть казачьи Войска, и не носящіе лампаса и чубовъ), хотя и это все дорого казаку, — и не въ «образѣ служенія», — а в казачьемъ духѣ, традиціяхъ и навыкахъ, въ казачьей психологіи свободнаго человѣка, независимомъ характерѣ и чувствѣ собственнаго достоинства, въ безграничной любви казака къ родному краю, въ его широкой терпимости, въ его предпріимчивости, умѣніи защищать свои права — вообще, прежде всего, во внутреннихъ качествахъ казака. Качества эти не только не отжили свой вѣкъ, не только не можетъ быть и рѣчи о сдачѣ ихъ въ

архивъ, а — наоборотъ: вся Россія, если она хочетъ стать снова Великой и не потерять своего значенія великой державы въ дальнѣйшемъ, должна — въ лучшемъ смыслѣ — оказачиться, т. е. проникнуться казачьимъ духомъ и провести въ жизнь казачьи порядки. Если бы по всей Россіи вмѣсто «губерній» были «казачьи края» или «области» и въ нихъ оказаченное во всѣхъ смыслахъ населеніе, — оно, вѣдь, въ 1918 году поднялось бы противъ большевиковъ такъ же, — т. е. всѣмъ народомъ, — какъ поднялись казаки на Дону, Кубани, Терекѣ, Уралѣ, въ Оренбургѣ и Астрахани, въ Сибири, Семирѣчьи, на Енисеѣ, въ Забайкальи, на Амурѣ и Уссури, — и торжество большевизма было бы просто немыслимо. Нельзя забывать, что поднялись абсолютно всѣ Казачьи Войска, хотя многія изъ нихъ, раздѣленныя громадными пространствами, не имѣли въ это время никакой связи между собой.

Укладъ казачьей жизни, политическій и соціальный строй, въ которомъ казачество жило три-четыре вѣка назадъ, не только не является чѣмъ-то архаическимъ, а, напротивъ, представляется мнѣ формой общежитія, къ которой слѣдуетъ стремиться. Я говорю, конечно, о сущности, а не о подробностяхъ, многія изъ которыхъ вызывались просто условіями того времени. Формы должны быть усовершенствованы въ духѣ времени, сущность же остаться. Равенство и братство при казачьемъ народоправствѣ значились не на бумагѣ и не на словахъ, а были воплощены въ сердцахъ и въ самой жизни.

Возвратъ къ прежнимъ истокамъ не всегда означаетъ регрессъ, какъ и новыя теченія далеко не всегда равнозначущи съ прогрессомъ: стоитъ только вспомнить о коммунизмѣ.

Не мѣсто здѣсь заниматься подробными изслѣдованіями о происхожденіи казачества, но трудно и не коснуться вкратцѣ этого вопроса. Для меня несомнѣнно, что казачество представляетъ собою сплавъ изъ крови и плоти очень многихъ народовъ. Вѣдь, когда зарождалось и развивалось на Дикомъ Полѣ казачество, русская женщина въ значительномъ числѣ проникнуть туда, по условіямъ всей обстановки, не могла — и вся женская половина казачества комплектовалась тогда изъ полонянокъ: турчанокъ, татарокъ, черкешенокъ, персіянокъ, калмычекъ и пр. Да и мужская половина составилась изъ представителей самыхъ разнообраз-

ныхъ народностей. Языкъ, вѣра, культура вообще, показываютъ, что русскій элементъ составлялъ здѣсь, во всякомъ случаѣ, очень значительную группу, ибо только одной большей культурностью этой части было бы трудно объяснить тотъ фактъ, что побѣда осталась именно за русской культурой. Уходившіе въ Дикое Поле энергичные и свободолюбивые русскіе люди, не мирившіеся съ общимъ безправіемъ, своеволіемъ воеводъ, произволомъ и крѣпостнымъ рабствомъ, граждане Господина Великаго Новгорода, Вятки и Пскова, не пожелавшіе покориться царю послѣ разгрома сѣверныхъ республикъ, какъ и вольница присоединеннаго къ Москвѣ Рязанскаго княжества, а иногда и просто люди, имѣвшіе разнаго рода счеты съ властью, всѣ они, уходя въ Дикое Поле, шли, надо думать, не въ пустое пространство, а къ кому-то вольному и гостепріимному, кто уже жилъ на Дону и слухи о комъ, несомнѣнно, раньше доходили вглубь Руси и привлекали ищущихъ воли. Изъ кого образовалось это первоначальное ядро, исторія не даетъ намъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Было ли въ основѣ славянское племя бродниковъ или какіе-нибудь инородцы, объ этомъ теперь можно только гадать, несомнѣнно же одно, что къ этому ядру все время непрерывно присоединялись новые разнородные элементы. Несомнѣнно, большую роль играли татары, на что указываетъ и имя перваго изъ упоминаемыхъ исторіей казачьихъ атамановъ: Сары-Азманъ; объ этомъ же говоритъ и обиліе среди казаковъ такихъ фамилій, какъ Татаркинъ, Татариновъ, Татаровъ, Узденевъ, Дундуковъ, Мамаевъ, Юсуповъ, Урусовъ, Мурзинъ, Ногаевъ, Нагайцевъ и др. Въ составѣ Черкасска была и «станица Татарская», со своей мечетью. Цѣлый рядъ другихъ фамилій даетъ указаніе на происхожденіе ихъ родоначальниковъ: Грузиновы, Черкесовы, Туркины, Турченковы, Турчаниновы, Калмыковы, Поляковы, Польшинскіе, Яновы, Персіановы, Грековы, Кореловы, Литовкины, Цыганковы, Сербиновы, Черкасовы, Черкашенины, Хохлачевы и т. д.

Россія дала казачеству богатую свою культуру (и казачество не зарыло полученный «талантъ» въ землю), а нерусская кровь влила въ казачество много своихъ особенностей.

Каково бы ни было начало и происхожденіе казачества, но послѣдующіе вѣка жизни въ составѣ Россіи дали уже громадный притокъ чисто русской крови и настолько пере-

плели во всѣхъ отношеніяхъ пути Россіи и казачества, что говорить объ ихъ раздѣльномъ, совершенно независимомъ другъ отъ друга, существованіи теперь не приходится. — Судьбы ихъ стали неразрывны. Воскреснетъ Россія, возродится и казачество.

Несмотря на весь гнетъ коммунистовъ, казачья идея не можетъ быть разрушена, хотя бы большевики царствовали и не одинъ десятокъ лѣтъ. Со времени упраздненія Петромъ Великимъ Войскового Круга и до возстановленія Круга въ 1917 году прошло около 200 лѣтъ и, однако, событія показали, что казачій огонекъ никогда не угасалъ и искорка два столѣтія тлѣла подъ пепломъ, разгорѣвшись яркимъ пламенемъ при первомъ дуновеніи свѣжаго вѣтерка. Казалось, что за это долгое время казачество уже забыло о своемъ вольномъ прошломъ, многіе уже думали, что Войсковой кругъ — парадъ, выносъ регалій и Войсковая хлѣбъ-соль, а не казачій парламентъ и вольности казачьи, но тѣ донцы, которые были членами Донского Казачьяго Съѣзда въ апрѣлѣ 1917 года и присутствовали затѣмъ 26-го мая при открытіи Войскового Круга, имѣли случай воочію убѣдиться въ живучести казачьихъ идей. Можно ли допустить, что онѣ умрутъ теперь?!. Это совершенно немыслимо. Ихъ можно придушить, но не умертвить, тѣмъ болѣе, что все казачество во время кровавой борьбы за свои идеалы и за свободу Россіи только что пережило героическій періодъ, котораго нельзя вычеркнуть изъ памяти народной. Наши военачальники помнятъ, какъ казаки отдавали на фронтѣ свои жизни подъ звуки Донского гимна. Кромѣ того, казачество только что продѣлало самостоятельно опытъ жизни по своему казачьему укладу — это тоже не забывается. Долгіе годы, проведенные въ эмиграціи, не только не стерли въ памяти это недавнее прошлое, но еще болѣе углубили казачье чувство. То, что иногда, въ годы борьбы, переживалось поверхностно, теперь осознано, и подъ казачьи настроенія подведенъ идеологическій фундаментъ. Нельзя забывать также, что въ эмиграціи казачество имѣетъ свыше тысячи студенческой молодежи, живо интересующейся казачьими вопросами.

Несмотря ни на что, казачество воскреснетъ и будущая жизнь его будетъ строиться на историческомъ казачьемъ фундаментѣ; оно пойдетъ по своей казачьей дорогѣ, держа путь по вѣхамъ, поставленнымъ А. М. Калединымъ и М. П.

Богаевскимъ: Свободное Казачество въ составѣ Свободной Россіи.

Два препятствія стоятъ на его пути: одно внѣшнее — власть большевиковъ; другое внутреннее — взаимоотношенія съ крестьянствомъ, съ иногородними внутри казачьихъ краевъ. Первое можетъ быть сметено только борьбой, второе должно быть урегулировано соглашеніемъ. Будетъ ли оно достигнуто путемъ принятія кореннаго крестьянства въ казачество или установленія «паритетнаго» правительства, переселится ли крестьянство, при содѣйствіи государства, на новыя земли или само казачество уйдетъ колонизировать новые края вдоль государственной границы (оба эти выхода мало вѣроятны), разрѣшится ли этотъ вопросъ путемъ выдѣленія территоріи, гдѣ особенно густы крестьянскія поселенія, въ особыя административныя единицы, а остальныя, вкрапленныя въ чисто казачьи земли, займутъ въ Войскѣ положеніе какъ бы «національныхъ меньшинствъ» или будутъ найдены какіе-то другіе пути — покажетъ будущее, но этотъ, существенный для всего дальнѣйшаго бытія казачества, вопросъ настойчиво требуетъ своего разрѣшенія.

Надъ остальнымъ казачеству особенно ломать голову не придется: свою жизнь оно построитъ по-казачьему, поставивъ во главу угла Войсковой Кругъ и выборнаго Атамана, и въ эту свою жизнь оно никому не позволитъ мѣшаться. Для достиженія казачьихъ цѣлей необходимо сверженіе большевиковъ, нужна твердость и мощь, а для этого нужно, прежде всего, единство — и въ Войскахъ, и между Войсками.

Я глубоко вѣрю въ казачество и въ его будущее.

К. В. МОРГУНОВЪ,
полковникъ, казакъ Донск. Войска.

Неоспоримо, что присоединеніе къ территоріи Государства Россійскаго необъятныхъ пространствъ на окраинахъ и ихъ закрѣпленіе было совершено казаками.

Неоспоримо и то, что безконечныя войны, которыя, почти на протяженіи 300 лѣтъ, вели казачьи «семьи», выра-

ботавъ у казаковъ лихость, сметку и взаимную выручку, — одновременно выковали и своеобразный, здоровый укладъ жизни въ Областяхъ.

Мечты о возстановленіи прежней жизни съ ея здоровыми началами — живы и тамъ, въ порабощенныхъ красной нечистью Областяхъ, и здѣсь, среди зарубежнаго казачества...

Какъ тамъ, такъ и здѣсь, казаки «изстрадались» по порядку и знаютъ, что воевать за него съ совѣтской властью будутъ.

Однако, необходимо помнить слова Великаго Петра, что: «промедленіе времени — смерти невозвратной подобно» и что неумолимое время стираетъ все.

Ф. И. ОВЧАРЕНКО,
Войсковой Контролеръ Терскаго
Казачьяго Войска

Пока среди казачества Ю. В. Россіи не существовало розни между казаками и неказаками, до тѣхъ поръ оно стояло крѣпко и держалось своихъ устоевъ и обычаевъ. Никакія бури, налетавшія на Россію, не сломили самобытности казаковъ. И все это потому, что каждый казакъ, отъ самаго старшаго по возрасту и званію, до самаго младшаго, понималъ, что нужно защищать отечество, каковымъ у него числилась Россія. Затѣмъ свою родную землю, потомъ свои пожитки и семью и только тогда уже свою жизнь. Прошли вѣка. Потянуло новыми идеями. Идеями соціализма. Казакъ сталъ воспринимать идеи соціализма и болѣе заботиться о своей жизни. Вѣдь, только забота о своей жизни заставила казака кончить борьбу съ большевиками и потому стать рабомъ 3-го интернаціонала. Очень скоро казакъ понялъ, что жизнь его въ глазахъ поработителей абсолютно ничего не стоитъ. 3-ій интернаціоналъ уничтожилъ гораздо болѣе казаковъ всѣхъ возрастовъ, чѣмъ погибло за время Великой и гражданской войнъ вмѣстѣ взятыхъ (въ бояхъ непосредственно). И, если бы казакъ не столь легко отказался отъ своихъ вождей и пожелалъ бы всею массою вести борьбу, то еще большой вопросъ, могла ли бы «масса сѣвера» его сломить. Нужно же помнить, что съ

сѣвера шло на казачество не все населеніе, а только очень ничтожная часть. Вѣдь бывали примѣры въ исторіи казачества, когда даже отдѣльныя станицы отражали нападенія несмѣтнаго врага и даже побѣждали? Бывали. Почему? Да потому, что тогда казакъ не думалъ о себѣ, не впадалъ въ уныніе, а боролся до конца.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы число казаковъ, погибшихъ уже послѣ покоренія преступниками казачьихъ краевъ, отнести на счетъ погибшихъ въ сраженіяхъ, то врядъ ли 3-му интернаціоналу удалось бы покорить казачество.

Въ казачествѣ соціализму абсолютно не мѣсто, — онъ не ко двору казака. Скажутъ: община. Думается, что ни въ одномъ казачьемъ Войскѣ не найдется ни одного казака, за исключеніемъ пьяницъ, отбросовъ и служащихъ за плату въ соціалистическихъ учрежденіяхъ, которые бы не тяготились этой общиной. Она у нихъ сидитъ тяжелымъ камнемъ на затылкѣ. Ее надо сбросить разъ и навсегда. Это первый тормазъ къ экономическому, а затѣмъ и къ культурному развитію казака. Правительство въ своихъ видахъ держало общину среди казаковъ, потому что «общество отвѣчало за исправный выходъ казака на службу», — это во-первыхъ, и, во-вторыхъ, — оно просто боялось казачества. Боялось его, съ точки зрѣнія правительства, бунтарскаго характера.

Какъ въ Россіи огромный процентъ крестьянскаго населенія пошелъ за большевиками, соблазненный раздѣломъ всѣхъ земель между крестьянствомъ, такъ, несомнѣнно, и большая часть казачества, ушедшая за большевиками, также мечтала объ отобраніи всѣхъ земель въ собственность, а не въ общинное пользованіе. Большевики сумѣли затуманить и этотъ вопросъ. И только послѣдствія показали, что земли общинной много, да пахать не на чемъ и некому.

Съ моей точки зрѣнія, и совѣтская власть, власть преступниковъ, сломаетъ себѣ шею въ казачьихъ областяхъ именно на этомъ вопросѣ. Какъ бы долго ярмо его ни висѣло на казакахъ, оно сломается, ибо провести законъ Столыпина убійцы никакъ не могутъ, не отказавшись отъ всѣхъ своихъ доктринъ, а, значитъ, и власти. Казачество какъ было, такъ и останется въ будущемъ, и никто его не сломаетъ до тѣхъ поръ, пока оно захочетъ таковымъ быть. Понятно всякому, что казачество послѣ сверженія ига 3-го интерна-

ціонала выйдетъ обновленнымъ и усилившимся, ибо оно впитаетъ въ себя все то, что было среди казаковъ иногородняго. Это въ интересахъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Неказакамъ въ казачьихъ областяхъ нѣтъ мѣста. Понравилось жить среди казаковъ, сдѣлай милость — живи, но дѣлайся казакомъ: получай всѣ его привилегіи, но за то и всѣ его тяготы. Вотъ тогда и будетъ равенство. А гдѣ равенство, тамъ нѣтъ зависти. Нѣтъ зависти — рождается благополучіе.

Казачьи области не должны быть полемъ экспериментовъ соціализма всѣхъ видовъ и оттѣнковъ. Вмѣстѣ съ благополучіемъ экономическимъ придетъ и культура, и просвѣщеніе, потому что казаки имѣютъ много всякаго добра и сами своему добру хозяева, а не кто-то пришлый, посторонній. До сихъ поръ такъ не было, потому казачество пришло въ упадокъ и дало поработить себя 3-му интернаціоналу...

Въ Россіи были помѣщики, капиталисты, банкиры, графы, князья и т. д. Сословное неравенство. У казаковъ ничего этого, за рѣдкими исключеніями, не было. Выдумали: «верхи» и «низы», т. е. офицеръ и казакъ, «трудовой» и «нетрудовой», т. е. богатый и бѣдный. Да кто мѣшалъ любому казаку стать офицеромъ? Кто мѣшалъ быть богатымъ? — Абсолютно никто. Казачья масса понимала это очень хорошо, и, только благодаря этому пониманію, среди казачества наблюдалось очень мало предательства своихъ офицеровъ, масса глухо сознавала, что раздѣленіе искусственное, и верхи такая же ихъ плоть и кровь.

І. К. ОКУЛИЧЪ,
Уполномоченный V Большого Войскового Круга Енисейскаго Войска, казакъ Красноярской станицы, инженеръ-агрономъ.

Въ 1918 году, послѣ большевицкаго переворота, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Красноярскѣ обратился къ Енисейскому Войсковому Атаману Сотникову съ требованіемъ распустить стоящій въ Красноярскѣ Дивизіонъ, сдать оружіе, отказаться отъ званія казака. Въ числѣ доводовъ Совѣта было, что теперь

всѣ одинаковые граждане, что, поэтому, нѣтъ смысла къ сохраненію казачества, какъ особаго сословія. — Это время было временемъ лѣвыхъ настроеній, и въ Войскѣ, и въ составѣ Войскового Правительства, были соціалисты, и самъ Войсковой Атаманъ Сотниковъ оффиціально принадлежалъ къ партіи с.-р. Въ январѣ мѣсяцѣ Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ поставилъ Войсковому Правительству ультиматумъ о разоруженіи и другія, выше отмѣченныя требованія, имѣя за собой два запасныхъ стрѣлковыхъ полка и вооруживъ уголовныхъ (около 900 человѣкъ Ачинской тюрьмы). Атаманомъ было собрано экстренное засѣданіе Войскового Правительства, усиленное делегатами отъ Дивизіона, всего не менѣе 40 человѣкъ. — Единогласнымъ рѣшеніемъ этого совѣщанія было: уйти съ оружіемъ въ рукахъ изъ Красноярска (передъ нами былъ ужасъ городского боя въ Иркутскѣ, по аналогичному же поводу), но не подчиняться требованіямъ большевиковъ объ отказѣ отъ казачества; что и было исполнено. Въ глухую зимнюю морозную ночь Дивизіонъ и большинство казаковъ Красноярской станицы оставили Красноярскъ и въ походномъ порядкѣ ушли въ станицу Торгашинскую.

Вотъ отвѣтъ на требованіе отказаться отъ казачества и связанныхъ съ этимъ обязанностей и привилегій, в ы р а ж е н н ы й к а з а ч ь е й м а с с о й.

Но за эти десять лѣтъ казачьи Войска Сибири многое претерпѣли, особенно въ періодъ правительства адмирала Колчака.

Въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ оказались, я считаю, Семирѣченское и Енисейское Войска, т. е. Войска, въ которыхъ войсковыя и станичныя земли вкраплены въ крестьянско-инородческіе и переселенческіе надѣлы. Напримѣръ, Енисейское Войско, активный участникъ присоединенія Восточной Сибири къ Россіи, разбросанное на территоріи отъ Туруханска до Китайской границы на югѣ, выдѣлившее изъ себя въ свое время покорителей Якутскаго края, Камчатки, Забайкалья, — нынѣ почти уничтожено. Многія станицы Минусинскаго края большевиками сожжены, мужское населеніе перебито въ періодъ 1919-20 г.г. Не лучше въ Семирѣчьи, гдѣ ошибочная, враждебная коренному населенію, политика Переселенческаго Управленія, — переселеніе крестьянъ Европейской Россіи въ районъ казачьяго землепользованія, — породила сильнѣйшій антаго-

низмъ между крестьянами-переселенцами, съ одной стороны, и казаками и киргизами, съ другой. Также сибирцамъ, сжатымъ нынѣ на узкой полосѣ казачьей Прииртышской линіи.

Какое же рѣшеніе въ будущемъ? что ждетъ насъ?

Мнѣ представляется, что будущее казачества зависитъ отъ разрѣшенія земельнаго вопроса. Если казакамъ не удастся территоріально обособиться, они не возродятся, какъ цѣлое, будутъ поглощены крестьянствомъ. Въ частности, въ отношеніи Енисейскаго Войска, у казаковъ жива мысль объ уходѣ изъ своихъ прадѣдовскихъ станицъ за старую государственную границу, въ Урянхайскій край, слабо заселенный инородцами сойотами и отчасти русскими старообрядцами (въ періодъ Столыпина — Кривошеина дѣлались попытки заселенія его русскими переселенцами). Тамъ ,въ верховьяхъ Енисея (Ха-Кема и Бем-Кема), по границамъ хребта Танну-Ола, отдѣляющаго Урянхай отъ Монголіи, старое Енисейское Войско можетъ еще возродиться и продолжать выполнять свою историческую миссію, сдерживая своей грудью натискъ монголо-китайскихъ племенъ.

Иные скажутъ, зачѣмъ все это, — въ наше время существуетъ регулярная армія?!. Но, думается и чувствуется, что это не такъ просто.

Столѣтіями созданный казачій укладъ, казачью общественность, знаніе пограничнаго недруга и мѣстныхъ условій, знаніе языка окружающихъ племенъ, солидарность казачьей семьи, энергію и казачій духъ не замѣнить драгунской доблестью, ни въ войнѣ, ни, въ особенности, въ мирное время, въ условіяхъ Азіи.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

Общественнаго сбора Заокеанской Казачьей станицы 18-го февраля 1928 года, гор. Филадельфія. С. А. С. Ш.

Сборъ Заокеанской станицы въ Филадельфіи, ознакомившись съ анкетой о казакахъ, предпринятой Войсковыми Атаманами Дона, Кубани и Терека, постановилъ изложить и свое мнѣніе. Именно:

Мы, казаки Заокеанской станицы, здѣсь, за тысячи

верстъ отъ Россіи, оторванные отъ своихъ группъ, въ условіяхъ, требующихъ полнаго отреченія отъ навыковъ, обычаевъ и духа прежней среды, все же не перестаемъ быть казаками, любить свои станицы, степи, лѣса, горы и, въ то же время, никогда не забываемъ, что мы русскіе люди, сыны Великой Россіи.

Мы будемъ казаками и будемъ русскими. Это не программа, не догма, но строеніе нашей души, источникъ помысловъ, побужденіе къ дѣятельности.

Мы хотимъ, чтобы Россія была единой, великой націей, сильной экономически, обогащенной культурой. Чтобы ея политическій строй одинаково гарантировалъ независимость и прогрессивный ростъ нашихъ казачьихъ областей, сочетающихъ свои мѣстные интересы съ общимъ благомъ цѣлой страны.

Въ прошломъ мы отдавали государству поголовно свои боевыя силы. Впредь мы будемъ такъ же служить ему, работая на нивѣ труда, улучшая хозяйственный бытъ края и неся тяготу воинской службы наравнѣ съ прочими гражданами Россіи.

Мы чужды стремленіямъ къ захвату и насилію, и хотимъ также, чтобы и другіе уважали наши права.

Подъ такимъ знаменемъ, съ вѣрою и полной готовностью, мы вступимъ въ Великій Русскій Союзъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Станичный писарь **Н. Фолимоновъ.**

Д. С. ПИСАРЕНКО,
Членъ Терскаго Войскового
Правительства.

БУДУЩЕЕ КАЗАЧЕСТВА

Судьбы казачества неотдѣлимы отъ судебъ Россіи и, вообще говоря, неисповѣдимы. Кто можетъ взять на себя смѣлость утверждать, какой выйдетъ Россія изъ ниспосланныхъ ей судьбою испытаній? Никто этого не знаетъ и никто не можетъ сказать, какъ сложится будущее нашей родины послѣ большевиковъ, а отъ этого то главнымъ обра-

зомъ и зависитъ отвѣтъ на вопросъ, какимъ быть и быть-ли вообще казачеству въ составѣ грядущей Новой Россіи.

Въ настоящее время для насъ несомнѣнно, что основанія будущаго соціально-правового и политическаго устройства государства будутъ или способствовать, или стѣснять, или вовсе исключать возможность возрожденія казачества въ желаемыхъ имъ самимъ формахъ. И потому вопросъ о будущемъ казачества зависитъ отъ будущаго Россіи, а о немъ можно лишь гадать.

Но, основываясь на выводахъ изъ прошлаго, мы можемъ строить и догадки о будущемъ, и убѣжденіе въ правотѣ идей, и вѣру въ непоколебимость и живучесть казачьяго самосознанія.

Однако, на долю казачества, особенно его идеи, выпали слишкомъ жестокія испытанія въ недавнемъ прошломъ, нерѣдко доводившія казака до положенія, когда, какъ говорится, и самъ себѣ не радъ.

До революціи, его удушало бремя особенныхъ военныхъ повинностей, сидѣвшихъ на немъ хомутомъ, неоплатной, пожизненной задолженности за справку на службу за свой счетъ. А сверхъ того дикая военно-административная опека, превратившая казачество в специально военное, казенное, сословіе (однимъ словомъ, «слава казачья, а жизнь собачья»). И не радъ такому состоянію казакъ. Почти сто лѣтъ тянетъ онъ эту лямку, но чуетъ его нутро, что не такъ было и не такъ должно быть...

Мартъ 1917 года приноситъ исполненіе завѣтной мечты. Казачество получаетъ возможность возродиться въ идейно чистомъ видѣ, отбросить все прилипшее, несвойственное, чужое, воскресить соціальныя основы и традиціонныя формы своей жизни. Спокойно и дѣловито строитъ оно свою жизнь, при этомъ, безъ предварительнаго сговора или заранѣе состряпаннаго шаблона, строитъ ее во всѣхъ Войскахъ одновременно и однообразно. Но началось всероссійское углубленіе революціи, національныя самоопредѣленія (безъ права на него однихъ казаковъ), бѣшеная партійная агитація, провокація казачьей выборной власти, убійство Атамана, всяческое улюлюканіе по поводу казачьихъ начинаній, затѣмъ съѣзды «революціонной демократіи», канитель съ иногородними и городами и, наконецъ, большевики и большевизмъ. А у насъ, на Терекѣ, сверхъ того, война съ горцами. Казака затуркали, сбили съ толку и онъ пересталъ

понимать, за кѣмъ же правда, за кѣмъ ему идти и кого слушать. Въ прошломъ его ославили нагаечникомъ и врагомъ народа, теперь, въ революцію, его обвинили въ сепаратизмѣ, въ нежеланіи идти въ ногу со всѣмъ русскимъ народомъ по пути углубленія революціи, заподозрили въ контръ-революціонныхъ замыслахъ. Началось броженіе казачьихъ умовъ, появились самоустыдившіеся казаки, казачья постройка зашаталась отъ самаго фундамента. Пошатнуло ее сомнѣніе казачьихъ массъ въ возможности осуществленія своихъ идеаловъ и преданность идеѣ государственнаго единства Россіи.

Но пришла «всенародная» власть большевиковъ и русскій хамъ, въ обнимку съ босякомъ и каторжникомъ, ввалился въ казачью хату. Казакъ не вынесъ органически чуждой ему большевистской идеологіи, и началась гражданская война.

Стали очищаться отъ большевиковъ одна за другою казачьи земли. А по мѣрѣ очищенія появлялась и казачья организація. И, наблюдая этотъ процессъ, нельзя было не замѣтить того, что снова, какъ и въ 1917 году, безъ агитаціи, безъ принужденія, а вполнѣ по свободной волѣ казаковъ, всюду въ казачьихъ уголкахъ возрождались казачьи порядки и казачьи формы жизни. Но лишь только возстановилась войсковая организація, лишь только началась работа Войскового Круга и другихъ органовъ войсковой власти, лишь только обозначилась вся структура соціально-правовыхъ особенностей казачества и, главное, желаніе его самому у себя въ хатѣ быть хозяиномъ, какъ немедленно же изъ всѣхъ щелей послышалось враждебное и злобное шипѣніе. Мыслимое-ли дѣло: казаки хотятъ жить по-своему, по-казачьему? А какъ же быть съ безработными губернаторами, градоначальниками, исправниками, чѣмъ занять тогда «Особое Совѣщаніе»? И открылся противо-казачій фронтъ въ тылу борьбы съ большевиками. И извѣстный «освагъ», и большевики одинаково энергично и злобно атаковали казачество. Пропагандированная и одними и другими ненависть къ казачеству и всему казачьему, снова поставила передъ казаками все тотъ-же проклятый вопросъ: гдѣ же правда и за кѣмъ идти; за тѣмъ ли общерусскимъ потокомъ, которому не видно конца, или за своими казачьими вождями, дѣло которыхъ такъ ненавистно и краснымъ и бѣлымъ русскимъ людямъ? И они дошли до тупика: «одними казачьи-

ми силами Россіи не одолѣть и своихъ ей порядковъ не навязать, какъ бы ни были они намъ дороги». И казаки вновь усумнились въ возможности идти своею казачьею дорогою, хотя бы и къ россійскимъ цѣлямъ. Россійскій націонализмъ казаковъ и на сей разъ подавилъ въ душѣ казака его казачье самосознаніе и онъ просто уступилъ дорогу, или ушелъ въ сторону. Но убить идею казачества не удалось, ни централизму стараго режима, ни освагу, ни большевизму!

Правда, казакъ, какъ сказано, и при царяхъ, и въ революцію, и въ гражданскую войну прошелъ черезъ страшныя испытанія и бывалъ частенько въ такихъ положеніяхъ, когда и до расказаченія оставалось всего лишь одинъ шагъ, когда онъ былъ готовъ на все, лишь бы выбиться изъ невыносимаго положенія. Но онъ всегда, къ его чести, предпочиталъ уйти въ самаго себя, уклониться вовсе отъ участія въ событіяхъ, умолкнуть и выжидать. Прямого предательства, идейнаго массоваго выступленія за расказачиваніе, открытаго организованнаго выступленія казаковъ противъ идеи казачества, слава Богу, намъ не доводилось наблюдать, несмотря ни на тяготы казачьей жизни, ни на опыты возстановленія казачества послѣ революціи, когда за краевою надстройкою, средь бушующихъ волнъ революціонной толпы, въ чаду политическихъ увлеченій и страстей, казакъ не успѣлъ распознать истинный ликъ Войска. И хотя и понималъ онъ, что все необычное нагроможденіе, изъ-за котораго не видно казачества, вынуждено обстоятельствами и временно, что настоящее Войска впереди и его надо ждать терпѣливо, настоящей формы онъ такъ и не дождался.

Но идея казачества вынесла всѣ испытанія и живетъ въ душѣ каждаго казака и тамъ, подъ большевиками, и здѣсь, на чужой землѣ, все такой же, какою была, когда созидала казачество и ковала славу его. Казачество, это—необычайное явленіе величія духа русскаго народа, поразительное порожденіе его исторіи, чего не явилъ никакой другой народъ міра. Въ пустынномъ и дикомъ полѣ, вдали отъ культуры и науки, геній русскаго народа выковываетъ дивную форму наисправедливѣйшаго устройства общества и одухотворяетъ ее идеей, которая и по сейчасъ являетъ лучшій образецъ соціальнаго и политическаго построенія. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, черезъ бурю гоненій, войны и всяческихъ потрясеній на протяженіи трехъ съ лишнимъ вѣковъ, доходитъ она до насъ, не устарѣвъ и не померкнувъ. На этомъ длин-

номъ своемъ пути она всасывается въ плоть и кровь казака, надѣляетъ ему одному присущимъ духомъ, создаетъ особенности основъ его жизни, кладетъ на всемъ свою казачью печать, которая придаетъ казачьей породѣ людей свойства какъ бы особой, производной, національности, отличающей казака отъ прочаго населенія Россіи. А трехъ-вѣковая устойчивость ея показываетъ, что основные принципы ея остаются и по сейчасъ цѣнными и заманчивыми.

Въ чемъ же заключаются эти принципы? Конечно, не въ особенностяхъ службы казачества государству, а въ основаніяхъ устройства того общества, которое именовалось казачествомъ триста лѣтъ тому назадъ. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: абсолютная равноправность и равнообязанность казаковъ, политическая, соціальная и хозяйственная, народоправство въ своеобразныхъ казачьихъ формахъ, демократизмъ въ лучшемъ его выраженіи и войсковой укладъ всей общественной жизни. Послѣднее обозначаетъ такой общественный строй, при которомъ главныя жизненныя блага, какъ напримѣръ, владѣніе землею, нѣдрами, лѣсами, водами и другими дарами природы, въ цѣляхъ наисправедливѣйшаго и наиравномѣрнаго использованія всѣми членами общества, составляютъ ненарушимую собственность казачьяго Войска въ цѣломъ. Никто на войсковой территоріи не можетъ имѣть на эти богатства личной собственности или преимущественнаго на нихъ права. Ими владѣютъ равноправно всѣ казаки въ лицѣ Войска. Слѣдовательно, никакой помѣщикъ, никакой баринъ, никакой рабъ не можетъ быть рожденъ на почвѣ войскового уклада жизни. Наоборотъ, этотъ укладъ накрѣпко гарантируетъ полное равноправіе всѣхъ казаковъ на свободу индивидуальнаго развитія и свободу хозяйственной дѣятельности, обезпечиваетъ свободу накопленія и право собственности на производныя блага, а сверхъ всего открываетъ широчайшія перспективы для соціальнаго и хозяйственнаго развитія Войска, а значитъ и казачьяго благосостоянія.

Вотъ въ сущности главнѣйшіе принципы войсковой постройки казачества. Утратили-ли они свою общественную цѣнность въ наше время? Какъ для кого, приходится отвѣтить. Для яраго централиста, или для упрямаго соціалиста они непріемлемы, а для той части казачества, которая все еще не впряглась въ чужой партійный возъ и не связываетъ идеи казачества ни съ какой другой идеей устройства чело-

вѣческаго общества, а только ея одной держится, они и пріемлемы и не утратили своей общественной цѣнности. Для такихъ казаковъ она, а не сословно-монархическая или соціалистическая, или какая-либо другая идея, превыше всего. Она не можетъ вмѣститься ни въ одну изъ существующихъ партійныхъ программъ, или совпадать съ какою-либо другою идеею устройства общества. Поэтому же всякое уклоненіе казака въ сторону принятія тѣхъ или другихъ политическихъ программъ, есть работа противъ идеи казачества.

Нѣтъ смысла въ этой статьѣ заниматься вопросомъ о томъ, кто и по какимъ мотивамъ ушелъ влѣво, а кто вправо отъ казачества. Корень въ томъ, какое же казачество считать настоящимъ? И тѣ, которые ушли влѣво и тѣ, что ушли вправо, убѣжденно утверждаютъ, что именно ихъ казачество и есть настоящее. Происходитъ это не только подъ вліяніемъ извѣстнаго лѣваго или праваго міропониманія, но и вслѣдствіе разнаго отвѣта на вопросъ, какимъ должно быть казачество въ будущемъ. Они, видите-ли, «провидятъ» будущее и сообразно ему собираются строить и казачество. Но есть и такіе, которые внѣ соціалистической, или сословно-монархической идеи, ни казачества, ни Россіи не представляютъ себѣ. Они думаютъ, что идея казачества не есть самостоятельная политическая идея и что его можно понимать и толковать по разному безъ ущерба для его существа. Это совершенно ошибочно. Это будетъ казачествомъ безъ идеи, т.-е. только донашиваніемъ чекменя въ соціалистическомъ или сословно-монархическомъ отечествѣ. Ни измѣнять существа, ни приспособлять, или втискивать въ чужую идею казачества нельзя, безъ удушенія его идеи. И потому оно должно быть внѣ политическихъ партій, должно быть и само, какъ бы партіею, и ни отъ кого не стоять въ идейной зависимости. Оно должно быть цѣликомъ построено на исконныхъ принципахъ вольнаго казачества, отмѣченныхъ выше, а они таковы, что никакъ полностью не вмѣщаются ни въ одну изъ политическихъ современныхъ идей и сами создаютъ свою казачью идею.

Сказаннымъ мы уже въ значительной степени опредѣлили свой отвѣтъ какъ на вопросъ о томъ, быть или не быть казачеству въ Новой Россіи, такъ и о томъ, какимъ же ему быть. Новая Россія, какова бы ни была по своему политическому устройству, лишь бы была національной, несомнѣн-

но будетъ продолжать національное дѣло русскаго народа. А въ этомъ его дѣлѣ казачество извѣчно въ авангардѣ. Поэтому тѣ, кто думаетъ, что роль казачества окончена, ошибаются. Казачество еще сослужитъ національно-русскую службу не менѣе славно въ будущемъ Россіи, чѣмъ оно служило ей въ прошломъ.

Мы знаемъ, съ какой непримиримостью относятся русскіе политическіе круги къ идеѣ казачества. Явленію сему множество причинъ, но смѣло можно утверждать, что всѣ эти причины (или по невѣжеству, или по политической нетерпимости, или по зависти) не глубоки и не основательны. Безпристрастное изслѣдованіе прошлаго, куда обычно стараются углубить корни этихъ причинъ, рѣшительно отвергло бы ихъ и показало бы, что казачество не только не достойно существующаго къ нему отношенія, но, наоборотъ, имъ долженъ гордиться каждый русскій, какъ красочнымъ, наиболѣе яркимъ и свѣтлымъ произведеніемъ духа русскаго народа. И казачество вѣритъ, что рано или поздно русское (въ смыслѣ неказачье) общество подойдетъ къ нему по родственному, какъ къ родному брату, всмотрится въ его сущность, пойметъ ее, найдетъ тамъ отраженіе и своей души, своихъ извѣчныхъ чаяній и безпристрастно оцѣнитъ ихъ. Въ этомъ должно помочь ему само казачество. И только тогда прекратится ненависть и непримиримая враждебность къ нему со стороны политически дѣйственной части русскаго общества, особенно обострившаяся въ періодъ революціи и гражданской войны. А пока что казачеству въ дѣлѣ отстаиванія своихъ идеаловъ приходится надѣяться только на свои собственныя силы. Однако, и при такомъ положеніи, мы глубоко вѣримъ, что оно сумѣетъ отстоять право на возрожденіе на истинно казачьихъ началахъ и въ традиціонныхъ формахъ.

Мы видѣли, что будущее казачества зависитъ отъ будущаго Россіи. Это показываетъ, что значитъ возможно и такое будущее ея, въ которомъ совершенно будетъ невозможно возрожденіе казачества. Дѣлая такой выводъ, мы имѣли въ виду или сословно-бюрократическое (все равно монархическое или республиканское) государство, или социалистическое,или коммунистическое.Казачество является прямымъ противорѣчіемъ соціальному, правовому и государственному укладу каждаго изъ этихъ государствъ и потому въ ихъ составѣ въ томъ содержаніи его, какимъ оно должно быть,

оно немыслимо. Идейное возрожденіе его будетъ возможнымъ лишь въ такомъ устройствѣ государства, которое построится на принципахъ безсословности, демократичности и народоправства, съ предоставленіемъ автономій краямъ и областямъ. Въ такомъ государствѣ идея казачества не будетъ поглощена государственной идеей и не будутъ стѣснены режимомъ его формы, ибо въ основѣ оно не противорѣчитъ государственному укладу.

Можно-ли ожидать, что Новая, послѣбольшевистская, Россія будетъ именно такимъ государствомъ? Судя по недавнему прошлому и по наблюдаемымъ, правда, едва уловимымъ для нашего наблюденія, внутреннимъ процессамъ въ самой Россіи, можно предполагать, что будущее государство не будетъ ни дореволюціоннымъ сословнымъ, ни коммунистическимъ интернаціональнымъ, ни соціалистическимъ узко-партійнымъ. Оно будетъ правовымъ, народнымъ, безсословнымъ и не централистическимъ. А форма власти не мѣняетъ существа. Революція, какъ ни ужасны ея послѣдствія, пройти безъ слѣда въ міровоззрѣніи и въ психикѣ народа не могла. Слѣдъ этотъ будетъ вліять на сложеніе будущаго, и, по нашему убѣжденію, какъ разъ въ сторону предполагаемаго нами устройства государства. А въ такомъ государствѣ казачеству быть.

Какимъ же ему быть? Вѣдь и до революціи твердили о казачествѣ, о его вольностяхъ, привиллегіяхъ и особенностяхъ, и теперь его даже сами казаки представляютъ по разному. Многіе и сейчасъ думаютъ, что казачество должно остаться такимъ самымъ, какимъ оно было до революціи. Но ими руководитъ въ большей мѣрѣ идея сословно-монархическая, чѣмъ казачья. Да они и не признаютъ казачества за идею своеобразнаго устройства общества. Они считаются лишь съ внѣшними его формами и служебными, по преимуществу военными, качествами его, какъ спеціальнаго сословія, т.-е. принимаютъ въ соображеніе только то, съ чѣмъ мирился дореволюціонный строй государства и во что превратилъ онъ казачество. Но то не есть казачество, а лишь угодная государству оболочка съ его именемъ. И намъ не надо такого казачества.

Не надо намъ и соціалистическаго казачества, т.-е. того, что подъ его названіемъ разумѣютъ наши «соціалъ-казаки». Такъ называютъ казаковъ, ушедшихъ въ такія лѣвыя дали, что на первомъ планѣ ихъ политическаго міро-

воззрѣнія оказался соціализмъ, а казачество, какъ самостоятельная идея, всего лишь къ нему пристегнутымъ. Такъ что, они рисуютъ казачество такимъ, какимъ оно преломляется черезъ призму соціализма. А она дѣлаетъ его содержаніе фальшивымъ.

Мы считаемъ, что казачество есть самостоятельная идея общественнаго устройства и въ этомъ своемъ качествѣ только и должно быть разсматриваемо. Ни отъ какой другой политической и соціальной идеи ему заимствовать нечего. Оно все лучшее имѣетъ уже болѣе трехъ вѣковъ. У него все было уже тогда, когда многихъ изъ современныхъ идей устройства общества еще и въ зарожденіи не существовало. Поэтому идея казачества заслуживаетъ не меньшаго къ себѣ вниманія, чѣмъ любая другая идея.

Было-ли казачествомъ то, что строилось казачьими Войсками въ 1917 г., а затѣмъ и въ 1918-1920 годахъ? Было имъ несомнѣнно потому, что въ основаніе тогдашней постройки клались принципы, созидающіе идею казачества. Тогда были возрождены тѣ основанія, на которыхъ покоилось казачество триста лѣтъ тому назадъ, когда еще существо и формы оставались свободными отъ насилія извнѣ. Тогда были воскрешены удушенные въ прошломъ народоправство, демократизмъ и войсковой укладъ. Казаки тогда по свободной своей волѣ выразили все это въ традиціонной казачьей формѣ, избравъ Войсковые Круги и Раду, Войсковыхъ Атамановъ и правительства и организовать войсковую автономію законодательства, администраціи, войскового порядка, публично-правовой и хозяйственной жизни и всего казачьяго быта. Они возстановили тогда полноту войсковыхъ правъ на землю, лѣса, воды, нѣдра и прочіе дары природы, на войсковые капиталы и хозяйственныя выгоды. И верховная власть государства санкціонировала тогда такую постройку казачества, утвердивъ выработанную Войсковымъ Кругомъ автономію Войскъ. (Конституція Терскаго Войска была утверждена Всероссійскимъ Временнымъ Правительствомъ 28 марта 1917 года, она же легла и въ основаніе конституціи 1919 года).

Конституція эта, имѣя въ основаніи истинные принципы казачества, очерчивала ясно и опредѣленно границы войсковой автономіи и вполнѣ обезпечивала свободу развитія всѣхъ сторонъ войскового устройства казачьей жизни и частно-хозяйственной дѣятельности. На большее казачеству и

посягать не слѣдуетъ и въ будущемъ. Надо только бережно снять съ него то, что пристало къ нему во время гражданской войны то въ силу необходимости, то въ результатѣ увлеченій и т. п.

Итакъ, слѣдовательно, въ будущемъ казачество должно быть: а) Въ отношеніи политическомъ — неотдѣлимою частью государства, организованною по Войскамъ въ казачьи автономіи, основанныя на принципахъ народоправства въ казачьихъ формахъ, демократизма и войскового уклада соціальнаго и хозяйственнаго порядка. Въ соотвѣтствіи съ этимъ вырабатываются самими Войсками и утверждаются верховной властью границы войсковыхъ автономій. Они являются для Войскъ учредительнымъ закономъ (своего рода хартіей казачьихъ правъ и вольностей) и могутъ измѣняться только по волѣ самихъ Войскъ, причемъ инициатива этого пересмотра принадлежитъ каждому Войску, но согласіе должно быть всѣхъ Войскъ на то или иное принципіальное измѣненіе, ибо основа конституціи одного Войска есть основа всего казачества.

Въ границахъ автономныхъ правъ Войско является полнымъ хозяиномъ, законодателемъ и распорядителемъ. Свою волю оно выражаетъ посредствомъ свободно избираемаго населеніемъ Войскового Круга (Рады), являющагося законодателемъ войсковыхъ законовъ и выразителемъ казачьяго народоправства. Его законы обязательны на всей территоріи войсковой автономіи безъ всякихъ изъятій и исключеній. Созывается онъ Войсковымъ Атаманомъ въ установленные самимъ Войсковымъ Кругомъ сроки, но въ экстренныхъ случаяхъ и по инициативѣ самаго Атамана или членовъ Круга, когда такую необходимость созыва Круга выскажутъ не менѣе 1/3 всѣхъ членовъ Круга.

Высшими органами войсковой исполнительной власти являются Войсковой Атаманъ, глава Войска, избираемый Войсковымъ Кругомъ, и формируемое по его порученію, но изъ числа рекомендованныхъ Войсковымъ Кругомъ лицъ, Войсковое Правленіе. Войсковой Атаманъ избирается на опредѣленный Войсковымъ Кругомъ срокъ и въ своихъ дѣлахъ отвѣтственъ только передъ послѣднимъ.

Фундаментомъ всей войсковой постройки является станичное самоуправленіе. Основы его тѣ же, что и въ войсковой постройкѣ. Но его требуется, такъ сказать, нѣсколько

огражданить, т.-е. очистить отъ слѣдовъ военно-административнаго режима и отъ большевистскаго совдеповластія.

Атамановъ Отдѣловъ (округовъ) сохранить и впредь и опредѣлять ихъ въ должность Войсковымъ Атаманомъ съ одобренія кандидатуръ Войсковымъ Кругомъ. Необходимо сдѣлать его непремѣннымъ и отвѣтственнымъ руководителемъ общественной жизни станицъ Отдѣла, извлечь его на просторъ войсковой дѣятельности изъ подъ спуда канцелярщины, справокъ и отписокъ и заставить врачевать и разъяснять на мѣстѣ. Соотвѣтственно этому необходима реорганизація и Управленій Отдѣловъ.

б) Въ соціально-правовомъ отношеніи казачество представляетъ своеобразное общество, покоящееся на равноправности и равнообязанности всѣхъ его членовъ, на принципѣ безсословности и демократичности, на особенномъ традиціонномъ народоправствѣ и на войсковомъ укладѣ жизни его. Въ границахъ войсковой автономіи всѣ члены этого общества надѣлены одинаковыми личными и публичными правами и одинаковыми въ отношеніи общества, Войска и государства обязанностями. Законъ, а не усмотрѣніе начальства, руководитъ поведеніемъ всѣхъ отъ Атамана до казака, а формула: «Всѣ и все для Войска и Войско одинаково для всѣхъ» должна быть девизомъ соціальныхъ отношеній въ казачествѣ.

в) Въ области правъ хозяйственныхъ и хозяйственной дѣятельности казачество также должно быть автономно. Основою автономности хозяйственныхъ правъ его должно служить право войсковой собственности каждаго Войска на землю, лѣса, воды, нѣдра и прочія природныя блага войсковой территоріи. Частной собственности на эти угодья никто на войсковой территоріи имѣть не долженъ. Войско испоконъ вѣковъ другого порядка не знало. Всѣ эти угодья извѣчно находились въ состояніи обобществленномъ. Это положеніе какъ-будто сближаетъ съ соціалистической идеей, ибо дѣйствительно представляетъ то самое обобществленіе главныхъ орудій труда (земля, нѣдра, лѣса, воды), какимъ соціалисты соблазняютъ политическую мысль людей. Но не этимъ оно дорого казачеству, что похоже на соціализмъ, а тѣмъ, что развитіе войскового хозяйства на этой основѣ являетъ такія блага для войскового населенія, какихъ не можетъ дать никакая другая форма хозяйственной организаціи. Въ конечномъ итогѣ своего развитія оно сниметъ съ плечъ

казака и съ его частнаго хозяйства огромный грузъ публичныхъ и частныхъ его повинностей и потребностей, постепенно возьметъ на себя санитарную и лѣчебную помощь, народное образованіе и воспитаніе, соціальное обезпеченіе и призрѣніе, агрономію, меліорацію и ветеринарію, грунтовые и шоссейные пути сообщенія,справку на военную службу,денежныя государственныя повинности и т. д., не стѣсняя при этомъ и частной хозяйственной дѣятельности населенія. И въ этомъ отношеіи передъ казачествомъ открываются безграничныя возможности развитія казачьяго благосостоянія и общественнаго благоустройства.

Да, такой порядокъ лишаетъ казака личнаго права собственности на землю и прочія угодья и предоставляетъ ему лишь право пользованія, что въ цѣляхъ уравнительнаго землепользованія сопряжено съ передѣлами и убиваетъ стимулъ поднятія качества земли путемъ удобреній. Многіе поэтому и осуждаютъ такой порядокъ землевладѣнія и землепользованія, но мы считаемъ, что никакой другой порядокъ не можетъ окупить тѣхъ преимуществъ, которыя даетъ онъ. Прежде всего принципъ войскового землевладѣнія гарантируетъ казачество отъ перехода его земель въ неказачьи руки, что привело бы казачество къ обезземеленію и гибели. Наряду съ этимъ онъ даетъ въ руки Войска нѣкоторый земельный фондъ, какъ резервъ для будущаго. Но и въ отношеніи повышенія качествъ земли не такъ ужъ безнадеженъ вопросъ при существовавшемъ порядкѣ землепользованія, какъ кажется его противникамъ. Развитіе войскового хозяйства пріобщитъ сельско-хозяйственной культурѣ нашу станицу, покажетъ ей способы интенсификаціи землеобработки, поможетъ ввести общественное удобреніе и т. д., что много важнѣе того, въ чьихъ рукахъ право собственности и срока пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ.

г) Въ отношеніи территоріальномъ казачество, не взирая ни на какіе мотивы революціонныхъ и по велѣнію совѣтской власти перемѣнъ, должно быть возстановлено полностью. Казачество искони владѣло землями по праву завоеванія и свободной колонизаціи. Онѣ освоены имъ еще въ ту стародавнюю пору, когда въ этихъ краяхъ право владѣнія землею никого не интересовало и по ней гуляли различные племена и народы на одинаковомъ правѣ сильнаго. Земли были просто ничьи и потому никто никакихъ правъ на казачьи земли предъявлять не можетъ. Завоеваніе и осво-

еніе ихъ, а затѣмъ и культивированіе стоило казачеству крови множества поколѣній. На этой цѣнѣ и покоится право войсковой собственности казачества на земли и связанныя съ нею угодья.

Въ дореволюціонную эпоху режимъ сословныхъ на Руси порядковъ слегка и кое-гдѣ коснулся и казачьихъ владѣній. Тогда изъ казачьихъ земель были выкроены лоскуты въ частное исключительное владѣніе по разнымъ поводамъ и разными способами (взамѣнъ пенсій офицерамъ и чиновникамъ по положенію 1871 года, въ порядкѣ особой монаршей милости, въ заемъ казнѣ и т. д.). Въ пореволюціонное время еще хуже: въ желаніи удушить казачество, совѣтская власть надѣлила казачьими землями неказаковъ, пришельцевъ и инородцевъ. Въ первую эпоху земли, выкроенныя изъ войсковыхъ территорій, быстро перешли въ неказачье владѣніе и на нихъ образовались села, хутора, колоніи нѣмцевъ и пр., что не должно мѣшать возстановленію на нихъ права войсковой собственности, съ оставленіемъ поселенцамъ права пользованія ею. Въ теперешнее большевистское время придется возстанавливать, уже не останавливаясь и передъ нарушеніемъ права пользованія, ибо оно возникло путемъ насилія и отнятія у коренного населенія. Земли бывшія казенныя, частновладѣльческія должны поступить въ составъ войсковыхъ земель. Земли крестьянскихъ обществъ входятъ въ составъ войсковой территоріи. Административныя, соціальныя, экономическія и прочія условія диктуютъ необходимость оказаченія на войсковой территоріи всего сельскаго населенія. Это принесетъ обоюдную пользу.

Заслуживаетъ особаго упоминанія то ужасное явленіе, которое случилось у насъ на Терекѣ съ войсковыми землями и другими угодьями, въ результатѣ революціи, казаче-горской войны и работы совѣтской власти въ плоскости удушенія казачества. Еще въ началѣ революціи, когда дошла мода на самоопредѣленія народностей и къ намъ на Терекъ, у нѣкоторыхъ народностей явилась мысль (во всякомъ случаѣ не русскаго происхожденія) объ «исправленіи историческихъ ошибокъ» Россіи и объ «исправленіи границъ» земельныхъ владѣній. Горцы въ цѣляхъ насильственнаго осуществленія этихъ мыслей напали на присунженскія станицы и началась казаче-горская война въ то время, когда всѣ строевыя части, т.-е. всѣ способные носить оружіе казаки, находились на фронтахъ внѣшней войны. А затѣмъ, гор-

цы добились сочувствія ихъ планамъ совѣтской власти и съ ея помощью обрушились на Терское казачество. Цѣлый рядъ станицъ присунженскихъ и гребенскихъ — Тарская, хуторъ Тарскій, Сунженская, Фельдмаршальская, Акіюртовская, Михайловская, Ермоловская, Романовская, Ильинская, Кахановская и прочія казачьи и русскія поселенія, столѣтія стоявшія аванпостомъ на стражѣ русскихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ, жесточайшимъ образомъ изгнаны изъ своихъ мѣстъ. Станицы изгонялись по способу войны, т.-е. въ порядкѣ насилія надъ жителями. Имъ не только не указали мѣста новаго поселенія и не дали срока для переселенія, ихъ лишили права угнать скотъ, увезти запасы продовольствія и необходимый домашній скарбъ и при этомъ сопровождали выселеніе такимъ издѣвательствомъ горцевъ надъ населеніемъ, насиліями, безсмысленными убійствами, не щадя ни старыхъ, ни малыхъ, какихъ не знаетъ исторія занятія побѣжденныхъ странъ даже въ самыя варварскія времена. Казачье, а съ нимъ вмѣстѣ и все русское населеніе, ушло за Терекъ. Граница русскаго вліянія и русской культуры, изъ-за которой пролито море казачьей и русской крови, попятилась назадъ, что значитъ, что русская нація оттѣснена покоренными народностями въ минуты ея болѣзни и слабости. Но не напрасно лилась тамъ предками кровь. Выздоровѣетъ русская нація и начнетъ продолжать свое развитіе. И придется тогда всѣмъ обнаглѣвшимъ за время ея болѣзни народностямъ уйти по своимъ мѣстамъ. И не только уйти, но и на дѣлѣ познать истину, что сначала надо душею и сердцемъ стать подданнымъ и преданнымъ Россіи и русскимъ интересамъ, научиться уважать господствующую націю во время ея слабости, прислушиваться больше къ ея болямъ, чѣмъ къ нашептываніямъ турецкихъ эмиссаровъ и собственныхъ сепаратистовъ-руссофобовъ, и только тогда задумываться надъ самоопредѣленіями, искать соціальной справедливости и разсуждать объ историческихъ ошибкахъ русскаго народа. Да и вообще это не чеченское или ингушское дѣло. Мы считаемъ это ужасное дѣло преступленіемъ совѣтской власти и горскихъ народностей, къ нему причастныхъ, противъ Россіи и русскихъ и никогда съ нимъ примириться не сможемъ. Мы вѣримъ въ грядущее возрожденіе національно-русской Россіи, а въ ней и русской (а не еврейско-грузинско-горской) власти и думаемъ, что въ этомъ вопросѣ она, точно такъ же какъ и все казачество,

будетъ съ нами, а территоріальное возстановленіе Терскаго Войска будетъ нашей общей задачей.

д) Въ отношеніи правовомъ казачество, какъ сказано, въ самомъ себѣ не знаетъ и не должно знать разноправности. Но на войсковой территоріи проживаютъ иногородніе, крестьяне цѣлыми селами и горожане, а среди нихъ давнишніе, скажемъ, дореволюціонные поселенцы и наплывшіе въ революцію и позже. Граждански несправедливо предоставлять имъ всѣмъ равныя съ казаками и между собою политическія права. Казаки, какъ члены казачества, въ интересахъ котораго создается автономія, являются полноправными гражданами автономіи, надѣляемые правами по достиженіи извѣстнаго возраста. Ограниченіемъ правоспособности для нихъ служатъ только: полъ (женщины не пользуются правами), возрастъ, душевная болѣзнь, опороченность по суду. Только эти причины ограничиваютъ и право быть избраннымъ на всѣ по станицѣ и по Войску должности.

Неказачье населеніе войсковой территоріи правомъ участія въ войсковыхъ дѣлахъ не должно пользоваться, на этомъ и строятся правовыя ограниченія его. Городскія и сельскія самоуправленія могутъ путемъ соглашенія съ Войсковымъ Кругомъ опредѣлить форму и размѣръ своего участія въ автономной политической жизни, но ни о равноправіи, ни о сепаратной политикѣ ихъ не должно быть и рѣчи.

Пестрота политическихъ и гражданскихъ правъ населенія войсковой территоріи постоянно была больнымъ вопросомъ въ прошломъ, когда Войсковые Круги безъ конца края водили съ городами и вообще съ неказаками журавля и такъ и не привели его ни къ какому краю. Мы считаемъ, что вопросъ съ иногородними, проживающими въ станицахъ до революціи, и съ крестьянами, живущими селами, долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ поголовнаго (понятно за исключеніемъ порочныхъ по суду или общественно вредныхъ по признанію станицъ, или убѣжденныхъ коммунистовъ, большевиковъ и соціалистовъ) принятія въ казаки. Это принесетъ только обоюдо-стороннюю пользу. Всѣ же не принятые въ казаки должны покинуть станицу въ опредѣленный срокъ, не говоря уже о какихъ бы то ни было политическихъ правахъ ихъ.

е) Наконецъ, въ отношеніи военныхъ и гражданскихъ государственныхъ повинностей казачьяго населенія должны быть внесены кое-какія измѣненія въ существовавшій преж-

де порядокъ. Сохраняя особенности военнаго устройства казачества, необходимо прежде всего снять съ плечъ казака непосильную тяжесть справки на службу за собственный счетъ. А затѣмъ реорганизовать порядокъ прохожденія службы казакомъ въ смыслѣ облегченія его, съ уравненіемъ въ льготахъ по семейному положенію и прочихъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Это должно быть чисто войсковымъ дѣломъ и проведено такъ, чтобы принципъ равнообязанности нарушенъ не былъ.

Въ отношеніи гражданскихъ государственныхъ повинностей казачьяго населенія необходимо сохранить существовавшее до революціи положеніе.

На этомъ мы и кончаемъ нашъ схематическій набросокъ того, какое содержаніе должно имѣть казачество въ будущей послѣбольшевистской Россіи. Намъ думается, что этимъ мы въ общихъ очертаніяхъ представили существо казачества, войсковую постройку его жизни, границы автономныхъ правъ и въ ихъ рамкахъ обозначили перспективы культурнаго и экономическаго развитія. Стоитъ-ли пояснять, какое свѣтлое будущее ждетъ казаковъ въ такомъ построеніи казачества? Намъ кажется, что оно и безъ этого понятно.

Недостатки прошлаго и достоинства будущаго казачества нами указаны попутно и въ заключеніи остается указать еще на одинъ большой дефектъ въ прошломъ, требующій устраненія. Природныя географическія и этнографическія условія разселенія казачества начерно одолѣны на большинствѣ казачьихъ окраинъ и перестали быть естественными воспитателями казачьяго духа, удали, молодечества и прочихъ качествъ и особенностей его, создавшихъ сѣдую славой исторію его. Къ тому же и одной казачьей среды съ ея особенностями недостаточно для надлежащаго воспитанія и укрѣпленія казачьей молодежи въ истинно казачьихъ идеалахъ. Необходимо воспитаніе. Необходимо спеціальное ознакомленіе казачьей молодежи съ древнимъ прошлымъ казачества, съ его гражданской исторіей, съ исторіей славнаго боевого прошлаго, съ существомъ настоящаго войскового устройства и т. д. За это должна приняться наша казачья школа всѣхъ ступеней. Она должна почитать это одною изъ главныхъ своихъ задачъ въ будущемъ, должна сама пропитаться духомъ казачества, т.-е. оказачиться, и внушить его казачатамъ. Въ помощь ей должна выступить казачья общественность. Необходима организація вродѣ Об-

ществъ любителей и ревнителей казачьей старины, которая охватила бы не только интеллигентскіе круги, но и проникла бы въ станицу, въ самую гущу казачью. Въ настоящее время (особенно послѣбольшевистское время) не можетъ быть безъ надлежащей подготовки ни гражданина, ни патріота, а безъ нихъ не можетъ быть ни нормальнаго общества, ни государства.

Итакъ, казачеству быть и впредь на пользу и славу Россіи! Быть автономнымъ въ исконныхъ казачьихъ формахъ и на основѣ казачьихъ идеаловъ!

М. А. Поликарповъ,
Членъ Донского Войскового Круга.

Старая Россія старалась держать казаковъ на задворкахъ, но въ часы государственныхъ испытаній славословила ихъ и одаряла милостями. Проходило грозное время и милости отбирались — потихоньку, помаленьку, тишкомъ, нишкомъ.

Казачество — это еще не читанныя страницы русской исторіи, а лишь перелистанныя.

Казачество — особая эссенція русскаго и другихъ народовъ, населявшихъ Россію. По крови казаки — русскіе люди преимущественно, а въ примѣси есть все. Это показываютъ фамиліи, встрѣчающіяся почти въ каждой станицѣ: Татаровы, Русаковы, Хохлачевы, Поляковы, Литвиновы, Нѣмчиковы, Булгаровы, Цыганковы, Молдавановы, Сербиновы, Грековы, Туркины, Грузиновы, Черкесовы, Калмыковы, Персіяновы, Мордвинцевы, Черемисовы, Китайскіе, Жидковы. Зашла на Донъ и голубая кровь — Голицыныхъ, Горчаковыхъ, Курбатовыхъ, Потемкиныхъ, Долгоруковыхъ, Князевыхъ, и несмѣтная сила Поповыхъ, Дьячкиныхъ, Дьяковыхъ, Дьяконовыхъ, Пономаревыхъ и бѣглыхъ мастеровыхъ москвичей — Токаревыхъ, Овчинниковыхъ, Ткачевыхъ, Бондаревыхъ, Кирпичниковыхъ, Колесниковыхъ, Плотниковыхъ, Приказчиковыхъ и пр. Все это кровь пришлая, смѣшавшаяся съ русской и, судя по языку, великорусская преимущественно.

Казаки — это отборъ съ высокими качествами волевого

порядка. Великороссъ, малороссъ и казакъ, или, какъ говорятъ въ просторѣчіи — Русакъ, Хохолъ и Казакъ — суть три отвѣтвленія русскаго племени, имѣющія свои особыя бытовыя черты въ жизни семейной, общественной, хозяйственной и свою исторію.

Загнанная въ лѣса дикими степными кочевниками, великорусская вѣтка выработала стойкость въ оборонѣ и сверхчеловѣческую выносливость въ самыхъ тягчайшихъ условіяхъ государственной и гражданской жизни.

Степь и южное море воспитали волю къ покрытію пространства, къ побѣдѣ открыто бушующей стихіи, развили духъ инициативы: Ермакъ, Разинъ, Запорожцы, Калединъ, Корниловъ, Дутовъ и другіе. Такими качествами обладалъ весь югъ, но крѣпостное рабство нѣсколько ослабило его. Въ чистомъ видѣ указанныя качества степняка сохранились въ казачествѣ, не знавшемъ крѣпостного права.

Выставленное положеніе подтверждается революціоннымъ временемъ, свидѣтелями котораго мы были. Сѣверъ безоговорочно принялъ диктатуру пролетаріата, преподнесшаго странѣ доисторическую систему народнаго хозяйства. Украйна возставала многообразными разрозненными группами. Казачество возстало поголовно.

Зарубежная русская интеллигенція не ставитъ казачьяго вопроса, хуже того — она ставитъ вопросъ объ уничтоженіи казачества. Одни ради мести, что казаки не спасли корону; другіе въ силу тенденціи равненія на низъ, — на бѣдноту, чтобы она нажила богатство; третьи вслѣдствіе вѣковой ошибки, что нужно жить для племени Русь, а надо было жить для Россіи. Равненіе на бѣдноту. Мы не понимаемъ этой темной психологіи. Мы думаемъ наоборотъ: нужно всю Россію приподнять до казачества.

Война — государственный экзаменъ гражданину. И мы должны узрѣть причину, тѣ условія, въ которыхъ выростаетъ подлинный гражданинъ и исчезаетъ бунтующій рабъ: рабъ и нищій не можетъ быть гражданиномъ.

Въ чемъ вина казачества передъ эмиграціей и совѣтской властью?

Эмиграція обозлена, что горсточка казаковъ не сломила стомилліоннаго центра. Совѣтская власть изумилась желѣзной стойкости казачества и подмѣтила въ его душѣ постоянство бунтующей силы противъ рабства. Эта власть по

систематическому плану стираетъ казачество. Лежитъ ли въ душѣ русскаго народа такая же злоба, какъ у эмиграціи и совѣтской власти — трудно сказать отсюда. Зависть къ казачьему благополучію у безземельнаго крестьянина была; месть за службу трону имѣлась. Сѣверный шквалъ сельскаго пролетарія на Донъ открылъ глаза и разсѣялъ сказки о казачьихъ земельныхъ надѣлахъ. А интеллигенція здѣсь эти сказки продолжаетъ сказывать.

Всталъ вопросъ:

— Смерть казачества во имя цѣлости Россіи — говорятъ одни.

— Смерть Россіи во имя спасенія казачества, — сказали другіе.

Третьи ищутъ третьяго выхода: жизнь казачества и цѣлость Россіи. Этихъ мало. Они не популярны, не модны.

Сто лѣтъ готовился планъ формовки строевого лѣса — старымъ дубамъ срѣзали верхушки, чтобы догналъ молоднякъ, а потомъ все рубанули подъ корень. Казакъ Баяновъ рекомендуетъ пользоваться тѣмъ же рецептомъ: долой казачьи привиллегіи, равняйся на низъ, не противься злому.

Когда опасно боленъ человѣкъ и температура доходитъ до предѣла, гдѣ рядомъ стоятъ и жизнь и смерть, организмъ дѣлаетъ отчаянное сопротивленіе и либо побѣждаетъ, либо умираетъ. Такъ будетъ съ казачествомъ, если надъ нимъ взметнется злобная рука. Въ попыткѣ убить казачество можетъ постигнуть смерть и Россію. Признаки эти есть. Смерть Россіи ради спасенія казачества — опасный ходъ: оное можетъ прожить только историческое мгновеніе, а больше опасности, что и мгновенія этого не будетъ.

Въ новомъ теченіи часто дѣлаются историческія натяжки: самостійные идеологи, обычно, оперируютъ именемъ Разина, какъ носителя идеи сувереннаго права казачьихъ войскъ. Невѣрно: ни Ермакъ, ни Разинъ, ни Пугачевъ, ни даже Булавинъ никогда этой идеи не носили. Булавинская схватка съ Петромъ I есть мужественный бой за народоправство на Дону, а Разинскій взлетъ — взмахъ противъ самодержавной власти въ пользу того же народоправства для всей Россіи — оказачиваніе. То же у Каледина, Корнилова, Дутова и другихъ. Приподымите Россію до казачества, но упаси Боже принимать рецепты казака Баянова и писателя Чирикова: подъ ихъ перомъ летаетъ смерть и Россіи и казачества.

Если у русской интеллигенціи и русскаго, вѣрнѣе великорусскаго, народа снова встанетъ вопросъ — все для меня и мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ особенностей, — исторія поколетъ государство на дрова: она не терпитъ фашизма и вмѣстѣ съ тѣмъ рождаетъ таковой же въ мелкихъ бытовыхъ группахъ.

Отчаяніе — такъ я понимаю психологію самостійнаго движенія въ казачествѣ, пока малочисленнаго. Выростающая казачья интеллигенція мыслитъ сохраненіе казачества въ формахъ самостоятельнаго государственнаго бытія. Проще и яснѣе недавно выразилъ эту мысль старый рядовой лейбъ-казакъ: «Большевики уничтожаютъ казачество, интеллигенція, какъ и коммунисты, норовитъ насъ упразднить, а русскій народъ о насъ и не думаетъ. Пойдемъ на пропалую — или умремъ или будемъ жить: всѣ порѣшили насъ уничтожить, попробуемъ отбиваться». Ходъ вабанкъ — жизнь или смерть.

Это мысли и слова отчаянія, вызванныя травлей на казачество изъ нѣдръ великорусскаго державнаго фашизма и замалчиваніемъ демократіи и соціалистовъ о казачьемъ вопросѣ.

Вдумчивый историкъ, политикъ и государственный дѣятель, даже мы, рядовые люди, видимъ, что казакъ являлся идеаломъ русскаго народа. Это утвержденіе ярко подкрѣпляетъ народное творчество — былины и пѣсни. О казакѣ и о казачьей жизни въ народѣ и даже въ интеллигенціи создалось сказочное представленіе. Формальная власть знала казаковъ только какъ военную силу — конницу. А что выковало эту силу и почему казакъ отличный воинъ и гражданинъ — историки этого вопроса не ставили.

Казачество можетъ разрѣшить накаленный вопросъ раздѣла Россіи. На чьей сторонѣ будетъ казачество въ неминуемомъ столкновеніи Кіева съ Москвой, тамъ будетъ побѣда и торжество политической идеи, т.-е. смерть Россіи или единство ея. По существующей днесь психологіи сѣвера и юга надлежитъ сказать: сѣверъ не терпитъ даже областничества, Украйна благословитъ, что угодно. Этимъ соблазномъ поджигается казачье устремленіе къ самостоятельному отдѣленію отъ Москвы, не видя оттуда поддержки себѣ.

Прольетъ ли Украйна хоть одну каплю крови за спасеніе казачества? — спросилъ я.

— Нѣтъ! — честно отвѣтилъ мнѣ казачій самостійникъ — но не сдѣлаетъ этого и Москва, — добавилъ онъ.

Ощутимая игра какихъ то кабинетовъ въ пользу сепаратного движенія Украйны и казачества угрожаетъ смертельной опасностью не только Россіи и казачеству. Возникаютъ новые Балканы съ вѣчной войной за Донецкій кряжъ, Кавказскіе минералы и берега южнаго моря. Вольются въ нихъ дредноуты морскихъ державъ. Загремятъ пушки изъ-за россійскаго добра и культурная Европа зальется коммунистическимъ потопомъ.

Въ чемъ спасеніе Россіи и казачества?

Посадить сибиряка въ душу рязанскаго крестьянина. Въ Сибири почти нѣтъ разницы между крестьяниномъ и казакомъ.

Что для этого нужно?

То, о чемъ надоѣло говорить. Подлинныя начала народоправства и четко поставленный вопросъ объ окраинахъ, которыя въ массѣ оказались культурнѣе державнаго племени.

Русская исторія шла по треугольнику — Кіевъ, Москва, Петербургъ. Теперь идетъ обратно — Петербургъ, Москва. Спасеніе в Кіевѣ. Перенесите туда столицу Россіи и сепаратизмъ падетъ. Не хотите? Знаю: умрете, а не уступите. Такъ пала и корона Николая II.

Вотъ этой кажущейся шуткой было бы спасено казачество, Украйна и Москва — Единая Россія, изъ трехъ родныхъ равноправныхъ братьевъ. Не надо жить для племени Русь — нужно для Россіи: въ прошломъ была вѣковая ошибка. На великодержавности Россія погибнетъ; нужно сотрудничество ея народовъ.

Будущее казачества — въ перемѣнѣ великорусской державной психологіи. Если этого не случится, тогда самостійники правы.

Н. Ф. РОЩУПКИНЪ,
полковникъ, казакъ Терскаго Войска,
б. Атаманъ Отдѣла.

Каково бы ни было начальное происхожденіе казачества — отъ скифовъ или сарматовъ, или, быть можетъ, еще

более древнихъ народовъ — это обстоятельство не можетъ поколебать ясного сознанія казака, что онъ русскій человѣкъ. Къ тому же эта далекая родословная казачества не имѣетъ никакой твердой исторической достовѣрности и не пользуется всеобщимъ признаніемъ въ наукѣ. Одно несомнѣнно и безспорно, это то, что казачество и по своему происхожденію и по духу и по существу является плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго народа. Никогда казачество не мыслило себя какимъ то особымъ народомъ и никогда не стремилось отдѣляться отъ русскаго государства. На протяженіи вѣковъ оно неизмѣнно сохраняло вѣрность своей Великой Родинѣ, безгранично любило свою Матушку-Русь и во имя ея счастья и блага безропотно и сознательно жертвовало своею кровью и жизнью. Когда именно возникло на Руси казачество, исторія точнаго отвѣта не даетъ. Терское Войско, напримѣръ, появляется при царѣ Иванѣ Грозномъ. Родоначальниками терцевъ считаются новгородскіе выходцы. Вообще же надо замѣтить, что наши лѣтописцы примѣрно только въ XVI вѣкѣ громко заговорили о казакахъ, ибо только къ этому времени казачество сдѣлалось крупнымъ политическимъ явленіемъ русской государственной жизни. Ростъ казачества совпалъ съ моментомъ развитія и усиленія крѣпостного права, съ лишеніемъ свободныхъ общинъ, какъ напримѣръ, Новгорода Великаго, Пскова и др. ихъ самостоятельности, вольностей и правъ. Появилось много людей, недовольныхъ московскими государственными порядками, которые не могли примириться съ ними. Всѣ эти политическіе протестанты въ большомъ числѣ стали уходить на окраины государства, въ далекія, почти безлюдныя, степи и тамъ начали образовывать вольныя казачьи общины. По существу это были ни что иное, какъ эмигранты того времени. Московское правительство казаковъ называло ворами. Оно и понятно. Власть иначе не могла смотрѣть на казаковъ, какъ на политическихъ преступниковъ. Къ казакамъ уходили люди съ сильной волей, съ независимымъ характеромъ, съ сознаніемъ своего собственнаго достоинства и своихъ человѣческихъ правъ, люди, которые въ общественной жизни искали правду, справедливость и свободу. Всѣ казачьи общины строили свой бытъ и взаимныя отношенія по старо- русскому укладу, на чисто демократическихъ началахъ. Строгая дисциплина, порядокъ, повиновеніе начальнику и старшему вполнѣ сочетались въ этихъ

общинахъ съ свободой, братствомъ, товариществомъ и взаимной выручкой. Съ момента своего возникновенія, казачество непрерывно вело упорную борьбу съ врагами русскаго государства. Оно защищало предѣлы своей Родины отъ нападеній и вторженій хищныхъ кочевыхъ ордъ, завоевывало новыя земли, колонизовало новыя края. Во всѣхъ войнахъ и походахъ, завоеваніяхъ и покореніяхъ, которые вело русское государство, казачество всегда принимало славное, выдающееся участіе съ начала, какъ добровольцы, а впослѣдствіи — какъ составная часть русской арміи. Огромное число Высочайшихъ грамотъ, знаменъ, штандартовъ, трубъ, литавръ и т. п., которыми жаловали русскіе Цари и Императоры казачьи Войска, свидѣтельствуютъ о славныхъ подвигахъ казаковъ и о ихъ великихъ заслугахъ передъ Родиной. На протяженіи многихъ вѣковъ въ непрерывныхъ бояхъ и походахъ у казаковъ выработались поразительно высокія военныя качества. Военная обстановка создала исключительный типъ казака-воина. Самъ геніальный Корсиканецъ—Наполеонъ—по достоинству оцѣнилъ казаковъ.

Русская революція несомнѣнно внесетъ глубокія измѣненія во всей общественной и государственной жизни страны. На сцену политической жизни государства выступитъ многомилліонный классъ — крестьянство, которое начало осознавать свои права и которое предъявитъ свои требованія на участіе во власти и строительствѣ новой Россіи. Теперь уже всѣ классы населенія стремятся къ власти. Это знаменуетъ, что наступилъ неизбѣжный ходъ исторіи: переходъ къ народовластію, къ демократіи. Казачество въ своей массѣ, уже въ силу одной исторической традиціи, является самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ идеи народоправства, сторонникомъ подлиннаго демократическаго устройства всей жизни Россіи. Въ этомъ убѣжденіи казачество стоитъ твердо и непоколебимо. На возглавленіе государства казачество, какъ мнѣ кажется, въ большинствѣ склоняется къ тому мнѣнію, что, пожалуй, будетъ лучше, если во главѣ страны поставить монарха, а не президента.

Сохранится-ли казачество въ будущей новой Россіи?

Смѣло утверждаю — да. Насъ, казаковъ, мало смущаетъ, что большевики своимъ декретомъ упразднили казачество. Они иначе не могли поступить. Чувство самосохраненія, наконецъ, чувство мести заставили ихъ пойти на такой шагъ. Было бы непонятно, если бы большевики сохра-

нили ту силу, которая безусловно враждебна имъ и только и думаетъ о томъ, какъ бы свергнуть власть насильниковъ русскаго народа. Но почему новая Россія и, какъ мы глубоко вѣримъ, Россія національно-демократическая съ правовымъ государственнымъ строемъ, должна будетъ поступить съ казаками такъ же, какъ и большевики? Мы рѣшительно не видимъ ни причинъ, ни основаній для принятія такого рѣшенія. Наоборотъ, по нашему крайнему разумѣнію вопросы государственной обороны повелительно потребуютъ отъ страны возстановленія всѣхъ казачьихъ Войскъ. Государство ни въ коемъ случаѣ не можетъ отказаться имѣть такую конницу, какъ конница казачья, которой нѣтъ равной въ мірѣ или отъ такой идеальной пѣхоты, какъ пластуны. Но возстанавливая казачьи Войска, государство не можетъ ограничиться возстановленіемъ однихъ только казачьихъ воинскихъ частей — оно безусловно должно будетъ возстановить весь укладъ и бытъ самобытной казачьей жизни такъ, какъ они сложились въ многовѣковомъ историческомъ процессѣ. Существуетъ мнѣніе, что казачество пользовалось какими-то особыми правами и привиллегіями. Было время, когда казаки дѣйствительно обладали большими правами, чѣмъ податной крестьянинъ, а тѣмъ болѣе крѣпостной. Но уже во второй половинѣ XIX столѣтія крестьянство было сравнено въ правовомъ отношеніи вполнѣ съ казаками. Отъ какихъ государственныхъ повинностей было свободно казачество? Никакихъ. Самый тяжелый налогъ — налогъ кровью — на казачество былъ возложенъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ на остальное населеніе Имперіи. Все мужское казачье населеніе безъ всякого исключенія отбывало воинскую повинность. На службу выходило во всемъ своемъ собственномъ: отъ государства получало только винтовку. Сложилась легенда, что казачество является собственникомъ огромныхъ земельныхъ площадей и что казачество такъ богато, что можетъ на свой счетъ снаряжаться на службу. На самомъ же дѣлѣ земельныя богатства не такъ велики, какъ это многимъ ошибочно казалось, многія казачьи Войска испытываютъ земельный голодъ и справка на службу для нихъ стало непосильнымъ бременемъ. Казачество вѣритъ, что государство прійдетъ ему на помощь въ дѣлѣ снаряженія и обмундированія.

Относительно устройства казачьихъ Войскъ я считаю справедливымъ и законнымъ, чтобы каждое изъ нихъ поль-

зовалось полной автономіей. Во главѣ Войска долженъ стать Войсковой Кругъ (Рада), составленный изъ полномочныхъ выборныхъ представителей всего казачьяго населенія. Войсковой Кругъ (Рада) для управленія Войскомъ выбираетъ Атамана на опредѣленный срокъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть отвѣтствененъ передъ нимъ. Войсковой Кругъ (Рада), какъ полноправный хозяинъ въ Войскѣ, вѣдаетъ и распоряжается всѣми имуществами и богатствами Войска: землями, нѣдрами, лѣсами, водами, капиталами и т. д. Государство должно предоставить право каждому Войсковому Кругу (Радѣ) издавать законы по всѣмъ вопросамъ мѣстной войсковой жизни, создавать и устраивать свою культурную и хозяйственную жизнь по своему разумѣнію. Казачество думаетъ, что новая Россія перестанетъ смотрѣть на него глазами сатраповъ былыхъ временъ и искренно вѣритъ, что Родина-Мать съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ отнесется къ его нуждамъ и чаяніямъ.

М. М. СКАЛЬДОВЪ (Казмичевъ),
Атаманъ Заокеанской Казачьей Станицы въ Филадельфіи, б. нотаріусъ, Членъ Донского Войскового Круга.

Всякая исторически сложившаяся бытовая группа неизбѣжно подчиняется закону эволюціи. Невозможно было-бы представить себѣ племени, расы, общества, опирающихся на отжившія формы бытія.

Придавая большое значеніе традиціи, опредѣляющей внутреннія черты личности, мы не должны забывать воздѣйствія на нее живыхъ силъ, — обстановки, фактовъ, велѣній момента, предвидѣнія будущаго, — что въ общемъ и создаетъ психологію момента.

Трудно было-бы повѣрить сейчасъ въ возможность существованія легіоновъ Александра Македонскаго, въ Тевтонскихъ рыцарей, въ Запорожскую Сѣчь...

Также трудно вообразить себѣ вольное казачество безъ той сложной зависимости, тяготѣній, взаимной поддержки, обмѣна и уступокъ, на основаніи которыхъ строится современное общество и государство.

Вѣря въ положительныя свойства казачьяго духа, — сплоченность, бодрость, сноровка, находчивость, взаимная поддержка, охота къ ученью, — мы вѣримъ, что въ буду-

щемъ казаки явятся достойными гражданами Россіи, историческое развитіе которой, какъ государства, и замѣчательной разнообразіемъ и богатствомъ природы страны, далеко не заканчивается смѣной режима.

Но мы не мыслимъ себѣ казачества въ роли обособленной группы, эгоистически рѣшающей свое личное дѣло безотносительно къ Россіи, къ этому родоначальному древу, безъ соковъ котораго отдѣльныя вѣтви усохли бы и сдѣлались достояніемъ костровъ разнаго рода хищниковъ.

Казачество, — составная часть, органически связанная со всѣмъ, что составляетъ Россійское государство. Казачество, какъ активная трудовая группа, саморазвивающаяся и самоуправляющаяся, — безъ привиллегій извнѣ, но и безъ бремени исключительныхъ обязанностей службы государству, несущее повинность наравнѣ съ прочими гражданами и не лишенное того, что оно привыкло считать своимъ по праву вѣковой давности, какъ компенсація за поголовную службу (территорія, нѣдра, угодья).

Каждый штатъ Сѣверо-Американскаго союза представляетъ собою сильно отличающіяся другъ отъ друга формы быта. Каждый штатъ управляется своими особыми законами (штатныя конституціи). Населеніе штатовъ является не только отложеніемъ тѣхъ или иныхъ расъ, но во многихъ случаяхъ оно составляетъ конгломератъ національностей, классовъ и группъ.

И тѣмъ не менѣе (а можетъ быть и болѣе) Сѣверо-Американская федерація представляетъ собою замѣчательную по своей цѣлесообразности общественно-политическую единицу, развитіе и прогрессъ которой зиждется именно на внутренней свободѣ составляющихъ ее частей.

Такимъ же образомъ и казачьи области (общины), какъ составныя части Россійскаго государства, вѣрныя своимъ лучшимъ традиціямъ, общественнымъ навыкамъ и идеаламъ единства, останутся дѣятельной силой для развитія Россійскаго государственнаго союза по пути къ лучшимъ достиженіямъ.

Эта струя намѣчена Судьбою. Мы идемъ тернистымъ путемъ. У насъ, русскихъ людей, были великіе пророки и учители. Быть можетъ на время мы забыли ихъ слова. Но духъ ихъ надъ нами.

И онъ приведетъ къ желанной цѣли!

М. Скальдовъ.

П. А. СКАЧКОВЪ,
Членъ Донского Войскового Круга
и Верховнаго Круга Дона, Кубани
и Терека, Завѣдующій Донскимъ
Казачьимъ Архивомъ.

«О КАЗАЧЕСТВѢ»

Гдѣ кровь лилась, тамъ вязель сплелась.
Гдѣ слезы пали, тамъ озера стали.

(Уральская казачья пѣсня).

**
*

«А бьемъ тебѣ ...всѣмъ городомъ Азовомъ со всѣмъ градскимъ строеніемъ и съ пушками, а пушковъ въ немъ 296.

А мы, Государь, холопи ваши не гододержцы, въ мимошедшіе лѣта при прежнихъ царяхъ и великихъ князьяхъ прежняя наша братья Донскіе казаки многіе городы у иновѣрныхъ поганыхъ языковъ бировали и они сами, государь, городами не владѣли, а все вашему государю отчины прибавляли и кровъ свою проливали за васъ государей и за святыя Божія церкви и за вѣру крестьянскую неизмѣнно».

(Изъ отписки Донскихъ казаковъ Царю Михаилу Феодоровичу по взятіи Азова).

**
*

Тотъ интересъ, какой проявляется къ казачеству въ цѣломъ, не только въ зарубежной Россіи, но и Россіи подъяремной, на страницахъ повседневной прессы, лучше всего характеризуетъ его значеніе въ прошломъ Россійскаго государства.

Рѣдкая изъ зарубежныхъ газетъ не затрагиваетъ на своихъ страницахъ, въ томъ или иномъ видѣ, казачьяго вопроса, не говоря уже про то, что существуетъ и спеціальная казачья пресса, выражающая взгляды по этому вопросу отдѣльныхъ казачьихъ группъ.

Если принять во вниманіе политическое разнообразіе зарубежной прессы, то невольно обращаетъ на себя вниманіе одно «новое» явленіе въ отношеніи казачества, — именно, что имъ, въ одинаковой степени, интересуются самые разнообразные круги русской интеллигенціи, подходящіе къ нему съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Новымъ это явленіе приходится считать потому, что вѣдь всего только полтора десятка лѣтъ назадъ казаки не были избалованы вниманіемъ русской интеллигенціи — даже либеральныхъ круговъ, не говоря уже про круги демократическіе и соціалистическіе, гдѣ казачество расцѣнивалось, какъ элементъ явно враждебный и, съ точки зрѣнія этихъ круговъ, государственно вредный.

Теперь и этими послѣдними кругами казачеству удѣляется достаточно вниманія и, что удивительнѣе всего, такъ въ той самой области, въ какой еще такъ недавно казачество расцѣнивалось ими съ точки зрѣнія исключительной вредности. Я имѣю въ виду тотъ особый казачій патріотизмъ, какимъ проникнута была вся многовѣковая славная исторія русскаго казачества, и который всегда руководилъ имъ въ его беззавѣтной преданности въ служеніи своей Великой Родинѣ-Россіи. Вотъ этотъ то патріотизмъ, такъ ярко проявлявщійся въ той исключительной вѣрности служебному долгу и доблести, какой отмѣчена казачья служба, — расцѣнивалась этими послѣдними крутами презрительнымъ наименованіемъ — «царской опричины».

И теперь, вдругъ, неожиданно, эти самые демократическіе и соціалистическіе круги оказались наиболѣе чутки въ вопросѣ такъ называемаго «казачьяго сепаратизма» или «казачьей самостійности», угрожающаго съ ихъ точки зрѣнія цѣлостности Россійскаго Государства. Люди, для которыхъ еще недавно само «Россійское Государство» растворялось въ эфирѣ мірового соціалистическаго царства, совпадающаго съ границами земного шара, — теперь стали выявлять себя наиболѣе чувствительными къ неприкосновенности границъ Россіи и больше того, — брать подъ подозрѣніе казачій патріотизмъ.

Значительность эволюціи этихъ круговъ русской интеллигенціи въ зарубежьѣ лишній разъ указываетъ на значеніе объекта вниманія. Однако, питать особо радужныя надежды при видѣ этого, хотя бы только пока еще словеснаго, вниманія, не приходится, ибо въ глазахъ круговъ этой

самой русской интеллигенціи казачество и теперь, какъ и всегда, относится къ разряду опредѣленной «контръ-революціи».

**
*

«Сохранится ли казачество въ будущей Новой Россіи; какъ сложится его жизнь; въ какихъ формахъ и съ какимъ содержаніемъ», — всѣ эти вопросы, естественно, являются болѣзненно острыми для казаковъ, но едва-ли они могутъ быть освѣщены съ достаточной долей вѣроятности въ настоящее время, ибо отвѣты на нихъ, явятся, конечно, только гадательными.

Одно можно сказать опредѣленно, что пережитая Россіей революція, долженствующая оставить на всемъ послѣдующемъ характерѣ государственной жизни огромное вліяніе, несомнѣнно отразится и на дальнѣйшей судьбѣ казачества и тѣ или иныя измѣненія въ его жизни неизбѣжно произойдутъ.

Еще задолго до революціи 1917 г., жизнь начала вносить свои коррективы въ казачью самобытность и изъ года въ годъ какія либо, еле замѣтныя измѣненія, вносили нѣчто новое въ казачью жизнь, несвойственное ей и невсегда безболѣзненно воспринимавшееся казачествомъ. Нужно думать, что только еще неувѣренность въ себѣ и страхъ передъ возможностью народныхъ движеній, удерживалъ сановный Петербургъ отъ превращенія казачьихъ краевъ въ простыя губерніи и въ то время, какъ съ одной стороны, какъ будто бы было стремленіе «сохранить» казачество со всѣми его особенностями, въ его нетронутой чистотѣ, и оградить его отъ «расказачиванія», съ другой, напротивъ, ясно, было выраженное желаніе «низвести» его на степень правъ и обязанностей населенія любой изъ русскихъ губерній.

И если сановный Петербургъ не рѣшился все же разрѣшить казачьяго вопроса «хирургическимъ» путемъ, а предпочиталъ вести дѣло уничтоженія казачества, какъ говорятъ — «тихой сапой», то большевистская Москва сдѣлала это со свойственной ей рѣшительностью.

Вопросъ о казачествѣ — не новый вопросъ, онъ имѣетъ свою исторію и въ процессѣ ея онъ претерпѣвалъ измѣненія. Но одно оставалось неизмѣннымъ въ жизни самого казачества, — это его безграничная любовь къ своимъ краямъ, — лучше и выше которыхъ казакъ не зналъ ничего.

...Такъ нельзя любить ту или иную губернію, административно территоріальную единицу, лишь условной чертой отдѣленную отъ другой, такой же, губерніи.

Казачій край имѣетъ свою собственную яркую исторію, свои особые нравы, свои типы, свои пѣсни, свой укладъ жизни.

Такъ писалъ В. Г. Короленко въ своей глубоко содержательной книгѣ: «У казаковъ».

...Казакъ еще вживѣ помнитъ, гдѣ казачья кровь поила сухую землю и гдѣ падали на нее слезы казачьихъ матерей, сестеръ и женъ. И онъ страстно любитъ свою степь съ этими красными пятнами вязели, съ тихими извилистыми рѣчками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболѣвшими воспоминаніями о кровавой борьбѣ на два фронта, —киргизъ и Азіи съ одной стороны, съ другой нивелирующій Петербургъ съ его ненавистнымъ фрунтовымъ строемъ...

И то обстоятельство, что это прошлое понемногу исчезаетъ, какъ отголосокъ пѣсни въ сумеречной степной дали, — дѣлаетъ казаковъ романтиками. Въ массѣ этотъ романтизмъ безсознательный, непосредственный. У интеллигенціи — романтизмъ сознательный... И тотъ и другой до извѣстной степени «крамольный».

Я привелъ эту большую выдержку изъ книги великаго русскаго писателя, такъ глубоко интересовавшагося казачествомъ и со свойственной ему проникновенностью подходившаго къ разрѣшенію этого серьезнѣйшаго вопроса, выдвигавшагося самой жизнью. Онъ на мѣстѣ близко ознакомился съ жизнью, бытомъ и особенностями всего казачьяго уклада Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ, въ ихъ настоящемъ и ознакомился съ жизнью казаковъ далекаго прошлаго, такъ называемыхъ «Некрасовцевъ», переселившихся съ Дона въ Турцію послѣ Булавинскаго бунта, и это то знакомство дало ему право сказать:

...Да, казачій строй выработалъ свой особый человѣческій типъ.

И въ рѣдкихъ по красотѣ строкахъ онъ задумывается надъ его будущимъ, въ предвидѣніи грядущихъ событій въ Россіи, говоритъ:

...Что внесетъ онъ съ своей стороны въ ту будущую волю, которая должна теперь выработаться не на «украинныхъ началахъ» борьбы, а на началахъ одинаковыхъ и для Уральска и для Илека, и для киргизской степи, надъ которой въ эти минуты передъ моимъ взглядомъ, тамъ за Ураломъ, висѣла туманная мгла.

Эти строки написаны были Короленко, кажется, еще въ концѣ девяностыхъ годовъ, а какъ бы въ отвѣтъ на нихъ нѣкто Ютанинъ въ смѣновѣховскомъ «Наканунѣ»[1]) въ 1922 году уже писалъ:

...казаки должны проститься съ своимъ казачествомъ ...для казачества является необходимымъ раствориться безъ остатка въ общерусской массѣ, навсегда слѣзть съ коней; потерять не только свое всадничество и наѣздничество, но и всѣ культурно-политическія, мѣстно-бытовыя особенности своего бытія.

...Донъ, Кубань, Терекъ, Уралъ будутъ лишенными содержанія географическими наименованіями, безразлично звучащими для слуха совѣтскихъ подданныхъ.

...вмѣсто атамановъ — комиссары, вмѣсто станицъ — города, вмѣсто округовъ и отдѣловъ — губерніи и уѣзды.

Такъ вѣщалъ о казачествѣ большевистскій пророкъ 6 лѣтъ назадъ, заключивъ свое пророчество рѣшительнымъ и безаппеляціоннымъ заявленіемъ:

...Въ этомъ спокойствіи утвердившейся власти услышатъ казаки приговоръ исторіи, голосъ неизбѣжнаго, конецъ милаго сердцу прошлаго, — исторія не вернется.

Однако, послѣ такого яснаго и опредѣленнаго «приговора», всего только два года назадъ, въ ноябрѣ 1925 г., одному изъ теперешнихъ вершителей судебъ русскаго народа, тов. Микояну пришлось не менѣе опредѣленно заявлять:

...Вопросъ о казачествѣ, товарищи, былъ и останется важнѣйшимъ вопросомъ. Если мы хотѣли и хотимъ завоевать середняка, отбивъ его у кулака,

---

1) «Наканунѣ», № 71.

то мы не можемъ оставить казака противъ себя, ибо казакъ въ большинствѣ своемъ — середнякъ.[2])

Заявленіе тѣмъ болѣе знаменательно, что оно дѣлается послѣ того, какъ съ 1920 года уже не существуетъ и самаго названія «казака», когда пророчество «товарища» И. Н. Ютанина осуществлено въ Россіи въ полной мѣрѣ: «нѣтъ» ни атамановъ, ни станицъ, ни хуторовъ и вообще нѣтъ и самихъ Казачьихъ Краевъ, именовавшихся Казачьими Областями. Больше того, съ зубовнымъ скрежетомъ, но не безъ основанія, Микоянъ говорилъ о «важности значенія» казачьяго вопроса, ибо къ этому времени пришлось примириться и съ казачьей пѣсней, и казачьимъ наѣздничествомъ, и съ казачьей формой въ обыденной жизни. Не осилили большевистскіе декреты и бытовой стороны казачьей жизни, казачьяго уклада, — и не разъ высказывалась ими особая тревога передъ все возрастающей «непререкаемостью авторитета стариковъ», т.-е. того самаго явленія, которое составляло особенность казачьей жизни и что являлось несокрушимой стѣной сохраненія традиціоннаго казачьяго уклада.

***

Итакъ, казачество осталось живо и при наступленіи на него тихой сапы сановнаго Петербурга, не стремившагося къ его полному уничтоженію, но думавшаго уничтоженіемъ его автономій и привиллегій уничтожить его врожденный демократизмъ, ту самую «крамольность», о которой говоритъ В. Г. Короленко, — сохранивъ его историческія, воинскія достоинства, — пресловутая заботливость объ охранѣ казачества отъ «расказачиванія». Тутъ было нежеланіе понять одно, что, уничтожая бытовую сторону и укладъ казачьей жизни, Петербургъ, въ то же время, уничтожалъ и историческія особенности казачьей воинской доблести, вытекавшія изъ самаго уклада его повседневной жизни.

Осталось живо казачество и при стремительномъ натискѣ коммунистической власти, однимъ росчеркомъ пера уничтожившей и самое бытіе его, гордо заявивъ устами того же Ютанина:

> ...Что выберетъ казачество: Босфоръ, Дунай, Марицу или въ старыхъ берегахъ, по новому шумящіе, — Донъ, Кубань, Терекъ?

---

[2]) «Молотъ», 1925 г. № 1292.

Казачество осталось въ «старыхъ берегахъ» своихъ старыхъ испытанныхъ рѣкъ, объ одной изъ которыхъ такъ трогательно поется въ глубокой старины пѣснѣ:

Украшенъ то нашъ Тихій Донъ молодыми вдовами,
Цвѣтенъ нашъ батюшка, Тихій Донъ, сиротами,
Наполнена волна въ Тихомъ Дону отцовскими да
материнскими слезами.

Большевистская словесная трескотня и шумиха, именуемая «шумомъ по новому», не измѣнила «настроенія» старыхъ рѣкъ Дона, Кубани и Терека, они остались вѣрны своимъ старымъ берегамъ, съ ихъ вѣками установленными старыми казачьими традиціями. Въ своей многовѣковой исторіи они не разъ испытывали «шумы по новому» въ страшныхъ угрозахъ турецкихъ султановъ и монгольскихъ хановъ, — «стереть» съ старыхъ береговъ этихъ рѣкъ ненавистное казачество или «заставить» его слушать ихъ «шумъ по новому».

И вотъ въ томъ простомъ и ясномъ заявленіи казаковъ:

— Не съѣли насъ большевики въ голодные годы 1921 и 22, то теперь то ужъ на насъ подавятся, —[3])

лучшее доказательство жизненности казачества.

Какія же основанія думать, что казачество не будетъ имѣть мѣста въ Новой Россіи и можетъ ли вообще ставиться вопросъ: «сохранится ли казачество въ Новой Россіи?».

Думая такъ, значило бы допускать мысль, что Россія обречена на вѣчное пребываніе во власти теперешнихъ сатраповъ или, по праву соціалистическаго наслѣдія, во власти Виктора Чернова. Но, къ счастью для Россіи, первая доживаетъ свои послѣдніе дни, второй не суждено будетъ продолжить опыты соціалистическаго строительства первой, ибо Русскій народъ въ достаточной степени уже будетъ пресыщенъ къ этому времени этими экспериментами, чтобъ позволить себѣ роскошь предоставлять себя еще во власть В. М. Чернова, съ его «Соціалистической Лигой Народовъ Востока Россіи».

Нѣтъ абсолютно никакихъ основаній думать даже, что казачество — это чисто русское, глубоко самобытное явленіе — можетъ быть изъято изъ своего бытія въ Новой Россіи.

---

[3]) «Вѣстникъ Казачьяго Союза». «Письма съ Дона».

Развѣ въ исторіи старой Россіи этотъ чисто русскій человѣческій типъ представлялъ исключительно зловредное явленіе, чтобы подлежать уничтоженію?

И не наоборотъ ли, — развѣ лучшія страницы исторіи Россіи, въ установленіи ею своихъ государственныхъ границъ, не написаны съ большой долей участія казачьей крови, давшей право китайскому политику Фенъ-Ты-Мину сказать свою крылатую истину, что: «границы Россійской Имперіи лежатъ на арчакѣ казачьяго сѣдла?».

Развѣ эта линія безконечныхъ границъ Россійской Державы на востокѣ не охранялась на протяженіи многихъ вѣковъ казачьими городками, зорко слѣдившими за малѣйшими движеніями враговъ Россіи и первыми принимавшими на себя удары монгольскихъ ордъ?

Но пусть это будетъ въ далекомъ прошломъ, а развѣ и на протяженіи послѣдняго столѣтія казачество не дало данныхъ своимъ самоотверженнымъ служеніемъ Родинѣ, чтобъ не считать его существованіе заслуженно-необходимымъ для Россіи?

И если только въ Новой Россіи власть будетъ настоящая національная, Русская, а не интернаціональная, власть глубоко патріотическая, а не космополитическая; власть, которая пойметъ свою прямую задачу — возстановленія мощи Великой Россіи, то можно ли говорить о томъ, что такая власть не пойметъ, что не давить и уничтожать вѣками сложившіеся въ Россіи человѣческіе типы, съ ихъ жизненными особенностями, а напротивъ нужно будетъ вызвать полное напряженіе всѣхъ ихъ производительныхъ силъ и использовать ихъ въ интересахъ Родины, именно въ ихъ бытовыхъ особенностяхъ.

И съ этой стороны казачьи Края, съ ихъ хозяйственно-творческой энергіей, конечно же, не только не могутъ быть уничтожены, а — наоборотъ — станутъ объектомъ особаго вниманія національной власти возрожденной Россіи.

Иначе не можетъ быть, ибо, если Микояны должны были заговорить о томъ, что имъ нельзя имѣть «противъ себя казака», то, спрашивается, какая же иная еще власть можетъ думать иначе?

***

Едва-ли можно еще говорить о томъ, что казачьи края, и въ частности Донъ, пожелаютъ изображать изъ себя го-

сударственныя образованія, въ видѣ-ли «федеративныхъ республикъ» или еще лучше «самостоятельныхъ государствъ». По крайней мѣрѣ, въ отношеніи Дона, по моему мнѣнію, къ этому нѣтъ никакихъ основаній.

Я не знаю, на чемъ строитъ свои вожделѣнія тотъ «пятокъ» такъ называемыхъ «федералистовъ-республиканцевъ», группирующихся вокругъ казачьяго органа бывшаго Предсѣдателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова, именуемаго «Путь Казачества», ибо, насколько мнѣ извѣстно, Донское казачество никогда и нигдѣ не выражало своего желанія видѣть Россію раздробленной, все равно подъ какимъ политическимъ соусомъ ни преподносилось бы отдѣльными политическими дѣятелями или группами раскромсаніе на части Россіи.

Многолюдный «Казачій Съѣздъ Войска Донского», 1917 года, — этотъ первый съѣздъ (послѣ февральскаго переворота) Донскихъ казаковъ, состоявшійся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по вопросу «О формѣ Правленія Россійскаго Государства», постановилъ: § 1 — Демократическая Республика единая, недѣлимая.

Гл. V. — «Объ отношеніи Донского края къ Государству». Единогласно принято слѣдующее постановленіе: «Донская Область составляетъ неотдѣлимую часть Великой Россійской Демократической Республики, имѣя широкое мѣстное самоуправленіе».

Этотъ съѣздъ, состоявшій изъ больше, чѣмъ 700 представителей станицъ и воинскихъ частей, какъ находившихся на фронтѣ, такъ и въ тылу, мыслилъ «широкое мѣстное самоуправленіе» и для всѣхъ частей, входящихъ въ составъ Россіи, и даже отдалъ дань времени и въ § 2 упомянулъ о «національномъ самоопредѣленіи».

Но если разсмотрѣть дальше постановленія Съѣзда, опредѣлявшія собственное свое «самоуправленіе» и самоопредѣленіе, то это «національное самоопредѣленіе» Донцовъ едва-ли могло удовлетворить кого-либо изъ вновь народившихся «націй» и «народовъ».

Такъ же опредѣленно выявилъ свое отношеніе къ этому основному вопросу и Первый Калединскій Войсковой Кругъ, созванный на основаніи выработанныхъ постановленій Казачьяго Съѣзда, состоявшійся въ Новочеркаскѣ съ 26 мая по 18 іюня 1917 г.

§ 1 постановленій Круга гласитъ, что: Россія должна

быть недѣлимой народной республикой...и § 2, что: Войско Донское составляетъ неотдѣлимую часть великой Россійской народной республики, имѣющую широкое мѣстное самоуправленіе съ правомъ законодательства по мѣстнымъ дѣламъ, непротиворѣчащаго общимъ основнымъ законамъ...

Дальше шли постановленія, выражавшія чаянія на закрѣпленіе историческихъ казачьихъ правъ на земли, нѣдра и т. п. Больше того: Войсковой Кругъ, собранный уже послѣ захвата большевиками власти въ Петроградѣ и Москвѣ и послѣ заявленія Атамана Каледина о непризнаніи этой власти властью Общероссійской, не пересматривая своего постановленія о будущемъ государственномъ строѣ Россіи, свое отношеніе о неразрывности съ нею выразилъ постановленіемъ:

> «Войсковому Правительству впредь до образованія Законной Всероссійской Государственной Власти принадлежитъ вся полнота исполнительной Государственной власти въ предѣлахъ Области».

Ни о какой «федераціи» не помышлялъ ни майскій, 1918 г., «Кругъ Спасенія Дона», и ни одна изъ сессій Войскового Круга 4-го созыва, т.-е. августъ — сентябрь 1918 г., и февраль — май и сентябрь — декабрь 1919 г., какъ и сессія январь — февраль и октябрь (въ Крыму) 1920 года. Это продуктъ собственнаго политическаго творчества В. А. Харламова, появившійся съ 1924 г. на страницахъ редактировавшагося имъ журнала Общеказачьяго Сельско-Хозяйственнаго Союза въ Прагѣ: «Казачій Путь».

Если мечты о «федеративномъ» расчлененіи Россіи являются такимъ образомъ безпочвенными, не имѣющими абсолютно никакихъ корней въ широкихъ казачьихъ кругахъ Дона, за исключеніемъ того «пятка» казаковъ милюковскаго толка, во главѣ съ В. А. Харламовымъ, то, тѣмъ болѣе химерическими являются «мечты» о «самостоятельномъ Донскомъ государствѣ», проповѣдуемомъ группой казаковъ, подъ именемъ «Союза Вольныхъ Казаковъ», или просто Вольнаго Казачества.

Это теченіе, численно расцѣниваемое Редакторомъ «Путь Казачества» В. А. Харламовымъ въ «полтора человѣка», явилось только логическимъ слѣдствіемъ перваго явленія. Самостійное «Вольное Казачество» — оно же по не-

доразумѣнію и «Вільне Козацтво» — вышло изъ редакціонныхъ нѣдръ «Пути Казачества».

Всѣ отдѣлившіеся отъ редакціи «Путь Казачества» и образовавшіе свой журналъ «Вольное Казачество» были дѣйствительными членами Редакціоннаго Совѣта перваго и членами Совѣта не послѣдними и расцѣнка ихъ въ «полтора» человѣка В. А. Харламовымъ вытекаетъ больше изъ желанія сохранить «численное большинство» расколовшейся группы федералистовъ-республиканцевъ, за своей половиной.

Въ самомъ дѣлѣ, — если В. А. Харламову въ эмиграціи пришла мысль раздробить Россію на отдѣльныя (федеративныя) республики, то почему бы его ученикамъ не вести эту линію дальше и не углубить пограничные «федеративные» рвы до «самостійныхъ» овраговъ?

Нужно отдать справедливость, что «самостійничество» имѣетъ подъ собою нѣкоторую «юридическую» (!) почву, обосновывая свою идеологію на принятыхъ Войсковымъ Кругомъ 4-го созыва (съ 15 августа по 18 сетября 1918 г.) основныхъ законахъ, гдѣ сказано, что: «Донъ есть самостоятельное государство». Но на этомъ основаніи можно строить свои государственно-политическія чаянія, только закрывши глаза на всю ту дѣйствительную обстановку, въ какой принимались эти рѣшенія.

Теперь «вольные казаки» опираются и на принятый Кругомъ «Донской гимнъ», на «печать», и на свой «національный» флагъ, усматривая въ этомъ «настроеніе» Круга «къ самостоятельности» своего государственнаго бытія. Какъ Членъ «Комиссіи по выработкѣ Основныхъ Законовъ» и какъ Товарищъ Предсѣдателя Войскового Круга того времени, считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать къ ихъ свѣдѣнію, — главнымъ образомъ юной части ихъ, слабо освѣдомленной объ обстановкѣ работы Круга того момента:

Въ Комиссіи по выработкѣ Основныхъ Законовъ или Конституціи Дона, несмотря на то, что въ ней были и дѣятельное участіе принимали соціалисты Агѣевъ, Улановъ и Гнилорыбовъ (!), даже предсѣдательствовавшій въ ней, вопросъ о Государственномъ существѣ Дона былъ «единогласно» принятъ въ редакціи:

> «Донское Войско есть самостоятельное Государственное образованіе впредь до возстановленія Россіи».

Редакцію эту привожу по памяти, ибо являлся иниціа-

торомъ обязательности такой именно редакціи, какъ и сохраненія русскаго національнаго флага, бѣло-сине-краснаго, флагомъ Донскимъ національнымъ, и это принято было безъ преній и защита этого флага на Кругѣ была поручена Комиссіей Агѣеву.

Какъ ни странно, но горячими сторонниками «обособленія» Дона на Кругѣ являлись крайніе правые, руководимые покойнымъ Членомъ Круга ген. Г. П. Яновымъ, являвшимся проводникомъ всѣхъ политическихъ и государственныхъ взглядовъ бывшаго тогда Донскимъ Атаманомъ ген. П. Н. Краснова.

По «тактическимъ» соображеніямъ и ярко выраженной оріентаціи Атамана П. Н. Краснова на нѣмецкій штабъ дивизіи, находившійся въ Ростовѣ на Дону, имъ рѣзко проводилась линія всяческаго «отмежеванія» отъ лозунга Добровольческой Арміи: «Единая-Недѣлимая Россія» и поэтому настойчиво требовалось и отъ Круга принятіе соотвѣтствующей формулы о существѣ Донской государственности и Донского флага сине-желто-краснаго. Атаманъ самъ выступалъ съ горячей рѣчью въ защиту этого послѣдняго и все же, несмотря на это, въ его отсутствіе, послѣ горячихъ преній, Кругомъ приняты были предложенія Законодательной Комиссіи. Однако, на послѣобѣденномъ засѣданіи Круга, Атаманъ, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ вновь возбуждать уже рѣшенный Кругомъ вопросъ, снова выступилъ съ горячей рѣчью въ защиту флага и, опять послѣ горячихъ преній, Кругъ принялъ «Донской флагъ» въ желаемой для П. Н. Краснова формѣ, сине-желто-алый, но принялъ его большинствомъ въ 2-3 голоса.

И несмотря на такую опредѣленно «самостійную» позицію Атамана, во всѣхъ воззваніяхъ Круга, а ихъ было не одно, къ «русскому народу», къ «крестьянамъ сосѣднихъ съ Дономъ губерній», къ «красноармейцамъ» и др., красной нитью проходила мысль о неразрывности Дона съ Россіей и о непримиримой враждѣ Дона къ поработившимъ ее большевикамъ. Было-бы смѣшно думать, что Атаманъ ген. Красновъ являлся дѣйствительно сторонникомъ самостоятельности Дона, это было своего рода «очередное» увлеченіе ставки на нѣмцевъ и ихъ непобѣдимость, отъ котораго П. Н. Краснову пришлось вскорѣ же отказываться, но, тѣмъ не менѣе, увлеченіе это было и на Кругѣ оно проводилось настойчиво и, однако, это не помѣшало и не мѣшаетъ бывшему

Атаману ген. П. Н. Краснову «обвинять» Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека въ стремленіяхъ къ сепаратизму.

Можно ли говорить серьезно о тѣхъ нелѣпыхъ утвержденіяхъ ген. Т. Старикова, въ его писаніяхъ въ «Вольномъ Казачествѣ» — «Вільномъ Казацтве» и другихъ авторовъ, что Донъ велъ войну съ какимъ то «Сѣвернымъ государствомъ», или еще лучше, съ «русскимъ народомъ».

Это уже не «увлеченіе», а простое, по казачьему выраженію, «затмѣніе разума», видимо наступившее въ угоду вновь обрѣтенному союзнику въ лицѣ великой державы Украинской, границы которой, можно сказать, лежатъ на кончикѣ кисти съ «живто-блакітноі» краской. Въ рукахъ какой степени великодержавной одержимости находится эта кисть, свободно закрашивающая, изъ территоріи Россіи, украинскія «государственныя границы, «от Карпатъ до Урала», или отъ «Карпатъ до Каспія», съ захватомъ, кстати, и земель «союзнаго» Дона, съ великодушнымъ выдѣленіемъ ему «шматка» земли «біля» его столицы?

Я хотѣлъ бы напомнить «вольнымъ казакамъ» о той телеграммѣ, каковую послалъ 1-й Калединскій Кругъ въ Кіевъ Украинской Радѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе отъ ея имени проф. Грушевскаго.

Я, къ сожалѣнію, не имѣю текста Грушевскаго, но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что у него не было недостатка въ выраженіи его «великодержавныхъ» чувствъ «самостійной Украины», ибо Донской Кругъ видимо зналъ, что писалъ, а онъ писалъ:

> «Донской Войсковой Казачій Кругъ глубоко тронутъ братскимъ привѣтствіемъ Рады. Стремясь къ самому широкому самоуправленію съ правомъ законодательства по мѣстнымъ дѣламъ, правомъ самостоятельнаго распоряженія землями и нѣдрами казачьей земельной общины, мы, казаки, *за недѣлимую Россію* (курсивъ мой). Во имя спасенія стоящей на краю гибели Родины зовемъ и Васъ къ тому же. Въ единой русской арміи впередъ на врага».

При самомъ горячемъ желаніи найти въ этомъ отвѣтѣ проблески «самостійничества», ихъ не найдешь. Не было ихъ и на всемъ протяженіи существованія Войскового Круга, т.-е. съ 1917 по 1920 годъ.

Нѣтъ никакихъ основаній думать, что это настроеніе Дона измѣнилось, ибо оно осталось неизмѣннымъ въ зарубежномъ казачествѣ, въ его подавляющей массѣ.

И съ этой стороны характеренъ отвѣтъ одного изъ юныхъ «самостійниковъ» своему недавнему политическому вождю В. А. Харламову, на его указанія о безпочвенности самостійничества: «намъ два пути: или съ монархистами, — значитъ съ Россіей — или самостоятельно, къ своему государственному существованію безъ Россіи, — съ милюковщиной намъ не по пути».

Это неожиданное заявленіе вызвало со стороны В. А. Харламова своеобразную реплику, но въ извѣстной степени логики «самостійнику» отказать нельзя, — она все же исходитъ изъ постановленій Круговъ, въ то время, какъ «федерація» есть заграничное благопріобрѣтеніе.

***

Судьба казачества неотдѣлима отъ судьбы Россіи. Будетъ жива Россія, будетъ живо и казачество; не будетъ Россіи, не станетъ и казачества и, ужъ понятно, не спасутъ его никакія стремленія къ самостоятельной государственности въ союзѣ съ всевозможными претендентами на Россійское государственное наслѣдіе, — будетъ ли это «великая» украинская держава, или еще болѣе «великая» независимая Грузія, или еще не успѣвшіе самоопредѣлиться великіе «народы» и «націи».

Но, къ вящему прискорбію всѣхъ этихъ «великихъ» наслѣдниковъ, Россія жить будетъ и жить въ своемъ прежнемъ единствѣ и подлинномъ величіи и, раскрѣпощенная революціонной встряской, земская Россія сумѣетъ найти общій языкъ со всѣми населяющими ее народами въ рамкахъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, тамъ гдѣ это вытекаетъ изъ исторически сложившихся условій, и широкаго общаго земскаго самоуправленія, душившагося бюрократическимъ Петроградомъ, тормозившимъ хозяйственно - экономическое развитіе Россіи.

Но она же — эта Единая и Недѣлимая Великая Россія — найдетъ и достойный ея языкъ въ опредѣленіи своихъ границъ и своихъ историческихъ правъ на нихъ, со всѣми новоявленными сосѣдями изъ самоопредѣлившихся

«великихъ» народовъ и націй. Пусть это будетъ нелегкая задача, но Россія справится съ нею, какъ она не разъ справлялась съ выпадавшими на ея долю историческими невзгодами. Было бы рискованнымъ ставить крестъ надъ русскимъ, именуемымъ теперь по новому «великорусскимъ», народомъ, — за единство своего Государственнаго бытія онъ скажетъ свое слово и нужно ли еще говорить о томъ, что въ предстоящей ему тяжелой работѣ по возстановленію своей Великой Родины — Россіи, казачество будетъ съ нимъ, съ этимъ русскимъ народомъ, какъ неотъемлемая часть его кости, плоти и крови.

Т. М. СТАРИКОВЪ,
генералъ-лейтенантъ, б. Командиръ Донского Коннаго корпуса и Членъ Дон. Войскового Круга.

Всѣ русскіе люди, весь русскій народъ знали и знаютъ, какую великую службу сослужило Казачество русскому государству. Это оно дало ему Донъ, Кубань, Терекъ, низовье Волги, Уралъ. Это оно поднесло московскому царю Сибирь и затѣмъ помогло закрѣпить ее за Россіей. Но русскій самодержавный царь въ лицѣ Петра I не помирился съ Казачествомъ, разрушилъ Запорожскую Сѣчь и почти полностью истребилъ Донское Войско. И только за то, что въ немъ въ полной мѣрѣ осуществлялись свобода и равенство. Деспотическій русскій строй не могъ этого снести.

Казачество смирилось и подчинилось русскому царю. Съ тѣхъ поръ оно участвовало во всѣхъ войнахъ, какія когда либо вела Россія и помогло созданію ея могущества, но оно употреблялось также и для военно-полицейской дружбы. Въ 1905-6 году начавшаяся революція была подавлена почти исключительно одними казаками. Но за эту службу возсталъ противъ нихъ весь русскій народъ. Вся интеллигенція, вся пресса были противъ казаковъ, а крестьяне и рабочіе считали ихъ самыми злѣйшими своими врагами. Я лично пережилъ съ казаками тѣ годы и знаю, какъ тогда къ намъ относились. Иного имени, какъ «варвары», «дикари», «опричники» — мы не знали, а вѣдь мы тогда только исполняли велѣнія царя. Монархистамъ мы спасли земли, а они же хо-

тѣли отобрать у насъ земельные «излишки» для переселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ. Лѣвыя группы и партіи шли еще дальше. Они уже ставили вопросъ о самомъ существованіи казачества.

Въ Великую войну Казачество выставило сотни полковъ, сидящихъ на собственныхъ коняхъ, съ собственнымъ обмундированіемъ и снаряженіемъ, давъ такимъ образомъ огромную военную силу. Но достаточно было притти въ Петербургъ чисто провокаціонному слуху съ Дона о какихъ то тайныхъ замыслахъ казаковъ, чтобы г. Керенскій приказалъ мобилизовать два военныхъ округа противъ одного только Дона, а между тѣмъ казаки были искренне преданы Временному правительству. Оно пало съ чрезвычайной легкостью.

Безъ всякой борьбы русскій народъ призналъ коммунистическую власть. Но казачество возстало противъ нея. На фронтъ пошли всѣ казаки, способные носить оружіе, начиная съ 17 лѣтъ.

Но и большевики не дремали. Они двинули огромныя арміи для завоеванія казачества. Рабочіе и крестьяне шли съ большой охотой. Они шли мстить казакамъ за 1905 годъ. Шли за землей.

Союзъ Дона съ кадетской партіей для производства выборовъ въ Учредительное Собраніе далъ право и большевикамъ и русскому народу отожествить насъ съ этой партіей. Насъ не называли казаками, а «кадетами», и воевали, какъ съ кадетами. Послѣ нашего объединенія съ Добровольческой арміей на насъ шли уже, какъ на силу, на которую опираются реакціонные круги и, главнымъ образомъ, монархисты-землевладѣльцы. Это удесятерило энергію русскаго народа для борьбы съ нами. Сама же Добровольческая армія дала всего нѣсколько тысячъ бойцовъ (и это на 150 милліоновъ населенія Россіи), была непопулярна въ народѣ и, слѣдовательно, не могла намъ помочь. Казачество было разгромлено и теперь окончательно добивается коммунистами. Казаки поплатились при Петрѣ за то, что хотѣли отстоять свою свободу, жестоко расплатились за свое желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (Разинъ, Пугачевъ), поплатились и за то, что въ 1905 году поддержали монархическій строй, а теперь платятся за борьбу съ большевиками въ союзѣ съ Добровольческой арміей, ибо насъ они расцѣниваютъ не только какъ людей, желающихъ отстоять свои права на самобытность, но и какъ реакціонную силу.

Какъ же расцѣнили насъ русскіе люди, русскія партіи и Добровольческое командованіе?

Невозможно забыть того, что самъ главнокомандующій войсками юга Россіи ген. Деникинъ бросилъ въ Новороссійскѣ всю Донскую конницу, тогда какъ ни одинъ солдатъ Добровольческой арміи не былъ оставленъ, — забирались даже повозки, даже тачанки, а ген. Врангель лично мнѣ отказалъ въ перевозкѣ въ Крымъ коннаго корпуса, которымъ я командовалъ и который находился на восточномъ побережьи Чернаго моря.

А партіи? Есть ли хоть одна русская партія, которая понимала бы сущность казачества? Понимала бы его чаянія и надежды и готова была бы придти ему на помощь? Всѣ русскія партіи готовы были бы только использовать казачество, для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, но чтобы потомъ оно было бы вѣрно только ей одной, въ противномъ случаѣ казачество будетъ обращено этой же партіей во «враговъ» русскаго государства и русскаго народа.

Но что же происходитъ тамъ, гдѣ остался весь русскій народъ, въ СССР? Что дѣлается въ нашихъ родныхъ краяхъ? И тамъ не осталось защитниковъ, — наоборотъ, тамъ идетъ въ буквальномъ смыслѣ истребленіе казачества.

Большевики и вообще русскіе люди, попадающіе въ наши края, держатъ себя, какъ завоеватели. Донское Войско разодрано на нѣсколько частей и причислено къ разнымъ губерніямъ, уничтожено названіе станицъ. Идетъ рѣшительное расказачиваніе. Могучимъ средствомъ для этого служитъ комсомолъ. Изъ него готовятъ людей, не помнящихъ родства и могущихъ со временемъ стать самыми ярыми коммунистами и разрушителями всѣхъ основъ казачества. Но большевики идутъ еще дальше. Они хотятъ во что бы то ни стало развратить казачку и разрушить казачью семью и такимъ образомъ убить то начало, въ которомъ выковывались казачьи традиціи, казачьи идеалы, выковывалось то, что дѣлало казака по рожденію казакомъ по духу, по идеямъ, казакомъ по разуму. Большевикамъ и этого мало. Они рѣшили растворить казаковъ въ неказачьей массѣ. Для этого они составили колонизаціонный планъ, по которому наводнятъ Донъ, Кубань, Терекъ людьми съ сѣвера и, конечно, наиболѣе развращенными и преданными коммунистической власти. Что же послѣ этихъ мѣръ станется съ нашими особенностями духа, уклада, съ нашей патріархальностью и,

вообще, что станется съ казачествомъ? Несомнѣнно, оно будетъ убито и убито навсегда.

Мы знаемъ, что это будетъ такъ, но къ величайшему нашему горю занимаемся безпочвенными, никому ненужными спорами о преимуществахъ той или иной политической партіи, спорами о томъ, съ какой изъ нихъ идти спасать Россію и какъ наиболѣе полно служить ей, о томъ же, какъ спасти самое казачество, мало кто думаетъ, а если и думаетъ, то только постольку, поскольку разрѣшаетъ та политическая партія, въ составъ которой входятъ казачьи вожди. Въ зависимости отъ этого они выработали свои, якобы казачьи, идеологіи и поставили свои цѣли, противоположныя другъ другу. Это раздробило казаковъ и они не могутъ уже выступать на защиту своихъ интересовъ и самихъ себя единымъ фронтомъ. Въ этомъ кроется грозная опасность, въ этомъ наша слабость, наша ахиллесова пята. Повинны въ этомъ наши политическіе вожди, раздробившіе казачество ради своихъ политическихъ цѣлей. Мы обязаны бороться не другъ съ другомъ, а помнить, что гибнущее казачество надо спасти и всѣ свои силы направить на борьбу съ общимъ нашимъ врагомъ.

Но гдѣ же путь къ спасенію казачества?

Въ служеніи общероссійскимъ партіямъ, государю, народу, Россіи? Но мы уже знаемъ, что значитъ служить партіямъ, мы уже видѣли, какъ они благодарили насъ, мы знаемъ, какъ относился къ намъ русскій народъ и русскій царь. О Россіи же говорить не приходится, ибо она полностью разрушена революціей и разрушили ее не мы, а тотъ же русскій народъ.

На мѣстѣ Россіи возникъ Союзъ соціалистическихъ совѣтскихъ республикъ, который, какъ мы тоже видѣли, не призналъ за казачествомъ правъ на существованіе и всѣ силы и средства употребляетъ на его уничтоженіе.

Выходитъ, что мы уже обязаны не служить кому бы то ни было, не искать себѣ господина, а защищаться, добывать себѣ право на жизнь. Единственнымъ для этого средствомъ служитъ созданіе самостоятельнаго казачьяго государства въ предѣлахъ европейскаго казачества. Къ этому должны быть направлены всѣ силы и средства, весь казачій разумъ. Мы не должны допустить уничтоженія казачества. Защита его есть нашъ долгъ, наша святая обязанность.

Нѣкоторымъ политическимъ казачьимъ вождямъ кажется, что лучше казачество пусть погибнетъ, но не отдѣляется въ самостоятельное государство, погибнетъ, но останется вѣрнымъ Россіи. Выше я уже говорилъ, что Россіи нѣтъ, но есть Союзъ соціалистическихъ республикъ. Такъ, что же, остаться вѣрнымъ своему душителю, своему палачу? Пугаютъ еще тѣмъ, что казачеству придется взять на себя причитающуюся на его долю часть государственныхъ долговъ и нужно будетъ сдѣлать новый заемъ для государственнаго казачьяго строительства. А развѣ мы сейчасъ не въ сто кратъ больше платимъ коммунистической власти, чѣмъ нужно будетъ заплатить долговъ? Одна земля, которую отняли у казаковъ, подъ фермы Круппа, подъ еврейскую колонизацію и подъ заселеніе крестьянъ съ сѣвера, стоитъ много дороже, чѣмъ этотъ долгъ. А уголь, а нефть, а всевозможные налоги? Да, наконецъ, жизнь казачества, его существованіе можно развѣ разцѣнивать на деньги, на долги? Вѣдь эти деньги не будутъ выброшены въ трубу, а пойдутъ на казачью культуру, прогрессъ, экономическое и духовное развитіе нашихъ краевъ. Неужели долги страшнѣе современной тираніи и неужели противники казачьяго государства не предпочли бы занять лишній рубль, но избавить казачество отъ коммунистической диктатуры? Тѣмъ болѣе, что такой заемъ пойдетъ на само казачество. Да къ тому же любое коммунистическое или иное правительство вынуждено будетъ дѣлать эти долги, а казачеству придется платить ихъ.

Запугиваніе долгами есть обычная демагогія. Они неизбѣжны, какъ для казачества, такъ и для любого правительства. Всѣ государства міра дѣлаютъ эти долги, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ да Англіи. Дѣло—значитъ—не въ долгахъ, ибо они такъ или иначе неизбѣжны, а дѣло въ спасеніи гибнущаго казачества. И его надо спасать.

Будущее казачье государство по своему географическому положенію и по природнымъ богатствамъ находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ оно превратится въ одно изъ самыхъ цвѣтущихъ новыхъ государствъ въ Европѣ. Значитъ, не долговъ надо бояться, а удушенія казачества, его смерти. Долги же неизбѣжны при любомъ строѣ, при любомъ правительствѣ, погибнувшее же казачество, его духъ, особенности никто не воскреситъ.

Въ заключеніе нужно еще отмѣтить, что нормальная

жизнь и нормальная парламентская борьба долго еще будетъ невозможна на территоріи бывшей Россіи. Диктатура въ той или иной формѣ, партіи, группы и лицъ будетъ существовать. А при такихъ условіяхъ возможны частыя смѣны. Новая диктатура будетъ мстить казакамъ за поддержку старой. Не исключена возможность физическаго истребленія казачества. Допустимъ, что мы помогли бы монархической партіи посадить на престолъ царя, который возвратилъ бы помѣщикамъ подѣленныя уже крестьянами земли, то, при новомъ неизбѣжномъ возстаніи, казачество было бы сметено съ лица земли. Такимъ образомъ служеніе партіямъ, лицамъ и вообще диктатурамъ отпадаетъ. Казачество должно уйти отъ борьбы внутри бывшей Россіи и создать свое государство, свой домъ, свой очагъ, заключить съ сосѣдями оборонительные союзы и заняться залѣчиваніемъ страшныхъ ранъ, полученныхъ во время Великой и гражданской войнъ, созданіемъ культурной, богатой жизни.

К. И. СЫЧОВЪ,
ген. штаба генералъ-маіоръ, казакъ
Донского Войска.

Казаки, а Донскіе въ особенности, являются потомками русскихъ людей, корнями своими уходящихъ въ земли — Московскую, Суздальскую, Рязанскую, Владимірскую. Новгородскую и др.

Окраинные элементы, впитанные Казачествомъ, потонули въ немъ, какъ нѣкогда потонули Варяги въ Славянскомъ морѣ. Судьба общей Родины — Россіи и казачьихъ Краевъ — едина и нераздѣльна.

Съ низверженіемъ власти Ш-го интернаціонала на долю общерусской національной власти, — иною ее представить нельзя, — выпадаетъ одна изъ тягчайшихъ и отвѣтственнѣйшихъ историческихъ задачъ.

Отъ нея потребуется много труда, энергіи, чуткости и сердца, и на всѣхъ русскихъ людей будетъ возложена священная обязанность содѣйствовать этой власти отъ всей души и отъ всего разума, отнюдь не позволяя себѣ пагубнаго и разлагающаго критиканства ея, не считаясь съ личными

радостью или горемъ, выгодой или убыткомъ, жертвенно принося себя на служеніе ей, какъ олицетворенію священной для каждаго Россіи.

И вотъ тогда потребуется Россіи ея Казачество.

Казаки ясно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что политика будущей Россіи не будетъ и не можетъ быть агрессивной. Тому порукой присущее народу русскому миролюбіе и сознаніе необходимости затратить всѣ свои силы, всю свою энергію, въ первую очередь и на долгіе годы, на внутреннее устроительство и созиданіе.

Однако, кто хочетъ жить въ мірѣ и согласіи со всѣми, кто искренно не желаетъ войны, тотъ долженъ быть всегда готовъ къ ней. Необъятность нашей Родины, огромное удаленіе окраинъ отъ центровъ потребуютъ созданія, необходимой для внутренняго строительства, обстановки спокойствія и увѣренности. Это можетъ быть достигнуто постоянной и непрерывной охраной государственныхъ границъ. Охрана эта должна быть живой и дѣйственной.

Едва-ли возможно и нужно теперь детализировать этотъ вопросъ въ его цѣломъ, но относительно нашихъ восточно-сибирскихъ рубежей онъ представляется довольно отчетливо. Тамъ эту роль могутъ выполнить уже существующія нынѣ въ Сибири казачьи Войска. Какъ должна быть сорганизована эта казачья сила, т.-е. возможно-ли будетъ ограничиться уже существующими Казачьими войсками, или надо будетъ создать еще новыя казачьи линіи — это вопросъ будущаго. Въ послѣднемъ случаѣ — необходимый людской матеріалъ быстро появится, какъ изъ мѣстнаго кореннаго населенія, такъ и изъ нѣдръ самой Россіи.

Этотъ вопросъ неразрывно связанъ съ вопросомъ объ уменьшеніи численности Русской Арміи, а слѣдовательно — и съ уменьшеніемъ тѣхъ затратъ изъ государственнаго бюджета, которыя производятся на содержаніе арміи и кои подчасъ являются непосильными даже и для богатыхъ и уравновѣшенныхъ, въ смыслѣ внутренняго порядка, государствъ.

Размѣщеніе казаковъ по государственной границѣ имѣетъ весьма важное значеніе. Казакамъ издавна присущи навыки и пріемы гражданственности, что, въ связи съ свойственной имъ дисциплинированностью, поспособствуетъ скорѣйшему проведенію въ толщу народную, въ самыхъ удаленныхъ отъ центровъ областяхъ и районахъ, началъ госу-

дарственности и болѣе спокойнаго перехода отъ неурядицы къ порядку и мирной работѣ.

Старыя Казачьи Войска, нѣкогда раздвигавшія предѣлы Россіи и занимавшія ея окраины, а нынѣ очутившіяся внутри ея, понадобятся ей здѣсь и впредь, какъ они то доказывали неоднократно и какъ еще разъ подтвердили въ послѣднее смутное время.

Казаки ясно отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ взаимоотношеніяхъ съ Матерью-Родиной и не опасаются за свой внутренній бытъ и укладъ казачій, за то, что называется вольностями казачьими, ибо знаютъ они, что будущая Русская Государственная власть бережно охранитъ эти вольности и прерогативы казачьи, т. к. она, конечно, прекрасно будетъ понимать, что въ предстоящей ей работѣ Казачество явится самой дѣйствительной, реальной, организованной и самой надежной силою, на которую она можетъ опереться.

Это подтверждается примѣрами изъ послѣдней Смуты въ Россіи.

Однимъ изъ краеугольныхъ камней въ будущемъ строительствѣ Государства Россійскаго явится вопросъ о земельной собственности. Казаки, какъ и весь русскій народъ, не представляютъ себѣ возможности жить и трудиться на общую государственную пользу, не имѣя земли, и желаютъ, чтобы эта земля составляла ихъ неотъемлемую, родовую, государственнымъ порядкомъ за ними закрѣпленную и законною властью санкціонированную, собственность.

Разселяя казаковъ по границамъ государства, необходимо тутъ-же предоставить въ ихъ пользованіе и земельныя угодья. Россія стала такой большой, захватила океанъ земли, между прочимъ и потому, что казаки, успѣшно расширяя ея предѣлы, охраняли ихъ неустанно, потому что охраняли свои пастбища, свои лѣса, свои рѣки и озера, до смерти бились за своихъ дѣтей, женъ и матерей, отстаивали свои родовые курени и пепелища.

Въ полной мѣрѣ это, конечно, относится и къ Казачьимъ Войскамъ, нынѣ оказавшимся внутри Россіи, т.-е. казачьи земли съ ихъ черноземомъ на поверхности, углемъ и нефтью въ нѣдрахъ ихъ, рѣки и озера съ ихъ рыбою и солью, лѣса, поля и луга — все это, какъ составляло, съ давнихъ историческихъ временъ, собственность казачью, кровью казачьей вспученную, такъ и впредь должно принадлежать казакамъ.

Какова будущность Казачества?

Будущее извѣстно лишь Господу-Богу, но русскіе люди и з д ѣ с ь и т а м ъ должны знать, что Казаки, какъ встарь, такъ и въ будущемъ, когда того потребуютъ обстоятельства, счастье и благоденствіе ихъ Родины, принесутъ къ алтарю общей матери — Россіи и своихъ родныхъ Краевъ всѣ свои богатства и всѣ свои цѣнности, вмѣстѣ съ самою большою цѣнностью въ мірѣ, т.-е. вмѣстѣ съ своею собственною жизнью.

С. М. ТОПОРКОВЪ,
генералъ - лейтенантъ, Предсѣдатель
Кубанскаго Войск. Правительства.

Въ виду ограниченности свободнаго времени, я выскажусь очень кратко.

1) Въ чемъ были сильныя стороны казачества? Казаки были сильны тѣмъ, что они не дѣлились на классы, у нихъ классовой розни не было, создать таковую искусственно и большевики не смогли (во время революціи 1917 года во многихъ частяхъ пѣхотныхъ и регулярной кавалеріи солдаты выбивали своихъ офицеровъ, а въ казачьихъ частяхъ этого позора повальнаго не было).

Казачья интеллигенція держалась близко къ казаку и жила съ казакомъ душа въ душу одной жизнью, между казаками и казачьей интеллигенціей не было рѣзкой разницы — они жили одними интересами.

Казаки были сильны своей дисциплинированностью, хотя дисциплина у казаковъ было своеобразна и многимъ не нравилась.

Казаки были сильны тѣмъ, что привыкли у себя въ станицахъ самоуправляться черезъ своихъ выборныхъ станичныхъ атамановъ. И въ то время, когда Временное Правительство не смогло удержать власть и Великая Россія была обезглавлена, власти не было, а приказъ № 1-й вошелъ въ силу, казаки сохранили власть при наличіи Войсковыхъ Атамановъ и у казаковъ былъ порядокъ. Въ этомъ отношеніи казакамъ помогла ихъ своеобразная, но крѣпкая дисциплина, ихъ свободное, трезвое мышленіе.

Казакъ съ малыхъ лѣтъ начинаетъ у себя въ станицѣ привыкать къ общественной жизни, присматриваться и при-

слушиваться, что говорятъ старые казаки, когда собираются на станичный сборъ. Онъ съ малыхъ лѣтъ начинаетъ прислушиваться къ голосу старшаго и считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Не скрою — казакъ сильно боится суда станичнаго сбора, отчасти можетъ быть казака это и сдерживаетъ. Сильны казаки своей военной подготовкой, которая прививается казакамъ съ малыхъ лѣтъ. Этому способствуетъ не только любовь къ военному дѣлу, но и территоріальное положеніе казаковъ; казаки, живя на окраинахъ государства Россійскаго, охотно обучаются военному дѣлу и изъ-за самоохраненія.

Слабыя стороны казачества? Казаки не имѣли въ достаточномъ количествѣ средней школы, да и низшая школа не во всѣхъ областяхъ была поставлена достаточно хорошо. Благодаря тому, что казаки содержали школу на свои средства, нѣкоторыя Войска не имѣли возможности развить въ достаточной степени даже двухклассныхъ училищъ.

За послѣдніе пять лѣтъ до большевизма большія и богатыя Войска, какъ, напримѣръ, Войско Кубанское, пооткрывало въ нѣкоторыхъ станицахъ гимназіи, но это въ маломъ процентѣ. Спеціальныхъ, какъ, напримѣръ, сельско-хозяйственныхъ и техническихъ, школъ было очень мало. Высшей школы, взять въ общемъ, въ казачьихъ Войскахъ не было. Народныхъ библіотекъ не было даже въ большихъ станицахъ, пользовались библіотекой школьной, а таковая доступна была не каждому казаку.

О будущей власти въ казачьихъ областяхъ:

Живя въ прошломъ и въ настоящемъ тѣсно съ казачьими массами и бесѣдуя каждый день съ казаками по всѣмъ вопросамъ, я долженъ опредѣленно сказать: Казачество въ подавляющемъ большинствѣ будетъ отстаивать институтъ выборныхъ Войсковыхъ Атамановъ. Эта завѣтная мечта казачества сбылась послѣ революціи и они будутъ за этотъ идеалъ казачьей власти бороться. Полагаю, что ни одно правительство въ будущей Россіи, послѣ большевиковъ, не будетъ чинить казакамъ препятствій устраивать у себя дома свою жизнь такъ, какъ желательно большинству казаковъ, и ничего не будетъ имѣть, если у казаковъ будутъ выборные Войсковые Атаманы. Считая себя неотъемлемой частью русскаго народа, безъ Россіи подавляющее большинство трезваго казачества существованія своихъ областей не мыслитъ. Драться за тотъ или другой образъ правленія не будутъ, а

признаютъ тотъ образъ правленія, который приметъ послѣ сверженія большевиковъ весь русскій народъ. Съ большевизмомъ казачество никогда не примирится.

Казачье званіе и земли, которыя казаками завоеваны, будутъ отстаиваться всѣми силами, и врядъ ли смогутъ казачество упразднить.

Въ этомъ случаѣ только ультра-соціалистическое правительство будетъ дѣлать попытку къ упраздненію казачества, всякое другое правительство никогда стремиться къ этому не будетъ.

Н. Н. ТУРОВѢРОВЪ,
казакъ Донского Войска, поэтъ.

Знаемъ, Донъ течетъ откуда,
Знаемъ, чѣмъ онъ украшенъ —
Украшенъ онъ славой русской,
Самъ собою доказалъ.

(Каз. пѣсня).

Было три Дона: Вольница Дикаго Поля, Имперское Войско Донское и, третій, короткій и пламенный, какъ зигзагъ молніи, казачій сполохъ.

Четвертаго Дона нѣтъ.

Тамъ — въ Союзѣ республикъ — есть Сѣверо-Кавказскій край, есть Круппъ и евреи на Задонской цѣлинѣ, разбухающій, галдливый Ростовъ, да умирающій на своемъ юру Новочеркасскъ. Можетъ быть, тамъ наладилась сила жизни, свой бытъ; но казаки тутъ не при чемъ.

Здѣсь — въ Европѣ — казаки, шалѣя отъ восьмилѣтней склоки и болтовни русской эмиграціи, ладно пригнали къ своей шеѣ крахмальный воротничекъ, ловко приспосабливаются къ чуждой жизни; но свои рестораны называютъ «Донскими волнами», голосятъ въ нихъ свои пѣсни и ругаютъ Западъ.

Историку нашей эпохи надо преодолѣвать Иловайскаго казеннаго и Иловайскаго революціоннаго, чтобы яснѣе видѣть и осязать минувшія событія, ихъ причины и слѣдствія.

Казачеству же(какъ, положимъ, и всему русскому народу) кромѣ этого надо еще преодолѣть и самое себя въ навыкѣ Государственнаго самосознанія. Любовь къ Родному краю, гордость Дономъ должны только увеличивать, а отнюдь не умалять, безграничную любовь къ Россіи, непреклонную гордость Россійскимъ Государствомъ. Какъ и Россіи давно пора забыть, еще такую недавнюю, нарядную экзотику въ своемъ взглядѣ на казачество, — казаки не только носятъ лампасы и съ гикомъ скачутъ на врага, но и пашутъ землю и хотятъ учить своихъ дѣтей. Безъ Россіи и внѣ Россіи у казачества не было, нѣтъ и не можетъ быть дорогъ!

Россіи же безъ казаковъ было бы труднѣе идти своимъ историческимъ путемъ, будетъ тяжелѣе возвращаться на свое историческое лоно.

Будущее должно строиться на томъ лучшемъ, что дало прошлое. Вольница создала самое лучшее и цѣнное — она выковала казака; а уже этотъ казакъ далъ Ермака, Межакова, Платова, Бакланова, Каледина; правда, далъ онъ и Разиныхъ, но едва ли съ послѣдними казачеству по дорогѣ.

Просто потому, что давно уже нѣтъ ни тѣхъ персидскихъ шелковъ, которые отъ избытка удали надо купать въ дегтю, ни восточныхъ княженъ, которыхъ можно кидать во славу Дона въ море.

А какъ опасно красочную старину проводить въ жизнь, показали трагическіе, незабываемые годы гражданской войны. Показалъ и Мамонтовскій рейдъ и, пожалуй, больше него, реставрированный Кругъ.

«Съ Дона выдачи нѣтъ» крикнулъ въ августѣ 17 года М. П. Богаевскій, пріѣхавшему изъ Петербурга за Калединымъ, Скобелеву, чтобы черезъ 5 мѣсяцевъ Калединъ, увидя, что кромѣ «круговой» болтовни ничего нѣтъ, покончилъ съ собой, и Назаровъ былъ взятъ и уведенъ на смерть Голубовымъ съ самого засѣданія Круга. А когда весной 18 года Антоновъ разрядилъ свой наганъ въ затылокъ восторженному идеологу Донскихъ вольностей, М. П. Богаевскому, — развѣ предсѣдатель Круга ударилъ шашкой объ землю, призывая къ мести, развѣ члены Круга искали мѣшковъ, чтобы кинуть въ нихъ непрошенныхъ гостей въ Донъ?

Вольница Дикаго Поля знала свободу, равенство и брат-

ство, но кого теперь этимъ удивишь? Казакъ каждый день теперь читаетъ эту формулу на Парижскихъ школахъ и церквахъ.

Будущее четвертаго казачьяго Дона органически связано съ крестьянскимъ вопросомъ на Дону. Перебить всѣхъ донскихъ хохловъ — это, конечно, не рѣшеніе вопроса. Перевести же ихъ всѣхъ въ казачье сословіе равносильно переходу всѣхъ казаковъ въ донское крестьянство.

Мирное же сожительство, при сохраненіи казаками своихъ паевъ, войсковыхъ юртовъ, правъ на рыбныя ловли, въ будущемъ невозможно.

Надо или крестьянамъ уйти на новые надѣлы или казакамъ, покинувъ Донъ, создавать свое четвертое войско уже не на Дону. Направленіе исхода остается однимъ — на Востокъ, въ Сибирь. И въ этомъ гораздо менѣе невѣроятнаго, чѣмъ въ переселеніяхъ въ Колумбію, въ Бразилію, въ Аргентину, куда если не на всю жизнь (объ этомъ какъ то жутко думать), то на очень долгій срокъ готовы ѣхать многіе казаки.

Казачья ухватка, казачья сметка, казачья удаль. Вещи, которыя не поддаются вліянію никакихъ политическихъ экспериментовъ. Они остаются тѣми же и тамъ, на бывшемъ Дону, и здѣсь, в Европѣ.

Какъ и казачій своеобразный говоръ, съ его отсутствіемъ средняго рода (войско — храбрая, сѣно — хорошая), съ его образными глаголами: сигать — прыгать, гавкать — лаять, болванѣть — торчать, съ чикамасомъ вмѣсто окуня, куренемъ вмѣсто дома, лежнемъ вмѣсто вальдшнепа и, неизвѣстно изъ какихъ походовъ занесенныхъ словомъ, — винцерада вмѣсто плаща.

Б. Н. УЛАНОВЪ,

присяжный Повѣренный, Членъ Дон. Войск. Круга, б. Членъ Объединеннаго Правительства эпохи А. М. Каледина, Предсѣдатель Калмыцкой Комиссіи Культурныхъ Работниковъ въ Ч. С. Р.

Считаю своимъ долгомъ отозваться на ту «Анкету о казакахъ», которую Вы прислали мнѣ. Нельзя не согласиться съ Вами, что десять лѣтъ, цѣлыхъ десять тяжкихъ лѣтъ, прошедшихъ со времени трагической кончины нашего великаго, незабвеннаго Атамана А. М. Каледина и его достойныхъ соратниковъ, срокъ достаточный, чтобы снова и снова остановиться на прошломъ и настоящемъ нашихъ Казачьихъ Войскъ, пересмотрѣть свое отношеніе къ нимъ. Можетъ быть, является ошибкой существовавшее до сего наше представленіе о Казачествѣ. Можетъ быть, это представленіе о немъ, лежащее и по сіе время въ основаніи нашей общественно-политической психологіи и поведенія, есть только достойный жалости плодъ нашего романтическаго воображенія о существѣ Казачества и въ частности Донского?

Вѣдь мы, донскіе казачьи дѣятели 1917 года, будучи убѣжденными демократами, республиканцами, себя противопоставляли «революціонной демократіи», относясь весьма критически къ общественнымъ группамъ, такъ себя именовавшимъ. У насъ вѣдь былъ с в о й подходъ къ рѣшеніямъ всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда всѣхъ. Этотъ подходъ, несмотря на различія политическихъ настроеній въ рядахъ казачьихъ дѣятелей, былъ одинаковъ. Но еще рѣзче мы противополагали себя тѣмъ, которые именовали себя представителями «трудового народа», такъ какъ, по нашему представленію, было безсмысленно противопоставлять Казачество трудовому народу, ибо оно само было носителемъ самаго настоящаго и честнаго труда съ зари до ночи.

Поэтому отвѣтственные представители Казачества и огромное его большинство сурово отбросили отъ себя въ 1917 году теорію «трудового казачества» и рѣзко выступили противъ практиковъ этой теоріи казаковъ Подтелковыхъ, Кривошлыковыхъ, Голубовыхъ, Мироновыхъ, Ногаевыхъ и т. д. Большая часть фронтового Казачества, во второй половинѣ 1917 года и въ началѣ 18-го сочувствовавшая вышеупомянутымъ казакамъ, позже оттолкнулась отъ своихъ налетныхъ настроеній.

Все болѣе кристаллизуясь въ своихъ взглядахъ и настроеніяхъ, отдѣляя себя отъ большевиковъ, совѣтской власти, противопоставляя имъ с в о е, к а з а ч ь е, с а м о б ы т н о е, Казачество въ концѣ 1917 года и позже бросилось на героическую и кровавую борьбу съ новоявленными гуннами, ринувшимися со всѣхъ сторонъ Россіи на него.

Борьба продолжалась три года. Сила сломила Казачество: оно было побѣждено большевиками.

Теперь на необъятномъ пространствѣ Россіи и въ нашихъ родныхъ Краяхъ безраздѣльно ц а р я т ъ, именно царятъ, а не управляютъ, побѣдители-большевики. Донъ раздѣленъ на части, отнесенныя къ сосѣднимъ губерніямъ: такъ живое тѣло самого стараго и заслуженнаго, ярко выраженнаго, казачьяго организма разсѣчено на куски. Такъ нѣкогда Петръ Великій отрѣзалъ часть Дона и присоединилъ ее къ Воронежской губерніи. Недаромъ Ленинъ наслѣдовалъ городъ Петра 1.

Пораженіе обычно порождаетъ реакцію, уныніе, убійственную самокритику, самоѣдство. Друзья испаряются и чаще обращаются въ самыхъ строгихъ критиковъ. Теперь мода и признакъ политической проницательности всюду говорить о крестьянствѣ, о его всемогуществѣ. Говорятъ, даже самъ «чудесный» Сталинъ беретъ руль на крестьянство. Нерѣдкость слышать и читать о томъ, что Казачеству нужно «слиться» съ крестьянствомъ, дабы тѣмъ очиститься отъ грѣха казачьей «сословности», «привилегій» и т. п., что Казачество, какъ всякое «явленіе», преходяще, что его прошлое весьма замѣчательное и въ немъ должно черпать импульсъ для работы на будущее, но размышлять о его самобытномъ, автономномъ устроеніи по меньшей мѣрѣ «безпочвенно», что Казачество найдетъ оправданіе и сохранитъ смыслъ своего существованія, какъ нѣкая пограничная стража и охрана «колоній» Россіи и т. д., и т. д.

Есть отчего закружиться головѣ въ размышленіяхъ о путяхъ, о судьбѣ Казачества.

Но все-таки спрашиваешь себя: было ли у насъ въ прошломъ только настроеніе и воображеніе или и... реальныя основанія, жизненная почва — фактъ для соотвѣтствующаго представленія, была ли подъ ногами земля или только химера, игра. Было ли у насъ з н а н і е или только наши желанія, мечты честолюбцевъ, бросившихся, обманывая казачью трудовую массу, толкая ее на борьбу съ истинными защитни-

ками трудовыхъ массъ, любой цѣной спасать свои своекорыстные интересы, свои соціальныя и политическія права и привилегіи.

Большевики съ самаго начала такъ и говорили о казачьихъ дѣятеляхъ. «Авантюры» Каледина, Корнилова...

Теперь это можемъ временами услышать отъ «поумнѣвшихъ» казаковъ, угождающихъ, лакействующихъ передъ сильными совѣтскаго «соціалистическаго» отечества.

Десять лѣтъ прошло, какъ Донъ поднялъ перчатку, брошенную Ленинымъ Россіи изъ Смольнаго въ Петербургѣ, и объявилъ себя независимымъ отъ власти и «государственности», провозглашенныхъ симбирскимъ вѣроучителемъ.

Донской Атаманъ Калединъ и его Правительство объявили себя суверенной властью на территоріи Донской Области, а послѣднюю независимымъ государственнымъ образованіемъ. Былъ созванъ Большой Войсковой Кругъ для сужденія и рѣшенія о создавшемся положеніи. Кругъ утвердилъ рѣшенія своего Атамана и Правительства. Для предоставленія свободы рѣшенія Б. В. Кругу по указаннымъ вопросамъ и сужденія о дѣйствіяхъ Атамана и Правительства, послѣдніе подали въ отставку.

Они исходили изъ того непреложнаго и глубокаго убѣжденія, что Хозяинъ Земли Войска Донского — Большой Войсковой Кругъ, что ему полностью принадлежитъ право рѣшать политику и судьбу Войска и судить поставленную имъ власть. Въ своихъ рѣшеніяхъ Войсковой Кругъ воленъ и давленіе надъ нимъ Атамана съ его Правительствомъ исключается.

А что такое былъ Войсковой Кругъ?

Свободные избранники всего Донского Казачества въ лицѣ его 135 станицъ. Ни власть, ни какая бы то ни была партія не довлѣютъ надъ выборами. Избиратель и избирательница (ибо Донское Войско признало избирательное право за женщиной) вольны въ своей волѣ, равны въ своемъ избирательномъ правѣ, они свободно устраиваютъ свою избирательную кампанію и прямыми выборами выбираютъ своего избранника въ Донской Парламентъ. Такой порядокъ въ сознаніи Донского Казачества, какъ и каждаго казака, разумѣлся самъ собою.

Такъ было на Дону, такъ было и у всѣхъ Казачьихъ Войскъ. Такъ было въ 1917 году и во всѣхъ послѣдующихъ, пока Казачьи Земли не были завоеваны большевиками.

Таковы факты. Никакой диктатуры: ни личной, ни партійной, ни классовой. Народъ вольно опредѣляетъ свою волю. Весь народъ, все Казачество даннаго Войска.

Но что мы имѣемъ въ общественномъ и государственномъ строѣ Донского Казачества въ 1917 году и позже по современной политической терминологіи?

Донскую казачью демократію, волю свою опредѣляющую всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ.

Разсматривая взаимоотношенія между Войсковымъ Кругомъ и Атаманомъ съ его Правительствомъ въ 1917 году, мы должны признать поразительную лойяльность, корректность, взаимное уваженіе и довѣріе. Я позволилъ бы эти взаимоотношенія между высшими учрежденіями Войска Донского въ 1917 году опредѣлить, какъ классическія, которыя и легли въ основаніе парламентскихъ традицій Войска Донского въ послѣдующіе годы.

Если мы просмотримъ въ жизни Донского Казачества всѣ тѣ моменты общественнаго строительства, когда и гдѣ не было вмѣшательства центра или это вмѣшательство было минимально, всегда и всюду мы видимъ стремленіе воплотить въ жизнь принципы свободы, равенства и братства: такъ это было при устройствѣ станичной жизни. Лишь полицейско-бюрократическое вмѣшательство всемогущаго петербургскаго центра убивало и искажало воплощеніе вышеуказанныхъ принциповъ въ казачьей жизни. Права казаковъ на пользованіе казачьей землей и прочими естественными богатствами Земли Войска Донского Казачества основаны на равныхъ, братскихъ началахъ.

Въ періодъ появленія въ жизни Донского Войска офицерства, чиновничества ни казаки-дворяне, ни офицеры, ни чиновники — безъ различія чиновъ — и заслугъ — никакими привилегіями, никакой монополіей въ станичной жизни не пользовались.

Земля Войсковая; казаки равноправны; войсковой землей въ размѣрѣ, опредѣленномъ Войскомъ и Станицей, каждый казакъ пользуется лишь временно и отнюдь не на наслѣдственномъ правѣ, или на правахъ частной собственности; всякій органъ власти былъ временнымъ и выборнымъ. Положеніе каждаго казака въ станицѣ и Войскѣ опредѣлялось лишь въ мѣру его врожденныхъ способностей и дѣйствительныхъ заслугъ передъ станицей и Войскомъ. Ника-

кихъ монополій въ правахъ, никакихъ наслѣдственныхъ привилегій.

Казакъ — вольный человѣкъ, равноправный членъ единой братской казачьей семьи. Это не на словахъ только, но на дѣлѣ. За преступленія эта семья была вольна надъ жизнью казака, но судъ лишь въ лицѣ своего Войскового Круга, а не сторонняго учрежденія, ибо «съ Дону выдачи нѣтъ».

Донъ въ то время, когда онъ жилъ по своимъ принципамъ общественнаго и государственнаго строя, былъ прибѣжищемъ всякаго гонимаго за вѣру и человѣческія права. Потому-то Вольное Донское Казачество было такъ обаятельно и потому-то сюда тянулся всякій жаждущій вольной жизни, личной свободы человѣкъ. Кого только не видалъ въ своихъ братскихъ рядахъ Донъ, да и каждое Войско? Чья только кровь не течетъ въ жилахъ казака?

Весь общественный строй Московскаго Царства, а потомъ Россійской Имперіи, какъ и моральное и правовое сознаніе господствующихъ въ нихъ классовъ, въ корнѣ расходились съ Казачьимъ строемъ и правосознаніемъ Казачества.

Москва убила Новгородскую, Псковскую Вольницу. Путь Царя Іоанна Грознаго устланъ тысячами труповъ лучшихъ Новгородскихъ вольныхъ людей. Въ своей жестокости, безпощадности сходный съ этимъ Царемъ, Императоръ Петръ Великій нанесъ не менѣе страшный и кровавый ударъ и Дону. Сколько тысячъ доблестныхъ и вольныхъ сыновъ Дона погибло въ борьбѣ съ самодержавнымъ «западникомъ» и «культуртрегеромъ».

Человѣческая жизнь никогда особенно въ Россіи не уважалась. Россія страна максимумовъ, максималистовъ. Іоаннъ Грозный постарался до корня истребить, выжечь, вытравить духъ вольности, ссылая даже неодушевленный предметъ (Новгородскій вѣчевой колоколъ), вводя спеціальную опричину (нынѣ возрожденную большевиками въ лицѣ Чрезвычайки или ГПУ). Страна отвѣтила Смутнымъ временемъ. Язву залѣчили: Донское Казачество пришло съ рѣшительной и рѣшающей помощью.

На безпросвѣтное состояніе подъяремнаго населенія въ царствованіе «Тишайшаго» Царя Алексѣя Михайловича Донъ отозвался Степаномъ Разинымъ. Въ немъ несчастное населеніе Московскаго Царства нашло своего грознаго мстителя и заступника. Разинъ принципы общественнаго строя Дона, свободы личности хотѣлъ распространить на все Мо-

сковское Государство. Но такой свѣтлый моментъ для послѣдняго еще не наступилъ. Степанъ Разинъ погибъ на плахѣ. Вольный Донъ не могъ быть терпимъ такимъ яркимъ и геніальнымъ представителемъ самодержавія, сословнаго и полицейско-бюрократическаго начала, какъ Петръ 1. Мы знаемъ, какъ онъ нещадно расправился съ Дономъ. Знаменитый Атаманъ К. Булавинъ застрѣлился, а другой Атаманъ Некрасовъ съ тысячами донцовъ ушелъ на чужбину. Донъ былъ надолго обезкровленъ, раздавленъ.

Но огонь свободы и исканіе справедливости въ немъ не погасли. Режимъ Екатерины II, этой дворянской «Матушки-Царицы», въ отношеніи крестьянской массы вызвалъ все съ того же Дону знаменитаго Емельяна Пугачева. Господствующій классъ невѣроятными усиліями и жестокостью сумѣлъ спасти свое положеніе, сохранить свою «крещенную собственность» и власть...

1917 годъ. Сначала Петербургская, а затѣмъ Московская власть, въ лицѣ Ленина съ его партіей, пустилась «углублять» свободу, все грабить, подъ флагомъ борьбы съ «контръ-революціей» уничтожать все образованное, живое, честное и свободолюбивое. На безправіе, беззаконіе, застѣнки, безумную анархію, преступную провокацію противъ Родины большевиковъ, Донъ и всѣ Казачьи Войска отвѣтили трехлѣтней борьбой. Ее всѣ знаютъ.

Снова столкнулись два глубоко различныхъ міра. Казачество-Демократія столкнулось съ принципами диктатуры надъ Народомъ, диктатуры отдѣльной группы населенія надъ всѣмъ Народомъ. Было безразлично, какой классъ домогался этой диктатуры. Сама идея такой диктатуры противна всему общественному строю Казачества и въ частности Донского, противна его общественной психологіи, нетерпима. Потому и столкновеніе, борьба этихъ двухъ непримиримыхъ началъ была неизбѣжна. Передъ нами были два б ы т а , два совершенно различныхъ, чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу, с т р о я ж и з н и , обнимающаго всю сложную гамму унаслѣдованныхъ отъ сѣдой казачьей древности житейскихъ привычекъ, семейныхъ, родственныхъ взаимоотношеній, религіозныхъ вѣрованій, переживаній...

И мы, работавшіе въ Казачьихъ Краяхъ во имя и для Казачества, полностью солидаризировались съ основными принципами казачьяго общественнаго строя и не только потому, что мы, какъ казаки, свыклись съ ними и любили ихъ,

но и потому, что эти принципы вполнѣ отвѣчали принципамъ современной Демократіи. Мы также солидаризировались съ основнымъ тономъ жизни Казачества, расходясь лишь въ частностяхъ, деталяхъ.

Удивительно ли поэтому, что наши незабвенные покойники, знаменитые казачьи дѣятели Калединъ, М. Богаевскій, Назаровъ, Чернецовъ, Волошиновъ, Карауловъ, Дутовъ, Губаревъ и т. д., такъ по душѣ приходились казакамъ и въ особенности «дѣдамъ»? И большая часть, вначалѣ фрондировавшихъ противъ «дѣдовъ», «фронтовиковъ», когда дѣло дошло до серьезныхъ столкновеній большевиковъ съ историческимъ укладомъ казачьей жизни, перешли къ антибольшевикамъ. Недаромъ самъ неистовый Мироновъ въ концѣ концовъ пошелъ противъ большевиковъ, также погибъ отъ нихъ.

Было ли право Казачество, выступивъ противъ большевиковъ? Оно было вѣрно себѣ, своей исторической общественной природѣ. Если принципы Казачества — не фикція и отвѣчаютъ законамъ эволюціи общественной жизни, то Казачество право, его борьба разумна и свои благіе плоды принесетъ.

Я лично неизмѣнно глубоко убѣжденъ, что указанные принципы — не фикція, а сама реальность, подлинная сущность общественной, политической природы Казачества, а потому его борьба была справедлива и цѣли ея истинны. Физическое пораженіе есть только преходящее явленіе: нѣтъ сомнѣнія — моральный здоровый организмъ Казачества оправится отъ ударовъ, залечится отъ ранъ и возстановится и окрѣпнетъ. Нѣтъ на землѣ силъ, которыя могли бы побѣдить законы общественной жизни. Идеи Казачества, его цѣли, задачи въ борьбѣ съ совѣтской властью остаются нравственно и политически оправданными и справедливыми во всей цѣлости и силѣ. Развитіе жизни Россіи и нашихъ краевъ должны пройти этапъ воплощенія въ жизни тѣхъ идей, что несло и несетъ Казачество. Доказательство этому — вся общественная эволюція современныхъ цивилизованныхъ народовъ и государствъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ должно произойти «оказачиваніе» Россіи. Это — законъ, его же не прейдеши.

Сильная сторона казачьяго движенія противъ большевиковъ ясна и безспорна. Мнѣ кажется только, что всегда должно отличать «казачье» движеніе отъ «бѣлаго», хотя

почти всѣ соединяютъ эти два движенія и дѣйствительно они переплетаются. Но истина несомнѣнно требуетъ ихъ отличія. Они совершенно различны по своей психологіи, по своимъ -соціально-экономическимъ и политическимъ вождѣленіямъ.

О причинахъ нашего пораженія много говорили, говорятъ и будутъ говорить. Отъ правильнаго пониманія этихъ причинъ будетъ зависѣть избраніе въ будущемъ казачьими дѣятелями и казаками вообще правильной формы, методовъ, организаціи, средствъ борьбы съ врагами Казачества и всей нашей Родины, какъ и правильный выборъ тѣхъ общественныхъ неказачьихъ группировокъ, съ коими можно и должно идти въ этой борьбѣ.

«Въ чемъ «слабыя» стороны Казачества», спрашиваетъ Анкета. Въ томъ, во первыхъ, что оно количественно мало. Было большой. исторической политической ошибкой Донского Войска, что оно своевременно не приняло въ свой составъ все Донское крестьянство. Политика Сѣв.-Американскихъ Соед. Штатовъ, постоянно принимающихъ въ свой составъ новыхъ гражданъ, является весьма цѣлесообразной. Американцы «американизируютъ», а казакамъ надлежало «оказачивать».

Мнѣ представляется, что дальнѣйшей казачьей слабостью въ періодъ гражданской войны была извѣстная слабость нашихъ законодательныхъ учрежденій. Они какъ бы выравнивались съ парламентами нормальнаго времени и обстановки, между тѣмъ по историческимъ обстоятельствамъ они должны были быть революціонными органами, не только законодательными, но и судящими, карающими, непосредственно контролирующими и надѣляющими своихъ агентовъ чрезвычайными полномочіями, не останавливающимися передъ принятіемъ быстрыхъ и крайнихъ мѣръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Атаманы должны были быть надѣлены большими полномочіями, какъ и назначенное имъ Правительство, отвѣтственное передъ Атаманомъ. Само собою разумѣется, что и Атаманы и Правительства и всѣ исполнительные органы были отвѣтственны передъ Войсковыми Кругами и Радой. Но отвѣтственность эта у насъ была больше на бумагѣ, платонической. Думается, что Атаманы мало пользовались предоставленными имъ правами по распоряженію военными силами Войскъ. Особенно это относится къ Донскому Войску, которое имѣло свою армію.

Кажется, ни въ одномъ вѣдомствѣ не было такого бюрократизма, такой безнаказанности за злоупотребленія, бездѣятельность, неспособность по службѣ, какъ въ военномъ вѣдомствѣ. Мы во всемъ полагались на вѣдомства.

Но, въ концѣ концовъ, дѣло было не только въ слабости того или иного вѣдомства, а въ слабости самихъ высшихъ органовъ: Войскового Круга и Атамана. Они не пожелали использовать весь свой авторитетъ и примѣнять всю свою власть, въ основѣ чего несомнѣнно лежалъ недостаточный учетъ момента и недостаточное развитіе воли власти. Нужна была сильная власть. Нуженъ былъ огромный авторитетъ. Таковымъ могъ быть только Войсковой Кругъ и Атаманъ. Передъ волей Круга все должно было преклониться. На самомъ дѣлѣ этого не было. Это имѣло свое роковое значеніе. Въ этомъ источникъ слабости всего Казачества въ періодъ гражданской войны.

Почему такъ случилось?

Идея Войскового Круга, выборнаго Атамана, какъ главы Войска, и прочихъ казачьихъ институтовъ всегда жила въ душѣ Казачества и всякаго казака, что при первыхъ же лучахъ февральской революціи моментально вылилось въ реальныя формы. Выборный Атаманъ. Войсковой Кругъ. Рада. Автономія. Вотъ первыя идеи Казачества.

Эти естественныя для Казачества историческія идеи и воплотились въ дѣйствительность. Когда на Дону Войсковой Съѣздъ утвердилъ Войскового Старшину Е. А. Волошинова въ качествѣ вр. Войскового Атамана, а позже Войсковой Кругъ избралъ настоящаго Атамана, ни у кого не явилось и мысли объ умѣстности «утвержденія» Атамана какимъ-то болѣе высшимъ органомъ. Во всѣхъ случаяхъ дѣятельности Донского Войскового Круга (о другихъ Войскахъ слабо знаю), касавшихся всѣхъ вопросовъ жизни Войска, ни у кого также не являлось мысли о возможности какой-то санкціи законодательныхъ и иныхъ важныхъ актовъ Вр. Правительствомъ или инымъ Россійскимъ высшимъ органомъ.

Послѣ Корниловскаго выступленія, когда Вр. Правительствомъ ген. Калединъ былъ заподозрѣнъ въ причастности къ этому выступленію и потребованъ для допроса въ Могилевъ, Кругъ не только запретилъ Каледину выѣздъ съ Дону, вопреки желанія самого Атамана, но призналъ наилучшимъ строемъ въ Россіи — федеративный. Это было въ періодъ пріѣзда на Донъ представителя Кубани И. Л. Макарен-

ко, своими эффектными выступленіями передъ Кругомъ толкнувшаго всѣ округа къ обсужденію желательнаго государственнаго строя въ Россіи.

Авторитетъ Войскового Круга на Дону несомнѣнно былъ великъ, но послѣ двухвѣкового нефункціонированія за краткое время онъ не могъ обратиться въ сильно дѣйствующій, полнокровный органъ: онъ утерялъ свойство грозной воли, карающей десницы Войска. «Въ куль да въ воду», — вотъ формула воли и приговора стараго Донского Круга, когда онъ былъ постоянно дѣйствующимъ органомъ, выразителемъ соборнаго ума, грозной воли и желѣзнаго рѣшенія Донского Казачества.

По моменту гражданской войны и рокового положенія всей страны, Дону былъ нуженъ такой Кругъ. Но таковымъ такъ быстро онъ не могъ стать. Кромѣ того, за двухвѣковой перерывъ дѣятельности Круга и жизнь Войска и вся жизнь вообще осложнилась: къ этому обстоятельству тоже нужно было особо примѣниться. На все это нужно было время. И слабость Казачества, а слѣдовательно и причина его пораженія, заключалась еще въ одномъ, имѣющемъ огромное значеніе, обстоятельствѣ: именно — въ отсутствіи строго организованныхъ казачьихъ общественныхъ силъ, строго организованнаго кадра казачьихъ политическихъ дѣятелей съ опредѣленными строго общественными средствами, методами и тактикой общественно-политической борьбы.

Военная борьба, вылившаяся въ стройную организацію съ болѣе или менѣе предусмотрѣнными и организованными кадрами борцовъ и ведшаяся по всѣмъ почти правиламъ военной науки и практики, не имѣла подобнаго соотвѣтствія въ рядахъ политическихъ борцовъ, дѣйствующихъ въ строгомъ и дружномъ согласіи съ военными силами. Общественно-политическая борьба, государственное строительство въ Казачьихъ Государственныхъ Образованіяхъ велись въ значительной степени кустарно.

Прекрасное и демократическое общественно-политическое существо Казачества не имѣло организаціонно-оформленнаго, окристаллизовавшагося общественно-политическаго выраженія, разработанной казачьей идеологіи.

Именно поэтому реакціоннымъ русскимъ кругамъ, носившимся съ идеей генеральской диктатуры и охватившимъ прочнымъ кольцомъ Главное Командованіе, удалось установить свое роковое вліяніе на казачье движеніе.

Связывать демократическое существо Казачества съ реакціей невозможно, хотя сторонники этого были и есть въ средѣ самого Казачества, ибо недаромъ оно подвергалось развращающему вліянію и политическому воспитанію Россійскаго самодержавія въ теченіе почти двухъ вѣковъ, недаромъ оно подвергалось страшнымъ погромамъ со стороны Россійскаго Правительственнаго центра. Плоды такого воздѣйствія сказываются наличіемъ, къ счастью малочисленной и незначительной, группы казаковъ, пріученныхъ къ помѣщичье-самодержавному строю и системѣ бюрократическо-полицейскаго и централистскаго управленія страной...

Указанное выше обстоятельство — отсутствіе организованныхъ казачьихъ общественныхъ силъ — въ періодъ гражданской войны и нынѣ еще является большой слабостью Казачества. Непривычные дѣйствовать общественно-организованной силой, отдѣльные казачьи дѣятели или маленькія слабо организованныя группы ихъ спасеніе Казачества ищутъ въ силахъ внѣ его: въ, такъ называемыхъ, «россійскихъ» группировкахъ, одни въ монархическихъ, другіе въ кадетскихъ и т. д.

Мнѣ думается, что казаки, прежде всего, обязаны обозрѣть, мобилизовать свои, казачьи, общественно-политическія силы, привыкнуть искать и находить источники и резервъ моральныхъ и общественныхъ силъ въ самомъ Казачествѣ, въ немъ находить и утверждать свою общественную базу и тогда искать во внѣ добрыхъ союзниковъ, друзей и соратниковъ, но признающихъ самобытныя права Казачества въ лицѣ того или другого Войска, чтобы совмѣстно идти противъ общаго врага казачеству и общей Родинѣ Россіи.

По поводу темы «Казачество и Россія» иногда можно слышать или читать: «сначала нужно быть русскимъ, а потомъ казакомъ. Прежде всего Россія, а потомъ Донъ, Кубань и т. д.». Самая такая постановка вопроса мнѣ кажется неправильной, неестественной, нездоровой. Въ связи съ т. н. «самостійными» теченіями иные казаки почитаютъ признакомъ благомыслія называть себя «прежде всего русскими, а потомъ казакомъ» и дальше въ этомъ же духѣ. Въ отвѣтъ на это бросается фраза: «мы прежде всего казаки, а потомъ то-то и то-то...». Такъ завязывается словесная перестрѣлка или подобный же споръ въ печати.

Еще въ 1917 году находились «патріоты», которые Донъ

и Кубань называли «самостiйными», а казаковъ «самостiйниками».

Это была ложь. Но кто это говорилъ?

Тѣ, кто управленія такой огромной страной, какъ Россія, не привыкли мыслить иначе, какъ полицейско-бюрократическимъ, централистскимъ методомъ; кто сознательно закрывалъ глаза, не хотѣлъ думать о большихъ особенностяхъ составныхъ элементовъ Россiйской Государственности; кто свои специфическія вожделѣнія, домогательства привыкъ прикрывать фразами «Государственныя потребности», «Россiйскіе интересы»; кто на казаковъ иначе не могъ смотрѣть, какъ на охранниковъ и жандармовъ, волей Божіей призванныхъ до послѣдней капли крови защищать господствовавшій дворянско-помѣщичій классъ. Естественно, для людей этого класса было просто непонятнымъ и обиднымъ и оскорбительнымъ, какъ казаки смѣютъ думать о самодовлѣющей своей цѣнности, о своихъ автономныхъ правахъ.

Даже въ періодъ героической борьбы Казачества за свои Края и за освобожденіе Россіи отъ большевистскихъ захватчиковъ, находились недобросовѣстные люди, которые, подрубая сукъ, на которомъ сидѣли, со злобой указывали на «самостiйность» Казачества. Даже пѣсенка составилась: «довольно Кругу кружиться, а Радѣ радоваться»...

Мнѣ кажется, что всѣмъ благонамѣреннымъ казакамъ, спѣшащимъ заявить и расписаться, что они «прежде всего то-то и то-то», слѣдовало бы всмотрѣться и вдуматься въ опытъ жизни, факты и исторію хотя бы послѣднихъ 10 лѣтъ, не говоря уже обо всей исторіи Казачества. Пусть спросятъ любого простого рядового казака: кто онъ и что онъ?

Всѣмъ русскимъ партіямъ никогда не нравилось, когда казаки держались независимо отъ нихъ. Имъ всегда нравились ручные казаки, «казачки», казаки на запяткахъ въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ. Въ массѣ казаковъ, какъ во всякой массѣ, конечно, были и не переводились такіе «казаки».

Мнѣ кажется, что естественное и справедливое сознаніе совокупности дѣйствительныхъ своихъ казачьихъ особенностей совершенно не нуждается въ томъ, чтобы казаки противопоставляли себя русскимъ и Казачество, въ частности Донъ, Кубань, Терекъ и т. д. — Россіи, чтобы ставили себѣ задачей добиваться обязательно и безусловно независимой, суверенной казачьей государственности. Так-

же мнѣ кажется, что невозможно и нѣтъ надобности доказывать этнографическую особенность Казачества, отличную отъ Русскаго Народа.

Натяжками ничего никому не докажешь, а только засвидѣтельствуешь слабость въ аргументаціи своихъ справедливыхъ правъ и интересовъ...

Отдѣленіе отъ общей великой россійской семьи, общаго Россійскаго государственнаго крова не есть обязательное условіе преуспѣянія даже несомнѣнно во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго отъ русскаго народа, но и этнографическая общность съ русскимъ народомъ не есть обязательное условіе для невольной, порабощающей государственной общности. Такъ недавно національный индійскій конгрессъ въ Бомбеѣ при предоставленіи Индіи національной автономіи призналъ для индійскаго народа возможнымъ оставаться въ лонѣ англійской имперіи.

Англійскимъ колонистамъ въ Сѣверной Америкѣ въ 18 столѣтіи не помѣшали образовать извѣстную всѣмъ государственную независимость. Все зависитъ отъ реальныхъ условій жизни и дѣйствительныхъ особенностей данной общественной группы и ея ясно и опредѣленно выраженной воли.

Были ли наши знаменитые донскіе дѣятели А. М. Калединъ, М. Богаевскій, Назаровъ, Чернецовъ, Волошиновъ и вся плеяда ихъ соратниковъ и сотрудниковъ и Войсковой Кругъ 1917 года, морально ихъ поддерживавшій, или также Терскій Атаманъ Карауловъ, или Оренбургскій Атаманъ Дутовъ со своими сотрудниками «самостійниками»?

Былъ ли, наконецъ, б. Донской Атаманъ Красновъ, въ искреннемъ и честномъ патріотизмѣ котораго не приходится сомнѣваться, «самостійникомъ»?

Наконецъ, самостійники ли настоящій Донской Атаманъ и Кругъ его времени? Вѣдь всѣ дѣятели и цѣлыя казачьи области годы боролись съ государственной властью того географическаго, соціальнаго и этнографическаго комплекса, который, за исключеніемъ Польши, Финляндіи и Прибалтійскихъ государствъ, именовался и именуется Россіей.

Конечно, борьба эта была не войной съ тѣмъ намъ желательнымъ Великимъ Единеніемъ, которое мы называли и называемъ дорогимъ для насъ именемъ Россія и которую мы отличали отъ той государственной власти, которую мы считали и считаемъ вредной и пагубной для возрожденія нашей Родины.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ Россіи государственную власть неизмѣримо болѣе пагубную, чѣмъ была власть до революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ власть, угрожающую и отравляющую общественную и національную жизнь всего міра.

Казачество и знало и чувствовало всю пагубность этой государственной власти и, обливаясь и истекая кровью въ то время, когда весь міръ игралъ и заигрывалъ съ большевиками, боролось съ послѣдними.

Большевики овладѣли почти всей Россіей и ею орудовали и орудуютъ. Крестьянство, на которое теперь всѣ оріентируются, было активно за большевиковъ въ періодъ борьбы казаковъ, а теперь и крестьянство и города и рабочіе безсильны освободиться отъ совѣтской власти и, въ добавокъ, до сихъ поръ еще находятся подъ «соціалистическимъ» гипнозомъ большевизма.

Жупелы — «контръ-революція», «реставрація» до сихъ поръ пугаютъ всѣ «революціонные» элементы не меньше, чѣмъ московскихъ купчихъ. А въ общемъ носители, защитники совѣтской коммунистической власти держатся крѣпко на своихъ позиціяхъ.

Нынѣшняя государственная власть въ Россіи сильна и крѣпка. Разумъ, совѣсть и инстинктъ всякаго общественнаго и живого организма должны толкать на освобожденіе отъ этой власти. Недаромъ нѣкогда представитель и глава Дона пытался заговорить съ Императоромъ Вильгельмомъ. Недаромъ такой умный дѣятель, какъ Милюковъ, тоже пытался войти въ нѣкоторое соглашеніе съ тѣми же нѣмцами. Грузины входили въ соглашеніе съ турками, англичанами. Всѣ «бѣлыя арміи» входили въ соглашеніе и съ англичанами и съ французами и чуть ли не со всякимъ, кто пожелалъ бы помочь «бѣлымъ арміямъ». То же дѣлали и мы, казаки. Мы получали помощь немного и отъ нѣмцевъ, и отъ англичанъ, и отъ французовъ. Нужно думать, что они дѣлали не все совершенно безкорыстно.

Помимо нашихъ собственныхъ недостатковъ, вся эта помощь была не во время, недостаточна, непослѣдовательна. Тѣмъ временемъ врагъ усиливался. Окрѣпъ. Насъ побѣдилъ.

Были ли указанные общерусскіе и казачьи общественные дѣятели «самостійниками»?

Наконецъ, что было худшимъ зломъ — «самостійничество» на правовыхъ, культурныхъ, демократическихъ нача-

лахъ, но способное, можетъ быть, освободиться отъ общаго проклятія — большевизма, совѣтской власти, или нынѣ всѣхъ на Родинѣ угнетающій, подавляющій, унижающій, обманывающій совѣтскій режимъ?

Мало того, что этотъ режимъ отравляетъ все на Родинѣ, онъ то же пытается дѣлать на пространствѣ всего міра. Развѣ во все время борьбы и послѣ нея Казачество и вся русская общественность не указывали на міровую опасность большевизма? Англія, Франція, Китай и т. д. теперь имѣютъ документальную и чрезвычайно ощутительную возможность убѣдиться въ истинности казачьяго и русскаго антибольшевизма.

Если и можно говорить о казачьемъ «самостійничествѣ» въ прошломъ или теперь въ той или иной казачьей группѣ, то развѣ только о «тактическомъ», какъ о «методѣ» борьбы противъ небывалаго З л а, Лжи, которыя такъ крѣпко укрѣпились въ Россіи. Но можетъ ли быть серьезная рѣчь, какъ о конечной и верховной цѣли, объ отдѣленіи отъ того сложнаго комплекса національнаго и общественнаго явленія, которое мы называли, считали и считаемъ своей Великой Родиной, Россіей?

Несомнѣнно — н ѣ т ъ.

Да и мало же вѣры и знанія нужно имѣть въ дѣйствительное національное, культурное единство, живую связь Казачества съ Россіей, чтобы бояться, возмущаться «самостійничествомъ» и даже полной суверенностью Дона, напр., или Кубани или иной какой Области. Декларація о «суверенности» не можетъ имѣть больше смысла, чѣмъ «самостійничество» Казачества въ 1917 году. Нельзя все равно уйти изъ одной общей съ Русскимъ Народомъ Государственности въ той или иной формѣ.

Я убѣжденъ, что Казачество не только не желаетъ такого отдѣленія, но все и, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ многіе, кто афишируютъ свой «патріотизмъ», «россійскость», сдѣлаютъ, чтобы Россія въ истинномъ смыслѣ возродилась, воскресла.

Какой еще можетъ быть болѣе худшій и большій ущербъ во всѣхъ отношеніяхъ для нашей общей Родины Россіи и нашихъ Краевъ, какъ существованіе на ихъ территоріи и господство надъ ихъ населеніемъ неопредѣленно долгое время власти коммунистовъ-большевиковъ? Какая цѣна можетъ быть велика для достиженія свободы Россіи?

И не преддверіемъ ли ея свободы является свобода Казачества, ибо оно не можетъ не направиться на освобожденіе Россіи или, пусть даже, Великороссіи, какъ иные говорятъ. Не есть ли право и долгъ каждаго казака и гражданина Свободной Россіи всѣми силами и средствами все время и всюду идти на общаго врага?

Но какъ бороться съ преступной государственной властью въ Россіи, не борясь со всѣмъ человѣческимъ, общественнымъ матеріаломъ, который даетъ силу и опору этой власти?

Но какъ жить въ идеѣ борьбы и вести тяжкую борьбу, когда въ душѣ, въ резервѣ нѣтъ могучаго, неизсякаемаго творческаго импульса?

Такимъ извѣчнымъ реальнымъ импульсомъ въ душѣ казака и всего Казачества и является идея жить и развиваться своей казачьей автономной жизнью въ рамкахъ государственной, національно-культурной и экономической общности съ Русскимъ народомъ.

Безсмертнымъ пѣвцомъ этой автономіи былъ нашъ славный М. П. Богаевскій, а рыцаремъ безъ страха и упрека знаменитый донской партизанъ полковникъ Чернецовъ. Общимъ вождемъ всѣхъ борцовъ за эту идею, знаменосцемъ Вольнаго Дона былъ нашъ молчаливый, незабвенный Атаманъ-Мученикъ А. М. Калединъ. И чѣмъ дальше во времени они будутъ отходить отъ насъ, тѣмъ въ болѣе чистомъ, величавомъ ореолѣ они засвѣтятся въ душѣ и очахъ современниковъ и потомковъ.

Не на ихъ ли сторонѣ были Правда и Справедливость и истинный государственный разумъ? И не потому ли душа каждаго казака, взоры всѣхъ насъ, съ любовью и благодарностью идутъ къ образамъ великихъ покойниковъ, ихъ славныхъ соратниковъ?

Да, несомнѣнно потому и именно потому...

Но эта идея, идея казачьей автономіи, есть утвержденіе казака въ его особомъ качествѣ, существѣ казака, какъ таковаго. Для него психологически, исторически, общественно и біологически реальное на первую очередь есть казакъ. Это есть сама реальность. Это отрицать дѣйствительно безсмысленно.

И пруссакъ и баварецъ тоже нѣмецъ, но все-таки первый прежде всего пруссакъ, а второй — баварецъ. Понятіе «нѣмецъ» уже есть извѣстное отвлеченіе,

отъ головы. «Нѣмецъ» — родовое, хотя и реальное, понятіе, но понятіе и представленіе болѣе общаго, абстрактнаго характера.

Въ донскомъ казакѣ національно-русское начало, русская культура, русскій языкъ преобладаютъ, но претворенные, переработанные своеобразными историческо-культурными, краевыми условіями жизни, прошедшіе черезъ горнило вѣковой борьбы, столкновеній, сожительства со многими, многими народами многоразличныхъ культуръ, многоразличной исторіи, и выкристаллизованные ярко выраженные общественно-политическіе принципы.

Для англійскихъ колонистовъ въ Сѣверной Америкѣ, какъ и другихъ европейскихъ колонистовъ Сѣверной, Средней и Южной Америки, свои особенности быта, общественнаго строя, особенности характера были достаточными основаніями, чтобы оружіемъ завоевывать себѣ независимость отъ метрополіи. Англійскіе доминіоны въ настоящее время фактически являются независимыми государствами, соединенными съ Британіей лишь общностью идей англо-саксонской культуры и національности. Англійское Правительство и общество что-то не кричатъ о «самостійности» Канады, Австраліи, Южно-Американскихъ Республикъ.

Чтобы быть добрымъ россійскимъ гражданиномъ, казакъ долженъ быть сильнымъ, свободнымъ казакомъ. Его національная и культурная общность съ Русскимъ народомъ настолько сильна, что никогда не можетъ быть серьезной рѣчи и мысли о полномъ и дѣйствительномъ отдѣленіи отъ общаго съ этимъ народомъ государства, т.-е. Россіи.

Но отнимите отъ казака вышеуказанныя идеи, его условія жизни и основы его общественнаго строительства, что останется отъ него? Уйдетъ его душа, его духъ, такой красочный, сильный и всѣмъ на свѣтѣ извѣстный, захирѣютъ всѣ его морально-духовныя, физическія качества. Недаромъ Наполеонъ говорилъ, что съ казаками онъ завоевалъ бы міръ. Полагаю, что великая гвардія Чингисъ-Хана, никогда и никѣмъ непревзойденная въ доблести и непобѣдимости, была подобна казакамъ. Только у послѣднихъ никогда не было такого вождя, какъ у гвардіи Чингисъ-Хана.

Казаковъ нужно брать такими, какіе они есть; это должно сказать и Государству Россійскому. Всякая искусственная нивелировка казаковъ есть калѣченіе ихъ во всѣхъ отноше-

ніяхъ, унизительное обезличеніе, обезсиленіе и умерщвленіе ихъ души и тѣла...

Какъ представляется будущее Казачества и въ частности Дона?

Кто можетъ предсказать это будущее?

Во всякомъ случаѣ и въ наихудшемъ Казачьи Области всегда будутъ окрашиваться казачьимъ колоритомъ, будутъ проникнуты казачьимъ духомъ, т.-е. духомъ свободы, сознанія своего особаго достоинства, стремленіемъ къ извѣстному соціальному равенству, по крайней мѣрѣ по земельному вопросу, большимъ краевымъ патріотизмомъ, дисциплинированностью и военной доблестью, порядкомъ, большей взаимной солидарностью и постояннымъ стремленіемъ къ автономіи въ строительствѣ мѣстной жизни.

Желательную казакамъ перспективу ожидать при большевистской власти, конечно, немыслимо.

Мнѣ кажется также, что всякая нивелировка, «уравненіе», «окрестьяниченіе» Казачества будутъ лишь насильственны, но процессъ «оказаченія» при всѣхъ случаяхъ будетъ идти свободно, какъ естественная побѣда болѣе высшаго принципа, болѣе сильнаго и дѣйственнаго жизненнаго начала...

Многое будетъ, въ смыслѣ лучшаго будущаго Казачества и въ частности Дона, зависѣть отъ сознательно-методическаго, постояннаго, неустаннаго и упорнаго организаціоннаго строительства и направленія в с ѣ х ъ к а з а ч ь и х ъ с и л ъ заграницей и въ родныхъ Казачьихъ Краяхъ, перемалывающаго всѣ частныя расхожденія мнѣній отдѣльныхъ казачьихъ группъ, отдѣльныхъ дѣятелей въ одно стройное, мощное казачье теченіе, проникнутое здоровымъ вольнолюбивымъ казачьимъ духомъ, сумѣвшимъ сочетать, прежде всего, автономныя чаянія Казачества съ цѣлостью Россійскаго Государства.

Атаманамъ и Правительствамъ, какъ историческимъ и з а к о н н ы м ъ казачьимъ общественнымъ центрамъ, принадлежитъ почетная и благодарная миссія въ борьбѣ за права Казачества и достойное его участіе въ строительствѣ Россійскаго Государства.

С. ФЕДОРОВЪ,
(полк. Кубанск. Войска Лантухъ),
докторъ правъ, проф. стип. Украинскаго Университета въ Прагѣ.

Передъ всѣмъ нашимъ мыслящимъ казачествомъ стоитъ неотложная задача строительства будущей жизни Родныхъ Краевъ.

Великая россійская революція, пронесясь жестокимъ ураганомъ по необъятнымъ просторамъ бывшей имперіи, смела, разрушила и уничтожила создавшееся вѣками зданіе россійской государственности.

Въ этой разрушающей стихіи погибли и лучшіе сыны казачества, смѣлые и благородные строители его государственнаго бытія.

Перестала существовать имперія, а съ ней перестала быть и Россія. Валясь и падая, она разрушила и казачье строительство. Непонятые и непонимающіе, оскорбленные въ основахъ своего міросозерцанія, вольно и невольно уходили въ вѣчность, вмѣстѣ съ нею, и наши славные Зодчіе, ихъ же памяти посвящается этотъ сборникъ.

Идеализирующіе несуществующее, пытающіеся осуществить неосуществимое, они расходились со своимъ народомъ — казачьей сыроземной силой. Послѣдняя звала и тянула къ своимъ малымъ, для людей общероссійскаго масштаба, интересамъ — Вожди же ея жили идеею Великой Россіи.

Необъятную Россію создало самодержавіе московскихъ царей. Самодержавіе проникло въ самое существо россійскаго народа. Самодержавіемъ жила и держалась Россія. Пало самодержавіе, пала и Россія. И не октябрьская, а февральская революція принесла ей смерть.

Обкусанная съ Запада, Россія претворилась въ СССР, а ея бывшее, полное «маестатнаго» величія, имя узурпировала себѣ РСФСР — московское царство, Великороссія 17-го столѣтія. Оно только возродилось подъ новой формой и новымъ названіемъ.

А многіе и многіе изъ казаковъ продолжаютъ еще жить старыми понятіями. Они переносятъ величіе бывшей имперіи на Россію демократическую — плодъ своихъ мечтаній — и ищутъ въ ней мѣста свободному Казачеству.

Въ дѣйствительности же такой Россіи нѣтъ. Великорос-

сія присвоила себѣ ея имя, но Великороссія — Москва, а не Россія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ лопнули обручи искусственнаго ея единства, которое никогда не было единствомъ по сердцу и разуму, самоопредѣлились и части б. имперіи, механически связанныя до того царской властью.

Самоопредѣлилась Украина, отказавшись отъ узурпированнаго Москвою своего историческаго Имени Руси. Самоопредѣлилась Бѣлоруссія. Самоопредѣлилось и Казачество. Русскій народъ, никогда и не бывшій единымъ, пересталъ носить и искусственную видимость единства.

Казачество рѣшительно провозгласило требованіе переустройства Россіи на федеративныхъ началахъ и, мысля себя членомъ великой федераціи, крѣпко и стойко боролось противъ Россіи унитарной — демократической республики съ ея титуломъ.

Прошло десять лѣтъ и жизнь ушла впередъ. Федерація не является уже идеаломъ. Въ рамкахъ россійской федераціи не объединить уже всей территоріи б. имперіи.

Понятіе Россія стало бывшимъ — бывшей Россіи не вернуть. Падетъ СССР и на развалинахъ коммунистическаго государства создастся нѣчто новое, что уже никогда не будетъ носить имени Россіи.

Самоопредѣленіе народовъ, вкусившихъ сладость независимаго бытія, такъ глубоко проникло въ сознаніе народныхъ массъ, что народы Украины, Бѣлоруссіи, Кавказа и многіе, многіе другіе никогда не поступятся завоеванными въ революціи правами.

Передъ Казачествомъ будетъ лежать широкое чистое поле плодотворной дѣятельности, на которомъ уже не будутъ находиться обломки стараго государственнаго бытія.

Въ государственномъ строительствѣ Родныхъ Краевъ Казачеству не надо уже будетъ старыхъ формъ, методовъ и шаблоновъ и прежнихъ понятій.

Новое свое бытіе оно должно будетъ возводить, основываясь на историческомъ правѣ, по методамъ современной науки, раціонально и разумно, такъ, какъ подсказываетъ жизнь и естественное право.

Горькій опытъ прошедшаго съ достаточной ясностью показалъ, что Казачество можетъ разсчитывать только на свои силы.

Въ императорской Россіи Казачество не могло свобод-

но развивать ихъ. Въ Россіи демократической разнузданная стихія разбушевавшагося мужика снесла и развалила самостоятельно возводимое Казачествомъ строеніе его жизни.

Россійская демократія обанкротилась. Неспособная на созидательную работу, она никогда не сможетъ, да и не захочетъ, дать Казачеству возможность прійти къ логическому завершенію вѣковѣчныхъ его идеаловъ народоправства — своей государственности.

Реализмъ и раціонализмъ должны руководить Казачествомъ. Мыслящее Казачество должно похоронить старыхъ покойниковъ и не мечтать призвать къ жизни то, что самою жизнью отброшено въ загробный міръ.

Россію постигла судьба многихъ великихъ имперій.

Съ болью въ сердцѣ, съ мыслью о дорогомъ покойникѣ, пусть живущее старыми впечатлѣніями Казачество, не озираясь назадъ, приступаетъ къ созидательной работѣ и творитъ свою будущую жизнь по современнымъ методамъ государственнаго строительства и жизненной раціоналистики.

Падетъ РСФСР — московская Великороссія — и Казачество не будетъ связано съ ней. Исторически Казачество никогда и не связывало себя съ московскимъ народомъ. Оно служило царю и династіи, но не Москвѣ и не московскому народу.

Исторически Казачество связали съ Россіей-имперіей и «единымъ» русскимъ народомъ, но ни Россіи, ни русскаго народа, единыхъ, больше не существуетъ, и такими, какими они были, имъ не возродиться.

Надо смотрѣть на жизнь открытыми глазами и не подчинять холодный разумъ чувствамъ пылкаго сердца.

Съ отреченіемъ вел. кн. Михаила пала и правовая связь Казачества съ монархіей.

Передавши власть въ руки народа, онъ передалъ ее и Казачеству. Въ руки послѣдняго вернулось самое цѣнное, самое дорогое, что только можетъ существовать на свѣтѣ — право вольно распоряжаться своею жизнью.

Казачество перестало быть «арендаторомъ» своихъ земель, добытыхъ кровью и головами предковъ, а Россія и русскій народъ, провозгласивши демократію, не смѣли и пытаться оставить за собою право «хозяина».

Казачество пошло по пути, указанному его праотцами

— Вольнымъ Казачествомъ. Побывши служилымъ «сторожемъ», оно снова вернулось на Вольный Путь.

Старое Вольное Казачество чувствовало и мыслило себя Народомъ. Отдѣльной вѣтвью народовъ самоопредѣлили себя его потомки, по исторической традиціи, и въ революціи.

Казачество пошло по логическому пути завершенія своихъ стремленій. Оно сотворило свою Государственность и создало свои Конституціи.

Основы ихъ должны намъ служить незыблемыми законами дальнѣйшаго державнаго творчества. Въ укрѣпленіи и развитіи ихъ наше будущее. Но они не могутъ окаменѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ; не могутъ оставаться замшивѣвшимъ, неподвижнымъ столпомъ, среди буйно растущей и идущей впередъ новой жизни.

Наши основные законы должны видоизмѣняться въ связи съ эволюціей времени.

Казачество было всегда впереди и должно быть передовымъ въ дѣлѣ идейнаго творчества.

Жизнь безостановочно идетъ впередъ, старыя формы отмираютъ и вмѣсто нихъ нарождаются новыя.

Идеи федераціи, казавшіяся идеаломъ государственнаго переустройства въ 1917 г., теперь не удовлетворяютъ никого.

Государства — наслѣдники Россійской имперіи — не пойдутъ никогда на федерацію въ ея границахъ и подъ ея титуломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они вполнѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ условіяхъ нашей дѣйствительности малымъ народамъ и малымъ націямъ невозможно прожить безъ угрозы своему существованію.

Конфедерація, а не федерація является лозунгомъ современнаго государственнаго строительства.

Его выдвигало Кубанское правительство въ прошломъ, и по этому пути должна слѣдовать наша творческая дѣятельность.

Вѣкъ великихъ государствъ минулъ; на сцену вышли малыя державы и малые народы.

Великая Британская имперія не остановилась передъ переустройствомъ себя на началахъ независимаго существованія отдѣльныхъ ея частей, объединенныхъ въ могучую Британскую конфедерацію.

Казачеству необходимо итти по тому же пути. Наученное горькимъ опытомъ прошлаго, оно не смѣетъ передать

ни капли своихъ державныхъ правъ Хозяина Земель казачьихъ въ руки сильнѣйшихъ сосѣдей, а тѣмъ болѣе его недавнихъ властелиновъ.

Казачество само должно рѣшать свои судьбы, независимо и суверенно, и вольно избирать естественныхъ союзниковъ. Такими будутъ всѣ тѣ, прежде всего ближайшіе сосѣди, передъ которыми въ дѣлѣ государственнаго строительства стоятъ одинаковыя съ Казачествомъ задачи.

Казачья Государственность, Казачья Держава, обнимающая историческія Земли Казачества — первый этапъ его государственнаго строительства.

Вольный Союзъ — другой, послѣдовательный, въ немъ.

Союзъ вольныхъ съ вольными, равныхъ съ равными, долженъ быть ближайшимъ претвореніемъ въ дѣйствительность идеаловъ и стремленій малыхъ народовъ и малыхъ націй, какъ тѣхъ, которые уже проявили волю къ самостоятельному, независимому, существованію, такъ и тѣхъ, которые ее проявятъ въ будущемъ.

Черноморское Согласіе — Черноморская Антанта — должна быть конечной цѣлью ближайшаго осуществленія. Инстинктъ самообороны рѣшительно зоветъ Казачество къ связи на Западъ и Югъ.

Стратегическое и экономическое положеніе казачьихъ Краевъ всегда будетъ притягивать къ себѣ алчные взоры властолюбителей.

Казачество въ періодъ «военнаго коммунизма» вынесло на себѣ «крестовый походъ» рабоче-крестьянскаго люда РСФСР, разорившій насъ горше, чѣмъ разоряли древнюю Русь Батыева полчища. Теперь Казачество стонетъ дома, перенося всѣ «красоты» жизни подъяремнаго народа въ порабощенныхъ колоніяхъ.

Московское великодержавіе никогда не помирится съ естественными стремленіями украинскаго и кавказскихъ народовъ къ независимому отъ него существованію.

Какъ бы ни старалась разумная демократія предотвратить вооруженную борьбу, но, рано или поздно, неминуемо прійдетъ къ жестокой схваткѣ 40-милліоннаго украинскаго народа съ 80-ти милліоннымъ великорусскимъ.

Владѣніе Дономъ и Сѣвернымъ Кавказомъ обезпечиваетъ Москвѣ чрезвычайно выгодный и удобный плацдармъ для развитія военныхъ операцій противъ Украины и Кавказа; оно даетъ также богатую мѣстными средствами матері-

ально-экономическую базу, безъ которой не можетъ быть обезпеченъ успѣхъ при вооруженной схваткѣ.

Для Казачества является настоятельно необходимымъ обезпечить себя на будущее отъ повторенія ужасовъ и бѣдъ недавняго прошлаго.

Казачество всѣми средствами должно не допустить на своихъ Земляхъ вооруженнаго столкновенія, а это возможно только при созданіи единаго оборонительнаго фронта Юга противъ возможныхъ агрессивныхъ попытокъ Сѣвера.

Великая союзная держава, — Конфедерація Юга, простирающаяся отъ Карпатъ до Азіи и опирающаяся на Черное и Каспійское моря, будетъ достаточно сильной въ военномъ отношеніи, а экономически и политически самодовлѣющей.

Время и обстановка укажутъ размѣры и границы болѣе широкой Конфедераціи. Вѣхи ея уже намѣчаются — Сибирское Казачество усиленно работаетъ надъ проблемой созданія Сибирской казачьей державы; Вольные народы степей, Средней Азіи и Туркестана тянутся къ нашему Югу и Черноморскому бассейну.

Не закрываются мыслящей общественностью пути къ участію въ широкой Конфедераціи и великороссійскому народу, если онъ сумѣетъ осознать необходимость отказа отъ политики государственнаго поглощенія.

Наконецъ, передовое Славянство давно уже мыслило и мечтало о Великой Славіи.

Эти этапы опредѣляютъ и наши пути слѣдованія.

Итакъ, въ ближайшемъ:

Казачество — самоцѣль.

Казачья Держава.

Черноморская Конфедерація.

Въ дальнѣйшемъ:

Широкій Союзъ вольныхъ народовъ Востока Европы и сопредѣльной Азіи и, наконецъ,

Великая Славія.

М. А. ФЕТИСОВЪ,
казакъ Дон. Войска, генералъ-маіоръ, командовавшій отрядомъ, освободившимъ 1 апрѣля 1918 года Новочеркасскъ.

Казачество всегда гордилось своими вольностями. Оно вспоминаетъ эти вольности въ своихъ истинно казачьихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Я въ дѣтствѣ особенно любилъ слушать отъ своей бабушки о казачьихъ вольностяхъ. Она всегда вспоминала ихъ съ особымъ увлеченіемъ и плакала о постепенной ихъ утратѣ. Тоже самое приходилось слышать и отъ старыхъ казаковъ своей станицы.

Я родомъ изъ ст. Баклановской (раньше именовалась Гугнинской — въ этомъ мѣстѣ была ставка Атамана Гугня). Правда, ст. Баклановская — маленькая, но имѣла много славныхъ героевъ: генераловъ Ефремова, Бакланова и др. Я не стану о нихъ распространяться, такъ какъ о нихъ много говоритъ исторія даже стараго Россійскаго государства, старавшаяся всегда съ цѣлью умалчивать о казакахъ.

Я нѣсколько коснулся своей станицы съ цѣлью, чтобы яснѣе было для каждаго, что въ станицѣ сохранилось много преданій отъ «своихъ людей», проведшихъ почти всю свою жизнь въ станицѣ (Генералъ Ефремовъ умеръ и похороненъ въ ст. Гугнинской, а г. Баклановъ умеръ въ Петербургѣ, но жилъ большую часть своей жизни въ ст. Гугнинской). Мой прадѣдъ — сослуживецъ генерала Бакланова по Кавказу — его казначей и адъютантъ, почему въ моей семьѣ сохранилось много преданій о старой казачьей жизни и ея вольностяхъ. Казачество, какъ старое, такъ и теперешнее, ясно представляло и отдаетъ себѣ отчетъ, какъ Московское правительство урѣзывало ихъ вольности. Казачество старалось сохранить въ своей жизни широкія начала народоправства, равенства и братства, но царское правительство постепенно это урѣзывало и, можно сказать безъ особой погрѣшности, свело къ нулю: оставило «вольности» казачьи на бумагѣ (Рескрипты, Манифесты), на дѣлѣ же было другое. Уничтоженіе началось царемъ Петромъ I и Екатериной I. Послѣдняя, «Жалованной граматой дворянству», посѣяла рознь между казаками, не знавшими раньше между собой никакикой разницы, жившими въ условіяхъ равенства и братства.

Съ этихъ временъ образовались на Дону близкіе слуги

царскому двору и стали пѣть «Боже, Царя храни», но много осталось истинныхъ казаковъ, которые жили воспоминаніями о старомъ величіи казачества и его вольностяхъ! Ихъ думы, ихъ желанія исполнились въ февралѣ 1917 г.; такъ они говорили, собравшись на Войсковой Кругъ весной 1917 года. Они думали, что начинается жизнь новая, что они будутъ жить по своему казачьему укладу, независимо отъ Москвы, безъ всякой московской указки высказывать свои желанія и проявлять свою волю. (Я, къ счастью, членъ 1-го Войскового Круга и 1-го Казачьяго Съѣзда въ Петербургѣ).. Я бесѣдовалъ со многими, — всѣ радовались, что, наконецъ то, казачество будетъ жить «по-своему», «по-старому», «по-казачьему», и въ этомъ они видѣли спайку и силу казачества, а всякіе классы только ослабляли казаковъ. Подобное дѣленіе казаковъ и за границей сильно насъ ослабляло, а все потому, что еще есть вѣрные слуги «Боже, царя храни».

Итакъ, слабыя стороны казачества — это дѣленіе наше на классы, а сильная: это спайка и вѣрность завѣтамъ казачества. Казачество въ будущемъ должно существовать во всемъ самостоятельно, имѣя своего представителя въ Москвѣ. Вообще, казачество на будущую Россію смотритъ, какъ на федеративную. Будетъ-ли монархъ, будетъ-ли это республика — Россія «единая-недѣлимая» въ будущемъ невозможна.

А. П. ФИЛИМОНОВЪ,
генералъ-лейтенантъ, б. Кубанскій
Войсковой Атаманъ.

КО ДНЮ ДЕСЯТИЛѢТІЯ БѢЛО-КАЗАЧЬЕЙ БОРЬБЫ СЪ КРАСНОЮ СМУТОЮ

Всякая попытка собиранія матеріаловъ для изученія исторіи и идеологіи казачества должна привѣтствоваться, какъ большое общерусское дѣло.

Печальные дни десятой годовщины русской смуты являются удачнымъ поводомъ для возбужденія общаго вниманія къ роли и значенію казачества въ дѣлѣ борьбы съ большевиками и къ выясненію причинъ постигшей казачье

движеніе неудачи. Было бы ошибкой не использовать полностью этотъ поводъ.

Лично я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы, какъ въ устныхъ докладахъ (въ Новомъ Саду, Бѣлградѣ, Нишѣ и др. мѣстахъ), такъ и въ печатныхъ статьяхъ (см. «Русскій Архивъ» № 5, «Бѣлое Дѣло» № 2, «Новое Время» № 1919 и слѣд., однодневная газета «Первопоходниковъ» и др.), отмѣтить наиболѣе знаменательные, съ моей точки зрѣнія, моменты участія Кубанскихъ казаковъ въ гражданской войнѣ и, по возможности, разобраться въ обстоятельствахъ, поскольку они связаны съ этимъ участіемъ, обусловившихъ провалъ борьбы казаковъ съ красными насильниками.

Въ качествѣ общей причины я съ полнымъ убѣжденіемъ указывалъ всегда на странное, малообъяснимое равнодушіе русской исторической литературы и русскаго общества къ оригинальному, чисто русскому явленію казачества.

Весь багажъ свѣдѣній средняго русскаго интеллигента о казакахъ, въ лучшемъ случаѣ, заключается въ освѣдомленности о завоеваніи Сибири Ермакомъ Тимофеевичемъ, о бунтахъ Разина и Пугачева, о роли казаковъ Атамана Платова въ Отечественную войну и о Запорожской Сѣчи; исторія же остальныхъ двѣнадцати казачьихъ войскъ, въ частности Кавказскихъ, оставалась неизвѣстной русскимъ людямъ, и о самомъ существованіи ихъ многіе смутно догадывались по произведеніямъ гр. Л. Толстого и Лермонтова.

Романы ген. Краснова, рисующіе исторію и бытъ донскихъ казаковъ, явились для русскихъ читателей новинкой и откровеніемъ.

С казачьей пѣсней, джигитовкой и пляской многіе русскіе люди познакомились только въ изгнаніи и только послѣ того, какъ объ этомъ громко заговорили иностранцы.

Высшія правительственныя сферы никогда не имѣли твердой, опредѣленной, отвѣчающей интересамъ Россіи, казачьей политики. Казачій вопросъ возникалъ обычно въ періоды внутреннихъ неудачъ и политическихъ потрясеній и замиралъ въ годы мирной, спокойной жизни.

Казаками пользовались, какъ спеціальной военно-полицейской силой и забывали о нихъ въ моменты проведенія полезныхъ реформъ.

Русская правящая интеллигенція, западнически настроенная, мало интересовалась казаками и даже, какъ будто бы, ихъ стыдилась. Въ прямолинейной и упорной работѣ евро-

пеизаціи всей русской жизни неразумно топтались здоровые идеалы, навыки и вкусы русскаго народа.

Между тѣмъ, не только вся русская исторія, но повседневная жизнь, ярко бьютъ въ глаза слѣдующимъ безспорнымъ фактомъ: какъ только какая либо часть русскаго населенія, какой либо отдѣльный городъ или просто группа русскихъ людей, — будь то военные партизаны, рабочія артели, партіи инсургентовъ и т. п., — въ силу какихъ либо обстоятельствъ откалывались отъ общаго русскаго ядра и ставились въ возможность устраивать свой бытъ и свою духовную жизнь самостоятельно, по своему вкусу, они неизмѣнно прибѣгали къ формамъ и обычаямъ казачества. Избираютъ себѣ главу, именуемую, чаще всего, атаманомъ, придаютъ ему коллегіальное правленіе, а остальной народъ, въ видѣ вѣча, схода, круга, рады и т. п., сохраняетъ за собой право верховнаго распоряженія своими интересами и своей судьбой.

Этотъ демократическій шаблонъ настолько типиченъ и настолько перманентенъ, что замалчивать его или не замѣчать его нельзя.

Да и не нужно. Прежде всего потому, что такой «казачій» укладъ никогда не отрицалъ и никогда не противопоставлялъ себя установившемуся въ Россіи монархическому государственному строю; наоборотъ, казаки всегда тянулись къ Москвѣ, къ русскому Царю, какъ естественному центру — общей Матери-Россіи; а затѣмъ и потому, что идеалъ многомилліоннаго народа нельзя умерщвлять прихотью отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ партій: если вы станете гнать его въ двери, онъ войдетъ въ окно.

Можно считать общепризнаннымъ, что игнорированіе настроеній и вкусовъ народа сыграли главную и роковую роль въ исторіи русской революціи 1917 года, и секретъ долгаго существованія противоестественной власти большевиковъ, можетъ быть, въ томъ и заключается, что созданіемъ суррогата народовластія, въ видѣ совѣтовъ, они разгадали и пошли навстрѣчу старой мечтѣ русскаго народа о понятной имъ и отвѣчающей ихъ міровоззрѣніямъ формы управленія.

Формула: «Царь и совѣты» не есть плодъ досужей фантазіи, это, несомнѣнно, голосъ изъ народа, ищущаго выхода изъ коммунистическаго тупика.

«Чудесная помѣсь» монархической формы управленія

съ республиканской въ будущей Россіи (см. докладъ Д. С. Мережковскаго «Наши пути въ Россію») съ точки зрѣнія казачьяго міропониманія не заключаетъ въ себѣ ничего противоестественнаго.

Какъ-бы тамъ ни было, но казачество, какъ продуктъ стихійнаго народнаго творчества, можетъ быть изжито только въ процессѣ общей эволюціи русскаго народа, когда исчезнутъ условія, создавшія и питающія идею казачества. Лично же я исповѣдую глубокое убѣжденіе, что казачество въ качествѣ особаго сословія прекратитъ свое существованіе лишь тогда, когда весь русскій народъ, осуществляя свои вѣковыя стремленія, восприметъ идеологію и формы жизни, принятыя казаками, какъ частью русскаго народа, сохранившей въ чистотѣ свои физическія и духовныя силы отъ разлагающаго вліянія крѣпостничества, экономическихъ неурядицъ и растлѣнія неустроенной фабричной и заводской жизни. Поэтому я не сомнѣваюсь, что если, по возрожденіи Россіи, казакамъ въ сотрудничествѣ съ коренными, давно осѣвшими въ казачьихъ краяхъ и оказачившимися русскими поселеніями, не удастся возстановить казачью жизнь, хотя бы въ рамкахъ предреволюціоннаго времени, то неизбѣжной появится неудержимая тяга предпріимчивыхъ и свободолюбивыхъ людей на окраины нашей обширной Родины и въ ближайшіе же годы эти окраины обростутъ толстой и твердой корой казачества.

Нужно надѣяться, что въ будущемъ не будетъ мѣста ошибкамъ и предубѣжденію стараго времени. Уроки бѣлаго движенія должны сыграть благопріятную роль въ установленіи болѣе нормальныхъ отношеній центральной власти къ казакамъ.

Вожди бѣлаго движенія правильно расчитали, что свою работу они могутъ развить только въ казачьихъ областяхъ и потому, безъ предварительнаго сговора, туда и направились, но было неправильно то, что, принося казакамъ идею и пафосъ борьбы за родину, они не принесли съ собой искренней любви и уваженія къ казачеству въ его цѣломъ. Въ казачьихъ областяхъ искали не друзей и сотрудниковъ, а «матеріалъ» для «цвѣтной» арміи. Горсточка добровольцевъ, прибывъ на Донъ и на Кубань, не захотѣли принять казаковъ такими, какими они были въ дѣйствительности, и, тѣмъ болѣе, не захотѣли слиться съ ними органически, а рѣшили подчинить ихъ законченную и самостоятельную ор-

ганизацію своему вліянію и своему господству. Добровольцы не скрывали своего критическаго, а иногда и ироническаго отношенія къ казачьимъ порядкамъ и казачьей власти.

Казаки-же, открывая братскія объятія добровольцамъ и гостепріимно приглашая ихъ въ свою просторную и богатую хату, считали себя въ правѣ требовать, что-бы гости, по православному обычаю, при входѣ снимали шапки. Эта скромная претензія оказалась непріятной неожиданностью и многихъ добровольцевъ приводила въ крайнее раздраженіе.

Радость спасительной для обѣихъ сторонъ встрѣчи омрачилась съ первыхъ шаговъ совмѣстной работы взаимнымъ непониманіемъ.

Задачи перевоспитанія и преобразованія казачества была явно несвоевременна: для этого у добровольцевъ не было ни времени, ни средствъ, ни яснаго для всѣхъ права.

Съ другой стороны, нельзя закрывать глаза и на то, что и у казаковъ не все было благополучно.

Подъ вліяніемъ грандіозности и необычайности совершающагося и при натискѣ бѣшеной революціонной пропаганды, казачій монолитъ далъ цѣлый рядъ трещинъ. Безнаказанный разстрѣлъ большевиками среди бѣлаго дня и въ центрѣ своего Войска Терскаго Атамана Караулова, самоубійство оставленнаго всѣми Атамана Каледина, самостійничество у Кубанцевъ, интриги ихъ противъ своей выборной власти, сдача арміи на Черноморскомъ побережьи, — вотъ событія, которыя пришлось казакамъ искупать своей кровью, потерей благополучія, позоромъ и униженіями изгнаннической жизни.

Разрозненными, разочарованными, потерявшими вѣру въ авторитеты, живутъ казаки въ эмиграціи. Попытки ихъ объединенія успѣха не имѣли. Неудачи Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека, провалъ Кубанскаго Союза, блѣдное существованіе Казачьяго Союза*) много разъ были пред-

---

*) **Примѣчаніе Редакціи:**

Весь присланный намъ матеріалъ мы печатаемъ безъ малѣйшихъ измѣненій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, — какъ, напр., сейчасъ, — авторъ, являющійся политическимъ противникомъ перечисленныхъ выше организацій, увлеченный борьбой даже здѣсь, и забывая, что вопросъ поставленъ не о лицахъ и непріятныхъ для него организаціяхъ, а вообще о казачествѣ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи уязвить Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека и Казачій Союзъ, зная, что ни та, ни другая организаціи не будутъ опровергать здѣсь его выпадовъ.

метомъ обсужденія въ русской заграничной печати и возвращаться къ нимъ въ настоящей краткой замѣткѣ мы не будемъ.

Несомнѣнно одно: задача интегрированія необъятныхъ казачьихъ силъ оказалась не по силамъ казачьимъ вождямъ.

Почему?

Существуетъ распространенное мнѣніе, что казачьи низы способны и доблестны, а верхи — бездарны и невѣжественны.

4-го апрѣля 1918 года это мнѣніе открыто было высказано покойнымъ генераломъ Сергѣемъ Леонидовичемъ Марковымъ на военномъ совѣтѣ въ станицѣ Дядьковской, когда Добровольческая армія чудомъ и доблестью марковцевъ выбралась изъ кольца большевицкаго окруженія.

Ген. Марковъ, отвѣчая на протестъ представителей кубанцевъ противъ назначенія начальниками казачьихъ частей лицъ неказачьяго происхожденія, рѣзко замѣтилъ: «дѣлается это потому, что у казаковъ нѣтъ способныхъ начальниковъ. Я провелъ всю германскую войну на фронтѣ и не видалъ тамъ ни одного сколько нибудь выдающагося начальника изъ казаковъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на ст. Тихорѣцкой Ген. М. В. Алексѣевъ, въ бесѣдѣ со мной, подтвердилъ это мнѣніе, сказавъ, что «нѣкоторые сотенные командиры были на своихъ мѣстахъ, но выше — сплошные неудачники».

Къ счастью, теперь намъ легко доказать, что такое мнѣніе фактически невѣрно, а логически подтверждаетъ вышеизложенныя наши соображенія о ненормальномъ отношеніи центральной власти къ казакамъ.

Корниловъ, Калединъ, Красновъ, Дутовъ, Толстовъ (уралецъ), партизанъ Чернецовъ, конники Бабіевъ и Улагай, летчикъ Ткачевъ — вотъ казачьи имена, которыя будутъ занесены на страницы русской военной исторіи и составятъ гордость русской арміи. Но несомнѣнно, казаки могли бы дать, и въ будущемъ дадутъ, болѣе значительный процентъ выдающихся военачальниковъ и общественныхъ дѣятелей, если будутъ устранены причины, препятствующія способнымъ и доблестнымъ низамъ претворяться въ такіе же верхи. Продуманныя до конца разсужденія генераловъ Маркова и Алексѣева неминуемо приводятъ къ одному печальному выводу: доблестному и одаренному казачеству не за-

хотѣли или не догадались своевременно открыть широкую дорогу къ развитію его могучихъ силъ и дарованій.

Нужно ли удивляться и можно ли упрекнуть казаковъ, что они не поняли и не использовали счастливыхъ возможностей, открывшихся имъ въ 1917 году, въ моментъ небывалаго въ исторіи человѣчества краха величайшей въ мірѣ Державы.

Г. И. ЧАПЧИКОВЪ,
каз. Дон. Войска, полковникъ.

Вся исторія казачества переполнена пафосомъ беззавѣтнаго служенія своей Великой Родинѣ, вѣрѣ Православной и Великимъ Русскимъ Царямъ и Императорамъ. Свои особыя права и преимущества казачество оплачивало страшной цѣной — цѣной крови всѣхъ, огромнымъ творческимъ трудомъ и, во истину, легендарными подвигами, коими жила и строилась Россія.

Не однажды казачество дѣлало болѣзненныя отклоненія, но великая мысль безконечно великой идеи осѣняла его свыше и казачество въ своей подавляющей массѣ быстро выпрямлялось и оставалось вѣрно своему историческому предназначенію — быть авангардомъ Великаго Русскаго Народа и выполнять — лучше, чѣмъ кто бы то ни было — Національныя задачи Россіи.

Съ теченіемъ вѣковъ измѣняются и пріумножаются Національныя задачи и цѣли Россіи, измѣняются, соотвѣтственно, и пріумножаются способы и средства ихъ выполненія. Почти до конца 19-го столѣтія главнѣйшей, всеобъемлющей, Національной Задачей Россіи, на осуществленіе которой направлялись вся энергія, всѣ силы и средства Русскаго народа, — было расширеніе Государственныхъ границъ до естественныхъ рубежей, защита ихъ, а также колонизація и освоеніе присоединенныхъ областей.

Помимо постояннаго, весьма дѣятельнаго и несравненно доблестнаго, участія во всѣхъ войнахъ Россіи, особыми заслугами казачества, во исполненіе этой задачи, являются — покореніе Сибири, разгромъ поляковъ въ Смутное время, рѣшающее участіе въ избраніи Царя Михаила Федоро-

вича, Азовское сидѣніе, рядъ самостоятельныхъ набѣговъ на Крымскихъ татаръ и самый Константинополь, поголовная самомобилизація въ 1812 году, покореніе Кавказа и т. д., колонизація и руссификація тѣхъ мѣстъ, гдѣ осѣдали казаки и, наконецъ, признанное всѣми, что «границы Россійскаго Государства лежатъ на арчакѣ казачьяго сѣдла».

Съ 18-го вѣка передъ Россіей становится новая задача— освобожденіе изъ подъ ига завоевателей братскихъ народовъ по крови и вѣрѣ.

Казаки и здѣсь сыскали себѣ огромнѣйшую и заслуженную славу. И только со второй половины 19-го столѣтія, когда осуществилась первая задача, національная Русская власть смогла приступить къ выполненію неотложной, значительно ранѣе назрѣвшей, также грандіознѣйшей, по размѣру и значенію, задачи — начала выполненія которой составили т. н. эпоху великихъ реформъ Императора Александра 2-го, реформъ, направленныхъ на развитіе и упроченіе государственнаго и гражданскаго правопорядка, культурнаго и экономическаго преуспѣянія.

И къ 1917 г. казачьи области, въ которыхъ почти до конца 18-го столѣтія запрещалось заниматься земледѣліемъ, — совершенно по праву именовались «житницей Россіи» и имѣли огромнѣйшее количество домашняго скота; и рѣдко уже можно было встрѣтить неграмотнаго молодого казака.

Гражданскія и политическія реформы и бурный поступательный процессъ экономическаго преуспѣянія и культурнаго развитія широкихъ народныхъ массъ обострилъ и поставилъ на очередь проблему соціальнаго мира, для защиты жизни и достоянія мирныхъ тружениковъ и самаго существованія Государства отъ нападеній озвѣрѣлыхъ поборниковъ соціалистическихъ экспериментовъ, правительство вынуждено было прибѣгать даже къ силѣ оружія.

Раньше бывало и въ наши (1905-07) годы совершилось, когда въ дни всеобщаго потрясенія пошатнувшіеся устои Россійской Государственности, казаки, вѣрные и сильные, удержали на своихъ, не знающихъ устали, плечахъ. Послѣдующій огромный, небывалый расцвѣтъ всѣхъ сторонъ русской жизни исчерпывающе показываетъ, что побѣдила не реакція, а національныя живыя творческія силы и что казаки правильно поняли тогда свою задачу. Однако, ни правительство, ни государственно мыслящее русское общество не оцѣнили своевременно по достоинству совершеннаго ка-

заками подвига, имѣвшаго величайшее значенiе для послѣдующихъ судебъ Россiи.

Злостно оклеветанное и бѣшено травимое врагами русскаго народа, непонятое, неоцѣненное и неподдержанное никѣмъ — тяжелую душевную драму и разочарованiе переживало тогда казачество. Совершился душевный надрывъ, и казаки также начали заражаться общероссiйской болѣзнью — затемнѣнiемъ государственной мысли. Вотъ почему въ мартѣ 1917 г. ни одна казачья шашка не была обнажена въ защиту Россiйской исторической власти и затѣмъ, въ своей массѣ, казаки остались глухи ко всѣмъ первоначальнымъ призывамъ къ борьбѣ съ большевиками.

Однако же, казаки быстрѣе всѣхъ очнулись и приняли самое активное, массовое и организованное участiе въ борьбѣ съ безпощаднымъ нацiональнымъ врагомъ — 3-мъ интернацiоналомъ, и едва не захлебнулись въ потокахъ собственной крови. Но казачество не умерло. По прежнему духъ жизни живой озаряетъ его. И по прежнему — первоочередной и первоважной нацiональной задачей русскаго народа и его авангарда — казачества — является сверженiе коммунистической тиранiи и возстановленiе въ Россiи Нацiональной власти.

***

Сильными сторонами казачества безусловно являются — искренняя и глубокая религiозность и сознанный русскiй патрiотизмъ. «Казачiй духъ» — духъ беззавѣтнаго служенiя и безкорыстность преданности долгу и растворенiя отдѣльныхъ личностей въ общегосударственныхъ интересахъ, горячая любовь къ своимъ Роднымъ Краямъ, вѣрность лучшимъ завѣтамъ сѣдой древности казачьей, врожденная любовь къ военному дѣлу, своеобразiе казачьяго быта, испытанное умѣнiе быстро организовываться и организованно дѣйствовать, развитое чувство взаимной выручки, энергiя, природный умъ, хитрость, относительная культурность массы казачьей, здоровье, предпрiимчивость, приспособляемость, трудолюбiе, бережливость, пылъ, порывъ.

Но наряду съ такими блестящими качествами — у казаковъ причудливо уживаются простодушiе, склонность къ увлеченiямъ, легковѣрiе до наивности и даже легкомысленность, не разъ причинявшiя казачеству массу страданiй. Не обладая къ тому же по своей натурѣ ни методичностью, ни

пунктуальностью, ни длительнымъ упорствомъ и будучи нерѣдко лишено правильнаго руководства, казачество часто не могло доводить до конца иногда блестяще начатого дѣла.

Проходилъ минутный подъемъ, что вполнѣ естественно, и его не смѣняли выдержка, методичность, правильное пониманіе положенія и умѣлое руководство. А отсюда столь поразительные на первый взглядъ примѣры общаго паденія духа, разложенія и катастрофы послѣ первыхъ же неудачъ.

***

Слава — жизнь казака!

Сердце каждаго истиннаго казака всегда горитъ жаждой браннаго подвига и славы.

Казаки никогда не мирились и никогда не примирятся не только со второстепенной ролью въ Россіи наряду съ другими народностями, группами, классами, сословіями, но даже съ первостепенной, а непремѣнно и исключительно съ первою. Воля, рѣшительность, энергія теперь сдѣлались болѣе необходимыми, чѣмъ прежде. Но еще болѣе стало необходимымъ, чѣмъ прежде, — это нравственный, экономическій и, особенно, общій культурный подъемъ массы казачьей и спеціальнаго и высшаго образованія ея руководителей и вождей.

Высшее образованіе нынѣ стало уже не роскошью, а диктуемой жизнью суровой необходимостью. Въ этихъ областяхъ казачество, используя свои великолѣпныя природныя дарованія, должно подняться на высоту тѣхъ требованій науки и техники, которыя властно предъявляетъ намъ неумолимо идущее впередъ время. Казаки этого положенія достигнутъ быстро, лишь бы только имъ не мѣшали.

Необузданное народоправство энтузіастовъ мармеладнаго демократизма принесло въ недалекомъ прошломъ огромный вредъ казачеству и Россіи. Въ эту сторону въ будущемъ устроеніи жизни казачьей необходимо придется внести существенные коррективы и упорядоченія.

Необходимо радикально разрѣшить крестьянскій и иногородній вопросы въ казачьихъ областяхъ, въ соотвѣтствіи съ огромной убылью природнаго казачьяго населенія. Безусловно, что, послѣ произведенныхъ экспериментовъ, казачество вполнѣ будетъ удовлетворено предоставленіемъ ему широкаго мѣстнаго самоуправленія, близкаго къ автономіи.

Въ цѣляхъ объединяющаго единства руководящаго начала, необходимо полное объединеніе всѣхъ казачьихъ Войскъ, хотя бы по образцу О.С.Д.К. и Т., во главѣ котораго стоялъ бы Верховный Атаманъ съ широкими полномочіями, которому будетъ неизмѣримо легче договориться съ будущимъ Пожарскимъ и отстаивать казачьи права и интересы.

***

Какова будущность казачества?

Въ политикѣ въ жизни народовъ не много мѣста отводится сантиментальности, романтикѣ и благодарности за прежнія заслуги.

Всѣ традиціи, каковы бы онѣ ни были, разъ онѣ связаны съ застоемъ, съ остановкой, эмпирической жизнью безжалостно отбрасываются. Безжалостно уничтожается все, стоящее на пути развитія великаго народа. И, наоборотъ, небольшія сравнительно группы, но носители высшей національной идеи, идеи, которая въ извѣстный историческій моментъ явится тѣмъ цементомъ всесвязующимъ, которая захватываетъ и сплачиваетъ весь народъ — получаютъ превалирующее вліяніе, общее признаніе и поддержку.

«Настоящее беременѣетъ прошлымъ и чревато будущимъ», — говоритъ Лейбницъ. Донское и др. казачьи Войска создавались не искусственно. Это былъ стихійный процессъ жизненной необходимости, противъ котораго никто и ничто не могли устоять. Всѣ попытки противодѣйствія этому жизненному процессу до сихъ поръ терпѣли полную неудачу. И если бы теперь какая либо внѣшняя сила искусственно прервала естественную жизнь казачества, то рано или поздно возобновился бы старый историческій процессъ, но еще болѣе мощнымъ, будучи подкрѣпляемымъ лучшими традиціями прошлаго и великими Государства Россійскаго проблемами предстоящаго.

Такими проблемами предстоящаго, въ осуществленіи которыхъ казачество силою вещей будетъ призвано играть почетную и руководящую роль, будутъ:

1. Освобожденіе Россіи отъ коммунистической власти и установленіе власти Національной.
2. Огромнѣйшая работа по умиротворенію очищенныхъ отъ большевиковъ различныхъ областей Россіи.
3. Привитіе массѣ Русскаго народа «казачьяго духа»,

необходимаго въ предстоящемъ обновленіи русскаго военнаго духа и созданіи «арміи будущаго», которая есть — народъ въ цѣломъ.

Но все это возможно и достижимо лишь при полномъ сохраненіи въ массѣ казачьей органическаго единства со всѣмъ Русскимъ народомъ, активнаго Русскаго Національнаго сознанія, «казачьяго духа» и, оставаясь вѣрнымъ своему историческому предназначенію, въ годину тяжкихъ испытаній у истиннаго казака не можетъ быть иной большей заботы, какъ только о томъ, чтобы возможно вѣрнѣе и лучше выполнить свой долгъ передъ Отечествомъ, а все остальное приложится.

Г. Чапчиковъ.

И. Н. ЧАУСОВЪ,
казакъ Донского Войска, б. Директоръ Учительской Семинаріи.

ДУХЪ КАЗАЧІЙ

«Есть порохъ въ пороховницахъ».

Прежде, чѣмъ говорить о казачьемъ духѣ, о его специфическихъ особенностяхъ и объ исторической его роли въ русской жизни, необходимо сказать нѣсколько словъ о русскомъ духѣ вообще, какъ говорятъ о знаменитыхъ родителяхъ столь же знаменитыхъ дѣтей.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое русскій духъ? — Въ чемъ смыслъ выраженія: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»?..

Я не знаю лучшей обрисовки русскаго духа, чѣмъ какая дана у Достоевскаго, въ его «Дневникѣ писателя», кажется, за 1873 годъ. Помните этотъ замѣчательный разсказъ объ отчаявшемся деревенскомъ парнѣ, совершившемъ «самое продерзостное преступленіе» по наущенію другого парня (стрѣляніе въ Св. Дары Причастія) и приползшемъ буквально на животѣ къ келіи старца-затворника? Заключеніе къ этому разсказу Достоевскій дѣлаетъ, приблизительно, такое (пишу по памяти): — «Да, широкъ русскій человѣкъ! Слишкомъ широкъ!.. При своей широтѣ можетъ онъ взлетѣть до небесъ.... ; но та же широта позволяетъ ему вдругъ низвергнуться въ глубочайшую бездну... Да, слишкомъ широкъ!.. Нужно бы поубавить»...

Широта русскаго духа, дѣйствительно, всюду сказывается: и въ добрѣ, и во злѣ, и въ строительствѣ, и въ разрушеніи; въ безграничномъ идеализмѣ, въ пламенной религіозной вѣрѣ, въ самомъ чистомъ подвигѣ, героизмѣ и — въ совершенно противоположномъ: въ пессимизмѣ, въ безбожіи, въ безпутствѣ и пр. Сопоставьте въ своемъ воображеніи все, что связывается съ именемъ «Святая Русь», — всѣ ея безчисленныя церкви и монастыри, на кровно-трудовые гроши созданные; безпримѣрныя по своей численности и по своему духу паломничества по св. мѣстамъ изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и пр., и пр., включая сюда и изумительные по своей кристальной чистотѣ подвиги благочестія, служившіе постоянными путеводными огнями въ народной жизни, и — этотъ широкій, безбрежный разгулъ безбожнаго большевизма по всему лицу земли русской, пріятіе его, хотя бы и временное, русскимъ населеніемъ, сегодня сметающимъ до основанія все то, что еще вчера почиталось за святыню... Сопоставьте это и, мы думаемъ, станетъ понятной прославленная широта русскаго духа (и, конечно, русскаго человѣка, имѣющаго этотъ духъ), проявляющаяся на каждомъ шагу, не поддающаяся «сокращеніямъ» даже въ условіяхъ нашего злополучнаго бѣженства (примѣры у каждаго изъ насъ налицо).

Но широкій русскій духъ и въ положительныхъ своихъ выявленіяхъ разнообразенъ и многостороненъ. Онъ далъ человѣчеству въ своемъ творчествѣ и высочайшіе примѣры святости, богоугодной жизни, и классическіе образцы въ области литературы, музыки, живописи, техники, научнаго знанія; онъ же, создавши великое государство (одна шестая часть всего свѣта), засвидѣтельствовалъ о своей одинаковой способности къ безпримѣрнымъ воинскимъ подвигамъ (Балканская освободительная война, послѣдняя Великая война съ Мазурскими озерами, походомъ черезъ Карпаты и пр.), и къ мирному строительству въ условіяхъ мирной жизни.

Вотъ въ этомъ то разнообразномъ проявленіи русскаго духа находитъ свое достойное мѣсто духъ казачій съ исторически сложившеюся для него миссіей: примѣнять свою, въ крови живущую, доблесть казачью въ воинскомъ дѣлѣ; пользуясь своимъ, отъ дѣдовъ къ дѣтямъ передаваемымъ, знаніемъ, умѣньемъ, настроеніемъ военнымъ, чисто рыцарскимъ, стоять буквально на стражѣ, (какъ

«на часахъ») русской государственности, обороняя ее отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Невольно, безъ всякой тенденціи, вспоминаются нѣкоторые эпизоды изъ ранняго дѣтства, характерные и для духа, и для быта казачьяго.

Мнѣ 5-6 лѣтъ. Живу я съ отцомъ среди крестьянъ, въ Донецкомъ округѣ. Я еще неустойчиво и съ опаской сижу верхомъ на лошади (безъ сѣдла), когда ее ведутъ поить или пастись на ближайшую луговину. Но мнѣ уже раньше, въ цѣломъ рядѣ разсказовъ изъ походной боевой казачьей жизни, внушено и старикомъ отцомъ, и севастопольцемъ крестнымъ, что я — не хохолъ, а казакъ; что казаки ничего не боятся, что имъ и неприлично бояться, что они, не раздумывая, бросаются вмѣстѣ съ конемъ «въ огонь и въ воду»... и это сознаніе, ясно помню, придавало мнѣ бодрость, смѣлость, какую-то недѣтскую силу, заставляло мое дѣтское воображеніе рисовать самые головокружительные мои будущіе воинскіе подвиги и настойчиво пришпоривать ногами коня, бывшаго на поводу у провожатаго...

Позднѣе. Мнѣ 9 лѣтъ — не болѣе. Я уже самостоятельно скачу на лошади и сознательно избѣгаю скакать по дорогамъ, упражняя и себя, и коня въ преодолѣніи различныхъ барьеровъ въ видѣ плетней, рвовъ, рѣки (вплавь) и пр., и сражаясь плетью и шашкой съ воображаемыми врагами (почему-то всегда турками). Благодаря казачьей лихости, у меня уже нѣтъ соперниковъ среди крестьянъ, даже старшихъ меня по возрасту, въ скачкѣ: я всѣхъ ихъ оставляю позади на своемъ 20-лѣтнемъ старикѣ «Сѣромъ».

Приблизительно въ то же время былъ такой случай.

Моего племянника, мальчика моихъ же лѣтъ, посадили на трехлѣтку— неука, еще не знающаго повода. Посадили съ тѣмъ, чтобы черезъ раскрытыя ворота двора онъ поскакалъ на немъ прямо въ степь и такимъ образомъ «объѣздилъ» его, т. е. пріучилъ къ ѣздѣ подъ сѣдломъ. Но, какъ только старшіе выпустили изъ рукъ поводья, лошадь круто повернула морду отъ воротъ и направилась полнымъ галопомъ къ раскрытой двери конюшни. Проникни она туда, при наличности низкой перекладины въ дверяхъ, конецъ для юнаго кавалериста былъ бы самый печальный. Но, къ счастью, лошадь промчалась мимо дверей и застряла въ проходѣ между двухъ сараевъ, гдѣ съ ободранной до крови спиной племянникъ свалился на землю. Было, конечно, очень боль-

но. Слезы его душили. Но плакать было стыдно, потому что... потому что «казаки не плачутъ». Такъ намъ повторялось изо дня въ день, сколько я себя помню.

Если угодно, еще одно воспоминаніе.

Въ 1888 г. пріѣзжалъ на Донъ императоръ Александръ III-ій съ семьей. Въ Новочеркасскѣ по этому случаю было много торжествъ. Въ торжествахъ, наряду со взрослыми казаками, цѣлыми казачьими полками, участвовали и дѣти — казачата, кажется, отъ 12 до 14 лѣтъ. Изъ нихъ сорганизована была особая воинская часть въ нѣсколько сотенъ со своими командирами-малышами. Государь былъ въ восторгѣ отъ нихъ, отъ ихъ чисто военной подготовки и особенно отъ молодецкой джигитовки, въ которой они не уступали ничѣмъ своимъ отцамъ. [1]). Но я не участвовалъ тамъ, потому что не имѣлъ еще нужнаго возраста. И, Боже Ты мой, какъ тяжело переживалъ я это свое несчастье! Меня буквально доводило до отчаянія то обстоятельство, что и я, донской казакъ, не могу показать государю своей казачьей доблести, убѣдить государя въ томъ, что и я, не хуже другихъ, умѣю служить ему и Родинѣ вѣрой и правдой, не отступая ни передъ какой опасностью.

Эти мои дѣтскія воспоминанія, рисующія мое казачье настроеніе, не являются чѣмъ то исключительнымъ. Они воспроизводятъ типичныя картины нашего казачьяго быта, воспитывающаго казачій духъ.

Здѣсь важно то отмѣтить и запомнить всѣмъ противникамъ казачества, что в с ѣ дѣти казаковъ ростутъ съ ранняго дѣтства подлинными воинами, съ воинскимъ духомъ, съ исключительно любовнымъ серьезнымъ отношеніемъ къ военной службѣ, составляющей нашу казачью честь, по своему питающей нашу казачью гордость. Всего этого, какъ извѣстно, нѣтъ и быть не могло у неказачьяго русскаго населенія. [2]).

Здѣсь, мнѣ думается, умѣстно будетъ отмѣтить, чѣмъ была воинская повинность въ Россіи для казаковъ и для неказаковъ.

Для неказаковъ вербовка на военную службу была, дѣй-

---

[1]) Помню, что опасныхъ номеровъ этой джигитовки не выдержали нервы Государыни Маріи Ѳедоровны, и джигитовка поэтому была не докончена.

[2]) Особый бытъ такъ называемаго с л у ж и л а г о или дворянскаго класса въ расчетъ, конечно, принимать нельзя.

ствительно, повинностью, своего рода «неволей», «кабалой», отъ которой отдѣлаться подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ считалось за счастье... Самый способъ набора солдатъ черезъ жеребьевку чрезвычайно характеренъ...

Совсѣмъ иное было въ средѣ казачьей. Тамъ воинская повинность всегда была (и, несомнѣнно, будетъ!) службой, призваніемъ, любимымъ дѣломъ, задачей жизни, начертанной самымъ фактомъ рожденія въ казачьей семьѣ. Уклониться отъ выполненія этой задачи было совершенно невозможно, даже немыслимо, потому что было бы позорно для глубоко почитаемого казачьяго званія. Если бы случился подобный фактъ, то такой казакъ-дезертиръ ни на одинъ день не смогъ бы остаться въ казачьей средѣ: его по-просту изгнали бы, исключили бы казаки изъ своего общества, а казачки сдѣлали бы его жизнь нестерпимой постоянно презрительно-насмѣшливымъ преслѣдованіемъ. Всѣмъ казакамъ хорошо извѣстно, какъ неловко, нравственно тяжело себя чувствовали случайно (не по ихъ винѣ) отстававшіе отъ своихъ сверстниковъ по набору и попадавшіе во «второочередные»... На Кубани имъ даже усвоена была непріятная кличка «дымари», что-то въ родѣ «коптителей неба». И это обидное отношеніе окружающихъ такъ клеймило ихъ, что они обычно подавали слезныя прошенія о перечисленіи ихъ въ первоочередные полки.

Да, казаки никогда не только не тяготились своею военной службой, но, какъ извѣстно, добросовѣстно несли ее, полностью снаряжаясь на свои личныя средства. И въ этомъ они видѣли не «ярмо государево», а свою честь, свой священный долгъ, свое, если угодно, право (а не только обязанность), отвѣчающее казачьему достоинству. Извѣстенъ историческій фактъ, какъ казаки вооружались, противились всякой попыткѣ высшихъ петроградскихъ военныхъ сферъ перевести казаковъ въ отношеніи снаряженія на положеніе всего русскаго неказачьяго населенія. Казакъ готовъ жертвовать всѣмъ, оберегая свой казачій чисто военный бытъ.

Къ чему вело и ведетъ все это? — спросятъ насъ.

А къ тому, что на основахъ воинскаго званія и воинскаго уклада всей казачьей жизни воспитывался, культивировался подлинный патріотизмъ и націонализмъ среди казаковъ, засвидѣтельствованный многочисленными фактами

русской исторіи [3]) и послѣдней войны — европейской и гражданской.

Очень показательно въ этомъ отношеніи мѣропріятіе русскаго императорскаго правительства, — кажется, 1915 года, — по какому мѣропріятію казачьи части вкраплены были во всѣ части русской арміи по всему фронту — «для крѣпости фронта» и учреждена была должность походнаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, съ назначеніемъ на нее вел. кн. Бориса Владимировича.

Вполнѣ отвѣчаетъ нашему утвержденію о патріотизмѣ и націонализмѣ казаковъ и другой фактъ изъ послѣдней войны, это — переброска казачьихъ пластунскихъ частей съ кавказскаго фронта на западный и обратно, какъ болѣе надежныхъ, способныхъ въ нужный критическій моментъ поддержать духъ солдатъ.

Нельзя пройти мимо и того обстоятельства, что именно къ казакамъ устремились русскіе люди со всѣхъ концовъ Россіи послѣ большевицкаго переворота, не примирившіеся съ большевиками; что, именно, на казачьей землѣ имъ удобно было создавать добровольческую армію; и что, именно, казаки, казачье населеніе, поголовно возставшее противъ большевиковъ, рука объ руку съ добровольцами доблестно приносило цѣлыхъ три года неисчислимыя и неоцѣнимыя жертвы на алтарь общей Матери — страдалицы Россіи, отстаивая ея честь, ея свободу, ея право на жизнь въ качествѣ великаго государства. Значитъ, былъ, оффиціально исповѣдывался тогда особый «порохъ» въ казачьихъ «пороховницахъ», при которомъ нелегко было сломить силу казачью.

Среди казаковъ всегда была, даже въ мирной домашней жизни, воинская организація, съ военной выправкой, дисциплиной, съ такого рода традиціонными вѣковыми порядками, при которыхъ въ любой моментъ вчерашніе мирные пахари могли сегодня явиться въ полной боевой готовности, какъ надежная и Христолюбивая армія.

Тотъ же воинскій укладъ жизни и на его основѣ воспитывавшійся воинскій духъ, у всего казачьяго населенія, а не въ офицерскихъ лишь семьяхъ, несомнѣнно, былъ причиной того, что въ казачьихъ воинскихъ частяхъ между

---

[3]) См., напр., у Ключевскаго и Платонова о смутномъ времени.

казаками разныхъ казачьихъ Войскъ и ихъ чинами (офицерами и простыми казаками) было больше спаянности, родственной прочной связи, чѣмъ въ регулярной русской арміи, — чрезвычайно цѣнныхъ качествъ во всѣхъ положеніяхъ мирной и боевой жизни.

«Казакъ казаку всегда братъ», — и они всегда скорѣе найдутъ общій для нихъ языкъ, въ смыслѣ общихъ интересовъ, чѣмъ неказаки разныхъ концовъ обширной Матушки Россіи. А на этомъ держалась взаимная помощь, желаніе выручить с в о е г о изъ бѣды, даже вынести на своихъ плечахъ изъ непріятельскаго огня.

Во взаимныхъ же отношеніяхъ казачьихъ офицеровъ и казаковъ — нижнихъ чиновъ, какъ нельзя лучше, оправдывалась русская пословица: «Служба службой, а дружба дружбой». Это значитъ: въ строю, на службѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, съ соблюденіемъ всѣхъ положенныхъ субординацій, а внѣ строя, дома, у себя въ станицѣ, они равноправные станичники, вмѣстѣ своими голосами рѣшающіе свои станичныя дѣла и не считающіе за униженіе для офицерскаго чина или за особую милость для простого казака имѣть другъ съ другомъ добрососѣдское знакомство, всегда сдобряемое по русскому обычаю хлѣбомъ-солью. Этой особенностью отношеній между простыми казаками и офицерами въ казачьихъ частяхъ объясняется какъ фактъ добросовѣстной преданности во время боевъ со стороны нижнихъ чиновъ своимъ офицерамъ, такъ и то обстоятельство, что только въ казачьихъ частяхъ, за время существованія тамъ большевицкой заразы, привитой на фронтѣ, почти не было жертвъ среди офицеровъ, въ каковыхъ жертвахъ были бы виновны свои же нижніе чины. Напротивъ, было обратное явленіе, когда нижніе казачьи чины, жертвуя собой, часто грудью защищали своихъ офицеровъ отъ одурманенной красной черни.

Эта сторона казачьей жизни носитъ въ себѣ, несомнѣнно, нужныя нормы для всей русской арміи. Но ее не могли понять и оцѣнить тѣ, кто выросъ въ условіяхъ крестьянско-дворянскаго быта. Этимъ господамъ всегда претило отъ в о л ь н а г о казачьяго духа, и какихъ только страшилищъ они съ этимъ духомъ ни связывали.

Кстати, еще нѣсколько словъ объ этой перчащей всѣмъ неказакамъ «вольности казачьей». Вѣдь, эта вольность, это

вѣками сложившееся въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ сознаніе своего человѣческаго достоинства, своего права на человѣческое (а не скотское) существованіе, всегда представлялось извѣстной части населенія дворянско-крестьянской Руси, какъ только «бунтарство», «пугачевщина», «разинщина». Удивительно то, что даже извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Публичныхъ чтеніяхъ (юбилейныхъ) о Петрѣ Великомъ»[4]) даетъ, именно, такое узкое, обидное для профессора, однобокое освѣщеніе роли казачества въ русской жизни, не оправдываемое историческими данными.

«Бунтари-де, грабители и — больше ничего». [5]). А между тѣмъ, слѣдовало бы понимать, что и въ пугачевщинѣ, и въ разинщинѣ были свои и патріотическія, и національныя идеи, только, къ сожалѣнію, претворявшіяся въ уродливыя формы въ зависимости отъ условій у р о д л и в а г о в р е м е н и. Самъ Петръ Великій въ своей реформаторской дѣятельности, энергично проводимой для блага Россіи, былъ, какъ мы знаемъ, далеко не безгрѣшенъ по части формъ борьбы за эти свои реформы: взять хотя бы его казни стрѣльцовъ, собственнаго сына или циничныя мѣропріятія въ области церковной, съ возведеніемъ въ санъ всешутѣйшаго патріарха и пр., и пр. Однако, не этими «грѣшными дѣяніями» характеризуется личность и дѣятельность Великаго Преобразователя. А вотъ казачеству его законнѣйшія стремленія къ нормальной человѣческой жизни на основахъ гражданской свободы, его борьбу противъ н е н а в и с т н а г о в с ѣ м ъ рабства, выливавшуюся, по временамъ въ бунтарство противъ властей предержащихъ, простить не могутъ, несмотря на другія его высокопатріотическія дѣла, благодаря которымъ русскіе императоры дорожили казачествомъ, не останавливаясь передъ тѣмъ, чтобы награждать его разными привилегіями (см. Высочайшія грамоты), и очень боялись, чтобы казачество не «расказачилось», т. е. чтобы не растеряло своего казачьго духа и не погубило казачьяго строя жизни, столь нужныхъ государству...

На этомъ я рѣшаюсь пока закончить свои мысли «о духѣ казачьемъ».

---

[4]) Изд. 1872 г. Москва.

[5]) Стр. 16 и др. — о роли казаковъ въ смутное время; ср. у Ключевскаго и Платонова.

Но прежде, чѣмъ поставить послѣднюю точку, мнѣ хочется еще сказать, что этотъ духъ казачій, съ его спеціальными дарованіями и задачами, воспитывающійся въ опредѣленныхъ условіяхъ казачьей жизни, несомнѣнно, будетъ необходимъ и очень цѣненъ и въ будущей возрожденной и обновленной Россіи при всякомъ ея государственномъ строѣ, какъ нужны и цѣнны во всякомъ здоровомъ организмѣ каждый здоровый его органъ, нормально выполняющій свои спеціальныя функціи.

Примѣчаніе: — Характеренъ историческій фактъ, говорящій о дѣйствительной цѣнности казачества, именно, что другія государства, особенно Франція времени Наполеона Бонапарта, очень хотѣли завести у себя нѣчто напоминающее русскую казачью организацію. А въ настоящее время къ тому же стремится Польша, устраивая на своей русской границѣ особыя польскія (т. е. изъ поляковъ) военныя поселенія, надѣляя жителей ихъ сравнительно большимъ количествомъ земли и др. привилегіями; цѣль ихъ — постоянно быть на стражѣ (какъ пограничники) своего государства... — **И. Ч.**

б. Директоръ Донского Кадетскаго Корпуса и посолъ Дона на Украинѣ, генералъ-лейтенантъ.

Анкетой о казакахъ широко затронуты вопросы о казачествѣ, какъ въ его прошломъ, такъ и въ его будущемъ, а потому дать исчерпывающіе отвѣты на всѣ вопросы не подъ силу человѣку, силой бѣженской обстановки лишенному и соотвѣтствующихъ историческихъ документовъ и матеріаловъ, и необладающему достаточнымъ количествомъ свободнаго времени.

Приходится ограничиться краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ своихъ мыслей, являющихся результатомъ и своихъ историческихъ знаній о казачествѣ, и непосредственнаго соприкосновенія съ казаками всѣхъ возрастовъ въ продолженіи своей долгой жизни.

Прошлое казачества извѣстно: — преданность Царямъ Московскимъ и Великой Россіи-Матушкѣ, стремленіе расширить предѣлы государства и положить завоеванное къ подножію Русскаго Трона, геройскіе подвиги во славу русскаго оружія и рядъ войнъ въ защиту русскихъ предѣловъ и вѣры православной, выдающаяся національная гордость — характерныя черты всѣхъ казаковъ.

Свободолюбивые, казаки все же, какъ потомки выходцевъ изъ Россіи, съ давнихъ временъ считали себя въ зависимости отъ Царей Московскихъ, и чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческія времена, тѣмъ большая преданность сквозитъ во всѣхъ поступкахъ казаковъ.

Стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ и границъ, и часто дѣйствуя самостоятельно, имѣя свое самобытное управленіе и свой независимый укладъ жизни, казаки всегда сознавали, что безъ Россіи они существовать не могутъ, и всегда искали сами защиты и помощи отъ Московскихъ царей.

Революція, конечно, сильно измѣнила воззрѣнія казаковъ, но въ общей казачьей массѣ сохранились до сихъ поръ характерныя особенности, и казаки не могутъ примириться съ новымъ большевицкимъ режимомъ.

Вотъ почему большія массы казаковъ съ захватомъ власти большевиками покинули Россію и свои насиженныя родныя и дорогія мѣста и предпочли скитаться заграницей.

Что же будетъ дальше?

Что будетъ съ казаками въ будущемъ?

На этотъ вопросъ отвѣтить можно лишь гадательно, ибо будущее казачества, прежде всего, зависитъ отъ того, что будетъ съ Россіей.

Останется ли она большевиствующей, идущей по пути интернаціонала, стремящагося уничтожить русское имя, попирающаго національную самобытность, ведущаго къ совершенному уничтоженію казачества, или во главѣ Россіи будетъ правительство, которое дѣйствительно дастъ свободу, покой и порядокъ въ странѣ, которое будетъ охранять и уважать бывшія казачьи привилегіи, которое позволитъ казакамъ мирно строить свою жизнь, не боясь за завтрашній день, и дастъ свое мѣстное самоуправленіе.

Въ первомъ случаѣ, т. е. при господствѣ большевиковъ, я предвижу казачество въ длительной, упорной и глухой борьбѣ.

Казаки не помирятся, по крайней мѣрѣ еще много лѣтъ, ни съ новымъ большевицкимъ режимомъ, ни съ пропагандой объ интернаціоналѣ, ни съ гоненіемъ на вѣру православную, ни съ отнятіемъ казачьихъ привилегій.

Въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, можно ожидать даже отдѣленія казаковъ отъ Россіи.

При общей спайкѣ и союзѣ съ Кубанцами, Терцами,

Оренбуржцами и Астраханцами, а, можетъ быть, и съ малороссами (украинцами), при общности интересовъ и характерныхъ національныхъ чертахъ, при богатствѣ юго-востока, Кавказа и Украины, такой союзъ можетъ представить грозную силу, съ которой не справиться расшатанной большевизмомъ Россіи.

Лишенная хлѣба, сахара, угля, нефти и соли, «интернаціональная» Россія должна будетъ уступить.

Я предвижу такой союзъ въ началѣ на правахъ федераціи, съ широкой автономіей для каждаго казачества.

Образованіе такого союза намѣчалось еще въ періодъ революціи, и если-бы это было осуществлено, врядъ-ли господство большевиковъ продолжалось бы такъ долго.

Этотъ союзъ, конечно, будетъ только этапомъ къ возсозданію Великой Россіи, онъ будетъ лишь хранителемъ и защитникомъ національныхъ чувствъ.

Во второмъ случаѣ, т. е. при Россіи не большевиствующей, при правительствѣ, которое дѣйствительно будетъ охранять интересы русскаго народа вообще и, въ частности, интересы казаковъ, я предвижу казаковъ вновь въ цѣлой, Великой, Единой, Недѣлимой Россіи такими же вѣрными ей слугами, каковыми они были и прежде, со своимъ самоуправленіемъ, со своими выборными атаманами, подчиняющимися центральной власти Великой Россіи.

Н. В. ЧЕРЯЧУКИНЪ,
генералъ-маіоръ, Членъ Дон. Войск. Круга, Окружной Атаманъ I Донского округа.

Бытіе Казачества неразрывно связано съ существованіемъ Россіи. Каковы-бы ни были причины этого бытія, но Казачество родилось, выросло, убѣлилось сѣдиной Мудраго Мужа на груди своей матери-Россіи.

Въ періоды лихолѣтій на Руси, Казачество всей своей мощью вставало на защиту правды, порядка; такъ было, хотя и съ потугой, въ годы пришествія Идолища, дѣтища вр. правительства.

Десять лѣтъ нѣтъ Россіи, нѣтъ и Казачества.

Десятилѣтнее углубленіе въ прошлое и добросовѣст-

ное до конца продумываніе, полагаю, должно привести всѣхъ Русскихъ людей къ одному знаменателю: возстановить Россію, одѣть Ее въ надлежащія ризы, а затѣмъ уже думать о личномъ благополучіи и роскоши.

При такомъ мышленіи и при его реальномъ осуществленіи Казачество, внѣ всякихъ сомнѣній, должно быть.

Казачество — человѣческій коллективъ — имѣло, и будетъ имѣть, присущія составляющимъ его единицамъ слабости, которыя видоизмѣняются въ зависимости отъ благополучія матеріальнаго и культуры духовной. Двигатели эти насаждаются Правительствомъ или вождями Народа. Вотъ тутъ то и зарыта «поповская собака»: нужна, опять таки, Россія съ Ея правительствомъ, правительствомъ чести и долга передъ народомъ и Родиной, правительствомъ съ культомъ семьи и вѣрой Православной, правительствомъ добра и мира.

Такое правительство пойметъ необходимость существованія Казачества съ его историческимъ укладомъ жизни. Не будетъ на Руси такого правительства, не быть и «вольному» Казачеству.

С. А. ЩЕПИХИНЪ,
ген. шт. генералъ -маіоръ, б. Начальникъ штаба Уральскаго Войска и Начальникъ Полевого штаба Ур. В. въ начальный періодъ борьбы съ большевиками.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О СУДЬБАХЪ КАЗАЧЕСТВА

Революціонный шквалъ, пролетѣвшій надъ Россіей, свернулъ на бекрень не одни мозги и въ наиболѣе крѣпкихъ головахъ русской интеллигенціи.

Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что съ первыми раскатами грома молніи были направлены противъ казачества.

Послѣ неудачи бѣлаго движенія, нашедшаго свой главный оплотъ въ казачествѣ, отравленныя стрѣлы идеологовъ расказачиванія нашли достаточно матеріала для подкрѣпленія этой идеологіи и, къ стыду казачества, не одна ложка дегтя была влита и казачьими руками.

Казачество — пережитокъ средневѣковья; казачество за свои прежнія заслуги достаточно вознаграждено авансомъ; смыслъ казачества, очутившагося въ силу роста территоріи государства въ центрѣ имперіи, истощился; казакъ тотъ же пахарь.

Вотъ главные доводы расказачивателей.

Единственный смыслъ существованія казачества — опора режима — утраченъ съ паденіемъ этого режима. Сами казаки, въ своей массѣ, давно тяготились своими привилегіями и чувства, возбуждаемыя обособленностью казачества въ остальномъ населеніи, всегда пугали самихъ казаковъ, чѣмъ объясняется легкость, съ которой казаки сдали свои позиціи.

Экономическая привилегированность и психологическая отчужденность казачества — вотъ, что противопоставило казачество остальному населенію.

Автономія казачества при наличіи нивеллирующей тенденціи революціи должна пасть при всякомъ революціонномъ правительствѣ, — отсюда естественная борьба казачества со всякой властью, вышедшей изъ революціи.

На замѣну прежней автономіи выдвинута иная, по идеѣ, автономія, базирующаяся на идеѣ федераціи, на основѣ всеобщаго уравненія.

Логика исторіи неумолима, и она вынуждаетъ къ жертвамъ частнаго во имя цѣлаго. Жестоко и грубо, но неумолимо революція прокладываетъ пути грядущаго возрожденія черезъ отдѣльныя страданія.

Ни «пересидѣть», ни «переждать» этого факта казачеству не удастся.

Вотъ, кажется, въ крупныхъ чертахъ, налицо идеологія расказачиванія.

Прежде всего о нивеллирующемъ значеніи революціи.

«Кто на голову выше — долой эту голову!» — вотъ боевой кличъ коммунизма.

На дѣлѣ вышло такъ, что, правда, много головъ слетѣло, но лишь для того, чтобы на ихъ мѣсто стали другія головы. Этотъ фактъ значительно компрометируетъ справедливость лозунга. Наконецъ, что, на первый взглядъ, революціонно допустимо въ отношеніи единицъ, то недопустимо и недостижимо въ отношеніи массъ. Именно массъ, а не классовъ, ибо казачество особымъ классомъ россійскаго населенія не было никогда.

Предки нынѣшнихъ казаковъ въ сѣдой древности нашли съ себѣ силы выйти изъ гнетущей обстановки крѣпостничества, слѣдовательно, тѣмъ самымъ казачество естественно сложилось изъ людей на голову стоящихъ выше массы. А ихъ потомки сумѣли свое, завоеванное предками, мѣсто донести до революціи, — значитъ, они были достойны своихъ пращуровъ.

Жизненная обязанность каждаго народа, а, слѣдовательно, и его правительства, сохранить, уберечь этотъ цѣнный матеріалъ, что и дѣлалось на протяженіи вѣковъ Русскими Царями.

Зависть, питающаяся самыми низкими побужденіями, естественна, но врядъ-ли она имѣетъ почву для своего логическаго самооправданія.

Обособленность казачества никогда не превосходила обособленности, существовавшей между различными народностями Имперіи и даже между отдѣльными, чисто русскими, областями: обычаи, преданія, бытъ и даже говоръ и детали религіозныхъ обрядовъ всегда оставались и останутся камнемъ преткновенія на путяхъ къ монолитному сліянію всей имперской массы.

Это было своевременно учтено революціонными вожаками и въ этихъ слабыхъ направленіяхъ ими и вбивались клинья для расшатыванія государственнаго организма.

Насколько логичны, государственно мудры и справедливы были эти удары, достаточно ярко показало дальнѣйшее теченіе революціи: такая система дѣйствій могла сокрушать, но не созидать; противъ нея возсталъ и оказалъ, — правда, пассивное — сопротивленіе весь русскій народъ, всѣ народности имперіи.

Непонятно было бы и, скажу, исторически противоестественно, если бы казачество осталось пассивно, — естественно, оно поголовно взялось за оружіе, тѣмъ самымъ еще разъ доказавъ право свое на государственное существованіе, какъ его доказали казаки Заруцкаго, бросивъ свой тяжелый мечъ на колеблющіяся вѣсы судебъ Россіи перваго смутнаго времени.

Не вина нынѣшнихъ казаковъ, что судьба имъ сулила иную долю. Государственно мыслили, всегда руководились обще-государственной идеей въ періодъ второго смутнаго времени, современниками коего мы являемся, казаки всѣхъ Войскъ безъ исключенія.

Не вина казачества, что остальное населеніе имперіи не доросло до этого пониманія.

Этого факта достаточно, чтобы положить конецъ тому взгляду на казаковъ, что они, будучи поставлены въ привилегированное положеніе экономически, по своему развитію и духовному содержанію ничѣмъ не выдѣлялись отъ общей массы.

Такой поклепъ на казачество — очередной вымыселъ вождей революціи, все тотъ же клинъ, забиваемый въ тѣло нашей многострадальной родины.

Да, Великая война, потребовавъ отъ всего населенія одинаковой жертвы кровью на Алтарь Отечества, какъ бы нивеллировала всѣхъ безъ исключенія...

Но корень казачества отъ этихъ жертвъ не палъ духомъ: вѣдь, ни въ одной изъ казачьихъ областей не было выраженій «народнаго гнѣва», не было и, въ революціонный періодъ даже, «союзовъ дезертировъ казаковъ»...

Развѣ это не показатель высоты духа?

Далѣе, о привилегіяхъ казачества!

Земля!.. Боже, кто не спекулировалъ изъ политическихъ дѣятелей, изъ вождей революціи на нашей родной, кровью и потомъ орошенной, землѣ...

За брошеннымъ кускомъ помѣщичьихъ земель, увы, не удовлетворившемъ массы, потянулись, естественно, къ землѣ казаковъ.

Казачьи земли! Что такое казачьи земли!?.

Революція, склонная все и вся развѣнчивать, — развѣнчала она и казачье право на землю. Одно забыто и забыто умышленно, со злымъ намѣреніемъ и цѣлями, забыто намѣренно, недобросовѣстно, — что, вѣдь, казаки получили свои угодья тогда, когда эта земля была дикимъ полемъ...

Если черезъ прошедшія вѣка казачество на этихъ земляхъ устроилось, такъ или иначе культивировало, отстояло ихъ, — развѣ это не заслуга, дающая право на владѣніе и впредь...

Допустимъ, на минуту, что Государство давало (хотя, въ большинствѣ случаевъ, эту землю казачество само брало, занимало зачастую съ боемъ), эти земли во временное пользованіе... Развѣ та власть — государственная, что при необходимости «чернаго передѣла» изгоняетъ вѣковыхъ владѣльцевъ земли, изгоняетъ, утѣсняетъ не лицъ, помѣщиковъ, а самый народъ?! .

И это при неиспользованіи, при неумѣломъ частичномъ использованіи огромныхъ, безбрежныхъ земельныхъ запасовъ имперіи.

Зависть всегда зависть, а инертность — второй стимулъ, подогрѣтый революціонными вожделѣніями, подвигнувшій крестьянскую массу противъ казачьихъ земель... Допустите на минуту, что чаянья крестьянъ осуществлены, и казачья земля попадаетъ въ руки «трудящихся», — куда же, спрашивается, дѣваться «трудящимся казакамъ»?.. А если ихъ оставить на землѣ съ урѣзаннымъ по «черному передѣлу» надѣломъ, то не произойдетъ ли такое же разочарованіе въ сердцахъ революціоннаго крестьянства, когда оно, вмѣсто «моря земли», получитъ незначительную прирѣзку къ своей «курской, владимирской» полосѣ.

Надо, наконецъ, признать, что нынѣ и казачество не такъ ужъ широко живетъ земельно и сибирскій крестьянинъ находится въ равныхъ, а зачастую и лучшихъ условіяхъ.

Итакъ, когда революціонный дурманъ повыдохнется и революціонные методы осуществленія «рая», за ихъ нежизненностью, отойдутъ въ далекое кошмарное воспоминаніе, тогда казачество вновь примется за свой благословенный трудъ на своей, освященной кровью, землѣ.

Предвосхищать рѣшеніе вопроса государственной важности о внутреннемъ политическомъ устройствѣ народовъ [1]) Россіи намъ не дано. Но будетъ ли это федерація или монолитъ, — казачество, какъ сынъ своей Родины, свое мѣсто — и мѣсто равноправное — найдетъ.

Переходя къ вопросу объ умѣстности сохраненія наименованія «казакъ», «казачество», когда самый смыслъ этого названія, по мнѣнію революціонныхъ идеологовъ, изякъ — мы должны самымъ энергичнымъ образомъ возражать противъ формальной постановки вопроса.

Казачество не цѣпляется за почетное, столько вѣковъ съ честью носимое, названіе «казакъ», если ему придавать чисто формальное значеніе.

Нѣтъ, слово «казакъ» не есть синонимъ какихъ-то экономическихъ привилегій, нынѣ сведенныхъ къ нулю еще до революціи. «Казакъ» синонимъ стойкаго, въ государственномъ смыслѣ, элемента россійскаго населенія, элемента, вѣ-

---

1) Народностей.

ками воспитаннаго на идѣ проведенія и сохраненія государственности.

Несправедливо утвержденіе, что нынѣ, очутившись въ толщѣ русскаго крестьянства, смыслъ окраиннаго защитника государственныхъ земель утраченъ.

Несправедливо, невѣрно такое положеніе по двумъ мотивамъ.

Первое.

Къ періоду революціи изъ 11-ти казачьихъ войскъ десять войскъ продолжало жить въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ со своими исконными прежними врагами, которые, будучи покорены и оттѣснены силою казачьяго оружія, естественно, питать нѣжныхъ чувствъ къ казакамъ не могутъ.

Въ дни смутъ, ослабленія государственнаго нажима всѣ казачьи сосѣди всегда поднимали голову. Ни для кого не секретъ, напримѣръ, Киргизскій мятежъ въ районѣ Тургая въ 1916 году, мятежъ, который успокаивать выпало на долю казаковъ (Оренбургскихъ).

Такимъ образомъ, находясь формально на внутреннихъ государственныхъ границахъ, большинство казачьихъ Войскъ всегда себя чувствуетъ въ состояніи «вооруженнаго мира».

Кромѣ того, нѣкоторые казачьи Войска (Дальняго Востока и Сибирскія) и по сіе время выходятъ своими владѣніями на внѣшнюю государственную границу: Сибирское — съ Монголіей, Дальневосточныя — съ Китаемъ.

Правда, напряженіе далеко не то, что было два вѣка тому назадъ, но зато врагъ изъ явнаго превратился въ затаеннаго, скрытаго.

Второе.

Если бы даже сліяніе съ центромъ у покоренныхъ, неславянскихъ, областей произошло бы полное, долго еще эти области не проникнутся идеей государственности, въ нихъ всегда будетъ жить надежда отпаденія, стремленія центростремительныя.

Казачество, какъ окраинное русское населеніе, всегда или долго еще будетъ играть роль цемента: теперь отъ него, помимо задачъ проведенія государственныхъ идей, нерѣдко требуется примѣненіе мѣръ чисто физическаго воздѣйствія, позже, — и, дай Богъ, чтобы это произошло поскорѣе, — за нимъ надолго сохранится роль русскаго,

имперскаго культуртрегера въ самомъ широкомъ значенiи этого слова.

Эта роль особенно ярко вырисовывается въ перiоды смутные, подобные переживаемому нами.

Итакъ, даже отбросивъ всѣ казачьи квази-привилегiи, должно признать за казачествомъ длящуюся роль и задачу огосударствленiя областей имперской периферiи.

И эта роль даетъ право и ставитъ обязанность казачеству оставаться таковымъ и впредь до наступленiя того «рая», о которомъ можно мечтать и только, рая, когда казачьи сосѣди фактически сольются съ центромъ и государственно, и экономически, и культурно.

Роль эта, выпавшая на долю казачества, почетная, но нельзя сказать, чтобы была легкая и, во всякомъ случаѣ, едва ли окупается тѣми привилегiями, которыми надѣлены были казаки.

Сама жизнь беретъ на себя заботу, чтобы привилегiи казачества строго соотвѣтствовали тѣмъ тяготамъ, которыя выпадаютъ на казачьи плечи: съ уменьшенiемъ вооруженнаго напряженiя, какъ наиболѣе тягостнаго «налога крови», уменьшаются и казачьи земельныя привилегiи, о чемъ заботится сама жизнь, путемъ роста казачьяго населенiя.

Я вѣрю, я убѣжденъ, что роль казачества не кончена: мы лишь передъ лицомъ явной провокацiи, провокацiи въ планетарномъ, какъ и все у коммунистовъ, масштабѣ. И, дай Богъ силы и выдержки всѣмъ тѣмъ, кто не дрогнулъ въ смутное время, не поддался на эту провокацiю.

Вѣрю, что казачество вновь сплотится вокругъ своихъ родныхъ станицъ и заживетъ мирной, осмысленной жизнью, искупивъ свои вольныя и невольныя прегрѣшенiя той Голгофой страданiй, которыя въ изобилiи пали на голову казачества.

Да не смущаются сердца слабыхъ, да укрѣпятся въ предвидѣнiи близкаго уже конца этихъ страданiй.

Ф. А. ЩЕРБИНА,
Членъ Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека, профессоръ Украинскаго Университета въ Прагѣ.

ФАКТЫ КАЗАЧЬЕЙ ИДЕОЛОГІИ И ТВОРЧЕСТВА

(Памяти мучениковъ и страдальцевъ казачества)

Въ теченіе 79 лѣтъ моей жизни, я помню казачество съ 6-ти лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ, какъ казакъ, я ѣздилъ съ казачатами сверстниками верхомъ на камышинкѣ, зналъ только дѣтскія казачьи игры и переживалъ казачье горе, когда время отъ времени, но довольно таки часто, въ родной станицѣ Новодеревянковской раздавались плачъ и причитанія отъ вѣстей о пораненіи, болѣзни и смерти отъ черкесской пули или шашки тѣхъ казаковъ, которые несли службу на кордонахъ Кубани и въ походахъ въ черкесскія горы и трущобы. Въ этомъ же возрастѣ я нѣсколько разъ встрѣчалъ у своего дѣда въ ст. Новощербиновской великана, вѣроятно, до трехъ аршинъ роста, одноногаго запорожца, не ходившаго, а передвигавшагося большими прыжками, при помощи, вѣроятно, полутоpавершковой въ діаметрѣ и трехаршинной въ длину дубовой палки. Запорожецъ брилъ голову и носилъ толстую чуприну, завивая ее за ухо. Шутя, онъ говорилъ моему дѣду: «чом ты, отче, не заставишь цвоего хлопця носить таку чуприну, як у мене». — Въ одно время онъ привезъ къ дѣду «свою скрыньку» (сундучекъ) и, показывая мнѣ лежавшія въ ней человѣческія кости, говорилъ: «оце, бач, козаче, я привіз, щоб батюшка положив іх в труну (гробъ), як буде мене ховаты; я сам собі іх отрізував». — Впослѣдствіи дѣдъ мнѣ разсказывалъ, что Кобидскій (такъ звали запорожца по фамиліи) былъ раненъ въ ногу гдѣ-то подъ Киліей, не то при взятіи приступомъ Бендеръ, — точно не помню, — и, когда на ногѣ показывался антоновъ огонь, то онъ два раза собственноручно пилилъ кости ноги.

Я начинаю свое сообщеніе этою частностью, чтобы констатировать фактъ моей близости съ дѣтства къ казачьей жизни и собственныхъ переживаній на долгомъ пути знакомства съ казачествомъ. Такихъ частностей очень много, и для передачи ихъ потребовалось бы составленіе цѣлыхъ книгъ, но я передамъ только очень немногіе, наиболѣе характерные для казачества, факты, безъ выводовъ и обобще-

ній. Пусть каждый, читающій эти строки, сдѣлаетъ соотвѣтствующіе выводы.

Въ 1896г., неожиданно для меня, я попалъ въ положеніе, сразу поставившее меня въ близкія отношенія къ нѣкоторымъ казачьимъ Войскамъ. Въ Воронежѣ, въ которомъ я завѣдывалъ земскимъ статистическимъ бюро, меня вызвали телеграммой въ министерство земледѣлія и предложили организовать «Экспедицію по изслѣдованію степныхъ областей» и быть ея завѣдующимъ. Когда я шелъ къ министру земледѣлія, А. С. Ермолову, на совѣщаніе, на которомъ, кромѣ Ермолова, были кн. Хилковъ, Стишинскій и др. высшіе представители министерствъ, то мои пріятели, служившіе въ министерствѣ земледѣлія (Е. А. Смирновъ и А. А. Кауфманъ, впослѣдствіи профессоръ статистики), сообщили мнѣ, что «какія условія я ни поставилъ бы для организаціи Экспедиціи, онѣ будутъ приняты», такъ какъ такую фразу произнесъ кто-то изъ высшихъ чиновъ министерства. Для насъ это была загадка, но я воспользовался ею и поставилъ «крутыя», по выраженію Стишинскаго, условія, которыя и были приняты.

Оказалось, что завѣдующимъ Экспедиціей я былъ уже назначенъ государемъ Николаемъ II, и потому мои условія, какъ назначеннаго уже завѣдующимъ самимъ царемъ, и были легко приняты, хотя въ условія вошелъ только одинъ колючій пунктъ — недопущеніе ни лично для меня, ни для служащихъ въ Экспедиціи производства въ чины и награжденіе орденами. Но самое назначеніе меня, явнаго соціалиста, бывшаго въ тюрьмахъ и ссылкахъ, пропагандиста зловредныхъ идей и яраго народника въ литературѣ, казалось для меня странною и пикантною неожиданностью. Впослѣдствіи мнѣ объяснили, что генералъ Даниловичъ, не то кто-то другой изъ воспитателей наслѣдника Николая, предложилъ ему написать рефератъ о Кубанскомъ казачьемъ Войскѣ по моей «Исторіи Кубанскаго казачьяго Войска» (изд. 1888 г.), которая, будто-бы, очень понравилась Наслѣднику. Взойдя на престолъ и желая помочь киргизамъ, жаловавшимся наслѣднику, во время проѣзда его черезъ Сибирь изъ Японіи, на отобраніе у нихъ земель, Николай II поручилъ не то А. С. Ермолову, не то А. Н. Куломзину организовать Экспедицію по изслѣдованію степныхъ областей для опредѣленія земельныхъ нормъ по обезпеченію землями какъ переселенцевъ, осѣдавшихъ на киргизскихъ земляхъ,

такъ и самихъ киргизовъ, и указалъ на статистика Щербину, какъ на желательнаго завѣдующаго Экспедиціей.

Такимъ образомъ, я очутился какъ бы въ фокусѣ кардинальнаго въ наукѣ и въ живой практикѣ аграрнаго вопроса, на которомъ соприкасалось киргизское населеніе съ Сибирскими, Оренбургскими и Уральскими казаками. Мое положеніе, съ одной стороны, было очень высокимъ, а съ другой чрезвычайно выгоднымъ. Я былъ завѣдующимъ Экспедиціей, какъ объяснили мнѣ чиновники, съ «Высочайшаго повелѣнія», такъ какъ постановленія по дѣламъ Экспедиціи проходили черезъ Особый Комитетъ при Сибирской жел. дорогѣ за подписью Николая, какъ предсѣдателя комитета, а Высочайшее повелѣніе было закономъ. Этому завидовали военные губернаторы, считались со мною и даже давали обѣды. Но это положеніе ученаго изслѣдователя съ Высочайшимъ повелѣніемъ оказалось настолько необычайнымъ и выгоднымъ, что я даже и не мечталъ о немъ: я имѣлъ доступъ и у киргизовъ, и у казаковъ, и сверху отъ высшей администраціи, и снизу отъ народной массы, и могъ дѣлать все, что было желательно, въ рамкахъ, разумѣется, научныхъ и практическихъ для Экспедиціи задачъ, рекогносцировавшей до 40 милліоновъ десятинъ земли и давшей возможность для переселеній на эти земли сотенъ тысячъ душъ, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ киргизовъ. Ни полиція, ни жандармы не смѣли мѣшаться въ дѣло моихъ изслѣдованій, чего въ то время нигдѣ, особенно въ земскихъ губерніяхъ, не водилось.

Собственно Сибирское казачество, съ которымъ наиболѣе соприкасались изслѣдованія Экспедиціи, всюду производило впечатлѣніе цѣльной организаціи, въ смыслѣ положенія: я казакъ и ты казакъ, а кто не казакъ, то чужой. Чужимъ былъ и киргизъ для Сибирскаго казака, хотя въ быту Сибирскихъ казаковъ замѣчались черты, сходственныя съ чертами въ бытѣ киргизскаго населенія, но скользившія, такъ сказать, по поверхности быта, касаясь частію одежды, а частію пищи. Въ глухихъ мѣстахъ, въ близкомъ соприкосновеніи съ киргизами, казака по одеждѣ иногда нельзя было отличить отъ киргиза; казаки охотно ѣли конину, особенно жеребятъ, пили кумысъ и пр. На это вліяли одинаковыя естественныя условія края, способствовавшія широкому развитію скотоводства въ его примитивныхъ пастбищныхъ формахъ, чѣмъ и объяснялось преобладаніе

въ пищѣ животныхъ веществъ и сходство нѣкоторыхъ видовъ одежды, благодаря ѣздѣ верхомъ и условіямъ степной жизни. Но наряду съ этимъ соотвѣтствіемъ этнографическихъ чертъ, казачья идеологія въ области отправленія обязанностей, характеръ казачьихъ порядковъ и управленія, землепользованіе, отстаиваніе своихъ интересовъ, на принципѣ казачьяго права, идея общности казачьихъ Войскъ и т. п., были также далеки отъ идеологіи киргизовъ, какъ небо отъ земли. Я приведу лишь одинъ очень характерный случай этой разницы.

Разъ, проѣзжая возлѣ «колковъ» (пролѣсковъ), я встрѣтилъ киргиза, назойливо приглашавшаго меня заѣхать къ нему въ юрту. Я категорически отказался заѣхать. Киргизъ, принявшій меня, видно, за торговца, поднялъ увѣсистую плеть со словомъ: «а это?», выражая, повидимому, готовность силою заставить меня послѣдовать за нимъ. Я быстро досталъ открытый листъ министра внутреннихъ дѣлъ съ большою сургучною печатью и развернулъ его. Киргизъ съ ужасомъ крикнулъ: «ай!», стегнулъ по лошади и во всю прыть ускакалъ отъ меня въ «колки». Мнѣ сказали, что киргизы страшно боятся чиновничьихъ документовъ съ сургучною печатью. А вотъ, какъ отнесся къ той же печати Сибирскій казакъ.

На первой почтовой станціи отъ г. Петропавловска по направленію къ Кокчетану, содержателемъ почтовыхъ лошадей былъ сибирскій казакъ, — старикъ, серьезный и рѣшительный съ виду. Онъ строго придерживался правила выпускать въ суточный разъѣздъ только то число лошадей, какое значилось по контракту. На этомъ основаніи, какъ разсказывали мнѣ, онъ не далъ лошадей «даже самому Николаю Ивановичу», добродушному старику, военному губернатору Акмолинской области, такъ какъ суточная норма была уже разъ выпущена, хотя и имѣлъ достаточно лошадей. То же произошло и со мною. Я попытался было убѣдить старика. Старикъ молчалъ и, казалось, не обращалъ на мои слова никакого вниманія, но услышавши слова, что я «имѣю право» на отпускъ лошадей и что свободныхъ лошадей у него «много», онъ буркнулъ: «много лошадей! — Это мое дѣло. Да ты то грамотный?»

— Грамотный, — отвѣчаю.

— Такъ прочитай! Вонъ у меня на стѣнкѣ кондиціи то; тамъ написано.

Тогда я, желая обезкуражить старика, вынимаю открытый листъ министра внутреннихъ дѣлъ и, указывая на напечатанныя большими черными литерами слова, внушительно произношу: «смотри — по Высочайшему повелѣнію».

— Такъ что-жъ? — невозмутимо озадачиваетъ меня старикъ.

— Какъ, что? Напечатано, что я ѣду по Высочайшему повелѣнію.

Старикъ отступилъ шагъ назадъ, вытянулся въ струнку, и, тыча себя въ грудь, торжественно заявилъ: «я самъ по Высочайшему повелѣнію! Тоже служилъ по Высочайшему повелѣнію въ службѣ и имѣю даже нашивку за безпорочную службу».

Я опѣшилъ передъ этимъ доводомъ, и не зналъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. «Значитъ, ты никому не даешь лошадей сверхъ суточнаго числа?»

— Какъ никому? — повторяетъ мое слово старикъ. — Есть такіе, что и даю.

— Кому же? — интересуюсь я.

— Самъ себѣ! — насмѣшливо отвѣчаетъ старикъ.

— Вотъ тебѣ и на! — шучу я.

— Ну, и другимъ, — дополняетъ старикъ, — если они казаки, только это ужъ не по Высочайшему повелѣнію.

— Такъ я тоже казакъ, — заявляю я.

— Ой-ли? — восклицаетъ старикъ, оглядывая меня.

Я сообщилъ ему, какого я Войска, какіе у насъ порядки насчетъ казенныхъ и общественныхъ лошадей.

Старикъ вдругъ засуетился и крикнулъ: «Ванька! веди вороныхъ! — Это, — поясняетъ онъ, — свои, такія, какихъ я не даю по Высочайшему повелѣнію. Орлы! Вотъ увидишь!».

Ванька запрегъ вороныхъ. Мы со старикомъ разстались друзьями. Когда я сѣлъ въ тарантасъ, старикъ, прощаясь, говорилъ: «кланяйтесь тамъ своимъ кубанцамъ. Повѣдомь, на какихъ лошадяхъ разъѣзжаютъ сибирскіе казаки. Гляди, гляди! — кричалъ онъ мнѣ въ догонку, — какъ правый пристяжной забираетъ!»

Прибавлю, что старый сибирскій казакъ не захотѣлъ взять съ кубанскаго казака прогоновъ, коротко замѣтивши: «это, вѣдь, лошади по казацки, а не по Высочайшему повелѣнію», и что эту мелочь я привелъ, чтобы ярче оттѣнить легковѣсные отзывы, неоднократно мною слышанные, что

Сибирскіе казаки — это тѣ же киргизы. Не одни французы говорятъ о казакахъ, что они ѣдятъ сальныя свѣчи, а часто и русскіе соотечественники.

Земельный вопросъ у сибирскихъ казаковъ не имѣлъ и намековъ на острую нужду въ землѣ. Земель вокругъ нихъ было много. Бывшій одновременно со мною слушателемъ въ Петровской Академіи сибирскій казакъ, состоявшій тогда сотникомъ, а при моемъ посѣщеніи Омска генераломъ, получилъ по чину оберъ-офицера такъ называемый Высочайше пожалованный участокъ земли, вмѣсто 200 дес. высшей нормы, цѣлыхъ 2.000 дес., съ отнесеніемъ 1.800 дес. къ разряду неудобной земли. И юртовыя земли Сибирскіе казаки получили по высокимъ нормамъ. Но если бы кто-нибудь попробовалъ взять у сибирскаго казака или, какъ говорятъ, отжилить клочекъ казачьей земли, то казакъ сталъ бы въ такую же позицію, какъ и старикъ почтосодержатель, и отстаивалъ бы свои права въ силу двухъ аргументовъ: права казака по Высочайшему положенію и права принадлежности къ Войску, какъ коллективному собственнику, имѣющему свои особыя казачьи земли.

На этомъ второмъ правѣ и я немного поскользнулся. Мнѣ нѣсколько разъ намекали въ министерствѣ, что слѣдовало бы оттянуть у Сибирскихъ казаковъ добрую часть земель изъ такъ наз. десятиверстной полосы, огромной площади прекрасныхъ поемныхъ, по лѣвому берегу Иртыша, луговъ, служившихъ въ свое время раздѣльною полосою въ 10 верстъ въ ширину, между русскимъ населеніемъ и киргизами. Такъ же смотрѣли на этотъ вопросъ и мои сотрудники по Экспедиціи. Но я не хотѣлъ самостоятельно взять на себя выясненіе этого вопроса по тремъ соображеніямъ: во-первыхъ, это не входило въ программу порученныхъ Экспедиціи задачъ, во-вторыхъ, вопросъ былъ побочнымъ по отношенію къ аграрному киргизскому вопросу, а, въ третьихъ, — и это самое главное, — бѣглое изученіе этого вопроса на мѣстѣ показало мнѣ, что разрѣшеніе его, въ виду наличности интересовъ Сибирскаго казачьяго Войска и неясности территоріальныхъ признаковъ казачьяго землевладѣнія, очень затруднительно и грозитъ большими осложненіями. По опыту я зналъ, что на Кубани было четыре казачьихъ Войска, имѣвшихъ четыре территоріи по землевладѣнію, и что съ исторіею территоріальныхъ земель связаны были нежелательныя попытки, включительно

до расхищенія ихъ тифлисскими и петербургскими воротилами. Я опасался, какъ бы Экспедиціи не пришлось на чужую мельницу лить воду.

Въ общемъ, изъ жизни Сибирскихъ казаковъ, которыми, къ сожалѣнію, я не могъ въ то время заняться какъ слѣдуетъ, я вынесъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе о томъ, что, несмотря на многоземеліе этихъ казаковъ и нѣкоторую распыленность казачьяго населенія на обширныхъ пространствахъ ихъ территоріи, Войско представляетъ собой нѣчто цѣльное и организованное по однообразной жизни и по казачьей идеологіи, близкой къ другимъ казачьимъ Войскамъ, въ рамкахъ единства организаціи казачества, его интересовъ и положенія. Но, въ виду географическихъ и топографическихъ особенностей края, у рядового сибирскаго казачьяго населенія я не встрѣтилъ тогда такихъ яркихъ и опредѣленныхъ представленій о территоріальномъ началѣ въ значеніи единства, связи и цѣлостности Войска, какъ это встрѣчалось, напр., у Донскихъ, Кубанскихъ и Уральскихъ казаковъ.

Съ Оренбургскимъ казачьимъ Войскомъ, какъ и съ Сибирскимъ, приходилось знакомиться попутно. Я проѣзжалъ по территоріи этого Войска въ границахъ Оренбургской губерніи съ Тургайской областью. Встрѣчаясь съ казаками, я замѣчалъ такія же казачье-пріятельскія отношенія съ рядовыми казаками, какъ и съ Сибирскимъ почтосодержателемъ, лишь только казаки узнавали, что и я казакъ, хотя и не столь ярко выраженныя, какъ въ приведенномъ выше случаѣ. Въ такіе моменты казакъ одного Войска дѣлится своими мыслями съ казакомъ другого Войска, обыкновенно сразу и дѣлится, прежде всего, въ области, такъ сказать, казаковѣдѣнія, по программѣ: что у васъ? вотъ, что у насъ. По крайней мѣрѣ, лично я не помню случаевъ, когда разговоры велись бы не на казачьей подкладкѣ. Если это были разговоры не исключительно казачьи, то казачьи вопросы, во всякомъ разѣ, превалировали. Очень можетъ быть, что тутъ имѣлъ значеніе самый фактъ опроса съ моей стороны, но я всегда держался правила больше выслушивать, чѣмъ говорить, по способу наводящихъ указаній.

Такого характера велись разговоры и при моихъ встрѣчахъ съ Оренбургскими казаками въ самомъ Оренбургѣ. Въ этихъ случаяхъ я мало узнавалъ объ особенностяхъ казачьей жизни и быта и не имѣлъ возможности ставить и

систематически собирать свѣдѣнія о самоуправленіи, общинныхъ порядкахъ, землепользованіи и т. п., но характеръ разговоровъ былъ пропитанъ чисто казачьимъ духомъ. Земельнаго вопроса я почти не касался или, точнѣе, не имѣлъ возможности касаться его, но впослѣдствіи очень сожалѣлъ объ этомъ, когда мнѣ пришлось рѣшить по Кустанайскому уѣзду вопросъ о такъ наз. джайляу или лѣтовочныхъ пастбищахъ, площадью, если не измѣняетъ мнѣ память, въ милліонъ слишкомъ десятинъ. Въ этой площади замѣшаны были и интересы Оренбургскаго казачества, а мнѣ и моимъ сотрудникамъ пришлось работать на три фронта — отстаивать интересы киргизъ, казаковъ и вести малый бой съ военнымъ губернаторомъ Тургайской области, оказавшимся въ большей степени киргизофиломъ, чѣмъ казаколюбцемъ.

И вотъ, эта зацѣпка съ казачьими интересами привела меня къ разговорамъ, какихъ нигдѣ у казаковъ я не слышалъ, хотя тема ихъ не разъ приходила и мнѣ въ голову. Выясняя степень заинтересованности Оренбургскаго казачества въ джайляу по Кустанайскому уѣзду и указывая на отрицательное отношеніе къ этой заинтересованности войскового атамана, я услышалъ изъ казачьихъ устъ громкія и горькія сѣтованія на то, какъ портятъ казачьи порядки и дѣла генералы, назначаемые правительствомъ не изъ казачьей среды на постъ наказнаго атамана. Это фактъ, конечно, общеизвѣстный и общепризнанный, но мои молодые собесѣдники поставили вопросъ о желательности объединенія казачьихъ Войскъ, хотя бы въ лицѣ казачьей интеллигенціи, для систематической защиты казачьихъ интересовъ въ отношеніи организаціи Войскъ, какъ единаго коллективнаго цѣлаго, ихъ землевладѣнія, самоуправленія, просвѣщенія, культурнаго обслуживанія станицъ и т. п. Въ этихъ соображеніяхъ чуялись новыя мысли и новый тонъ, явленія вполнѣ естественныя, въ смыслѣ развитія безусловно эволюціонныя, но по тогдашнимъ понятіямъ правящихъ въ центрѣ и на мѣстахъ верховъ явленія революціонныя и, во всякомъ случаѣ, преступныя, о которыхъ строго воспрещалось не только говорить, но и думать.

Я мало знакомъ, что тогда происходило въ этомъ направленіи въ Оренбургскомъ казачествѣ и не знаю, были ли какіе либо эксцессы въ этой области, но голоса о защитѣ казачьихъ интересовъ исходили не отъ стариковъ, а отъ молодежи, и это именно и представляло большой ин-

тересъ. Въ другихъ мѣстахъ я не слышалъ ни отъ молодыхъ, ни отъ старыхъ казаковъ о защитѣ въ подобной формѣ казачьихъ интересовъ до второй Государственной Думы, на которой былъ поставленъ и рѣшался этотъ вопросъ. Старики же казаки не думали въ этомъ направленіи, а фактически защищали казачьи интересы по старинному казачьему методу. Ниже я приведу поразительный фактъ, какъ берегутъ старину, отстаивая свои обычныя права и демократическіе порядки рядовые казаки, преимущественно старики, а не идейные представители казачества новой формаціи.

Это происходило на Уралѣ. Въ г. Уральскъ я поѣхалъ, чтобы добыть данныя о числѣ киргизскихъ хозяйствъ и киргизовъ, перекочевывавшихъ лѣтомъ на джайляу въ Тургайскую область. Въ Уральскѣ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ казачьимъ атаманомъ, генераломъ не изъ казаковъ, и съ новою тогда властью на Кубани и на Уралѣ — съ вицегубернаторомъ. На мое счастье, вицегубернаторомъ въ Войскѣ былъ И. А. Лисаневичъ, потомокъ казаковъ Слободской Украины по Богучарскому уѣзду, съ которымъ я дружно работалъ болѣе 10-ти лѣтъ въ Воронежскомъ земствѣ, въ губернской управѣ, которой онъ былъ много лѣтъ несмѣннымъ предсѣдателемъ и моимъ начальникомъ по земскому статистическому бюро. Я попросилъ И. А. оборудовать мнѣ дѣловую часть по даннымъ о киргизскихъ кибиткахъ, перекочевывавшихъ на лѣто изъ Уральской въ Тургайскую область, сдѣлалъ обычный визитъ наказному атаману, а самъ занялся знакомствомъ съ Уральскомъ и съ казаками. Для характеристики Уральскихъ казаковъ или, точнѣе, ихъ оригинальныхъ порядковъ, я передамъ два своеобразныхъ факта.

Прежде всего, мнѣ захотѣлось ознакомиться со знаменитымъ уральскимъ «учугомъ». Учугъ — это перегородка рѣки Урала изъ толстыхъ, съ желѣзными на нижнемъ концѣ наконечниками, свай, глубоко вбитыхъ въ русло рѣки и такъ тѣсно, что черезъ учугъ вверхъ по рѣкѣ не можетъ проходить не только крупная рыба, но и малая бѣлая. Такимъ образомъ, на огромномъ протяженіи рѣки отъ гор. Уральска и до устьевъ рѣки у Каспійскаго моря, вся рыба на зиму остается какъ бы въ запертой рѣкѣ. Зимою, когда замерзаетъ рѣка, рыба, по выраженію уральскихъ казаковъ, «ложится въ ятовья», въ углубленія на днѣ рѣки. Въ это время и производится, такъ наз., «зимнее багренье». Казаки

пешнями пробиваютъ ледъ и черезъ прорубленныя полонки вытаскиваютъ пешнями и баграми «спящую рыбу».

Не зная казачьихъ уральскихъ порядковъ, я отправился къ учугу для осмотра и только что шагнулъ, чтобы стать на проходъ учуга съ одного берега на другой, какъ передо мною выросла осанистая фигура уральца старика, съ большою роскошною бородою, въ казачьемъ костюмѣ и съ орденами на груди.

— Куда? Стой, любезный! — внушительно онъ произнесъ. — Тутъ ходить чужимъ строго воспрещается.

— Я хотѣлъ бы осмотрѣть учугъ, — объясняю я. — Почему же этого нельзя сдѣлать?..

— Потому, что это казачьи сооруженія.

— У кого же надо спросить разрѣшеніе на это? — спрашиваю я.

— У меня можна, — заявляетъ стражъ учуга.

— Ну, такъ разрѣши, старина, — прошу я.

— Не разрѣшаю, — заявляетъ онъ.

— Почему? — настаиваю я.

— Потому, что это казачье, — поясняетъ онъ.

— Но я казакъ.

— А какой будешь?

— Кубанскій.

— Не черноморецъ ли? — подхватываетъ стражъ.

— Настоящій черноморецъ; потомокъ запорожскихъ

— Запорожскихъ! — восклицаетъ оживившійся старикъ. — Другъ! что же ты не сказалъ мнѣ этого сразу, а мнѣ не въ домекъ. Пожалуй, пожалуй сюда, милый гость! — и старикъ повелъ осматривать учугъ, показывая рукою въ воду и приговаривая: — Смотри, смотри, какъ бьются рыломъ въ учугъ дурачки. — Я смотрѣлъ на ясно виднѣвшихся въ водѣ дурачковъ. Это были огромные осетры. Уралецъ передалъ мнѣ массу подробностей о порядкахъ уральскихъ казаковъ, особенно о зимнемъ багреніи и о сѣнокошеніи всѣмъ Войскомъ по Уралу.

Интересны были какъ подробности рисуемыхъ старикомъ порядковъ, отъ которыхъ вѣяло «милой стариной», такъ особенно взглядъ его на тѣ мотивы, въ силу которыхъ должны были вестись и поддерживаться излюбленные порядки.

— У насъ, — разсказывалъ съ увлеченіемъ мой собесѣдникъ, — на счетъ порядковъ строго. Не смѣй нарушать!

Хотѣлось бы покататься на лодочкѣ по рѣкѣ — не пугай рыбы. Нельзя стрѣлять близъ рѣки; не позволяется ловить рыбу удочкой, — Боже упаси! Былъ у насъ одинъ есаулъ; приставомъ служилъ. Работяга, умный, письменный, настоящій казакъ, да еще въ чинѣ! Что-жъ ты думаешь? Нечистый попуталъ. Захотѣлось рыбки половить, взялъ удочку въ руки и сѣлъ на неуказанномъ мѣстѣ. Увидѣли, узнали... Дѣло пошло по верхамъ; отвѣчай! Ну, и огрѣли несчастнаго; отъ службы отрѣшили и навсегда заказано не давать никакой должности. А только двухъ судаковъ и поймалъ. Такъ то! А жаль было человѣка.

— Отчего же такъ жестоко поступили съ есауломъ? Вѣдь, онъ былъ хорошій человѣкъ? — спрашиваю я.

— Никакъ нельзя! Противъ порядковъ, противъ правъ казачьихъ. Онъ одинъ, а Войска много. Войско — большой человѣкъ. Какъ же одинъ противъ Войска?

По вопросу объ «одномъ» и «Войскѣ» въ области нарушенія казачьихъ обычаевъ и правъ И. А. Лисаневичъ передалъ мнѣ «по секрету» слѣдующій комическій и, казалось бы, маловѣроятный случай, но самъ вице-губернаторъ, котораго я близко зналъ, какъ не рядового въ земствѣ дѣятеля и безукоризненно честнаго человѣка, былъ очевидцемъ этого случая. Случай произошелъ на Новый Годъ, — день, съ котораго начинается у уральскихъ казаковъ зимнее рыболовство, или багреніе. Изъ г. Уральска на берегъ рѣки высыпала масса народа, — казаки-рыболовы и служилые, начальство, съ Наказнымъ Атаманомъ во главѣ, скупщики рыбы, торговцы съѣстнымъ и напитками, и многочисленные зрители. Багренье началось съ установленнаго молебна и традиціоннаго выстрѣла изъ пушки. Когда раздался этотъ выстрѣлъ, казаки рыболовы, стоявшіе съ пешнями и баграми въ рукахъ, длинною вереницею вдоль берега рѣки у самой воды, бросились занимать мѣста (на правѣ первой заимки), быстро пробивали ледъ желѣзными пешнями, образуя достаточныя по размѣру полонки, черезъ которыя и таскали со дна рѣки рыбу. Это былъ день такъ наз.. «царскаго багренія». Пойманная рыба «вся шла по начальству» — лучшая икра и рыба отвозились въ Петербургъ «царю въ подарокъ» (я не помню — отвозилась ли рыба царскаго багренія и при Лисаневичѣ или нѣтъ), а остальная рыба распредѣлялась между Наказнымъ Атаманомъ и всѣмъ чиновнымъ казачьимъ персоналомъ. Уловъ рыбы въ

этотъ разъ былъ малъ. Казачьи чиновники попросили Наказнаго Атамана назначить царское багренье и на слѣдующій день. Войсковой Атаманъ потребовалъ сани для отъѣзда въ городъ и, по обычаю, пошелъ поздравить казаковъ съ началомъ багренья. Казаки выстроились по военному, со стариками впереди. Атаманъ послѣ поздравленія съ первымъ уловомъ, по привычкѣ — начальническимъ тономъ, сказалъ:

— Сегодня, казаки, багренье неудачное. Мало рыбы. Назначаю и на завтра царское багренье!

— Что? — раздалось нѣсколько голосовъ изъ переднихъ рядовъ. — Ты пріѣхалъ къ намъ устанавливать свои порядки? — И стоявшіе впереди казаки начали засучивать рукава.

Атаманъ съ испугу побѣжалъ къ конямъ; старики двинулись за нимъ. Спѣша, атаманъ попалъ въ сани не ногами, а руками, съ приподнятыми пятками вверхъ, и крикнулъ кучеру: «пошелъ!». Тройка быстро умчала его въ городъ Уральскъ.

Произошло замѣшательство. Задніе ряды казаковъ не видѣли, что творилось впереди. Нашлись благоразумные казаки, посовѣтовавшіе «молчать до разслѣдованія». Того же мнѣнія были и чиновные казаки. И казаки замолчали нарушеніе ихъ порядковъ Наказнымъ Атаманомъ и бѣгство его въ г. Уральскъ. Атаманъ тоже молчалъ.

Я передаю этотъ фактъ по памяти изъ записокъ, уничтоженныхъ въ набѣгѣ на мой хуторъ Джанткотъ большевицкою революціонною молодежью, отвѣтившей на вопросъ: «зачѣмъ они сдѣлали это?» категорическимъ вопросомъ съ ихъ стороны: «а на що вiн, бiсова душа, пише?». Очень можетъ быть, что редакція переданнаго факта не совсѣмъ точна или нѣсколько ярко окрашена, но наличность самого факта несомнѣнна и характерна въ связи съ другими, еще болѣе характерными фактами изъ жизни казаковъ. Тутъ характерно было, во-первыхъ, то, что Войсковой Атаманъ былъ не свой, не «изъ казаковъ», а, во-вторыхъ, самый фактъ расправы съ однимъ и, при томъ, самымъ большимъ въ Войскѣ тузомъ, съ засучиваніемъ при этомъ рукавовъ. Очевидно, способъ расправы казаковъ одного за всѣхъ или за Войско былъ еще живъ и силенъ у уральцевъ и отдавалъ стариной запорожскихъ расправъ.

Само собой разумѣется, что и энергичная расправа ка-

заковъ съ Атаманомъ просвѣчиваетъ, хотя и «милой», но отживающей стариной. Казаки успѣшно боролись съ лодочкой, но что подѣлаешь съ пароходомъ, шумящимъ и бурлящимъ воду въ рѣкѣ, который движетъ въ свою очередь мощныя культурно-эволюціонныя достиженія? Тутъ безсильна уже жилистая рука, и требуется голова, творящая духовныя цѣнности и высшіе порядки у казаковъ. Я ограничусь, поэтому, изложенными выше фактами, хотя и недалекой, но все-таки старины, и перейду къ фактамъ обновленной старины въ казачьей жизни.

Въ 1906 году была открыта на Кубани первая казачья Войсковая Рада со времени фактическаго возникновенія казачьяго Войска въ этомъ краѣ, въ 1792 г., т. е. черезъ 114 лѣтъ. Это, можно сказать, по тому времени было чрезвычайное вообще для всего казачества обстоятельство, на которое тогда не было обращено казаками должнаго вниманія. Какъ я уже упомянулъ, появленіе Войсковой Рады было тѣсно связано съ книгою, написанною мною по просьбѣ Войскового Атамана, при дѣятельномъ участіи моего покойнаго пріятеля Е. Д. Фелицына, бывшаго тогда правителемъ атаманской канцеляріи и секретаремъ Кубанскаго Статистическаго Комитета, въ которомъ я состоялъ тогда почетнымъ членомъ. Фелицынъ сообщилъ мнѣ, кромѣ бывшихъ у меня, огромную массу матеріаловъ. Условія для работы были, хотя и связанныя съ необычайною спѣшностью, но благопріятныя. Атаманъ былъ свой, донской казакъ Г. А. Леоновъ, исторію я писалъ, которая заранѣе предназначалась Наслѣднику Николаю, на условіи недопущенія ни малѣйшей въ редакціи помѣтки и, тѣмъ болѣе, поправокъ и добавленій. Единолично я составилъ весь сборникъ «Кубанское казачье Войско 1696 — 1888 г.г.», подъ исторіей Войска поставилъ свою фамилію, подъ статьей «Кошевые, войсковые и наказные атаманы», составленную также мною въ г. Воронежѣ, гдѣ я писалъ и почти немедленно печаталъ, фамилію Фелицына и въ заголовкѣ редакторомъ обозначилъ тоже Фелицына по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, въ силу служебной благонадежности Фелицына, такъ какъ я, хотя и былъ почетнымъ членомъ, но въ Петербургѣ числился неблагонадежнымъ человѣкомъ, съ воспрещеніемъ въѣзда въ Петербургъ и въ Москву, а, во-вторыхъ, изъ желанія продвинуть на высшую ступень службы Фелицына, незамѣнимаго работника по Кубановѣдѣнію. Книгу я успѣлъ

составить и напечатать къ пріѣзду въ Екатеринодаръ Александра III въ 1888 г., и она вручена была Наслѣднику Николаю. Прибавлю, что исторія Кубанскаго казачьяго Войска въ томъ духѣ, какъ она была написана мною, съ подчеркиваніемъ казачьяго самоуправленія, значенія Рады и казачьихъ порядковъ, не была бы допущена ни къ составленію, ни къ печатанію, ни, тѣмъ болѣе, ко врученію ея Царю и Наслѣднику, если бы во главѣ Кубанскаго Войска не было двухъ казаковъ: † донского — наказнаго Атамана Г. А. Леонова и кубанскаго — правой руки Атамана — есаула Фелицына.

Черезъ 18 лѣтъ послѣ выхода книги и врученія ея Наслѣднику, когда Николай II былъ уже императоромъ, около 1906 года на Кубани намѣтились серьезные аграрные безпорядки, вслѣдствіе крайне неравномѣрнаго распредѣленія казачьихъ земель, годныхъ для земледѣлія и для скотоводства. Казаки нѣкоторыхъ закубанскихъ станицъ, расположенныхъ въ горныхъ, лѣсныхъ и малярійныхъ дебряхъ Закубанья, буквально голодали, болѣли и бѣдствовали отъ недостатка хлѣба и экономической безпомощности, а по правую сторону Кубани, въ степныхъ мѣстахъ — на Черноморіи и на Старой Линіи — хлѣба было такъ много, что онъ въ огромномъ количествѣ направлялся заграницу черезъ Новороссійскій, Ейскій, Ясенскій, Ахтарскій и др. порты. Кубань въ то время дѣлилась на четыре войска, или части, — на Черноморію, Старую Линію, Новую или Лабинскую линію и Закубанье. Каждое войско имѣло свою территорію, съ опредѣленными границами, и свое землевладѣніе. Помирить земельные интересы голодающаго закубанца и сытого старолинейца не было никакой возможности. Пахло явными безпорядками.

Въ это время наказнымъ Войсковымъ Атаманомъ на Кубани былъ уральскій казакъ генералъ Михайловъ. Это былъ казакъ «съ головы до ногъ». Онъ держался запросто, по казацки, съ нерядовыми и рядовыми казаками, при случаѣ любилъ погулять въ казачьей компаніи, что ставили ему въ вину чиновные казаки и даже интеллигенція, но, при наличіи этого казачьяго «звычая», по своей искренней привязанности къ казачьей массѣ, Михайловъ сдѣлалъ столько для казачьяго населенія добра въ духѣ поддержки казачьяго режима, сколько не сдѣлали нѣсколько Атамановъ, его предшественниковъ. Онъ согласился и поѣхалъ въ Пе-

тербургъ просить у Николая II открытія казачьей Рады, которая только одна могла разрѣшить и урегулировать казачій аграрный вопросъ. Если бы самъ Николай II не имѣлъ ясныхъ представленій о хозяйственномъ значеніи у казаковъ Рады, то это было бы просто дерзостью Атамана казака, за которую генералы слетали со своихъ мѣстъ. Но обстоятельства въ это время благопріятствовали предпріятію Михайлова. Николай II, знакомый съ историческимъ значеніемъ Рады, благодаря упомянутому выше докладу, сразу же согласился на созывъ Рады. Кто-то изъ министровъ или приближенныхъ къ нему сталъ убѣждать его въ неосторожномъ шагѣ, такъ какъ Рада учрежденіе не монархическое и явно революціонное. Подъ вліяніемъ этого, царь приказалъ Атаману Михайлову, — что послѣдній заранѣе передалъ «по секрету» мнѣ, какъ предсѣдателю Рады, — чтобы на Радѣ велись разговоры объ однихъ казачьихъ земляхъ и ни о чемъ больше; въ противномъ случаѣ, Атаманъ обязанъ былъ немедленно закрыть Раду. Вотъ на этомъ пунктѣ и произошелъ казусъ, въ высшей степени характерный и показательный для тогдашняго эволюціонно-духовнаго настроенія кубанскихъ казаковъ.

На открытой Кубанской Радѣ, въ составѣ 420 представителей отъ станицъ, значительное большинство составляли черноморцы, бывшіе потомки Запорожья. Черноморцы имѣли жалованныя, — Екатериною II, Павломъ, Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II, — грамоты на одну и ту же территорію земель съ побережьями водъ въ предѣлахъ восточной части Азовскаго моря и Карпенскаго или Таманскаго пролива. Это были самыя обширныя и цѣнныя земли и угодья, и вотъ они составляли тотъ рычагъ, которымъ можно было двинуть и спокойно разрѣшить аграрный вопросъ на принципѣ соглашенія четырехъ казачьихъ войскъ съ ихъ земельными территоріями. Для меня, какъ предсѣдателя Рады, избраннаго подавляющимъ большинствомъ голосовъ, сразу ясно же намѣтились два кардинальныхъ вопроса, подлежавшихъ практическому разрѣшенію: во-первыхъ, соединеніе всѣхъ четырехъ войскъ по земледѣнію въ одно коллективное цѣлое, и, во-вторыхъ, обезпеченіе бѣднѣйшихъ станицъ Закубанья продородными землями на правой степной полосѣ Кубани, изъ такъ называемыхъ, войсковыхъ запасныхъ земель, на условіи замѣны отданныхъ въ степяхъ земель лѣсными землями Заку-

банья. Рада вела свои работы въ теченіе 11-ти сутокъ энергично и упорно, днемъ и ночами. Въ цѣляхъ удобства работъ, по соглашенію, она была подраздѣлена на четыре части или подрады — Черноморскую, Старолинейную, Новолинейную и Закубанскую, по числу четырехъ объединенныхъ по землевладѣнію войскъ. Каждая подрада ставила и рѣшала свои вопросы особо, а потомъ всѣ вмѣстѣ подвергали ихъ общему обсужденію и рѣшенію. Мнѣ, какъ черноморцу, пришлось наиболѣе работать въ Черноморской подрадѣ, а, какъ предсѣдателю Рады, и въ трехъ остальныхъ подрадахъ, преимущественно въ Закубанской. Это давало мнѣ возможность детально знакомиться со взглядами на землю и на важнѣйшіе вопросы казачьихъ порядковъ и быта въ массѣ казаковъ, какъ лучшихъ представителей станицъ и, такимъ образомъ, черпать, съ одной стороны, то, что требовалось для практическаго разрѣшенія назрѣвшихъ аграрныхъ задачъ, а, съ другой, пополнять свои свѣдѣнія по казачьей идеологіи. Могу откровенно сказать, что никогда въ своей жизни и долголѣтней практикѣ я не переживалъ такого подъема собственныхъ силъ и не наблюдалъ того же у другихъ. Всѣ мы, казалось, точно въ котлѣ, варились въ теченіе двухъ недѣль. Но оба вопроса, съ моей точки зрѣнія, разрѣшились удовлетворительно. Аграрный вопросъ на территоріи въ четыре милліона слишкомъ десятинъ, — не помню точной цифры, — приведенъ былъ къ благополучному концу: четыре земельныя территоріи, принадлежавшія четыремъ обособленнымъ по землевладѣнію войскамъ, были соединены въ одну коллективную; нуждающимся казакамъ Закубанья рѣшено было отвести тучныя земли для зернового хозяйства въ степной полосѣ, а жителямъ этой безлѣсной полосы въ замѣнъ дать лѣсныя земли въ горахъ Закубанья. Я отмѣчу нѣкоторыя черты того, что я отношу къ духовнымъ достиженіямъ казаковъ на пути непреоборимаго эволюціоннаго движенія интеллекта и этики.

Нужно было прежде всего подвинуть впередъ черноморцевъ, за которыми потомъ, по моему предположенію, должны были пойти и казаки другихъ частей Рады. Но съ первыхъ же словъ казаки засыпали меня возраженіями: «что скажутъ станицы и всѣ неприсутствующіе здѣсь казаки? Вѣдь, на отдачу земли, принадлежащей всему Черноморскому войску, насъ никто не уполномачивалъ; а отдать

черноморскія земли никто не имѣлъ права, такъ какъ они закрѣплены были за Войскомъ царскими грамотами; передача земель будетъ даромъ съ нашей стороны и намъ не простятъ ее черноморцы; лучше помогать закубанцамъ хлѣбомъ, а не землями». Возраженія эти было легко опровергнуть: мы были уполномочены станицами на опредѣленное дѣло — на разрѣшеніе аграрнаго вопроса, съ чѣмъ были знакомы, въ общихъ чертахъ, станицы; такое большое дѣло, какъ земельное, непремѣнно вызоветъ въ населеніи серьезные и оживленные разговоры за и противъ, какъ и у насъ, на Радѣ, и большинство голосовъ на ней за то или другое рѣшеніе послужитъ критеріемъ и на мѣстахъ; если мы, черноморцы, какъ казаки, считаемся въ важнѣйшихъ казачьихъ дѣлахъ вообще, то слѣдуетъ согласиться и территоріально по землѣ, — пусть будетъ одно Войско, это сильнѣй для всѣхъ насъ, а намъ и выгоднѣе; ибо мы за одну десятины пашни на нашей территоріи получили на другой территоріи три десятины земли съ лѣсомъ, и это поймутъ станичники, потому что это и справедливо, и выгодно для обѣихъ сторонъ; это будетъ не помощью закубанцамъ хлѣбомъ, способъ болѣе дорогой, благотворительный, сложный и рискованный. Я и мои сторонники налегали, главнымъ образомъ, на послѣднія соображенія о выгодѣ мѣны и на этическую сторону дѣла. Съ цифрами въ рукахъ о повышенномъ ростѣ цѣны на лѣсные матеріалы, цѣнившіеся въ степныхъ станицахъ на вѣсъ золота, сравнительно съ цѣнами на землю, мы ставили противной сторонѣ на разрѣшеніе ультимативно: кто же изъ станичниковъ похвалитъ и поблагодаритъ насъ за то, что мы упустимъ изъ рукъ выгодное дѣло, отворачиваясь отъ прямой казачьей обязанности помочь брату казаку основательно, твердо, рѣшительно, а не съ отговорками и палліативами? Три дня и три ночи черноморцы раздумывали и спорили при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ за и противъ и, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, противъ 4 или 5, рѣшили объединить казачьи территоріи, а запасныя земли войсковыхъ участковъ на Кугосѣ и вблизи г. Ейска передать кубанцамъ на условіи обмѣна одной десятины пашни на три десятины лѣса въ горахъ. За черноморцами пошли и линейцы. Въ такомъ смыслѣ было составлено и общее постановленіе всей Рады, которое за подписью предсѣдателя Рады и было утверждено Николаемъ II. Это бы-

ло Высочайшее повелѣніе или законъ, утвержденный царемъ въ небываломъ въ Россійской имперіи порядкѣ и отъ небывалаго еще законодательнаго учрежденія — Первой казачьей Рады на Кубани.

Опираясь на экономическіе мотивы при обсужденіи деталей общаго аграрнаго вопроса, я зорко слѣдилъ за духовнымъ настроеніемъ казаковъ, мѣряя его чисто моральными мѣрками, готовностью служить казачеству не только разумно, но и морально, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что многіе изъ казаковъ руководились не столько экономическими расчетами и соображеніями, сколько чисто этическими мотивами. «Мы всѣ братья казаки и должны помогать другъ другу. На что-жъ мы и казаки!» — говорили они. Неожиданное обстоятельство, какъ молнія, освѣтило моральное настроеніе казаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеологію казачьей политики и этики.

Въ обширномъ помѣщеніи на 400 слишкомъ присутствующихъ казаковъ я сидѣлъ на возвышеніи для президіума и усердно старался придать болѣе краткую и ясную формулировку одному изъ постановленій. У меня попросилъ слова есаулъ М. Я спросилъ его: «Вы по аграрному вопросу?», и, не разслышавши его отвѣта, разрѣшилъ ему говорить. Но при первыхъ же словахъ говорившаго я замѣтилъ сильное движеніе среди членовъ Рады. Вслушиваясь въ рѣчь говорившаго, я уловилъ выраженіе «снять позорное пятно, наложенное на насъ урупцами», а потомъ изъ дальнѣйшаго выяснилось, что есаулъ предлагалъ Радѣ выбрать делегацію и послать ее къ царю Николаю, чтобы онъ снялъ позорное пятно, наложенное урупцами на Кубанское казачье Войско.

Въ свое время, въ газетахъ было напечатано, что это было за пятно. Первый Урупскій казачій полкъ былъ посланъ изъ Кубани за предѣлы для усмиренія мирнаго населенія. Казаки, придя на мѣсто и узнавши, что имъ предстоитъ такъ наз. «экзекуція» мирнаго населенія, рѣшительно отказались чинить расправу. Убѣжденія командира полка не подѣйствовали на взволнованный полкъ. Скинувши полковыхъ офицеровъ и полковника, казаки выбрали урядника Курганова командиромъ и, въ полномъ составѣ, двинулись, со знаменемъ и значками, обратно на Кубань. Въ Екатеринодарѣ были сданы въ арсеналъ знамя и предметы полкового хозяйства, а сами казаки отправились по до-

мамъ въ станицы. Это былъ необычайный скандалъ, за который обыкновенно жестоко наказывали и разстрѣливали виновниковъ, но на этотъ разъ наказаніе было примѣнено слабое, а самъ Кургановъ былъ приговоренъ къ высылкѣ въ Сибирь.

Понявши, въ чемъ состояло предложеніе есаула и почему этимъ предложеніемъ были взволнованы такъ сильно казаки, я нашелъ выходъ въ своей глухотѣ и, поднявшись съ предсѣдательскаго мѣста, громко спросилъ: «слышали вы, господа депутаты, что предлагаетъ есаулъ М.?».

— Слышали, слышали! — буквально заревѣли члены Рады, и во многихъ мѣстахъ замелькали жесты со сжатыми кулаками.

— Онъ, — продолжаю я при воцарившемся молчаніи, — предлагаетъ выбрать делегацію изъ среды членовъ Рады и послать ее въ Петербургъ къ Государю просить о прощеніи урупцевъ, какъ лучшихъ у насъ казаковъ!

Эффектъ получился поразительный. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: «вѣрно, вѣрно! Послать такую делегацію»! А растерявшійся есаулъ Христомъ Богомъ клялся, что онъ ничего подобнаго не предлагалъ и что господинъ предсѣдатель ослышался. Но въ это время раздался телефонный звонокъ, и по телефону послышалось приказаніе изъ атаманскаго дворца, чтобы немедленно явился туда предсѣдатель Рады.

Я отправился. Во дворцѣ я не засталъ атамана Михайлова. «Дежурилъ», т. е. слѣдилъ за преніями Рады старшій помощникъ атамана М. П. Бабичъ, генералъ черноморецъ. «Что тамъ у васъ случилось?» — спрашиваетъ онъ меня. — «Требуется Раду закрывать?».

Я коротко разсказалъ о казусѣ и какъ казаки настроены, заключивши словами: «закрывать Рады ни въ коемъ случаѣ нельзя». И, на вопросъ Бабича: «что же слѣдуетъ сдѣлать?», я, будучи съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, предложилъ прекратить дѣло домашнимъ способомъ, который состоялъ въ томъ, что кучку офицеровъ, откуда вышелъ есаулъ съ ихъ предложеніемъ, я «проберу» отечески, какъ предсѣдатель, а съ членовъ Рады возьму честное слово, что никто изъ нихъ не откроетъ рта и никому ни одного звука не выпуститъ о происшествіи въ Радѣ. «На казаковъ я надѣюсь», — замѣтилъ со своей стороны заступающій

мѣсто Атамана, — «идите съ Богомъ и устраивайте все по домашнему».

Входя въ прихожую того помѣщенія, въ которомъ засѣдала Рада, я наткнулся на есаула, который, видимо, былъ уже въ «передѣлкѣ» казаковъ. «А, что — надѣлали дѣловъ!» — шутя замѣтилъ я ему. Ломая руки, есаулъ заклиналъ меня защитить отъ казаковъ. «Они разорвутъ меня на клочки», — говорилъ онъ. — «Ей-Богу, не я выдумалъ это предложеніе, а полковникъ К. Онъ меня и заставилъ внести предложеніе, чтобы заставить Раду сразу принять его, пока казаки не одумаются.» Въ этотъ моментъ нахлынули казаки и я отправился въ залъ.

Я остановился на серединѣ зала засѣданій и попросилъ членовъ Рады окружить меня по казачьему обыкновенію. «Мы будемъ, — обратился я къ членамъ Рады, — совѣщаться по-казацки, и все, что вы услышите отъ меня и что мы рѣшимъ, должно остаться въ глубокой тайнѣ. Атаманъ предупредилъ меня, какъ предсѣдателя, что государь приказалъ ему, чтобы Рада занималась только земельнымъ вопросомъ и, разъ Рада коснется другихъ вопросовъ, она должна быть немедленно закрыта. Значитъ, Рада находится сейчасъ въ моментѣ закрытія. Но давайте подумаемъ, что намъ дѣлать. Я ничего не имѣю, по долгу совѣсти, чтобы осуществить предложеніе есаула М. въ моей передѣлкѣ, т. е. избрать делегацію изъ членовъ Рады къ государю съ просьбой объ освобожденіи отъ наказанія урупцевъ; но, думаю, эта делегація врядъ ли доѣдетъ до Петербурга, а если и доѣдетъ, то очутится потомъ не въ Екатеринодарѣ, а въ ссылкѣ. Я знакомъ съ ссылками и присоединяюсь къ делегаціи, чтобы раздѣлить ея участь, а вы подумайте объ этомъ. Но тогда наши земельныя дѣла, которыя такъ успѣшно слагаются, рухнутъ; ихъ рѣшать будетъ не Рада, а чиновники, и не такъ, какъ мы понимаемъ и желали бы осуществить, да и сама Рада будетъ погребена. Это одинъ исходъ изъ нашего теперешняго положенія. Возможенъ и другой, если мы сохранимъ нашъ казусъ въ тайнѣ, такъ, чтобы никто не зналъ о немъ, а когда кто-нибудь узнаетъ, то скажемъ, что ничего подобнаго не было. Тогда мы можемъ продолжать засѣданіе Рады и доведемъ дѣло до благополучнаго конца. Итакъ, выбирайте одинъ изъ двухъ исходовъ: или делегацію съ вѣроятною ссылкою, или тайну

и за дѣло». —Въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ раздались дружные крики: «за дѣло! за дѣло!»..

Инцидентъ былъ исчерпанъ. Я хотѣлъ было прочитать нотацію кучкѣ офицеровъ, но увидѣлъ одного опростоволосившагося есаула. «А гдѣ же полковникъ К.?» спрашиваю я его. «Утік!» — отвѣтилъ, при общемъ хохотѣ, одинъ изъ казаковъ.

Казусъ воочію убѣдилъ меня въ высокомъ духовномъ настроеніи казаковъ. То, что въ видѣ намековъ мелькало при случайныхъ разговорахъ о необходимости единенія казачьихъ Войскъ, то, — правда въ маломъ масштабѣ, и при благопріятныхъ условіяхъ близкаго сожительства, — свершилось на Кубани удачно и безъ особыхъ затрудненій въ области вопросовъ такого большого калибра, какъ аграрный вопросъ. И моральный подъемъ былъ ясенъ: казаки въ массѣ Рады остались на сторонѣ тѣхъ своихъ собратьевъ, которые, подъ рискомъ ссылки или даже смерти, не захотѣли нести казачью службу для насильственныхъ расправъ и кровавыхъ экзекуцій надъ мирнымъ населеніемъ, а не тѣхъ, кто считалъ позорнымъ пятномъ такой гуманный протестъ противъ насилій и соблазнительнаго мародерства.

Это былъ не единственный случай въ такомъ родѣ на Кубани за дореволюціонный періодъ переживанія его Россіей, но я не буду останавливаться на другихъ, а приведу одно изъ характернѣйшихъ послѣдствій отъ работъ первой Рады на Кубани для освѣщенія не казачьей морали, а казачьяго творчества.

Кубанская казачья интеллигенція была сильно заинтересована въ земскихъ учрежденіяхъ, и нѣкоторые казачьи атаманы, какъ самый просвѣщенный изъ нихъ, Н. Н. Кармалинъ, имѣвшій въ свое время отношеніе къ кружку петрашевцевъ, тщетно хлопоталъ объ открытіи земскихъ учрежденій на Кубани. Кубань считалась правительствомъ неблагонадежной окраиною, и военныя власти опасались даже назначать кубанскія военныя части на реквизиціи и на усмиренія мирнаго населенія, что и оправдалось урупскимъ полкомъ. Кубанскимъ казакамъ не дали, поэтому, земства. Но когда, послѣ осуществленія постановленій Рады, у черноморцевъ Ейскаго, Екатеринодарскаго и Таманскаго отдѣловъ оказались довольно значительныя площади лѣсныхъ угодій, то для пользованія ими казаки, своего рода явочнымъ порядкомъ, открыли въ этихъ отдѣлахъ земскія

учрежденія по лѣснымъ дѣламъ, къ которымъ впослѣдствіи пристягнули и другія дѣла земскаго характера. Моя родная станица состояла въ Ейскомъ отдѣлѣ, и я, какъ уполномоченный ея, нѣсколько разъ участвовалъ на ежегодныхъ собраніяхъ уполномоченныхъ станицъ и всегда избирался предсѣдателемъ ихъ, какъ человѣкъ, практически работавшій много лѣтъ въ Воронежскомъ земствѣ. Ежегодные очередные съѣзды уполномоченныхъ представляли собою какъ бы очередныя земскія собранія, а ихъ исполнительные органы — правленія, — по своему типу, напоминали самостоятельныя земскія управы, за отсутствіемъ центральнаго органа въ видѣ губернской управы. Правленіе состояло изъ избранныхъ на собраніяхъ предсѣдателя и членовъ, которые вѣдали дѣлами при помощи наемныхъ спеціалистовъ и служащихъ, на подобіе третьяго элемента у земствъ. Раньше лѣса были войсковыми и находились въ вѣдѣніи областного правленія, административнаго органа съ хозяйственною окраскою, но лѣсныя угодья тогда давали очень скромные доходы. Съ передачею лѣсовъ изъ областного правленія въ станицы, доходныя статьи отъ лѣсовъ возросли до невѣроятной степени въ рукахъ уполномоченныхъ отъ станицъ. По Ейскому отдѣлу лѣса, при управленіи чиновниковъ, давали что-то отъ 1200 до 2000 р. ежегоднаго дохода; земское правленіе станицъ въ первый же годъ повысило доходность лѣсовъ до 7000 р., черезъ годъ семитысячный доходъ увеличился въ четыре раза, а эта новая цифра еще черезъ годъ удвоилась, и такъ поступательно доходность увеличивалась и въ послѣдующіе годы. И, замѣчательно, что эти увеличенія доходности слагались изъ суммъ отъ эксплоатаціи цѣнныхъ лѣсныхъ матеріаловъ въ самомъ маломъ, относительно, размѣрѣ, а падали, главнымъ образомъ, на доходы отъ разработки каменныхъ породъ на строенія или на известь, отъ отдачи въ аренду пастбищъ или луговъ, за сборъ лѣсныхъ плодовъ и т. п. Лѣсъ строительный и молодой по Ейскому лѣсничеству тщательно охранялся и лѣсничему поручены были таксаціонныя и топографическія работы въ цѣляхъ лучшей постановки лѣсного дѣла, т. е. работы меліораціоннаго характера. Съ увеличеніемъ доходовъ отъ лѣса, они не передавались въ кассы станицъ, чего добивались нѣкоторыя станицы, а оставались въ правленіи, и эти суммы расходовались на разныя общественныя нужды и, прежде всего, на

народное образованіе, а по Таманскому отдѣлу казаки пробовали оборудовать, вмѣстѣ съ лѣснымъ дѣломъ, курортъ съ минеральными водами, чего не встрѣчалось ни въ одномъ земствѣ обширной Россіи.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ роста доходовъ, лѣсные казачьи органы приближались къ типу земскихъ, со своеобразной окраской казачьихъ особенностей. Никакихъ законовъ высшее въ государствѣ правительство для руководства казакамъ въ ихъ явочныхъ земскихъ учрежденіяхъ не давало. Законами служили для нихъ собственныя постановленія ежегодныхъ собраній изъ уполномоченныхъ отъ станицъ, и никакимъ земскимъ положеніемъ отъ правительства ни собранія, ни ихъ исполнительные органы — правленія — не пользовались; были лишь свои, записанныя въ книги, постановленія.

Такъ слагалось казачье творчество у черноморцевъ, которые, если не позволялъ имъ прямой законъ, то они его дополняли по своему. Не позволяло имъ высшее правительство соорудить желѣзную дорогу на принципѣ постройки и управленія ею на капиталы станичныхъ обществъ, въ виду прямого противорѣчія такого предпріятія съ акціонерными законами; тогда черноморцы перевернули этотъ законъ ногами вверхъ, а головой внизъ, распредѣливши эту голову, въ формѣ желѣзнодорожныхъ акцій, по станичнымъ обществамъ на ихъ капиталы, съ запрещеніемъ передавать акціи въ частныя руки изъ обществъ, и создали, такимъ образомъ, огромное предпріятіе — Черноморско - Кубанскую желѣзную дорогу, отъ донскихъ степей и до морей, какъ предпріятіе станичныхъ обществъ, съ ихъ стариннымъ запорожскимъ укладомъ: и тутъ директорами хозяевами дороги оказались избранныя изъ среды уполномоченныхъ отъ станицъ лица на собраніяхъ уполномоченныхъ. Но даже это грандіозное предпріятіе не имѣло для массы казачьяго населенія такого культурнаго значенія, какое сулили ему скромныя казачьи земскія учрежденія, возникшія явочнымъ порядкомъ, помимо законодательства и безъ всякаго контроля высшей правительственной власти. По-истинѣ, можно сказать, высшее Россійское правительство проворонило нарожденіе на Кубани земства, котораго оно упорно не хотѣло дать казакамъ, видя въ немъ революцію, а казаки перевернули эту революцію на эволюцію.

Дальнѣйшее непосредственное мое участіе въ общеказачьемъ дѣлѣ было связано со второю Государственною Думою, въ которую я попалъ членомъ отъ Кубанскаго Войска. Здѣсь я сразу задумалъ образовать казачью фракцію, памятуя то, что я видѣлъ въ жизни казаковъ разныхъ Войскъ и о чемъ отчасти упомянуто выше. Дѣло пошло быстро и легко, какъ этому, казалось, и слѣдовало быть у казаковъ. Наибольше членовъ въ Думу дали Донскіе казаки — Воронковъ, Ушаковъ, Харламовъ и др., отъ Кубани было два — я и Бардижъ, отъ Терцевъ покойный М. А. Карауловъ, отъ остальныхъ Войскъ по одному депутату, вообще во фракцію вошли всѣ казачьи депутаты; предсѣдателемъ фракціи казаки выбрали меня. Но такъ свѣжеиспеченная организація ничѣмъ особеннымъ не заявила себя. На это вліяли троякаго рода причины: неподготовленность образованія фракціи на мѣстахъ, въ самихъ Войскахъ, распорошеніе казачьихъ депутатовъ по разнымъ политическимъ партіямъ, такъ какъ самостоятельной политической казачьей партіи не было ни въ одномъ казачьемъ Войскѣ, и огромная масса, въ связи съ этими двумя причинами, общей думской работы. При этихъ условіяхъ, всѣ члены фракціи попали въ просакъ — не завели своей почты для сношенія съ избирателями. Не помню, какъ у другихъ членовъ, но у меня перехватывалась вся переписка съ Кубанью. Такимъ образомъ, члены казачьей фракціи и тѣмъ, что организовали фракцію внѣ Войскъ, и правительственными агентами были, такъ сказать, отплетены отъ своихъ казачьихъ Войскъ. Правительство или, можетъ быть, самъ Столыпинъ, почуяли въ казачьей фракціи опасный элементъ, какъ только выявилась оппозиціонная физіономія нашей фракціи. Въ этомъ меня убѣдилъ казакъ со стороны.

Однажды ко мнѣ на квартиру явился рослый красивый джентельменъ, въ которомъ я угадалъ по внѣшнимъ пріемамъ браваго казака. Это былъ дѣйствительно урядникъ одной изъ станицъ на Кубани. Онъ разсказалъ мнѣ, что онъ гвардеецъ и служилъ въ конвоѣ Его Величества и что по окончаніи службы его сильно уговаривали остаться еще на этой службѣ и служить при царскомъ дворѣ, но онъ отказался, такъ какъ читалъ книжки и видѣлъ справедливыхъ людей, которые ему объяснили, что значитъ служить царю съ министрами и служить народу. «Мы, казаки, — заявилъ мнѣ мой неожиданный гость, — знаемъ васъ, и я

пришелъ къ вамъ, какъ къ отцу или духовнику. Скажите мнѣ прямо, что правильно ли я поступилъ?». Не зная, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я отвѣтилъ ему въ томъ смыслѣ, что разъ онъ дѣйствовалъ по нравственнымъ побужденіямъ и связанными съ ними убѣжденіями, то правильно. Тогда урядникъ сказалъ мнѣ, что онъ измѣнилъ прежнее свое рѣшеніе и остался на службѣ въ Петербургѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ въ отдѣленіи, вѣдающемъ сыскомъ, и добился того, что теперь знаетъ, кто и за кѣмъ приставленъ слѣдить, почему и пришелъ ко мнѣ, чтобы передать мнѣ, кто за мною слѣдитъ и кто за моимъ товарищемъ и сожителемъ Бардижемъ. Въ это время мы стояли оба на третьемъ этажѣ дома, гдѣ помѣщалась квартира, и смотрѣли на противоположную сторону улицы. «Вонъ, вонъ, — тотъ высокій, онъ за вами слѣдитъ», — сказалъ мой гость и указалъ мнѣ на фигуру, стоявшую подъ воротами противоположнаго дома, противъ оконъ моей квартиры, и подробно описалъ примѣты фигуры, пріемы слѣжки и пр. Къ Бардижу приставленъ былъ другой наблюдатель, ростомъ далеко меньшій, а за мною даже два. Всѣ сообщенныя мнѣ свѣдѣнія мы провѣрили и прекрасно знали нашихъ наблюдателей, которые слѣдовали за нами буквально по пятамъ. Я серьезнаго значенія не придавалъ этой комедіи, но понялъ, что она относилась ко мнѣ, какъ къ предсѣдателю фракціи и что, слѣдовательно, фракціи придается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ значеніе. Говорилъ я по этому поводу съ товарищами, но дальше разговоровъ дѣло не пошло.

Болѣе существеннымъ препятствіемъ нашей малопродуктивной дѣятельности служило то обстоятельство, что мы были, съ одной стороны, казаки, а, съ другой, разнопартійцы. При новизнѣ партіи, полномъ отсутствіи матеріальныхъ средствъ, недостаточности свѣдѣній объ отношеніи казачьяго населенія къ Думѣ, о возможности заложить ядро фракціи въ каждомъ Войскѣ на мѣстахъ и т. п., члены фракціи, такъ сказать, были какъ бы приклеены къ своимъ партіямъ, въ однихъ случаяхъ, а въ другихъ замѣчался несомнѣнный индифферентизмъ. Связи членовъ съ политическими партіями явно отнимали время по фракціонной работѣ. Мой товарищъ буквально пропадалъ у кадетовъ. Я тоже тамъ бывалъ по прежнимъ близкимъ связямъ со многими членами, когда мы съѣзжались въ Мо-

скву изъ разныхъ мѣстъ Россіи по вопросу о конституціи и собирались на нелегальныя засѣданія въ частныхъ квартирахъ, какъ напр., у князей П. и П. Долгоруковыхъ. А, главное, вхожденіе казака въ ту или другую политическую партію путало работу его въ собственной фракціи и иногда ставило его въ фальшивое положеніе.

Самъ я попалъ въ такое двусмысленное положеніе. Состоя въ партіи народныхъ соціалистовъ, я исправно посѣщалъ засѣданія партіи и, пока баллотировка постановленій Думы програмно согласовалась въ казачьей фракціи и въ партіи народныхъ соціалистовъ, взаимоотношенія у казака члена своей фракціи и казака народнаго соціалиста были прекрасныя и шли, какъ по маслу; но въ одномъ случаѣ я очутился, что называется, между двумя стульями: — какъ казачій депутатъ, я долженъ былъ голосовать за постановленіе, какъ требовалъ того данный мнѣ казаками избирателями писанный наказъ, а, какъ народный соціалистъ — противъ постановленія, въ силу партійной тактики. Я заявилъ въ партіи, что мнѣ предстоитъ одно изъ двухъ: баллотировать по казачьему наказу, и тогда я долженъ выбыть изъ состава партіи народныхъ соціалистовъ, или же вмѣстѣ съ народными соціалистами, но тогда я долженъ сложить свои депутатскія полномочія, отправиться на Кубань и возвратить избирателямъ ихъ мандатъ, въ силу даннаго мнѣ казаками наказа. Партія рѣшила, что я буду баллотировать, какъ казакъ, но останусь въ партіи. Въ газетахъ, разумѣется, раздѣлали меня подъ корешокъ за несогласованность моихъ дѣйствій съ партіею, и впослѣдствіи кто-то напечаталъ въ дополнительномъ томѣ «Словаря Брокгауза и Ефрона» о таковомъ моемъ поступкѣ въ дополненіе къ довольно лестной для меня біографіи въ основномъ томѣ словаря. Я не далъ разъясненія въ газетахъ по простому соображенію, чтобы не давать картъ въ руки тѣхъ, кто приставилъ ко мнѣ двухъ наблюдателей, тѣмъ болѣе, что въ массѣ кубанскихъ казаковъ началась около того времени мѣна идеологіи о правящихъ сферахъ въ духѣ идеологіи урупцевъ.

Я отмѣчу характеръ этой мѣны. Имѣя близкое соприносновеніе съ народомъ во всю свою жизнь, я всегда съ интересомъ слѣдилъ за легендами въ народной массѣ на тему объ идеализаціи царской власти. За годъ или два до конституціи мнѣ сообщилъ одинъ изъ моихъ сотрудниковъ

(М. А. Дикаревъ) легенду, циркулировавшую между великороссами Воронежской губерніи о томъ, что «царь то нашъ батюшка разошелся съ дворянами и подѣлилъ землю между всѣми поровну, и самъ себѣ, сердечный, и своимъ сродственникамъ назначилъ только по четыре десятинки на душу». Крестьяне ожидали «распоряженій» въ этомъ духѣ. Но уже послѣ первой Думы такія легенды, какъ метлой, были сметены изъ обращенія. Крестьяне стали ждать разверстанія земли отъ Думы. У казаковъ подобныхъ легендъ не было, такъ какъ земли на своихъ территоріяхъ они считали «своими» и по своему желали распоряжаться; но казаки, какъ демократы, косо глядя на «офицерское сословіе», какъ дворянъ, получившихъ землю въ частную собственность, считались съ министрами у царя, какъ необходимыми агентами въ государственной машинѣ. Когда же была «разогнана» вторая Дума и, въ томъ числѣ, казачьи депутаты, то у казаковъ измѣнилась идеологія въ томъ смыслѣ, что царь опирается на дворянъ и пошелъ противъ народа, изгоняя изъ Думы избранныхъ имъ представителей. Я не привожу здѣсь казачьей легенды по этому поводу на Кубани, въ виду значительнаго объема ея въ изложеніи, но отмѣчу, что «разгоны» министрами Государственной Думы болѣе всего вредили самимъ министрамъ и расшатывали царскую власть. Самомнящіе министры никакъ не могли взять въ толкъ, что слову думскаго депутата, какъ народнаго избранника, народъ придавалъ больше вѣры, чѣмъ книжкамъ, газетамъ и устной рѣчи, и что ни одинъ способъ пропаганды не давалъ такого быстраго распространенія въ массѣ представленій о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, какъ правдивое слово «изгнаннаго» изъ Думы депутата, которому народъ безусловно довѣрялъ.

Все это окончательно меня убѣдило въ томъ, что организацію казачьей фракціи въ Думѣ надо начать съ массы избирателей, выработать опредѣленную казачью программу, пропитанную важнѣйшими интересами казачества, на основѣ общечеловѣческихъ идеаловъ и, сообразно съ этой программой, производить выборы депутатовъ въ Думу. Я видѣлъ ясно, что эволюціонно, такъ, какъ исторически слагалась жизнь казачьей массы, подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ и гражданскаго строительства, казаки всѣхъ казачьихъ Войскъ близки между собою. Войну и военное дѣло не только передовики, но уже и рядовая масса казаковъ пони-

мала, какъ средство защиты родины и борьбы съ ея врагомъ, и отрицательно относились къ примѣненію военнаго казачьяго дѣла къ расправамъ съ мирнымъ гражданскимъ населеніемъ. Но въ гражданскомъ строительствѣ казачье населеніе стояло выше массъ населенія неказачьяго. Казаки были не только демократичны, какъ демократичны вообще народныя массы по духу и по стихійнымъ побужденіямъ, но у нихъ былъ свой казачій реальный демократизмъ въ казачьихъ порядкахъ по самоуправленію и экономическому укладу, свое гражданское строительство, отчасти приноровленное и къ военному укладу. Но гражданскій бытъ, пропитанный демократическими началами, былъ, разумѣется, высшимъ властямъ не по душѣ; онъ окупался для этой власти военною службою казака, который, служа по военному, брыкался по граждански, отстаивая свои гражданскія права при нажимахъ центральной власти.

И вотъ, при такой близости казачьихъ Войскъ, имъ не доставало единства, какъ на верхахъ, въ придержащей власти, такъ даже въ интеллигенціи. Казачьи придержащія власти ходили въ исторической упряжи централистическаго правительства и, въ видѣ поддержки этой запряжки, даже главный казачій коренникъ — казачій атаманъ на верхахъ, впрягался высшими властями иногда въ казачій экипажъ изъ чужихъ казачьей средѣ особъ. Казачья же интеллигенція ни въ одномъ казачьемъ Войскѣ не имѣла своей казачьей партіи, вродѣ партіи эсеровской или эсдековской, а пользовалась политическимъ варевомъ изъ генетически чуждыхъ ей котловъ, и часто забывала, что на свѣтѣ существуетъ еще большій котелъ въ видѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, осуществляемыхъ реально въ разной степени передовыми культурными народами, и что собственно для политическаго варева въ казачьемъ котлѣ существуютъ прекрасные пищевые матеріалы, выработанные исторически казачьею массою населенія. Значительно позже мнѣ пришлось нѣсколько провѣрить, мои, скажу, тогдашнія впечатлѣнія.

Это былъ извѣстный Московскій Съѣздъ членовъ Государственныхъ Думъ, Государственнаго Совѣта и др. государственныхъ учрежденій. Я попалъ на этотъ съѣздъ вмѣстѣ съ представителями съ Кубани и, къ моему удовольствію, попалъ въ казачью среду, состоявшую изъ многихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, которыми я интересовался.

Вниманіе мое сразу же было приковано симпатичною фигурою генерала А. М. Каледина, скромнаго по своей внѣшности и одухотвореннаго казака. Я въ первый разъ видѣлъ Каледина и даже мало слышалъ о немъ, но короткій обмѣнъ съ нимъ мыслями и пренія въ нашихъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ теченіе трехъ сутокъ въ общемъ казачьемъ помѣщеніи, привели меня къ заключенію, что во многомъ я единомышленникъ съ этимъ обаятельнымъ генераломъ казакомъ. Весь ходъ участія въ съѣздѣ насъ, казаковъ, укрѣпилъ меня, какъ въ этомъ частномъ, такъ и въ общемъ убѣжденіи о томъ, что могутъ же сходиться и объединяться между собою не только казаки изъ профессіонально интеллигентной среды, но и казаки изъ среды придержащей власти. Въ этомъ убѣждала меня и совмѣстная работа съ другимъ представителемъ придержащихъ властей — съ оренбургскимъ казакомъ А. И. Дутовымъ.

Дѣло въ томъ, что для составленія казачьей деклараціи, которую читалъ А. М. Калединъ на общемъ засѣданіи Съѣзда, казачье собраніе избрало трехъ лицъ: двухъ кубанцевъ — меня и И. Л. Макаренко и, — не помню хорошо, — кто былъ третьимъ (если не А. И. Дутовъ); но сводку и окончательную редакцію деклараціи Собраніе поручило мнѣ и Дутову. Такимъ образомъ, я имѣлъ полную возможность ознакомиться и оцѣнить казачью идеологію, какъ въ сужденіяхъ всѣхъ вообще представителей казачества на общихъ собраніяхъ, такъ и ближе воззрѣнія А. И. Дутова и отчасти А. М. Каледина, такъ какъ послѣ почти безсонной ночи онъ успѣлъ познакомиться съ нашею съ Дутовымъ сводкою и внести свою долю поправокъ въ нее. Объ этомъ, да и вообще о взаимоотношеніяхъ казаковъ въ той обстановкѣ остались у меня свѣтлыя воспоминанія. Наши засѣданія и принятіе казачьей деклараціи прошли оживленно и дружно. Только въ самомъ концѣ нашей общей работы неожиданно повисло въ залѣ засѣданія маленькое облачко: кто-то изъ донцовъ желалъ прочесть на съѣздѣ декларацію вмѣсто Каледина въ силу того соображенія, что у него былъ громкій голосъ, а у Каледина голосъ тихій. Я рѣшительно запротестовалъ противъ этого, и когда одинъ изъ сторонниковъ этой диверсіи сталъ убѣждать меня въ необходимости этого, то я возразилъ, что для прочтенія деклараціи на съѣздѣ требуется не протодіаконъ казакъ, а лицо извѣстное вообще, и той публикѣ, которая будетъ слушать,

въ особенности; такимъ лицомъ былъ у насъ одинъ А. М. Калединъ. [1]). Но и безъ того инцидентъ былъ быстро исчерпанъ, облачко разсѣялось, чтеніе деклараціи единогласно было поручено Каледину, и мы, казаки, разъѣхались изъ Съѣзда дружною казачьей семьей.

Это казалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ. Факты были налицо. При первомъ наступленіи революціонной бури, казаки сумѣли стать крѣпко ногами на казачью демократическую почву. Революція у казаковъ совпала съ эволюціей. Давно жданные порядки и укладъ — казачьи выборные народомъ Рады или Круги, какъ высшій органъ демократическаго режима, выборный Радою и отвѣтственный передъ нею Войсковой Атаманъ, какъ глава исполнительныхъ органовъ и управленія, своя казачья территорія, свои земли и естественныя богатства, свое самоуправленіе, своя администрація, свой судъ, и свободная работа въ дѣлѣ просвѣщенія, культурныхъ и этическихъ достиженій — все это, — а многое изъ него было уже въ эмбріонахъ, — шло теперь широкимъ потокомъ на встрѣчу казачьей демократической жизни въ лучшихъ ея проявленіяхъ и тѣсно соприкасалось съ ними.

Вотъ почему такъ безболѣзненно и легко произошелъ у казаковъ переходъ, при политическомъ крахѣ самодержавныхъ устоевъ, къ реальному творчеству казачества. Безъ натяжки можно сказать, что каждый казакъ и каждая казачка знали и понимали, что такое выборный атаманъ и выборная казачья организація на низахъ, а верхи построены были по этому же типу и не принудительно, не извнѣ навязаны были, а созидались своими выборными лучшими людьми. Я стоялъ въ этотъ интереснѣйшій моментъ очень близко къ Кубанскому казачеству и въ достаточной близости для наблюденія къ казачеству Донскому, и могу сказать: ни въ одной части внутренней Россіи не было въ

---

[1]) Примѣчаніе Редакціи:

Считаемъ долгомъ внести фактическую поправку и оговорить здѣсь ускользнувшую изъ памяти почтеннаго автора подробность, связанную съ попыткой делегаціи Донского Войска на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, въ полномъ ея составѣ, удержать А. М. Каледина отъ личнаго выступленія съ деклараціей казачества. Мотивы были, конечно, другіе. Чѣмъ была вызвана эта неудавшаяся попытка донцовъ уберечь своего Атамана — подробно разсказано на стр. 23 и 24 перваго тома «Донской Лѣтописи». Тамъ же описано и вообще все участіе казаковъ въ Государственномъ Совѣщаніи.

неказачьемъ населенiи ничего подобнаго, что совершилось въ этихъ двухъ казачьихъ Войскахъ. Можно Донъ и Кубань упрекать въ казачьемъ самостiйничествѣ, можно критиковать и находить несовершеннымъ ихъ гражданско-государственное строительство, но нельзя доказать, что его не было или что оно кѣмъ-то навязано казакамъ, а не было самостоятельнымъ ихъ дѣломъ. Все это, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ передъ тѣмъ, я видѣлъ и наблюдалъ въ мелочахъ, въ зародышевыхъ и переходныхъ формахъ на демократическихъ низахъ казачьей жизни разныхъ Войскъ, въ первой Кубанской Радѣ 1906 г., въ казачьей фракцiи Второй Государственной Думы, на Московскомъ Съѣздѣ государственныхъ дѣятелей въ тѣсномъ кружкѣ казаковъ и вообще въ казачьей жизни, и все это связано въ моей головѣ, какъ историка и соцiолога, единою непрерывною исторической нитью.

И, ставя на этомъ точку, мнѣ невольно приходитъ въ голову мысль сформулированiя для разрѣшенiя каждымъ казакомъ двухъ слѣдующихъ вопросовъ:

Подлежатъ ли казаки, при возвращенiи на свою родину, отвѣтственности за дѣянiя и поступки, которые шли въ разрѣзъ съ казачьими демократическими интересами родины, какъ историческимъ наслѣдiемъ?

Рухнуло ли окончательно и сметено съ лица земли это наслѣдiе, или же существованiе казачества продолжится въ направленiи и связи съ историческимъ шествiемъ и эволюцiоннымъ продвиженiемъ казачества по пути культуры и творчества въ лучшихъ общечеловѣческихъ формахъ? . .

Копія съ копіи.

ГРАМОТА РОССІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

КАЗАЧЬИМЪ ВОЙСКАМЪ

Россійское казачество, всегда служившее твердой опорой государственности, своею грудью, на протяженіи многовѣковой исторіи нашего отечества, самоотверженно прокладывало дорогу къ расширенію границъ государства и крѣпко защищало эти границы отъ внѣшнихъ враговъ, ограждая тѣмъ возможность народу Русскому устраивать и развивать свою государственную жизнь.

Выдвигая кордоны и заставы, присоединяя цѣлыя области, казаки совершали побѣдоносное шествіе Россійской государственности, обагряя кровью своею вновь завоеванные предѣлы. Устремляясь по степямъ Европейской Россіи на югъ, къ теплымъ морямъ, Черному и Каспійскому, пробиваясь по непроходимымъ дебрямъ Урала, Сибири, Кавказа и знойнымъ степямъ Туркестана, казаки содѣйствовали расширенію предѣловъ отечества до его естественныхъ границъ — Балтійскаго, Чернаго морей и береговъ Тихаго и Ледовитаго океана.

На путяхъ историческаго развитія нашего государства казаки всегда безстрашно принимали удары многочисленныхъ враговъ, творя великое дѣло собиранія и обереганія земли Русской.

Нынѣ, въ тяжелую годину небывалой въ лѣтописяхъ исторіи государства Россійскаго смуты, казаки, оставшіеся вѣрными завѣтамъ своихъ предковъ, со всею силою патріотическаго порыва, съ полнымъ сознаніемъ своего національнаго долга передъ тяжело страдающей Родиной, въ первыхъ рядахъ ведутъ безпрерывную борьбу съ разрушителями Русскаго государственнаго дѣла — большевиками за возсозданіе единой великой Россіи.

Въ постоянной борьбѣ съ внѣшними врагами казачество выработало и закалило въ себѣ духъ подлинной демократіи и сумѣло сочетать во внутреннемъ устройствѣ своего быта и войсковой жизни начала само-

управленія съ идеей дѣйствительнаго служенія государственности и общему благу народному.

Нынѣ Россійское Правительство подтверждаетъ, что оно считаетъ незыблемыми всѣ правовыя особенности земельнаго быта казаковъ, образа ихъ служенія, уклада жизни и управленія военнаго и гражданскаго, слагавшихся вѣками, видя въ нихъ прочный залогъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія боевой мощи казачества на пользу всей страны.

Россійское Правительство, въ полномъ соотвѣтствіи съ современнымъ правосознаніемъ казачества, торжественно заявляетъ, что ближайшей его задачей будетъ изданіе закона, гарантирующаго:

1). Сохраненіе установившихся на земляхъ казачьихъ войскъ основъ войскового самоуправленія, заключающихся въ правѣ выбора Войсковыхъ Круговъ, Войсковыхъ Атамановъ, Войсковыхъ Правленій и самостоятельнаго въ предѣлахъ закона рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни и управленія.

2). Неприкосновенность занимаемыхъ казачьими войсками земель и правъ ихъ на владѣніе и распоряженіе этими землями.

Россійское Правительство вѣритъ, что всегда преданное Родинѣ и началамъ государственности казачество, сомкнувъ свои ряды, общими дружными усиліями всего народа Русскаго свергнетъ иго большевицкаго самовластія и освободитъ сердце Россіи — Москву для продолженія строительства Великой, свободной и недѣлимой Россіи.

Дана въ городѣ Омскѣ, Мая «1» дня 1919 года.

Верховный Правитель, Адміралъ **Колчакъ.**
Предсѣдатель Совѣта Министровъ **Петръ Вологодскій.**
Военный Министръ, Генералъ-маіоръ **Степановъ.**
Членъ Совѣта Министровъ **Г. Гинсъ.**
Министръ Финансовъ **И. Михайловъ.**
За Министра Юстиціи **Морозовъ.**
Министръ Земледѣлія **Н. Петровъ.**
За Министра Народнаго Просвѣщенія **П. Преображенскій.**
Государственный Контролеръ **Г. Красновъ.**
Временно Управляющій Морскимъ Министерствомъ Контръ-Адміралъ **Ковалевскій.**
Временно Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ **Пепеляевъ.**
Управляющій Министерствомъ Труда **Л. Шумиловскій.**
Временно Управляющій Министрествомъ Путей Сообщенія **Степаненко.**
Временно Управляющій Министерствомъ Торговли и Промышленности **Томашевскій.**
Временно Управляющій министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ **Сукинъ.**
Временно Управляющій Министерствомъ Снабженія и Продовольствія **Неклютинъ.**
Управляющій Дѣлами Верховнаго Правителя и Совѣта Министровъ **Г. Тельбергъ.**

Копія снята и завѣрена въ Штабѣ Походнаго Атамана въ г. Читѣ, въ 1920 г. Переснята — въ Штабѣ Сибирскаго казачьяго Войска въ г. Владивостокѣ, въ 1922 г.

Съ копіями вѣрно: Полковникъ **Грызовъ.**

2-го марта 1928 г. г. Харбинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE
D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE
— MENILMONTANT, PARIS 20e. —

LUX
LIBERTAS

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Издательство и Книжный Магазинъ Я. Е. ПОВОЛОЦКАГО и Ко
13, Rue Bonaparte, Paris (VIe)